

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ГРЕЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ

1821

ГОД

В ИСТОРИИ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

К 200-летию начала греческой
национально-освободительной
революции

МОСКВА

2022

УДК 93/94
ББК 63.3(4Гре)
Т93

АВТОРЫ:

*А.К. Александрова, М. Антон, Р.Б. Бутова, Л.А. Герд, А. Диалла,
А.Г. Зоитакис, В. Каридис, Ю.Т. Константинова, Я.Д. Котцонис,
А.С. Лубоцкая, Т.В. Никитина, О.Е. Петрунина, И.Ю. Смирнова,
Ар.А. Улунян, М.М. Фролова, Т. Янници*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О.Е. Петрунина (отв. редактор), А.К. Александрова, Т. Янници

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук *Т.В. Волокитина*
кандидат исторических наук *Ю.Д. Квашнин*

РЕДАКТОРЫ-КОРРЕКТОРЫ:

Е.В. Дейкина, Т.К. Дейкина

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Т93 **1821 год в истории балканских народов (к 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции) / Отв. ред. О.Е. Петрунина. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 308 с.: ил.**

ISBN 978-5-7576-0469-5

DOI 10.31168/0469-5

Коллективная монография подготовлена сотрудниками Института славяноведения РАН и других научных и образовательных учреждений России, Болгарии, Греции, Румынии, США на основе материалов научной конференции, посвященной двухсотлетию начала революции 1821 г. и прошедшей в Москве 25–26 марта 2021 г. Вошедшие в монографию очерки охватывают различные аспекты истории самой революции, а также ее наследия и воздействия на международные, межэтнические и церковно-дипломатические отношения в регионе.

Издание рассчитано на ученых-историков, преподавателей и широкий круг читателей, интересующихся историей народов Балканского полуострова, международных отношений, внешней политики, а также историей Церкви и национально-государственного строительства.

УДК 93/94
ББК 63.3(4Гре)

ISBN 978-5-7576-0469-5
DOI 10.31168/0469-5

© Коллектив авторов, текст, 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022
© Дизайн обложки, П.К. Донской, 2022
© Оформление, ООО «ПОЛИМЕДИА», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть 1.

«ВОЙНА НАЦИОНАЛЬНАЯ, ВОЙНА СВЯЩЕННАЯ»

глава 1.

Россия, Греция и историческое наследие Республики Семи соединенных островов (<i>Я.Д. Котцонис</i>)	13
---	----

глава 2.

Революционные князья на полях сражений греческой войны за независимость (<i>А. Диалла</i>)	26
---	----

глава 3.

Молдаво-валашская эпопея А. Ипсиланти в отражении итальянских новостных изданий Королевства обеих Сицилий и Сардинского королевства (первая половина 1821 г.) (<i>Ар.А. Улунян</i>)	39
--	----

глава 4.

Александр Ипсиланти и восстание греков в Дунайских княжествах в 1821 г.: взгляд через 200 лет (<i>В. Каридис</i>)	70
---	----

глава 5.

Церковь и греческое национально- освободительное движение (<i>А.Г. Зоитакис</i>)	89
---	----

глава 6.

Национально-освободительная борьба греческого народа глазами русских путешественников и в зеркале русской поэзии. До, во время и после 1821 г. (<i>Т. Янничи</i>)	100
--	-----

Часть 2.

«ПАМЯТНИК С ЛИЦОМ, ОБРАЩЕННЫМ В БУДУЩЕЕ»

глава 7.

Идеологема революции 1821 года в общественно-политической жизни Греции (<i>О.Е. Петрунина</i>) ..	113
--	-----

глава 8.

Афонский вопрос в контексте европейской дипломатии (вторая четверть XIX в.) (<i>И.Ю. Смирнова</i>)	123
---	-----

глава 9.

Крымская война: русский взгляд из Афин (*Р.Б. Бутова*) 143

глава 10.

Греческое население Балкан в воспоминаниях
русских офицеров и священников — участников
русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (*М.М. Фролова*) 164

глава 11.

Греки или болгары? Переплетение идентичностей
в Салониках (60–70-е гг. XIX в.) (*Ю.Т. Константинова*) 184

глава 12.

Отношения Румынской православной церкви
с Константинопольским патриархатом в 1860–1880-е гг.
(*М. Антон*) 203

глава 13.

На пути к церковной независимости:
«мирные революции» на Балканах и Ближнем Востоке
в XIX — начале XX в. (*Л.А. Герд*) 215

глава 14.

Греческая революция 1821 г. и ее значение
для национально-освободительного движения греков
в османских землях в начале XX в. (*Т.В. Никитина*) 227

глава 15.

200 лет спустя:
греческая революция глазами потомков (*А.С. Лубоцкая*) 245

глава 16.

Апелляции к революции 1821 г. в период финансово-
экономического кризиса в Греции (*А.К. Александрова*) 255

Заключение (*О.Е. Петрунина*) 274

Резюме глав 278

Chapter abstracts 288

Сведения об авторах 297

About the Authors 300

Summary 303

CONTENTS

Preface	7
---------------	---

Part 1.

«NATIONAL WAR, SACRED WAR»

CHAPTER 1.

Russia, Greece, and the Historical Legacy of the Septinsular Republic (<i>Y. Kotsonis</i>)	13
---	----

CHAPTER 2.

Revolutionary Princes in the Battlefields of the Greek Independence War: Demetrios Ypsilantis (<i>A. Diallya</i>) ...	26
--	----

CHAPTER 3.

A. Ipsilanti's Moldavo-Wallachian Saga in Newspapers of the Kingdom of the Two Sicilies and the Sardinian Kingdom (First Half of 1821) (<i>Ar.A. Ulunyan</i>)	39
---	----

CHAPTER 4.

Alexandros Ypsilantis and the Greek Insurrection in the Danubian Principalities in 1821: A Bicentenary Reappraisal (<i>V. Karidis</i>)	70
--	----

CHAPTER 5.

Church and the Greek National Liberation Movement (<i>A.G. Zoitakis</i>) ..	89
---	----

CHAPTER 6.

Greek Struggle for National Liberation in the Perception of Russian Travelers and in Russian Poetry. Before, During and After 1821 (<i>Th. Giannitsi</i>)	100
---	-----

Part 2.

«A MONUMENT FACING THE FUTURE»

CHAPTER 7.

The Ideologeme of the Revolution of 1821 in the Social and Political Life of Greece (<i>O.E. Petrunina</i>)	113
--	-----

CHAPTER 8.

The Athos Question in the Context of European Diplomacy in the Second Quarter of the 19th Century (<i>I.Yu. Smirnova</i>)	123
--	-----

CHAPTER 9.

The Crimean War: A Russian View from Athens (*R.B. Butova*) 143

CHAPTER 10.

The Greek Population of the Balkans
in the Memoirs of Russian Officers and Priests,
Participants of the Russo-Turkish War of 1877–1878 (*M.M. Frolova*) . . 164

CHAPTER 11.

Greeks or Bulgarians? Intertwined Identities
in Salonica (1860s – 1870s) (*Yu.T. Konstantinova*) 184

CHAPTER 12.

Relations between Romanian Orthodox Church
and Patriarchate of Constantinople in 1860–1880 (*M. Anton*) 203

CHAPTER 13.

On the Way to Church Independence:
“Peaceful Revolutions” in the Balkans and Middle East
in the 19th and Beginning of the 20th Century (*L.A. Gerd*) 215

CHAPTER 14.

The Greek Revolution of 1821 and Its Significance
for the National Liberation Movement of the Greeks
in the Ottoman Lands at the Beginning of the 20th Century
(*T.V. Nikitina*) 227

CHAPTER 15.

200 Years Ago:
Greek Revolution Today. Descendants’ views (*A.S. Lubotskaya*) 245

CHAPTER 16.

Appeals to the Revolution of 1821 During the Financial
and Economic Crisis in Greece (*A.K. Aleksandrova*) 255

Conclusion (*O.E. Petrunina*) 274

Chapter abstracts 288

About the Authors 300

Summary 303

ПРЕДИСЛОВИЕ

Греческая революция 1821 г., двухсотлетие которой недавно отмечалось, стоит особняком в ряду европейских революций начала 20-х гг. XIX в.: она единственная добилась успеха. Появившееся в результате национальное греческое государство стало первым независимым государством, образовавшимся из бывших балканских владений Османов. Растянувшись на десятилетие, греческая революция стала связующим звеном между революционными движениями 20-х и 30-х гг. Она дала мощный стимул процессам национального возрождения на Балканах, нашла отклик по всей Европе и за океаном в виде филэллинского движения, содействовала пробуждению национальных чувств у народов Ближнего Востока.

Двухсотлетие революции стало одной из центральных тем Перекрестного года истории России и Греции, прошедшего в 2021 г. Его открывал состоявшийся 25–26 марта в Москве двусторонний Форум общественной дипломатии, большие усилия по организации которого приложили сотрудники Института славяноведения РАН и Греческий культурный центр в Москве. В рамках Форума прошла посвященная революции международная конференция. Несколько из прозвучавших на ней докладов легли в основу данной коллективной монографии, затем к участию в ее написании присоединились и другие исследователи. Так сформировался международный коллектив специалистов, работающих на переднем крае современной балканистики. Состав авторского коллектива отчасти предопределил и концепцию книги.

В первой ее части мы решили представить современные подходы к изучению истории собственно революции. Прологом к появлению независимой Греции стал первый опыт новогреческой государственности — Республика Семи соединенных островов, с анализа наследия которой начинается книга. Отдельная глава посвящена транснациональному измерению революции, рассмотренному на примере известной греко-российской семьи Ипсиланти. Особое внимание исследователей привлекает начальный этап греческой революции —

восстание в Дунайских княжествах под руководством Александра Ипсиланти. В книге представлены не только современные представления о ходе восстания, но и реакция на него зарубежной прессы, во многом определявшей общественное мнение в странах Европы. Представления русского общества о национально-освободительной борьбе греков прослежены по российской литературе путешествий и поэзии того времени. Еще один важный вопрос, поднимаемый в книге, — отношение Церкви и духовенства к революции.

Вторая часть коллективной монографии имеет более широкий географический и хронологический охват и посвящена наследию революции и ее влиянию на историю Балкан. Она открывается анализом революции 1821 г. как идеологемы, впоследствии занявшей прочное место в греческой национальной идеологии. Отдельные главы посвящены действиям европейской дипломатии вокруг Афона во второй четверти XIX в., а также восприятию Крымской войны и связанных с ней событий в Греции настоятелем русской посольской церкви в Афинах архимандритом Антонином (Капустинным). Это совершенно неизученные до сих пор аспекты истории балканского региона, который жил в новых реалиях, обусловленных начавшимся процессом создания национальных государств. Данный процесс сопровождался возрастанием роли национальной самоидентификации в разных сферах жизни местного населения. Исследованию этой проблематики на новых источниках посвящены главы о греческом населении Балкан в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и переплетении национальных идентичностей в Салониках в 60–70-е гг. XIX в. Развитие национальных идеологий поставило на повестку дня вопрос о создании национальных Церквей и их взаимоотношениях с Константинопольской патриархией. Эти сюжеты рассматриваются в главах об отношениях Румынской православной церкви с патриархией в 60–80-е гг. XIX в. и о церковных «мирных революциях» на Балканах и Ближнем Востоке. Отдельная глава рассказывает о воздействии наследия революции на национально-освободительное движение греков в начале XX в. Наконец, две последние главы книги касаются современности. В них анализируется восприятие восходящих к революции традиций современным греческим обществом и их использование официальной пропагандой.

Мы надеемся, что эта книга, над которой работали ведущие специалисты из разных стран, продемонстрирует читателю современный уровень научных исследований греческой революции 1821 г. и ее наследия в балканской истории, раскроет масштаб явления, под знаменем которого в значительной степени проходило последующее двухсотлетнее развитие Греции, создаст представление о степени его влияния на жизнь и самосознание народов всего балканского региона.

Редколлегия

ЧАСТЬ 1

**«ВОЙНА НАЦИОНАЛЬНАЯ,
ВОЙНА СВЯЩЕННАЯ»**

*НАША ВОЙНА С ТУРКАМИ ДАЛЕКА ОТ ТОГО,
ЧТОБЫ СТРОИТЬСЯ НА ПРИНЦИПАХ ДЕМАГОГИИ, БУНТА
И ОТСТАИВАНИЯ КОРЫСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРЕЧЕСКОЙ НАЦИИ В МИРЕ.
ЭТО ВОЙНА НАЦИОНАЛЬНАЯ, СВЯЩЕННАЯ, ВОЙНА, ЕДИНСТВЕННОЙ ЦЕЛЮ
КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАКОННОЕ ОБРЕТЕНИЕ НАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ, СОБСТВЕННОСТИ И ЧЕСТИ — ПРАВ, КОТОРЫМИ ПО ЗАКОНУ
ПОЛЬЗУЮТСЯ СОСЕДНИЕ НАРОДЫ ЕВРОПЫ И КОТОРЫЕ СИЛОЙ ПЫТАЛАСЬ
ОТНЯТЬ И ПОДАВИТЬ В НАШЕЙ ДУШЕ БЕСПРИМЕРНАЯ
ПО СВОЕЙ ЖЕСТОКОСТИ ОСМАНСКАЯ ТИРАНИЯ.*

ДЕКЛАРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ЭПИДАВРЕ,

22 ЯНВАРЯ 1822 Г.

РОССИЯ, ГРЕЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕСПУБЛИКИ СЕМИ СОЕДИНЕННЫХ ОСТРОВОВ

Россия заняла Ионические острова и осуществляла протекторат над ними в 1798–1807 гг. Это эпизод, важный как для современной Греции, так и для современной России. Для греков он известен как период Республики Семи соединенных островов (Επτάνησος Πολιτεία). Это был первый пример квазинезависимого греческого государства. Он предвосхитил характер Греческого королевства, созданного в 1830-е гг.: провозгласил первенство греческого языка и отдал предпочтение Православной церкви. Для России это было продолжением ее присутствия в Средиземном море, и этот эпизод чаще всего отмечается как победа адмирала Ф.Ф. Ушакова. Это был также первый опыт русского конституционализма: Ионические острова первыми извлекли выгоду из либерализма Александра I и его советников. И для русских, и для греков это было утверждением особой связи, основанной на общей православной вере. Эта связь была названа основой греко-российских отношений на протяжении последующих двух столетий.

В главе рассматривается данный опыт и предполагается, что все эти вопросы были важны, но в более позднее время. Во времена существования Республики Семи соединенных островов национальность оставалась расплывчатым понятием, а религия была второстепенной по отношению к российской военной стратегии. Значение Республики заключалось в другом: ее породил импульс русской политической мысли, а Ионическим островам она принесла стабильность в виде государства нового типа, навсегда покончившего со старым режимом.

* * *

Ионические острова расположены у западного побережья османских Балкан, сегодня принадлежащего Греции и Албании. Южные острова Китиру (Чериго), Закинф (Занте) и Кефалинию (Кефалонию) можно увидеть с Пелопоннеса. Северные острова Итака, Лефкада (Агия Мавра) и Пакси (Паксо) находятся напротив Эпира. Керкира (Корфу) обращена как ко греческой, так и к албанской территории. Вместе они называются Семью островами. В течение нескольких столетий до 1797 г. острова были венецианскими территориями. Мы не знаем численность населения архипелага в конце XVIII в., по имеющимся оценкам она колеблется от 100 до 200 тыс. человек. О социальной структуре известно больше. Крошечный первый класс состоял из дворян, владевших землей и монополизировавших высшие посты в местной администрации. Они могли быть католиками или православными и обычно говорили по-итальянски. Второй класс составляли все остальные — купцы, ремесленники и крестьянское большинство, — и это были в основном православные христиане, говорившие на ионическом диалекте греческого языка¹.

Острова имели стратегическое значение, поскольку находились на ключевых торговых путях. Венеция стремилась удержать их, даже когда лишилась других владений в Восточном Средиземноморье. Они являлись пунктами транзитной торговли. Османские товары, такие как мясо и зерно, кормили Ионические острова, а шерсть проходила через них на пути к рынкам в Италии и за ее пределами. Западные товары, такие как ткани и стекло, двигались в другом направлении. Ионическая продукция была небольшой, но важной для производителей: это были оливковое масло и сорт винограда, известный как стафида в регионе, как коринфский (коринка, изюм) в других странах и выращиваемый в российском Крыму как кокур (сокращение от «Коркира», т.е. Керкира)². Спрос на этот виноград был особенно высок в Британии, где он шел на рождественские пудинги и шотландские лепешки, но он также достиг Швеции и Германии. Спрос оставался стабильным, а цены высокими.

Венецианское правление над островами было не особенно угнетающим по меркам старого режима, но и не особенно полезным. Венецианские чиновники приезжали собирать налоги и кое-что сверх того. Законы, требующие от Ионических островов вести торговлю

с Венецией, регулярно игнорировались, что стимулировало рост контрабанды и пиратства на Кефалинии и Закинфе. Ионическое судоходство выросло в 1790-х гг., когда греческие купцы обосновались на Черном море, открыли конторы в новых черноморских портах России и начали возить русскую пшеницу в средиземноморские порты. Начался бум экспорта пшеницы, который сделал стольких греческих купцов богатыми. Он продолжался до середины XIX в. и позволил грекам стать настоящими лидерами в средиземноморской торговле после 1800 г.³

Немногие оплакивали конец Венеции в 1797 г., когда Франция во главе с Наполеоном Бонапартом разрушила ее. Именно тогда геостратегическое значение островов возросло. По Кампоформийскому договору Франция не требовала приращений в Италии, хотя и создавала небольшие дочерние республики. Часть территорий была передана Австрии. Вместо этого Франция аннексировала Ионические острова и превратила их во французские департаменты. Стратегические планы Наполеона включали полосу владений в Восточном Средиземноморье, включая Мальту и Египет. Ионические острова стали базой для дальнейших завоеваний, и Бонапарт обдумывал вторжение на османские Балканы, которое в конечном итоге привело бы к Индии.

Но другие державы региона были недовольны. Все были встревожены угрозой революции, которую распространяла Франция. У некоторых держав возникли особые геополитические проблемы. У османов появился потенциальный новый враг у их побережья, когда Франция заняла материковые венецианские аванпосты Эпира, став нежеланным сухопутным соседом. Великобритания увидела угрозу своей зарождавшейся торговой и военно-морской мощи в Средиземноморье. Россия стала причерноморской державой совсем недавно, с 1770-х гг., и к концу 1790-х завоевала северное побережье Черного моря. Новые войны и договоры с Османской империей подтвердили право русских кораблей проходить через проливы в Средиземное море. Русские корабли и на них русский экспорт проходили в Эгейское море и шли далее мимо Ионических островов, а эти острова с 1797 г. были заняты враждебной державой⁴. В 1798 г., в правление Павла I, Россия заключила союз с Портой, и обе державы организовали совместную военную экс-

педицию на Ионические острова. В ходе слабо скоординированной кампании Великобритании атаковала французов на Мальте и в Египте⁵.

Во время экспедиции русский адмирал Ф.Ф. Ушаков призвал православное население поддержать его. Многие так и поступили, но Ушаков стал участвовать в местной политике, которой он не понимал, а времени разобраться в ее тонкостях было немного: император Павел приказал ему отправиться в Италию для продолжения борьбы с Францией. По сути, Россия получила поддержку населения исключительно потому, что острова находились в состоянии гражданского конфликта, который только обострился после ухода Ушакова. Из Франции пришла не только армия, но и революция, которая была встречена неоднозначно. Законные сословия были упразднены, и всем было предложено юридическое равенство. Православные и евреи низкого происхождения были введены в правительство и подавляли дворянство. Католическое и православное духовенство подвергалось угрозам, а верующие — оскорблениям. Налоги теперь должны были платить все, но налогов стало больше. Франция вводила на островах современную модель управления, но делала это революционным путем, что привело к хаосу. С приближением русских и османов аристократы мобилизовали крестьян сотнями и преследовали французов и назначенных французами чиновников в городах и крепостях. Французы и их сторонники отступили с грабежами и поджогами. Региональная вражда, клановые войны и вендетты были перенесены на пристрастия к империям. Многие города и села подняли российский Андреевский флаг. Некоторые — османский полумесяц. Закинтос поднял британский Юнион Джек⁶.

Последний остров, Керкира, был взят в начале 1799 г. Османы претендовали лишь на некоторую роль в будущем управлении островами и выплату ежегодной дани. Россия должна была стать державой-покровительницей, но российский император приказал флоту уйти. Русский адмирал Ушаков попытался создать новую систему правления перед отъездом. Для того времени Ушаков был в своем роде либералом. Он полагал, что изменения, вызванные Французской революцией, нельзя полностью обратить вспять. На островах он учредил местные администрации, состоящие из ста-

рой знати, куда вошли также богатые купцы и некоторые хорошо образованные профессионалы, которые, на русский манер, получили личное дворянство, но не потомственное. Все дворяне должны были доказать, что их семьи не занимались физическим трудом на протяжении двух поколений⁷. Но уже весной-летом 1799 г. русские ушли.

Русские прибыли на острова в разгар массового движения, а оставили после себя массовые движения, переросшие в гражданскую войну. Русские помогли создать их, призвав все классы выступить против французов; а французы заложили их основу, предоставив всем жителям островов гражданские права. Дворяне развернули полномасштабное сопротивление и потребовали монополии на местную власть, как в старые добрые времена. Даже султан казался лучшей альтернативой правительству простолюдинов. Когда русские не проявили к ним сочувствия, а затем ушли, консервативные дворяне обратились к Порте. Среди руководителей реакции был Антонио-Мария Каподистрия, отец будущего министра иностранных дел России. Он отправился в Константинополь и потребовал исключительной власти для аристократии. Султан видел в ней оплот против революции и согласился на реакционную конституцию, хотя император Павел так и не дал своего согласия; ее проект затерялся в архивах МИДа, и кажется, Павел никогда его не видел.

Горожане и крестьяне взяли за оружие, когда стало известно, что они будут переданы под дворянское правление при поддержке Османской империи. Республиканская Франция снова выглядела хорошо. Город Керкира был осажден крестьянской армией. Крестьянские армии прошли через Кефалинию в поддержку того или иного клана, города или деревни под тем или иным имперским флагом. Вскоре крестьяне выступили против дворянства и создали свои администрации, которые должны были отменить ренту. Закинф захватила крестьянская армия. На Итаке вообще отсутствовало правительство, как заметил один русский дипломат: «Они живут, как готтентоты». Китира пережила настоящий крестьянский бунт, в ходе которого дворяне были убиты, их имущество обращено в руины, а документы о налогах и повинностях сожжены. Вооруженные дворяне и их сторонники вешали крестьян. Само слово «Чериго»

(Китира) стало предупреждением: для одних оно указывало на опасность демократии; для других доказывало опасность слепой политической реакции. Русские думали, что это и то, и другое, и советовали умеренный компромисс⁸.

Кризис разрешился благодаря переменам, происходившим в Петербурге. Император Павел пренебрег островами и отправил свои войска в Италию и на Мальту в погоню за французами. Дома его считали нерешительным, опасным и, возможно, проводящим профранцузскую политику. В 1801 г. он был свергнут и убит сторонниками своего старшего сына, который стал императором под именем Александра I. Он и его советники лучше понимали, что стабильность на Ионических островах важна со стратегической точки зрения в том случае, если острова станут российским опорным пунктом, и что политическая структура — это ключ к стабильности. Молодой Александр также сильно интересовался формами правления. Он собрал вокруг себя Негласный комитет из выдающихся аристократов. В него вошли А. Чарторыйский, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев и П.А. Строганов. Их встречи были посвящены европейским военным делам и политической философии. Они обсуждали, какую пользу Европа и сама Россия могут извлечь из рационализации управления и новых форм политической организации. Вскоре блестящий, но низкого происхождения, советник Александра I Михаил Михайлович Сперанский обосновал необходимость реформ. Хотя все эти люди враждебно относились к Французской революции, они считали, что старый режим в Европе необходимо реформировать. Заговорили о конституциях. Для русских это обычно означало писанные правила поведения, а не верховенство права как таковое: Россия должна была оставаться самодержавной, и предполагалось, что самодержец будет гуманным и просвещенным.

Ионические острова стали их первым экспериментом. Летом 1802 г., управляя обширной евразийской империей и ведя войну в Европе, Александр I и его советники обдумывали, какая форма правления будет подходящей для Ионических островов — территории, меньшей по размеру и численности населения, чем любая российская провинция. Их целью была умеренность, и они осуждали и бунты ионических крестьян, и местную дворянскую реакцию. Новая конституция была разработана в основном в Санкт-

Петербурге в 1802-м и 1803 гг. самим Александром, Чарторыйским и министром иностранных дел А.Р. Воронцовым при участии местных союзников⁹. Сенат должен был избираться дворянством, но теперь в это дворянство входили мужчины с высоким уровнем доходов и высшим образованием. Правящему классу предстояло расширяться. Министр иностранных дел России из Санкт-Петербурга следил, чтобы новые богатые и культурные люди входили в правительство и аристократия не чинила им препятствий. На Керкире дворянство выросло со 180 фамилий в 1803 г. до 475 в 1804 г. Это не то, что мы бы назвали демократическим избирательным правом, но и не бессмысленный жест, и это было прогрессивным для своего времени. Предполагалось, что политический класс должен вырасти, чтобы включить в себя образование и деньги наряду со знатностью, и что вместе эти люди станут ключом к умиротворению. Крестьян же не допустят до власти, и они будут вынуждены подчиняться.

В то же время Александр полагал, что все жители Ионических островов от природы неуправляемы и нуждаются в сильной центральной власти. Для исполнения своей воли Александр I послал туда графа Георгия Мочениго, дипломата на русской службе, семья которого происходила с Закинфа. Император дал ему подробные инструкции и широкие полномочия для вмешательства в местные дела, а также армию в 1600 человек. Мочениго обещал «либеральное правительство» (*governo libero*) и «гражданское общество» (*civili società*), всегда поддерживаемые вооруженной силой, видимой и неодолимой¹⁰. Дворянским собраниям на разных островах было приказано единогласно одобрить новый режим. Мочениго и русские офицеры наблюдали с галереи Сената, как представители островов встретились в Керкире и приняли новую конституцию. Тех, кто возражал, арестовывали и призывали изменить свое мнение. Аристократы, апеллировавшие к Порте, были отстранены от власти. Мочениго и русские все больше полагались на Джованни (Иоанниса) Каподистрия, сына реакционного аристократа, который соглашался с необходимостью умеренных перемен. Он дважды ездил на Кефалинию: один раз, чтобы усмирить клан Метаксасов, другой раз — Анниносов. Он предупредил о «робеспьеристском терроре». Крестьянские войска были расформированы¹¹.

Когда мир был по видимости восстановлен, Россия и ее агенты обратились к государственному строительству. Они расширили сеть уличного освещения, очистных и мелиорационных сооружений, создали систему поддержки бедных детей в новых приютах и почтовую службу. Была введена в действие новая система государственного образования, которой руководил молодой Каподистрия¹². Наполеон был заинтригован и попросил министра иностранных дел Шарля-Мориса де Талейрана разобраться в этом. Талейран оказался впечатлен: он увидел «правительство просвещения и опыта», введенное диктатором. Он был огорчен тем, что его ввела Россия, а не Франция¹³.

* * *

Каково же историческое значение Республики Семи соединенных островов? Со времен русской оккупации стало общепринятым предполагать, что Россией, по крайней мере частично, двигала общность веры. Острова и Россия были преимущественно православными. И по сей день любое обсуждение русско-греческих отношений не обходится без ссылок на общность веры. Но значимость этого фактора была преувеличена. Россия пришла выгонять французов, а не спасать православных. Правда, Россия прибыла с церковными воззваниями на греческом и русском языках. Ушаков превозносил «Русско-Греческую церковь», хотя такого учреждения не существовало; была Русская церковь и были Восточные патриархаты Османской империи, каждый из которых имел своего главу. Он осуждал французский атеизм и идолопоклонника-антихристианина Наполеона. На содержание церквей выделялись средства. Но Ушаков так же высоко отзывался о султане и исламе, которые, как и Православная церковь, оставались силами иерархии и стабильности. Султан, конечно, не был христианином, но по крайней мере, он верил в Бога. Во что верили французы, было неясно¹⁴.

Во всяком случае, не все православие одинаково и не со всеми православными обязательно уживаются. Русская церковь и Греческая церковь во главе с Константинопольским патриархом¹⁵ оказывались по разные стороны во время многих войн. Константинопольский патриарх был ставленником Османской империи и твердо поддерживал Порту в ее войнах против России, как ему это предстояло

сделать снова в 1806 г. Греческие православные, которые встали на сторону России против султана, и греческие повстанцы в целом были преданы анафеме¹⁶. Россия пришла не освобождать Церковь, а реформировать ее.

Отношение русских к Церкви, в свою очередь, было окрашено их историческим опытом. Со времен Петра Великого русские государственные деятели с подозрением относились к независимой Церкви, а Петр высмеивал духовенство как темное и безграмотное. Петр упразднил должность патриарха и передал все законные вероисповедания в ведение Священного Синода, бюрократического учреждения, возглавляемого мирянином. В последующие десятилетия монастырские земли были секуляризованы, Екатерина Великая захватила их все. Образование было изъято из рук духовенства и передано в ведение государства. В 1802 г. Александр I создал Министерство народного просвещения. Российская политика определенно носила просвещенческий характер, в то время как османское православное духовенство занималось публикацией яростной критики Просвещения и отлучением от Церкви его адептов¹⁷.

Столетие такой российской церковной политики вылилось в реформы в Республике Семи соединенных островов. Государство ограничило права Церкви и расширило светское образование до такой степени, о которой французы-республиканцы могли только мечтать. Мочениго обещал республику, «основанную на морали, основанную на научных знаниях», режим, который приведет компетентных людей в правительство, армию и торговлю. Он имел в виду государственное образование с ограниченной ролью Церкви: ионические священники часто были неграмотными и не умели читать Св. Писание¹⁸. Для содержания новых школ Республика обложила монастыри налогами и закрыла некоторые из них. Монастырь Тенедос стал школой. Среди ее учителей оказался Христофорос Перревос, антиклерикальный республиканец, товарищ революционера Ригаса Велестинлиса. Его зарплата выплачивалась из церковных фондов, а учебная программа была сосредоточена на изучении языка, чтении классических авторов и математике¹⁹. Студенты набирались из представителей знати и купечества и вносили небольшую плату; дети из бедных семей посещали школу бесплатно, хотя их было немного. Все предприятие было доверено Джованни

Каподистрии, который теперь служил России и вскоре стал ее доверенным лицом.

Также принято рассматривать Республику Семи соединенных островов как первое современное греческое государство, и в некотором смысле так оно и было, но представление о том, что значит «греческое», было неоднозначным как для русских, так и для местных жителей. Идея нации была еще нова везде. Империи по-прежнему оставались золотым стандартом государственной организации, и местные движения искали защиты у той или иной империи. Республика была квазинезависимой, но обеспеченной русским оружием. У нее имелась конституция, разработанная российскими чиновниками. Она приняла греческий язык в качестве официального, потому что это был язык подавляющего большинства населения, но Сенат объявил об этом по-итальянски²⁰. Слишком мало сенаторов могли говорить по-гречески, и Мочениго заметил, что дворяне отвергали греческий язык, на котором говорили на островах, как «вульгарный и испорченный» по сравнению с древним языком, которым они восхищались.

В новых школах преподавание шло на итальянском языке, а современный греческий язык был иностранным. В одной из этих школ юный Дионисиос Соломос, будущий национальный поэт Греции и автор греческого национального гимна, учился на итальянском, своем родном языке, и почти все его стихи были сначала написаны на итальянском, а затем переведены на греческий. Из многих островитян, говоривших на греческом языке, очень немногие могли на нем писать: когда Мочениго убедил Сенат подписать Конституцию 1803 г., он заметил, что сенаторы, говорящие по-гречески, не могут написать свои имена. Россия ввела особую почтовую услугу для передачи слов, которые обычно писались на итальянском языке.

Если Республика Семи соединенных островов и была греческой, еще не существовало ясности, что это означало. Здесь, как и везде, было слишком рано мыслить категориями национального сознания, которое выражалось в одном национальном языке в одном национальном государстве. Мочениго размышлял: «Знатные люди веками смешивали себя с итальянской нацией»²¹. С другой стороны, не было ясно, что представляет собой итальянская нация. Класс и империя имели большее значение, чем нация, и междоусобица вспыхну-

ла в классовой и имперской плоскостях. Конституция Республики Семи соединенных островов положила конец дворянской монополии на власть, но создала политическую нацию, для которой имели значение происхождение, деньги и образование.

Российский подход сыграл другую роль: великая держава показала, как сочетание расширенного политического участия, централизованной власти и дисциплинированной армии может быстро положить конец беспорядкам и ввести современные государственные институты. У островитян будет мир, хотя бы они этого или нет. В каком-то смысле Россия продолжала то, что начала Франция: преобразование старого режима и строительство современного государства, только уже без массового революционного движения. Дворянин Ф. Зулатис полагал, что Россия и Франция делали одно и то же, но только Россия добилась успеха.

Возможно, именно это — безопасность и стабильность — больше всего ценили жители островов. Гражданские свободы были привлекательными, но мало кто протестовал, когда Россия отменила их в 1806 г. Россия вступала в новую войну и требовала более полного контроля над островами, которые рассматривала в качестве своей базы. Александр I издал новую конституцию, сделавшую Мочениго диктатором. Каподистрия способствовал смене режима²². Через год Россия подписала Тильзитский договор и вернула острова Франции. Каподистрия уехал с русскими и прибыл в Санкт-Петербург в 1808 г., где построил карьеру, став к 1815 г. министром иностранных дел России. К тому времени Ионические острова уже были британскими и оставались таковыми до 1860-х гг., когда Великобритания уступила их королевству Греция.

* * *

Умеренные либералы, такие как И. Каподистрия, ставший первым президентом независимой Греции, принесли с собой представление о том, что правительство управляется сильной центральной властью и покровительствует бедным, действующим через аристократию. Этот взгляд был узнаваемо русским; в конце концов, Каподистрия помог реализовать планы России на островах и стал российским государственным деятелем. Однако, когда он прибыл на Пелопоннес в конце войны за независимость, у него совсем не имелось поддержки

аристократии и ему не хватало русской армии, чтобы воплотить свои мечты в жизнь. Он был убит заговорщиками в 1831 г. Тем не менее русское влияние не исчезло, и идея православного народа под властью абсолютного монарха стала греческой реальностью в царствование короля Оттона при сильной поддержке царя²³.

В последующие годы Республику Семи соединенных островов будут помнить скорее как православное государство, чем как государство, реформировавшее Церковь; скорее как греческое государство, чем как аристократическое, использующее итальянский язык; скорее за ее независимость, чем за российское покровительство и силу, сделавшие возможным ее существование. Эти черты стали прецедентом для Греческого королевства. Триада «Отечество, Вера, Король» перекликалась с русской «Православие, Самодержавие, Народность». Многоязычный и поликонфессиональный регион был упрощен до «Греции греков-христиан». Лишь совсем недавно возник новый консенсус: гражданин Греции дома может говорить на турецком языке и на том или ином славянском диалекте; грек может быть мусульманином, и можно вообще не спрашивать о его религии. Фактически Ионические острова с их двумя языками, с их православными, католиками и евреями также стали прецедентом для новейшей истории Греции.

¹ Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976. О периоде французской республики см.: *Αρβανιτάκης Δ.* Η αγωγή του πολίτη: Η Γαλλική παρουσία στο Ιόνιο (1797–1799) και το έθνος των Ελλήνων. Αθήνα: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 2020.

² Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1826 гг. М.: Наука, 1970. С. 214, 313.

³ Kardasis V. Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861. Oxford: Lexington Books, 2001. Chapters 4–5; Harlaftis G. The Eastern Invasion: Greeks in Mediterranean Trade and Shipping in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Trade and Cultural Exchange / Ed. by M. Fusaro et al. New York: Tauris, 2010. P. 223–252.

⁴ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М.: Академия наук, 1955.

⁵ Saul N. Russia and the Mediterranean, 1797–1807. Chicago: University of Chicago Press, 1970; McKnight J. Admiral Ushakov and the Ionian Republic: The Genesis of Russia's First Mediterranean Satellite. Doctoral Dissertation. University of Wisconsin, 1965; Holland R. Blue-Water Empire: The British in the Mediterranean since 1800. London: Penguin, 2012.

- ⁶ Эта кампания описана в: Адмирал Ушаков / Ред. Р.Н. Мордвинов. М.: Военно-морское издательство, 1951. Т. 1. Отд. IV; *Станиславская А.М.* Россия и Греция... Гл. 2.
- ⁷ Эта модель была разработана на Кефалинии, а затем распространена на другие острова. См.: Адмирал Ушаков... Т. 1. Документы № 263, 362–3, 372–3, 388. Осушение Ф.Ф. Ушаковым Бонапарта см. в: Γενικά Αρχεία του Κράτους (ГАК: Главный государственный архив Греции) Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 23, doc. 1; *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 63–64.
- ⁸ Адмирал Ушаков... Т. 1. Документы № 252 (Чериги/Китира), 395 (Занте); Т. 2. Документы № 197, 204, 244; *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 102–121. Общий ход событий см.: *Lascaris S.T.* Capodistrias avant la Révolution grecque (sa carrière politique jusqu'en 1822). Lausanne: Doctoral Dissertation, 1918. P. 6–23; *Woodhouse C.M.* Capodistria. The Founder of Greek Independence. London: Oxford University Press, 1973. P. XXX.
- ⁹ *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 201–203 и далее в гл. 4.
- ¹⁰ Мочениго губернатору Чериги. Сентябрь 1803. ГАК. Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 23, doc. 6.
- ¹¹ Капо д'Истрия из Аргостоли в Керкиру, 12 июня 1801 г. ГАК. Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 7, bundle 1, doc. 1; *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 220–222, 225, 324–325; *Lascaris S.T.* Capodistrias... P. 21–22.
- ¹² О принятии конституции см.: *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 192–194; о почтовой службе см.: ГАК. Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 23, doc. 19.
- ¹³ Talleyrand à Bonaparte, May 1802. Archives Nationales, Fond de Secrétariat d'État Impériale: États dépendants: AF/IV/1714/B/2, Îles Ioniennes et Corfu, 1803–1813.
- ¹⁴ ГАК. Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 23, doc. 1; *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 326.
- ¹⁵ Официальный титул патриарха — Ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ρώμης καὶ Οἰκουμένης Πατριάρχης — переводится как «Архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский патриарх». В греческом мире патриарха принято именовать Вселенским. В нашей стране его сейчас называют Константинопольским, но в документах XIX в. титул «Вселенский» также использовался. В Болгарии, помимо двух указанных, существует также титул «Цариградский», который особенно активно использовался в XIX в.
- ¹⁶ *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 331.
- ¹⁷ *Woodhouse C.M.* Rhigas Velestinlis. The Protomartyr of the Greek Revolution. Limni, Evia: Denise Harvey, 1995. P. 149–151; *Karabıçak Y.* Local Patriots and Ecumenical Ottomans: The Orthodox Patriarchate in the Ottoman Configuration of Power, 1768–1828. Doctoral Dissertation, EHES and McGill University, 2020. P. 219–224.
- ¹⁸ ГАК. Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 23, docs 16 (1802) and 26 (1803); *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 355–356.
- ¹⁹ *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 356–357.
- ²⁰ *Zanou K.* Transnational Patriotism in the Mediterranean, 1800–1850. Oxford: Oxford University Press, 2019, P. 85.
- ²¹ Оба наблюдения сделаны Г. Мочениго в 1803 г.: ГАК. Κέρκυρα, Επτάνησος Πολιτεία, box 23.
- ²² *Станиславская А.М.* Россия и Греция... С. 196, 254; *Lascaris S.T.* Capodistrias... P. 26.
- ²³ *Петрунина О.Е.* Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М.: Диалог — МГУ, 1997; *Frary L.* Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. Oxford: Oxford University Press, 2015.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КНЯЗЬЯ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ГРЕЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Эта глава является частью более широкого исследовательского проекта под названием «Транснациональный 1821 год: новый взгляд на историю в цифровом контексте»*. Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть события в Греции в различных контекстах: османском, балканском, средиземноморском, западно-, восточно-, северно-, южноевропейском (хотя это понятие исторически изменчиво и на протяжении столетий обсуждается, пересматривается и, таким образом, находится в стадии перманентного конструирования). В таком контексте мы исследуем транснациональное измерение революции 1821 г. Наш подход состоит в том, чтобы изучить греческую революцию не исходя из традиционной исследовательской стратегии отслеживания трансляции идей Просвещения в греческом пространстве (μετακένωσις) с его западно-центрированными коннотациями, а также не через изучение филэллинского движения. Другими словами, мы не собираемся интернационализировать греческий пример через другие, прежде всего, европейские (западные) образцы. Проект направлен на изучение транснационального измерения греческой революции с точки зрения самих греческих революционеров. С этой позиции транснациональное измерение подразумевает более широкие географические и ментальные пространства, чем западноевропейское. Более того, предлагаемый нами подход рассматривает революционеров не просто как пассивных реципиентов западных идей, но и как активных субъектов, которые ведут переговоры, адаптируются и производят новые идеи и практики.

* Этот проект выполняется историком доктором Михалисом Сотиропулосом и автором данной главы при поддержке Исследовательского центра гуманитарных наук (Афины).

Наше внимание сосредоточено на перемещении и пересечении границ людьми, идеями и объектами, и мы ставим перед собой следующие вопросы. Как опыт разных пространств, перемещение между разными странами и между различными культурными средами сформировали и изменили политическое и социальное воображение революционеров? Каким образом опыт связан с тем, как эти люди представляли революцию, ее организовывали и в ней участвовали? Насколько, к примеру, были разными траектории Теодороса Колокотрониса, возглавлявшего вооруженные отряды на Пелопоннесе и на Ионических островах, ставшего революционером после службы в британской армии, и Дмитрия Ипсиланти, фанариота, русского офицера и героя наполеоновских войн, или Иоанниса Коллетиса, османского подданного? Насколько эти траектории связаны с их политическими, организационными и военными идеями, а также практиками греческой революции? Как они были взаимосвязаны в местном, национальном и трансимперском контекстах?

Наш подход неизбежно включает биографические и микроисторические элементы в том смысле, как это понимает Джованни Леви: микроистория не обязательно является историей исключенных, но занимается деконструкцией моментов, ситуаций и сложных структур, в которых протекает человеческая жизнь¹. Он также по определению содержит пространственное измерение с реальными или мысленно сконструированными топосами. Итак, каковы были топосы транснационального опыта и каким образом они повлияли на воображение революционеров и их формирование как политиков?

ДМИТРИЙ ИПСИЛАНТИ: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

Коллективные биографии греческих революционеров, которые станут итогом этого исследовательского проекта, включают подкатегорию князей-фанариотов, таких как братья Ипсиланти, Александрос Маврокордатос, Костакис Каратзас, Теодорос Негрис, Александрос Кантакузинос.

Дмитрий Ипсиланти (1794–1832) принадлежал к известной фанариотской семье, которая впала в немилость у султана в результате русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Семья Ипсиланти являет-

ся ярким примером балканской аристократии, которая пересекала границы и была принята на новой родине, обслуживая российское государство и бюрократию. Таким образом она получала ценный опыт государственного и военного управления – опыт, который оказался полезным во время греческой революции и в процессе строительства греческого государства.

Его отец Константин, бывший ранее высокопоставленным османским чиновником — великим драгоманом Порты, затем господаром Молдавии в 1801–1806 гг., потерял благосклонность султана в связи с началом русско-турецкой войны в 1806 г. Брат Дмитрия Александр (1892–1828), глава «Филики Этерии», родился в Константинополе в 1792 г. Когда семья уехала в Россию, Александр учился в Педагогическом институте в Санкт-Петербурге, а в 1810 г., когда он был представлен ко двору, его покровительницей стала императрица Мария Федоровна. В 1808 г. он начал службу в русской армии и сделал блестящую карьеру. В возрасте чуть больше двадцати лет он участвовал в наполеоновских войнах как русский офицер, храбро сражался и потерял правую руку в битве при Дрездене. Его храбрость, самопожертвование, а также аристократическое происхождение обеспечили ему видное положение при царском дворе². Вхождение в русское аристократическое общество было гарантировано ему еще и тем, что он приходился родственником семье Стурдза, близкой к императорской фамилии. Семья Стурдза происходила из молдаван и фанариотов и являлась типичным представителем балканских народов, считавших Россию естественным врагом османов и, соответственно, своим союзником в стремлении сохранить власть в Дунайских княжествах. Они входили в состав российского императорского двора и высшего общества Санкт-Петербурга вместе со многими другими европейскими аристократами и консерваторами, прибывшими в российскую столицу во время наполеоновских войн. Среди аристократии были мадам де Сталь и известный консервативный философ и политик Жозеф де Местр (1753–1821).

Эти аристократы из разных концов Европы имели общую культуру и образование, знали одни и те же иностранные языки, в первую очередь французский, имели общие интеллектуальные ориентиры. Знаменитые литературные салоны, важная особенность

российского и европейского высших обществ, были площадкой, где авторы и их читатели обсуждали новые идеи. В рамках этой сети они могли легко преодолевать этнические, культурные или государственные границы, и это стало скорее нормой, чем исключением, особенно в российской среде, которая легко принимала способных людей с «хорошим происхождением» независимо от их подданства и этнической принадлежности. Минимальное требование заключалось в том, чтобы они были верны государю и служили государству. Семья Стурдза представляла консервативную сторону этой многонациональной аристократии (в отличие от либерально настроенных будущих декабристов) при императорском дворе и в знаменитых салонах российской столицы. Например, Александр Стурдза, секретарь Иоанна Каподистрии, был полиглотом (свободно говорил на нескольких языках: греческом, латинском, русском, французском и немецком), удостоился придворного звания камергера и служил секретарем министерства иностранных дел. Его сестра Роксандра Стурдза была фрейлиной императрицы. Александр Стурдза, хотя и был моложе, состоял в тесной дружбе с Ж. де Местром и многими другими выдающимися членами российского образованного общества³.

Александр Ипсиланти вместе с другими заслуженными офицерами принял участие в величайшем дипломатическом событии того времени, Венском конгрессе (1814–1815 гг.), где он оказался весьма популярен среди высшего европейского общества. В возрасте 25 лет, в основном благодаря личной дружбе с царем Александром I, он был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й гусарской бригады, а также стал адъютантом царя.

Дмитрий, второй сын Константина, учился военному делу в Париже и, как и его старший брат, служил в русской армии, участвовал в наполеоновских войнах и отличился в кампаниях 1814 г. Он дослужился до капитана под командованием генерала Н.Н. Раевского, также известного героя наполеоновских войн, близкого к радикально-либеральному кругу офицеров из числа представителей аристократии, которые в ближайшем будущем будут известны как первые русские революционеры — декабристы⁴. Будущие декабристы были хорошо образованными офицерами, вдохновленными идеями Просвещения, в которых они воспитывались и которые обсуж-

дали между собой в различных группах, будучи еще студентами. Связи между ними окрепли во время наполеоновского вторжения и Отечественной войны 1812 г., которую они рассматривали как важнейшее событие в Европе, способствовавшее распространению либеральных идей в России⁵.

После военных кампаний 1812-го, 1813-го, 1814 гг. и после стольких произошедших важных событий жизнь, последовавшая за ними, не могла удовлетворить тех, кто участвовал в этих кампаниях⁶. Потребность в возбуждении и действиях нашла выход в различных идеях создания тайных заговорщических обществ.

Многие из этих либералов состояли в масонских ложах, которые с XVIII в. стали частью более широких сетей просвещенной публики, включавших театры, салоны, клубы, научные общества и кружки. Все они были местом встреч образованного общества и выражением культурных изменений. Масонские ложи представляли собой общеевропейский феномен, их участники имели возможность обсудить новые этические модели и идею правового государства. В 1816 г., через два года после образования «Филики Этерии» в Одессе, вскоре основавшей отделения во многих городах России и Европы, тайные общества расцвели в России, что проявилось в создании ряда нелегальных подпольных организаций, таких как «Союз спасения» (1816–1818) и «Союз благоденствия» (1818–1821). «Северное общество» в Санкт-Петербурге (1822–1825) и «Южное общество» на Украине (1821–1825) были построены по образцу карбонариев и германских тайных обществ и стали частью общеевропейской тенденции в плане новых практик и набора действий. Братья Ипсиланти сохранили отношения со своими товарищами-аристократами в Санкт-Петербурге, а затем в Киеве и Кишиневе (Бессарабия), а также с видными членами заговорщической организации «Южное общество», такими как М.Ф. Орлов и В.Ф. Раевский⁷.

Дмитрий Ипсиланти стал одним из ключевых лидеров греческой революции, особенно на ранних этапах восстания. Он отправился из далекой Одессы через несколько месяцев после того, как его брат начал греческую революцию в княжествах, чтобы прибыть в мятежное «отечество», в котором он никогда не был и не имел о нем никаких личных или семейных воспоминаний. Он приехал в грече-

ские земли в качестве эмиссара главы «Филики Этерии», чтобы возглавить вооруженное восстание, уже начавшееся на Пелопоннесе. Он добирался из Одессы через Кишинев в Триест, потом на о. Идра, затем на о. Спеце, а оттуда в г. Астрос на Пелопоннесе, где все (старейшины, политики, военные, духовенство и простой народ) приветствовали его, как если бы он был Мессией.

Как за несколько лет до этого венесуэльский креол Франсиско де Миранда, который летом 1806 г. привел экспедиционный корпус к берегам своей родины, чтобы освободить ее от испанского владычества, Дмитрий Ипсиланти вез с собой оружие и переносной деревянный печатный станок, купленный в Венеции. Оба они, как и многие революционеры того времени, относились к печатному станку как к мобильной фабрике, производящей слова о свободе и суверенитете, и следовательно, как к одному из средств борьбы за перемены⁸.

Уверенный в том, что национальная типография будет более эффективным оружием против угнетателей, Дмитрий Ипсиланти напечатал и выпустил первую национальную газету «Сальпинкс Эллиники» (Σάλπιγξ Ελληνική), в которой опубликовал свои декларации, где излагалось мнение о том, что борьба Греции за свободу — это борьба против тирании любого рода и деспотизма, в том числе христианского, а также высказывалась убежденность в том, что хорошие отношения, согласие (ομόνοια) между революционерами являются ключом к их успеху. Кроме того, он призывал к «цивилизованному поведению» по отношению к безоружным османам. Подписал Дмитрий свои декларации как «Патриот Ипсиланти»⁹.

Ипсиланти участвовал в большинстве важнейших сражений греческой войны за независимость, был избран председателем Законодательного корпуса, а затем президент Иоаннис Каподистрия назначил его командующим войсками Восточной Греции. В этом качестве Ипсиланти возглавил последнее сражение при Петре в Беотии 12 сентября 1829 г., завершившее вооруженную фазу революции, которую его брат инициировал девять лет назад из далекой Молдавии.

Современники характеризуют Дмитрия Ипсиланти как горячего патриота, бескорыстного, искреннего, смелого, но политически нерешительного человека, лишённого внушительной внешности. Кроме того, он страдал от мышечной дистрофии, от которой умер

в возрасте всего 39 лет в 1832 г. Иностранцы описывали его как одного из нескольких «цивилизованных» греков в вооруженном конфликте с османами.

Слава Дмитрия Ипсиланти как храброго офицера вышла далеко за пределы Пелопоннеса, за Атлантический океан, в Новый Свет. Его военные достижения, особенно победа в битве при Милах (13 июня 1825 г.), взволновали воображение американского судьи Вудворда, который в 1825 г. рекомендовал назвать в честь героя новую деревню (ныне город), основанную на восточном берегу реки Гурон (штат Мичиган). Сегодня бюст Д. Ипсиланти, выполненный греческим скульптором Кристофером Настосом, стоит между флагами Греции и США у основания городской водонапорной башни, также носящей его имя. Памятник был подарен городу Ипсиланти Американской греческой прогрессивной ассоциацией в 1928 г.

Что касается его политических взглядов, то их оценки противоречивы. Д. Ипсиланти, в зависимости от взглядов самого исследователя, характеризуется то как либерал, поборник демократических народных ценностей и противник олигархии кодзабасов (показательный пример — оценки будущего профессора Неофита Вамваса); то как сторонник олигархии (это оценка самих кодзабасов). Что касается его последователей, то они считаются участниками первого народного движения против кодзабасизма¹⁰.

В греческой историографии фанариоты с самого начала были представлены различными негативными стереотипами. По мнению К.Т. Димараса, «с самого начала это слово означало не жителя квартала или кого-то из этого квартала, а приверженца методов распоряжения... властью вопреки принятым этическим стандартам»¹¹. Воспоминания большинства участников греческой революции полны резких обвинений в адрес фанариотов, которых они считали коварными, неискренними и обвиняли в обмане и тщеславии.

Однако, как правильно указал Василис Панайотопулос, пришло время пересмотреть оценки фанариотов. Более того, сами фанариоты не были компактной группой и придерживались различных взглядов на османский истеблишмент, византийскую традицию, балканскую перспективу и греческий национализм. Действительно, большинство, которое предпочло остаться в Константинополе, составляли противники революции.

Фанариоты были османскими администраторами, дипломатами и правящим классом в Дунайских княжествах. Это были османские чиновники греческой православной веры и византийского происхождения. В наполеоновскую и постнаполеоновскую эпоху произошел сдвиг в их взглядах. Накануне 1821 г. многие фанариоты присоединились к «Филики Этерии», заняли более либеральную позицию и дистанцировались от политического консерватизма. Как хорошо известно, идеи греческого национализма развивались интеллектуалами диаспоры, жившими в различных европейских городах за пределами географического пространства того, что в конечном итоге стало современным греческим государством. Фанариоты были среди тех, кто участвовал в формировании национального нарратива и поддержке национального движения. Они делали это, используя комбинацию компонентов: свои политические цели как цели высокопоставленных османских чиновников, космополитические идеалы эпохи Просвещения, имперское административное устройство, которое заимствовала у Византии Османская империя, а также современную греческую национальную идеологию.

С этой точки зрения случай Дмитрия Ипсиланти в связи с его контактами с Россией может способствовать возникновению новых и переформулировке старых вопросов относительно греческих революционеров и фанариотов.

Большинство историков, говоря о греческой революции 1821 г. как о европейском событии, обычно имеют в виду Западную Европу. Например, для выдающегося греческого историка Спироса Асдрахаса революция была продуктом революционных идей, идущих из Западной Европы. Присутствие князей-фанариотов в Российской империи привело к расширению «европейской» географии путешествий и циркуляции идей, включив в нее и Север. Это обстоятельство может изменить то, как мы понимаем Российскую империю и русских в контексте греческой революции. Обычно история России воспринимается на основе последующих стереотипов, рассматривающих ее на обочине европейского опыта как абсолютистскую и авторитарную по своей сути державу. Но изучение «детей 1812–1814 гг.», дворянских офицеров, ставших в 1825 г. декабристами, может рассказать другую историю; это история участия России в том, что Кристофер Бейли назвал «конституционным моментом в глобальном

либерализме»¹². «Дети 1812 года» были либералами, некоторые из них — радикалами, большинство — первыми русскими националистами, и все они — горячими сторонниками российской имперской экспансии в Азии, особенно против османов. В их среде в южных губерниях постоянно расширявшейся Российской империи обсуждались различные конституционные планы, а также понятия отечества, нации, империи. Далекая Бессарабия с ее многонациональной и экзотической столицей Кишиневом, с ее восточным колоритом, присоединенная к Российской империи по Бухарестскому договору 1812 г., стала для русских границей между цивилизованным и варварским миром¹³. Дмитрий Ипсиланти, его семья и связи в среде фанариотов, русских офицеров, государственных деятелей и членов «Филики Этерии» дают нам возможность рассматривать Бессарабию как еще одно звено в цепи топосов транснациональных контактов.

Там, как и в столице империи Санкт-Петербурге, салоны молдавской аристократии и русской администрации и армии были местами собраний декабристов и благодатной почвой для политических дебатов. Именно в этой среде контактировали между собой такие прекрасно образованные люди, как поэт Александр Пушкин, русские заговорщики или видные греки, как, например, Ризос Нерунос, автор «Истории Греции», и начитанный этерист Константинос Схинас. Дом генерала и будущего знаменитого декабриста Михаила Орлова, друга семьи Ипсиланти, также стал центром политических контактов и дискуссий.

Для официальной риторики имперского центра, в значительной степени разработанной Каподистрией, этот пограничный район имел особое значение, поскольку он должен был служить плацдармом для русского влияния на Балканах, окном возможностей для будущих приобретений на Балканах и полем для эксперимента в процессе имперского государственного строительства¹⁴.

На этой основе велись различные дискуссии о том, как из бывшей периферии Османской империи создать новый, единый в административном и территориальном отношении регион. Предстояло разрешить различные вопросы, связанные с контролем над населением, существованием множественных центров власти, взаимоотношениями центра и периферии, влиянием факторов этничности и гражданства.

Например, с самого начала восстания греческие революционеры говорили о потребности в регулярной армии с образованными кадровыми солдатами, инженерами и офицерами. Мы знаем, что модернизация и высокая боеспособность армии понимались как современные ценности «цивилизованной Европы». Ипсиланти, прибыв на Пелопоннес в 1821 г., ответил на эту потребность своими усилиями по созданию такой армии.

Кроме того, Д. Ипсиланти, как мы видим из его публикаций, переписки, воспоминаний и рассказов его современников — греков и иностранцев, изо всех сил старался убедить своих товарищей-революционеров соблюдать правила регулярной войны («цивилизованной войны», как тогда ее называли). А это был очень важный фактор, если иметь в виду насилие и варварство, скажем, во время осады Триполицы и несогласие Ипсиланти с задуманным греками наступлением, а также его призывы избегать кровавой бойни и сохранить жизнь своевременно сдавшимся осажденным. Вероятно, можно было бы изучить, как его позиция связана с этикой царских офицеров, большинство из которых считали себя приверженцами правил регулярной войны и идеи ведения войны с должной сдержанностью. В этом контексте вопрос о том, где граница между допустимыми и неприемлемыми формами насилия в условиях войны, имел решающее значение.

Пример семьи Ипсиланти с ее османской, русской и балканской историей и богатыми связями побуждает нас заново обсудить несколько забытую в греческой историографии тему: балканское измерение 1821 года¹⁵. Что значили Балканы для революционеров? Историк Василис Креммидас, например, утверждал, что греческая революция вообще не имеет балканского измерения. Однако Александр Ипсиланти, в русской военной форме покинувший Кишинев, переправившись через реку Прут в Молдавию (23 февраля 1821 г.) и прибыв в Яссы, выступил с различными заявлениями, которые включали балканскую перспективу, то есть были нацелены на преодоление национального характера восстания и придание ему значения наднационального балканского османского вопроса, вопроса об османском наследстве. Действительно, балканское измерение неизменно присутствует в различных политических расчетах тех дней, что прежде всего касается «консервативного»

И. Каподистрии или бывшего русского министра иностранных дел поляка Адама Чарторыйского. Балканский вопрос представлял особый интерес для либеральных и радикальных кругов, в том числе подпольных дворянских офицерских организаций в России, видевших в нем средство формирования новой Европы, освобожденной от тирании и деспотизма.

Тем не менее на второй фазе восстания, как справедливо указывает греческий историк Василис Панайотопулос, когда князь Д. Ипсиланти и другие фанариоты в результате своего «путешествия» из Одессы в греческие земли прибыли на Пелопоннес, они, приняв участие в затяжной кровавой войне с османами и двух гражданских войнах, отвергли балканскую перспективу и выбрали греческую национальную борьбу как таковую. В этом контексте мы можем изучить планы Д. Ипсиланти по созданию и организации регулярной армии и формированию центральной политической власти. Что касается его политических планов, направленных на создание единого революционного пространства, Ипсиланти находился в согласии со своим соперником, фанариотом и либералом Александром Маврокордатосом, и в тесном сотрудничестве с «непреклонными радикалами» «Филики Этерии», такими как Анагностарас, Дикеос и Анагностопулос. Эти политические планы всегда усиливали объединительную тенденцию в среде греческих революционеров, направленную не только против османской власти, но и против регионализма пелопоннесских христианских лидеров¹⁶. Таким образом, и князья, и радикальные этеристы, с русским, балканским и османским опытом, оказывались вовлеченными в соперничающие течения в ходе революции: региональные, национальные и даже имперские.

Одним словом, изучение русских фанариотов открывает новые перспективы понимания многоаспектного феномена греческой революции. Это могло бы привести к пересмотру понятия так называемых географических окраин и включить евразийские имперские перспективы в исследование революционных идей и разнообразия политических концепций, которые были распространены в эпоху революций.

- ¹ *Levi G.* Les usages de la biographie // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations.* 1989. Vol. 44. N 6. P. 1325–1336.
- ² *Ариу Г.Л.* Ипсиланти в России // *Вопросы истории.* 1985. № 3. С. 88–101; *Он же.* Александр Ипсиланти и его взаимоотношения с правительством России (новые архивные данные) // *Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.)* / отв. ред. И.С. Достян. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 208–240; *Dialla A.* Entangled Histories: Russian Decembrists and Greek Revolutionaries in the 1820s // *State, Economy, Society (19th — 20th centuries): Essays in Honor of Emeritus Professor George G. Dertilis* / ed. A. Dialla and N. Maroniti. Athens: Metaixmio, 2013. P. 87–107.
- ³ *Prousis Th.C.* Aleksandr Sturdza, a Russian Conservative Response to the Greek Revolution // *East European Quarterly.* 1992. Vol. XXVI. N 3. P. 309–344; *Martin A.M.* Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997; *Ghervas S.* Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectuel orthodoxe face à l'Occident. Genève: Editions Suzanne Hurter, 1999; *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей александровской эпохи. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004; *Dialla A.* Thinking Europe on Europe's margins: Alexander Sturdza, Konstantinos Oikonomos and Russian-Greek orthodoxy in the early nineteenth century // *The Historical Review / La Revue Historique.* 2020. Vol. 16. P. 141–166. DOI: 10.12681/hr.22823.
- ⁴ *Γιαννόπουλος Γ.* Αλέξανδρος και Δημήτριος Υψηλάντης. Αθήνα: Τα Νέα, 2020; *Γούδας Α.Ν.* Βίοι Παράλληλοι των επί της Αναγεννήσεως της Ελλάδος Διαπρεσβάντων Ανδρών. Αθήνησι: Τύποις Βιβλιοπωλείου Π. Α. Σακελλαρίου, 1858. Τ. VI. Σ. 35–48; *Γκίνης Δ.Σ.* Ο Δημήτριος Υψηλάντης κατεβαίνει στην Ελλάδα // *Ο Ερανιστής.* 1964. Τ. 2. № 9/10. Σ. 186–189.
- ⁵ Историография декабристского движения огромна. Здесь я опираюсь на следующие работы: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955; *Raeff M.* The Decembrist Movement. New Jersey, Englewood Cliffs, 1969; *O'Meara P.* The Decembrist Pavel Pestel: Russia's First Republican. Basingstoke and New York: Palgrave, 2003.
- ⁶ *Довнар-Запольский М.В.* Идеалы декабристов. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. С. 201.
- ⁷ *Иовва И.Ф.* Южные Декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963; *Ариу Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970.
- ⁸ *Adelman J.* An Age of Imperial Revolutions // *The American Historical Review.* 2008. Vol. 113. N 2. P. 319–340.
- ⁹ *Σβώλος Α.* Τα ελληνικά συντάγματα, 1822–1975. Αθήνα: Στοχαστής, 1998.
- ¹⁰ *Δασκαλάκης Α.* Οι τοπικοί οργανισμοί της επαναστάσεως και το πολίτευμα της Επιδάυρου. Αθήνα, 1966; *Kaltchas N.* Introduction to the Constitutional History of Modern Greece. New York: Columbia University Press, 1940.
- ¹¹ *Δημαράς Κ.Θ.* Ελληνικός Ρομαντισμός. Αθήνα: Ερμής, 1994. Σ. 221–222.

- ¹² Bayly C.A. Rammohan Roy and the Advent of Constitutional Liberalism in India: 1800–1830 // *Modern Intellectual History*. 2007. Vol. 4. N 1. P. 25–41.
- ¹³ Dially A. Entangled Histories: Russian Decembrists and Greek Revolutionaries in the 1820s...
- ¹⁴ Кушко А., Таки В. Конструирова Бессарабию: Имперские и национальные модели построения провинции // *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / отв. ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 217, 218.
- ¹⁵ Botzaris N. Visions balkaniques dans la préparation de la Révolution grecque, 1789–1821. Paris: Libraire E. Droz Genève and Libraire Minard, 1962.
- ¹⁶ Παναγιωτόπουλος Β. Δύο πρίγκιπες στην Ελληνική Επανάσταση. Επιστολές απόπτη μάρτυρα και ένα υπόμνημα του πρίγκιπα Γεωργίου Καντακουζηνού. Αθήνα: Ινστιτούτο Ιστορικών Ερευνών / Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, Εκδόσεις Ασίνη, 2015. Σ. 113.

МОЛДАВО-ВАЛАШСКАЯ ЭПОПЕЯ А. ИПСИЛАНТИ В ОТРАЖЕНИИ ИТАЛЬЯНСКИХ НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЙ КОРОЛЕВСТВА ОБЕИХ СИЦИЛИЙ И САРДИНСКОГО КОРОЛЕВСТВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1821 Г.)

События в Дунайских княжествах в 1821 г. в виде двух параллельно развивавшихся и «взаимопереплетавшихся» восстаний под руководством Тудора Владимиреску и генерал-майора русской службы, одного из руководителей тайной революционной греческой организации «Филики Этерия» Александра Ипсиланти находились в центре внимания как европейской политики, так и постепенно становившихся ее частью новостных периодических изданий общественно-политического характера — газет¹. В соответствии с так называемым «Общим планом», А. Ипсиланти должен был направиться на Пелопоннес и объявить в начале весны 1821 г. о начале восстания². Руководство «Филики Этерии», собравшееся в начале октября 1820 г. в Измаиле, одобрило этот замысел. Однако в ночь на 5 марта 1821 г.* будущий вождь повстанцев внезапно изменил сроки проведения планируемой операции, сообщив о срочном отбытии в Яссы в иносказательной форме в специальном письме, направленном из Кишинева одному из руководителей «Филики Этерии» Эммануилу Ксантосу в тот же день³. В ночь на 6 марта в сопровождении своих братьев Николаоса и Георгиоса, а также ближайших соратников и во главе отряда в 100 всадников — студентов ряда российских и зарубежных университетов, известного как «Священная рота» (Ιερός Λόχος), А. Ипсиланти пересек русско-турецкую границу, перейдя

* Все даты в данной главе даются по новому стилю.

р. Прут, и направился в столицу молдавского княжества — Яссы, где собирался провозгласить начало восстания греков. По дороге он встретился с молдавским господарем Михаилом Суцу, являвшимся также членом «Филики Этерии» с 1819 г. и знакомым с «Общим планом». Через два дня, находясь в Яссах, А. Ипсиланти подписал воззвание с призывом бороться «за веру и родину», ставшее программным документом для греков России и Дунайских княжеств⁴.

Действия А. Ипсиланти происходили на фоне начавшегося в Валахии движения под руководством Т. Владимиреску, выступавшего за освобождение от культурно-политического доминирования и власти фанариотов и представителей местной знати — бояр, а также против иностранного вмешательства в дела княжества, что и было определено в Падешской прокламации от 4 февраля 1821 г., а также в ряде других документов, среди которых имелось адресованное турецкому султану «Обращение румынского народа» от 29 января и прокламации 28 марта, 1 апреля 1821 г.⁵

Параллельное развитие валашско-молдавского и греческого движений, при том что первое из них преследовало социальные цели и, будучи направлено против фанариотской администрации и местных бояр, не требовало немедленного свержения османско-турецкого господства, а второе было ориентировано, прежде всего, на поднятие регионального балканского восстания против Османской империи с целью освобождения Греции, не могло оказаться вне поля зрения европейской прессы, все более подпадавшей под усиленный контроль властей, укреплявших институт цензуры, и находившейся в различной степени зависимости от нее. Развитие в Португалии, Испании и итальянских землях революционных движений против абсолютизма и усиление позиций либеральной идеологии в европейском общественно-политическом пространстве привели в конечном счете к жесткой реакции на эти проявления со стороны сложившегося после наполеоновских войн Священного союза в составе России, Австрии и Пруссии, прибегавших к вооруженному подавлению антиабсолютистских конституционалистских революций. На проходившем 26 января — 12 мая 1821 г. в Лайбахе (современная Любляна) международном конгрессе с участием монархов Священного союза, включая российского императора Александра I, тема противодействия революциям была главной. Образ происходившего в Европе

лишь дополнялся в представлении правивших кругов этих империй, взявших на себя функции «континентальных жандармов», событиями в Дунайских княжествах как части общеевропейской «волны революционного хаоса». Российская версия происходившего была сформулирована в депеше, направленной 7 марта 1821 г. из Лайбаха главой российского МИД графом Иоаннисом Каподистрией российскому консулу в Бухаресте Александру Пини. В ней, в частности, отмечалось, что «сведения, которые Вы нам, сударь, сообщаете, и обстоятельства, сопровождавшие восстание в Малой Валахии^{*}, по-видимому, в достаточной мере характеризуют природу и тенденцию этого прискорбного события. Мы замечаем в нем катастрофическое сходство с тем, что ускорило развитие революций в Испании и которые в этот момент навлекли на Королевство обеих Сицилий несчастья, неотделимые от жестких репрессивных мер и, возможно, даже бедствий войны. В Валахии, как и в Мадриде, Лиссабоне и Неаполе, это горстка солдат, которые открыли сцену беспорядкам и стремятся передать империю в руки анархии»⁶. Одновременно в отношении руководителя восстания — Т. Владимиреску, как заявлялось в депеше, действия А. Пини носили соответствующий ситуации характер, в связи с чем отмечалось, что консул выполнил свой долг, «вызвав этого человека (Владимиреску. — *Прим. авт. главы*) в российское консульство», и «поскольку он отказался прийти, так как признался в проектах, которые решительно осуждаются духом договоров и противоречат нашей политике, мы разрешаем Вам заявить, что лейтенант Владимиреску исключается из числа кавалеров одного из орденов России»⁷.

В то же время для государственных образований Италии, в которых революционные движения начала 20-х гг. XIX в. были подавлены Австрией, влияние последней на их общественно-политическую жизнь приобрело решающее значение. Восстание в Валахии и Молдавии, где с одной стороны, развивалось движение под руководством Т. Владимиреску, а с другой, возглавлявшееся А. Ипсиланти, приобретало в данном контексте особое значение с точки зрения рас-

^{*} Малая Валахия — исторически сложившееся название области Олтения (современная юго-западная часть Румынии) с центральным г. Крайова. В 1718–1737 гг. находилась под контролем Австрии, а затем воссоединилась с Большой Валахией (область Мунтения) уже в составе Османской империи.

ширявших свое присутствие в публичном пространстве периодических изданий новостной направленности, т.е. газет. Примечательным фактом, получившим определенный резонанс в середине XIX в., было то, что значение, придававшееся именно молдаво-валахской части развившейся позже Греческой революции, оказалось минимизировано в историографии, складывавшейся уже в независимой Греции, и центральной темой которой становилась именно борьба греков в самой Греции. В данной связи участники и очевидцы событий отмечали позже, что «многие современные историки, пишущие о Греческой революции, упоминали в некоторых случаях обстоятельства (из того, что они, возможно, уже узнали или частично с чем были знакомы) ведшейся в Дакии борьбы, но из-за отсутствия, однако, точных данных, основные события до сих пор продолжают полностью игнорироваться»⁸. В то же время для европейской прессы в целом и для итальянской в частности события в Молдавии и Валахии с участием Т. Владимиреску и А. Ипсиланти были одной из важных тем, при этом последнему из вождей уделялось наибольшее внимание, так как его действия рассматривались в контексте масштабного всебалканского восстания против османской Турции⁹.

Среди региональных итальянских газет, имевших общенациональное распространение и новостную направленность, включая сообщения из-за рубежа, определенным влиянием, с точки зрения информированности, пользовались издававшаяся в Королевстве обеих Сицилий «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» и публиковавшиеся в Сардинском королевстве «Гадзетта ди Дженова» и «Гадзетта пьемонтесе».

Сложившаяся в газетном мире европейских стран к 20-м гг. XIX в. практика размещения политических новостных материалов из-за границы имела как общие, так и особенные черты, проявившиеся и в упомянутых итальянских изданиях. К числу первых относилось использование публикаций других газет, включая зарубежные, с целью перепечатки этих материалов, но с указанием цитируемого издания; обращение к сообщениям из источников, носивших персональный характер в виде коммерческой переписки лиц, занимавшихся международной торговлей; официальные сообщения как от имени правительств или глав государств, так и государственных институтов; сведения, полученные в дипломатических кругах или в ин-

ститутах представительной власти и имевшие отношение к международной политике; слухи, распространявшиеся в политических и общественных кругах относительно событий, произошедших за рубежом. Особенностью итальянских изданий было то, что с утерей Венеции, центральный квартал которой — Риадельто, — бывший финансовым и торговым центром, являлся на протяжении долгого времени местом получения и обмена иностранных новостей для всей Италии, на первое место начали выдвигаться, в силу складывавшейся политической ситуации, столица Австрии Вена и центральные города германских государств — Мюнхен, Франкфурт, Аугсбург и Берлин, а также, но в меньшей степени и по тем же политическим причинам, Париж. Примечательным фактом сложившейся ситуации являлось также существование в ряде европейских государств греческих периодических изданий, в частности, в Вене выходили «О Эллиникос Тилеграфос» (1812–1836 гг.), «И Каллиопи» (1819–1821 гг.), «О Филологикос Тилеграфос» (1817–1821 гг.), а в Париже издавалась «И Мелисса» (1819–1821 гг.). Однако все они, несмотря на наличие собственных источников информации и ориентированность на греческую аудиторию, тем не менее подчинялись при обращении к политическим событиям соответствующим цензурно-ограничительным нормам.

В свою очередь, все три упоминавшиеся выше итальянские газеты находились в информационной зависимости по международным вопросам, включая и действия А. Ипсиланти в Дунайских княжествах, в первую очередь от австрийских периодических изданий. При этом следует отметить высокую степень значимости прессы для ситуации, складывавшейся в Валахии и Молдавии, и роль, придававшуюся газетам австрийскими властями как в деле формирования общественного мнения внутри империи, так и на международном уровне. Пресса использовалась как инструмент влияния в конкретной политической обстановке австрийской стороной с момента начатой А. Ипсиланти борьбы против османо-турецкого господства и на протяжении всего периода последующей Греческой революции. На первом этапе это нашло свое отражение в публикации 30 марта 1821 г. вердикта российского императора Александра I с осуждениями действий А. Ипсиланти и об увольнении его со службы в австрийском офицерстве «Остеррайхишер Беобахтер»¹⁰, а также

в «О Эллиникос Тилеграфос»¹¹, что было перепечатано затем европейской прессой. Экземпляр греческой газеты с опубликованным документом секретарь австрийского консульства в Бухаресте К. Удрички продемонстрировал Т. Владимиреску с целью добиться раскола между ним и А. Ипсиланти¹².

В свою очередь, итальянская пресса достаточно часто и практически по большинству тем Центрально-Восточной Европы и Балкан ссылалась на «Оссерваторе Аустриако», то есть на «Остеррайхишер Беобахтер» — газету, которая к этому времени превратилась в ведущее общеавстрийское и важное для европейского общественного мнения, подконтрольное властям, а точнее, лично министру иностранных дел, а затем канцлеру Австрии князю Меттерниху, изданию. О степени серьезности его взаимоотношений с властями свидетельствовала служебная записка, составленная на момент начала его публикации в 1810 г. одним из влиятельных чиновников австрийского императорского двора Францем Ксавьером Лебцетлерном-Коллербахом, который определял место и роль нового издания в следующем виде: «Цель этой газеты — служить полуофициальным журналом и предоставить нам более широкую свободу действий в соответствии с общественным мнением, чем позволяют нам узкие рамки бюллетеня (Императорского. — *Прим. авт. главы*) Двора. Новое издание, очевидно, управляемое полицией и подчиняющиеся общим законам о цензуре, на самом деле зависит только от Департамента иностранных дел»¹³. Особое место в публикациях издания занимала балканская тематика, в связи с чем австрийский посол во Франции в своей депеше в Вену от 3 марта 1810 г. обращал внимание на то, что «“Остеррайхишер Беобахтер” особенно замечен по новостям из Турции и Леванта, и поэтому должен стать имперским интернунцием (представителем. — *Прим. авт. главы*) в Константинополе, а также имперским агентом в Молдове и Валахии и сообщать с этой целью в полном объеме о важных событиях»¹⁴. Поэтому движение под руководством А. Ипсиланти оказалось в центре внимания этой газеты, становившейся источником информации и для других европейских периодических новостных изданий, включая итальянские.

Знаковым событием с точки зрения определения зарубежного влияния на итальянскую прессу стала публикация 28 июля и 12 ав-

густа 1821 г. двумя газетами — соответственно «Гадзетта пьемонтезе»¹⁵ и «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие»¹⁶ — специального материала об источниках, используемых при освещении «греческой темы» в целом. В этой связи обращалось внимание на материалы из уважаемого, как его характеризовала редакция первой из итальянских газет, венского издания «Остеррайхишер Beobachter», «от которого мы (редакция. — *Прим. авт. главы*) не отходили, за исключением тех случаев, когда, по причинам большей готовности, некоторые другие издания Германии поставляли другие новости, и к ним мы относились всегда со всей осторожностью»¹⁷. С целью подчеркнуть авторитетность этой газеты редакции обоих итальянских изданий прибегли к переводу статьи о ней из известного консервативного французского издания «Журнал де деба». Именно в нем заявлялось о стремлении «сообщать новости о Греции с полной верой и той беспристрастностью, которая подходит для любого исторического повествования, но мы искренне признаем, что легче сообщить вам эту новость, чем понять ее... “Остеррайхишер Beobachter” — это нить и самый надежный проводник в этом запутанном лабиринте, и мы не должны отказываться от него». Исключительно важным уточнением причины подобной оценки являлось утверждение о том, что во-первых, австрийское правительство, являясь сторонником порядка, не имело особых интересов в греко-турецком конфликте и, во-вторых, что австрийская сторона могла «получать самые достоверные и оперативные новости от австрийских магистратов в Трансильвании»¹⁸. Несмотря на то, что в тексте не выделялись роль и место австрийских дипломатических представителей — консула Ф. фон Хаккенуа в Бухаресте, секретаря того же консульства К. Удрицки и консула Й.А. фон Рааба в Яссах — как, собственно, во внутривластных делах Валахии и Молдавии, так и в информировании австрийских властей (и их печатного официоза) о событиях в Дунайских княжествах, но именно они занимали важное место в этом. Примечательным в данном контексте было фактическое противопоставление в «Журнал де деба» австрийской провластной «Остеррайхишер Beobachter» и либерального антиклерикального оппозиционного популярного французского издания «Ле Конститусьонель», часто подвергавшегося преследованиям властей, когда отмечалось, что последнее для улуч-

шения образа А. Ипсиланти публиковало непроверенные сведения с целью убедить читателей в том, что не он, а его брат Николаос проиграл сражения с турками. Не менее симптоматичным было и другое утверждение, касавшееся «методологии» освещения событий Греческой революции, а именно: признание различия между этеристским движением А. Ипсиланти в Дунайских княжествах и борьбой греков в самой Греции. Отмечалось также, что новости из Валахии и Молдовы были менее достоверны и не соответствовали действительности, когда касались преувеличений побед греков над турками¹⁹.

Серьезным препятствием для европейской прессы, включая итальянскую, в получении сведений о событиях за рубежом было сохранявшееся отсутствие как собственных корреспондентов, появление которых в европейской традиции относится ко второй половине XIX в., и значительное опоздание из-за отсутствия возможностей для газет по финансовым причинам использовать как собственную, так и быструю доставку почты, что вело к серьезным задержкам, составлявшим от нескольких недель до нескольких месяцев, как это было с материалами из удаленных районов европейского субконтинента. В соответствии с расчетами зарубежных исследователей, новости приходили в Брюссель и Антверпен со следующей задержкой: из Константинополя 31–45 суток, из Смирны 33–52, из Закинтоса (Занте) 22–39, Мессолонги (Месолонгиона) 25–52, из Бухареста 25–54, Ясс 30–36, Санкт-Петербурга 18–31, Вены 11–20, Дрездена 10–24, Венеции 12–16, Генуи 9–15, Парижа 3–5 суток, из Парижа в Антверпен обычно трое суток, а в Брюссель до пяти дней²⁰. Получение сведений из-за рубежа венскими изданиями также происходило с серьезными опозданиями. Информация из Линца, Пресбурга (Братиславы) и Брно доходила в Вену в течение 2–3 дней, из Праги и Опавы (Троппау) 6–7, Пешта и Инсбрука 8–9, Парижа и Амстердама 12–15, Генуи, Милана, Любека и Копенгагена 17–18, Львова, Лондона и Неаполя 19–20, Барселоны, Мадрида и Санкт-Петербурга 25–30 дней²¹. Анализ запаздывания публикаций итальянской прессой материалов из-за рубежа, прежде всего, если они касались событий в Центрально-Восточной Европе, на Балканах и в России, свидетельствует об определенных особенностях, в число которых входила недостоверность сведений и упоминавшаяся выше

зависимость от австрийских и германских изданий, сопровождавшаяся соответствующим увеличением опозданий информации, так как ее источником выступали австрийские и германские газеты, получавшие также сообщения из-за рубежа с опозданием²². Эта особенность проявилась при освещении движения А. Ипсиланти в Молдавии и Валахии, когда такие задержки, составлявшие от 3 недель до 2 месяцев, делали новости устаревшими, а сообщения в газетах уже являлись для итальянских читателей не столько источником текущих новостей, сколько знакомством с внешним миром при соответствующей интерпретации событий через призму австрийского влияния и существовавшей местной цензуры. Так, в частности, первое упоминание о действиях А. Ипсиланти в Молдавии и Валахии в «Гадзетта ди Дженова» относилось к 7 апреля 1821 г. со ссылкой на сведения из Одессы от 11 марта 1821 г., полученные в Австрии, а общее количество упоминаний А. Ипсиланти и его родственников — участников освободительной борьбы против осmano-турецкого владычества в материалах газеты за целый год составило 76 раз. «Гадзетта пьемонтесе» также впервые опубликовала информацию об А. Ипсиланти 7 апреля 1821 г. с указанием Австрии как места получения сведений от 18 марта 1821 г. и со ссылкой на источник — сообщение из Бухареста от 22 февраля 1821 г. В 1821 г. газета обращалась к деятельности представителей семьи Ипсиланти и лично А. Ипсиланти 198 раз. В свою очередь, в «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» на протяжении 1821 г. 108 раз упоминалась деятельность А. Ипсиланти и его ближайших родственников — активных участников Греческой революции, но одновременно именно эта газета из трех позже всех обнародовала сведения о предпринятых руководителем повстанцев шагах и возглавлявшейся им борьбе, начатой в Дунайских княжествах. В номере газеты от 24 мая 1821 г. приводилась информация о происходивших в Валахии событиях со ссылкой на сведения от 3 мая 1821 г. из Парижа, куда они были доставлены из Варшавы, но при этом указывался источник, использовавшийся итальянской газетой, как она сообщала сама об этом, — «Остеррайхишер Беобахтер».

Одним из первых сообщений о восстании в Валахии и Молдавии стала, как уже говорилось выше, публикация 7 апреля 1821 г. в «Гадзетта пьемонтесе» (со ссылкой на франкфуртское издание)

большого материала из Австрии о ситуации, развивавшейся с 22 февраля по 7 марта в Дунайских княжествах. В нем сообщалось как о восстании под руководством Т. Владимиреску, так и о действиях А. Ипсиланти, но при этом со всей очевидностью подчеркивалось различие между двумя движениями. В этой связи отмечалось, что валахское восстание, «в котором участвовали только пандуры* и арнауты** и которое, согласно собственным заявлениям его вождя (Владимиреску. — *Прим. авт. главы*), было направлено не против Порты, а исключительно против бояр и государственных чиновников страны, быстро развивалось в период междоусобицы до такой степени, что вышеупомянутый Тудор смог безнаказанно контролировать значительную часть малой Валахии (и особенно район Крайова). Все надеялись, что последующее прибытие князя Каллимахи, назначенного господарем Валахии, положит конец этим беспорядкам, когда в Молдавии все же произошло гораздо более серьезное событие»²³. Под последним подразумевалось прибытие из Бессарабии в Яссы А. Ипсиланти, который «объявил себя призванным освободить греков от владычества турок» и в день прибытия которого «турки, находившиеся в Яссах, в количестве 30 человек были разоружены и, судя по всему, убиты»²⁴. Важными в этом сообщении являлись два принципиальных с точки зрения постреволюционных событий в Италии моменты, которые получили освещение в газете, использовавшей австрийский источник. Во-первых, сообщалось о том, что А. Ипсиланти обратился с несколькими воззваниями 7 марта «как к жителям двух княжеств, так и к греческому народу в других провинциях Османской империи», «в которых он утверждает, что тысячи его соотечественников призывали их (Ипсиланти и его сподвижников. — *Прим. авт. главы*) к деятельности, направленной на их освобождение», и само движение «представляет собой восстание всех греческих колоний как давно спланированная революция, готовившаяся в течение нескольких лет и состоявшаяся ныне».

* Пандуры — участники войска Т. Владимиреску.

** Арнауты — участники повстанческого движения в Валахии и Молдове в составе войска Т. Владимиреску и А. Ипсиланти. Первоначально термин использовался для обозначения православных албанцев, входивших в состав подразделений османских войск для несения охранной службы, а затем подобных смешанных частей из греков и албанцев в Дунайских княжествах.

Одновременно делалась ссылка на его заверения о том, что можно рассчитывать «на поддержку ближайшей великой державы», под которой, вполне очевидно, подразумевалась Россия. Основанием для таких предположений выступало сообщение о письме А. Ипсиланти Александру I, в котором предлагалось «этому августейшему монарху не отказываться от своей мощной поддержки греческой нации, и особенно двум княжествам, которым угрожает самая непосредственная опасность»²⁵.

Во-вторых, «Гадзетта пьемонтесе» сообщала об ответе российского монарха, который «официально не одобряет его (А. Ипсиланти. — *Прим. авт. главы*) предприятие» и заявляет, что «Ипсиланти никогда не сможет рассчитывать на помощь со стороны России», а также ставит в известность о том, что «более конкретные указания будут переданы графу Витгенштейну, командующему русскими войсками на Пруте и в Бессарабии, чтобы сохранять строжайший нейтралитет в отношении потрясений, разразившихся в княжествах, и не занимать ни под каким предлогом, позиции ни одной из сторон прямо или косвенно»²⁶. Примечательным было помещение в этом материале двух сообщений, призванных подчеркнуть синхронность действий России и Австрии и их отношение к движению А. Ипсиланти, что, вероятно, было призвано указать на полное единство двух империй в их осуждении восстаний. В этой связи в публикации отмечалось, что «что любое участие в подобных движениях противоречило бы искренним намерениям (российского. — *Прим. авт. главы*) Императора; и что у Его Величества в его отношениях с Портой нет другой цели или другого желания, кроме поддержания и неукоснительного выполнения существующих договоров между двумя державами», в то время как «со своей стороны, императорский двор Австрии приказал представителю Его Императорского Величества в Константинополе объяснить в том же смысле и в самых убедительных выражениях заявить о серьезном намерении Его Величества Императора поддерживать отношения мира и дружбы между Австрией и Портой с нерушимым сохранением веры в договоры»²⁷. Столь общая, но дополняемая деталями международных отношений картина, представленная «Гадзетта пьемонтесе», создавала у читателя вполне конкретный образ событий, в центре которых был А. Ипсиланти, а именно: осуждаемое Россией и Австрией —

членами Священного союза — восстание, подрывавшее сложившуюся систему международных отношений, построенных на принципах легитимизма правителей империй. В свою очередь, «Гадзетта ди Дженова», вышедшая также 7 апреля, опубликовала «Отрывок из письма из Одессы от 11 марта», где в довольно благоприятном виде представляла греческое движение в Дунайских княжествах в целом, но делала это не с помощью оценок, а излагая происходящее в следующем виде: «Восстание, вспыхнувшее между греками Молдавии и Валахии, было направлено не на что иное, как на восстановление Греческой империи в Леванте. Принц греческой нации Ипсиланти является одним из лидеров и издал прокламацию, побуждающую своих соотечественников требовать своей свободы, обещая им помощь великой державы. Этот восторженный документ хорошо подходит для того, чтобы пробудить чувства, которые он ставит своей целью, и произвел колоссальное впечатление на греков этой области, которые очень богаты и многочисленны и ежедневно доказывают свое горячее рвение в этом деле. Они не только спешат на поле боя, вооруженные и экипированные за свой счет, но и вносят значительный вклад в военные расходы (повстанцев. — *Прим. авт. главы*) — взносы только в этой области сейчас составляют более 500 тыс. рублей»²⁸. Одновременно, в отличие от публикации в «Гадзетта пьемонтесе», где говорилось о негативной реакции российских властей на действия А. Ипсиланти, «Гадзетта ди Дженова», приводя выдержки из «одесского письма», сообщала о том, что «российское правительство далеко от того, чтобы оказать хоть какое-то сопротивление этим приготовлениям, что дает нам основания подозревать, — а греки твердо уверены в том, — что скоро начнется война между Россией и Турцией»²⁹. Там же публиковалось воззвание А. Ипсиланти от 7 марта 1821 г.³⁰ Однако уже в номере от 11 апреля «Гадзетта ди Дженова» в материале под названием «Лига греков под руководством принца Ипсиланти» и со ссылкой на уже цитировавшееся сообщение «Гадзетта пьемонтесе» отмечала, что «согласно отчету об этих событиях, который находится в немецких ведомостях и который мы копируем из «Гадзетта пьемонтесе», Их Величества Императоры Австрии и России заявили, что они не оказывают никакой помощи этой Лиге и что они остаются совершенно нейтральными; поэтому еще не-

известно, поведет ли принц Ипсиланти греков в одиночку, чтобы продолжить борьбу, в которой он мужественно участвует»³¹. После этого пассажа следовала полная перепечатка выше упоминавшегося материала из «Гадзетта пьемонтесе» от 7 апреля с указанием первоисточника — франкфуртской газеты³². Таким образом, итальянский читатель был информирован как о восстании под руководством Ипсиланти, так и о реакции на него двух членов Священного союза — России и Австрии. Уравновешивавшие официозные оценки сведения из «одесского письма» давали представление читателям о реальной ситуации, несмотря на явное опоздание, с которым эти новости публиковались. Последнее играло определенную роль, когда касалось каких-то отдельных эпизодов событий в Дунайских княжествах, так как в случае отсутствия в действительности события, о котором сообщалось ранее, оно превращалось из факта в намерения, планы или просто слухи. Так, в частности, происходило с информацией от 27 марта из Иллирийского королевства — провинции австрийской империи со столицей в Лайбахе (Любляне), охватывавшей части земель современных Словении, Хорватии и Италии. Будучи напечатанными 17 апреля 1821 г. в «Гадзетта пьемонтесе», эти сведения гласили о том, что «сам принц Ипсиланти отправился в Морею и Эпир. Турок повсюду перерезали. Али Паша (Янинский. — *Прим. авт. главы*) и Ипсиланти близки к объединению своих сил»³³. Буквально через два дня газета со ссылкой на другое итальянское издание — «Гадзетта ди Парма» — приводила информацию из Пруссии от 5 апреля, в соответствии с которой уже говорилось о масштабном характере антитурецкого движения, а также реакции на него Вены и Санкт-Петербурга и, в частности, сообщалось, что «восстание в Молдавии, Валахии и Болгарии приняло такой серьезный характер, что Австрия и Россия решили принять меры предосторожности, требуемые обстоятельствами. Эти события привели Диван* в ужас. Собрать многочисленные силы против Ипсиланти будет нелегко, потому что турецкая армия, направленная против Али Паши [Янинского], еще не смогла укротить этого мятежника»³⁴.

* Диван — высший исполнительный орган Османской империи при султанах; аналогичный институт существовал в Дунайских княжествах при господарях.

Весной 1821 г. сведения о действиях А. Ипсиланти и в целом о возглавлявшемся им движении, поступавшие в итальянские земли через местные газеты, перепубликовавшие материалы из европейских изданий, а также друг у друга, создавали у итальянских читателей картину расширявшегося в Дунайских княжествах восстания, успешно перекидывавшегося на другие районы Балканского полуострова. «Гадзетта пьемонтезе», печатавшая информацию из Франкфурта со ссылкой на «Иль Мессаджеро Тиролезе» от 10 апреля 1821 г., цитировала «Письмо с границ Молдовы», в котором говорилось о распространившемся в Яссах слухе о вспыхнувшем в Константинополе бунте, а также пожертвованиях неких лиц, включая неназванного князя и гражданина, в размере 1 млн пиастров и боярах, выделивших 500 тыс. пиастров для вооружения восставших греков. Одновременно газета информировала о трех воззваниях А. Ипсиланти от 8 марта: в одном он призывал греков оказать материальную и финансовую помощь восстанию; во втором, «касающемся Греции, Молдавии и Валахии», он заверяет, что «Морея, Эпир, Фессалия, Сербия, Болгария, острова Архипелага и вся Греция взялись за оружие», а в третьем утверждалось о том, что Сербия, район проживания сулиотов и весь Эпир уже находились под контролем восставших³⁵. По сведениям из Одессы от 13 марта, в Брэиле «все христиане были убиты турками», в то время как в Валахии вооружалось все местное население и ожидалось прибытие А. Ипсиланти³⁶. Сведения о составе сил под его командованием и их численности содержались в приводившемся газетой отрывке «Письма с границ Молдавии» от 21 марта. В соответствии с ним, А. Ипсиланти прошел мимо Фокшан с группой арнаутов в 4 тыс. человек, за которыми последовали еще 10 тыс. греков, а из Бессарабии в Яссы к повстанцам постоянно прибывали греческие добровольцы. Сам отряд под командованием Ипсиланти состоял из 800 человек, каждый из которых был вооружен двумя пистолетами и саблей. Одновременно стало известно о прибытии в Брэилу турецкого воинского контингента в количестве 14 тыс. человек³⁷.

Регулярность, с которой «Гадзетта пьемонтезе» информировала о действиях А. Ипсиланти и начавшемся весной 1821 г. в Дунайских княжествах греческом национально-освободительном движении, позволяла читателям, несмотря на опоздание в передаче сведений

из региона, составить представление о масштабах происходившего. 3 мая газета сообщала со ссылкой на сведения, полученные в Лондоне 23 апреля (они, в свою очередь, опирались на источники из Пизы от 5 апреля), о том, что во-первых, Морея была полностью освобождена от турок и, во-вторых, греки стремились не допустить того, «чтобы английский министр выступал против них и втайне одобрял господство турок», в связи с чем руководители восстания в Греции пытались удержать жителей Ионических островов — британского протектората — от любых действий³⁸. На этом фоне краткое сообщение из Штутгарта от 19 апреля об отзыве русских консулов из Ясс и Бухареста³⁹ выглядело как очередное свидетельство в пользу упоминавшихся ранее слухов о возможности русско-турецкой войны. Эта же информация была помещена в «Гадзетта ди Дженова» 5 мая со ссылкой на сведения, полученные в Яссах 4 апреля и дополненные еще сообщением о неспокойной ситуации в Бухаресте, который собирались покинуть господарь Скарлат II Каллимаки и митрополит, оставив страну без правительства⁴⁰. В определенной степени эти данные были достаточно запоздавшими, так как правителем Валахии в тот момент на короткий период с 2 апреля по 27 мая 1821 г. уже являлся глава повстанцев Т. Владимиреску.

Уже в следующем номере «Гадзетта пьемонтесе», вышедшем 5 мая 1821 г., со ссылкой на полученные в Вене 20 апреля сведения говорилось о том, что в Молдавии сосредоточены 3 корпуса, из которых первый, под командованием А. Ипсиланти, должен был продвинуться к Силистре с целью захвата района черноморского побережья и укрепиться там, в то время как другому корпусу предстояло обеспечить проведение этой операции. Третьему корпусу во главе с Т. Владимиреску, которому надлежало форсировать Дунай, следовало захватить Никополь и двинуться на Софию для поддержки восстания греков в Болгарии, при том что одновременно валашским вождем якобы предпринимались усилия по организации восстания в Сербии. Однако высказывалось предположение, более похожее на утверждение, о том, что «заявление императора России разобьет замыслы греков»⁴¹. Тем не менее это не мешало газете делать и другое предположение — относительно усиления активности греков Австрии и Венгрии и их присоединения к восставшим⁴².

По мере развития ситуации выявлялись отдельные черты практики освещения действий А. Ипсиланти, когда все более становилось очевидным стремление легитимистской австрийской прессы подчеркнуть «порочность» планов главы греческих повстанцев и двусмысленность его поведения. Одним из примеров этого было сообщение в «Гадзетта ди Дженова» от 5 мая, ссылавшейся на сведения из Вены, о том, что 7 апреля в Плоешти прибыл 10-тысячный отряд А. Ипсиланти, от бойцов которого последний якобы пытался скрыть, что Россия не только не помогает ему, но и осуждает его действия⁴³. Одновременно, сообщая, что Бухарест находится под властью Т. Владимиреску со 2 апреля 1821 г., газета обращала внимание на то, что в обществе Дунайских княжеств существовало мнение, будто глава валашских повстанцев и А. Ипсиланти «не ладят друг с другом» и Владимиреску отказывается подчиняться ему, имея собственные тайные цели, отличные от тех, которые были у Ипсиланти⁴⁴. Последнее имело принципиальное значение для понимания читателями газеты происходивших в Валахии событий. Поэтому появление 5 мая 1821 г. в «Гадзетта пьемонтесе» информации, относившейся к 10 апреля и полученной из Вены, о том, что «по согласованию с Тудором оставшиеся в Бухаресте бояре обратились с новым призывом к Порте и 10-го (апреля. — *Прим. авт. главы*) они отправили его в Константинополь с помощью специального посланца»⁴⁵, — давало основания ожидать серьезных последствий во взаимоотношениях между двумя лидерами повстанцев.

Постоянное запаздывание при получении данных о конкретных событиях, прежде всего, военного характера, в определенной степени девальвировало новостную ценность сообщаемой газетами информации, но в то же время сохраняло для читателей свою ознакомительную функцию с происходившим «во внешнем мире», а применительно к движению А. Ипсиланти и своеобразный пропагандистский элемент, учитывая постреволюционную атмосферу в итальянских землях. Поэтому опубликованный в «Гадзетта пьемонтесе» 12 мая материал о событиях 6 апреля, когда, как особо отмечалось, войска «Ипсиланти, насчитывающие уже 50 тыс. человек, достигли берегов Дуная, где они остаются из-за проливных дождей», а также сообщение о его воззвании к крестьянам-мусульманам сохранять спокойствие и жалобы последних на преследования

со стороны османских властей и их переход на сторону греческих повстанцев⁴⁶ выступали именно в такой роли. Публикуя эту информацию, пьемонтское издание опередило «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие», которое поместило материал об этом лишь 26 мая, но с добавлением отдельного сообщения от 29 апреля о том, что в Лайбах, «где ведутся переговоры о важнейших делах», т.е. где проходил конгресс, прибывают постоянно курьеры и «взоры заседаний теперь в основном обращены на беспорядки, которые произошли в Валахии, Молдавии и Морее, потому что есть опасения, что султан не сможет сам разбить мятежников»⁴⁷.

Интерес представлял приводившийся в «Гадзетта пьемонтесе» анализ характера разногласий между Т. Владимиреску и А. Ипсиланти, традиционно базировавшийся на сведениях, полученных из Вены, и ссылавшийся на опубликованные 17-го и 18 марта в Бухаресте двумя лидерами манифесты, «выражавшие противоположные намерения»⁴⁸. В этой связи особо отмечалось, что революция (этот термин использовался газетой) под руководством Т. Владимиреску была похожа на многие другие локальные восстания, происходившие в так называемых привилегированных провинциях Османской империи с целью получения новых уступок, а не против империи в целом, и «эта последняя идея существует только в немногих умах греков Константинополя и островов». Совершенно иной точки зрения придерживался, как отмечалось в газете, А. Ипсиланти, использовавший «стиль тех европейцев, которые думают, что Греция может быть возрождена, в то время как его Манифест, опубликованный в Бухаресте, призывает к бегству всех бояр из этого города. Он называет Валахию древней Дакией, но простые люди не понимают, что он имеет в виду»⁴⁹. Данный материал был дословно повторен, но с большим опозданием, в номере «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» от 29 мая 1821 г.⁵⁰ При этом в публикации как первой, так и второй газеты обращалось внимание, во-первых, на то, что Владимиреску, не возражавший против обнародования этого воззвания, тем не менее не послал к Ипсиланти кого-либо из своих приближенных для его приветствия и, во-вторых, на то, что разногласия между двумя вождями уменьшили значение обращения руководителя греков, и высказывалось предположение, что в случае примирения османских властей с Т. Владимиреску и принятия мер

по «обузданию алчности греческих господарей, которых народ ненавидит больше, чем турецких пашей, Валахия успокоится». Это, в свою очередь, как отмечалось в материале, могло привести к ослаблению поддержки, оказываемой силам Ипсиланти и его уходу из Молдавии⁵¹.

Более чем двухмесячное опоздание новостей из Валахии создавало у читателей издания, с одной стороны, определенное ощущение продолжительности описанных в материале событий, а с другой — готовило их к явно неблагоприятному для греческих повстанцев в Валахии развитию событий. Одновременно в газете обращалось внимание на образ действий вождя греческих повстанцев, что влияло на формирование его имиджа среди читателей, и в этой связи со ссылкой на австрийский официоз «Остеррайхишер Беобахтер», который было трудно заподозрить в сочувствии «греческому делу», отмечалось, что «известие о том, что Ипсиланти уничтожил всех попавших под его власть турок, было опровергнуто. Только тех, кого брали с оружием в руках, казнили, а те, кто не сопротивлялся, оставались пленными»⁵². Не менее важным в данном контексте становилось сообщение о совместных действиях Владимиреску и Ипсиланти, войско которых насчитывало (по поводу чего в газете выражалось сомнение) более 60 тыс. человек⁵³.

Продолжавшееся доминирование позиций «Гадзетта пьемонтесе» в отношении как двух других газет — «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» и «Гадзетта ди Дженова», так и остальных итальянских новостных изданий, которые ссылались на пьемонтскую газету, когда помещали на своих страницах материалы о движении под руководством А. Ипсиланти, свидетельствовало о проявлении ее особого интереса к этим событиям. Публикация 17 мая 1821 г. в ней информации из Вены от 5 мая со ссылкой на «Остеррайхишер Беобахтер» о призыве российского консула в Яссах 9 апреля к жителям Молдавии не принимать участия в восстании и предупреждении о наказании со стороны как российских, так и османских властей за подобные действия демонстративно предварялась фразой о том, что консульское обращение было сделано «вследствие принципов, проявленных Его Величеством императором Александром»⁵⁴, то есть ввиду осуждения им деятельности А. Ипсиланти. Примечательным фактом в данном контексте являлась публикация в «Гадзетта ди

Дженова» спустя 9 дней подобного материала в номере от 26 мая, но со ссылкой на сведения из Бухареста от 18 апреля о том, что российский император установил семидневный срок для роспуска корпуса под командованием А. Ипсиланти и потребовал возвращения российских подданных по домам, но, как отмечалось, это обращение так и оказалось невыполненным; более того, греки в Яссах присоединялись к силам А. Ипсиланти⁵⁵. Эта же информация появилась в «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» с еще большим опозданием — 28 мая — и со ссылкой на «Остеррайхишер Беобахтер»⁵⁶.

Поступление сведений о событиях в Дунайских княжествах в итальянскую прессу, включая и упоминавшиеся три газеты, приобрело к концу мая 1821 г. «мозаичный» с точки зрения хронологии характер, что выражалось нередко в публикации новостей, относящихся к более раннему периоду, после сообщения о событиях, произошедших позднее. С точки зрения новостного обеспечения читателей ценность таких материалов носила сомнительный характер, но, как говорилось об этом выше, в ознакомительном отношении они сохраняли свою важность. Поэтому помещенные 24 мая в «Гадзетта пьемонтесе» сведения из Константинополя от 10 апреля о подготовке османо-турецких войск против А. Ипсиланти, мобилизации янычар и их действиях против европейцев в столице империи, а также о фирманах султана Махмуда II, фактически использовавшего конфессиональный фактор для мобилизации общества против греческой революции, имели значение для формирования мнения о грядущей масштабной войне против греческих повстанцев⁵⁷. В свою очередь, со ссылкой на «Гадзетта пьемонтесе» (напечатавшей этот материал 8 мая), но без даты ее выхода, и с указанием на то, что эти сведения получены в Париже 5 мая из «Газета Варшавска», «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» опубликовала 25 мая 1821 г. материал о столкновении между силами А. Ипсиланти и турецкими войсками⁵⁸.

Новости о развитии ситуации в Валахии в неблагоприятном для А. Ипсиланти отношении постепенно становились, хотя и с опозданием, известны и итальянской общественности. 26 мая «Гадзетта ди Дженова» опубликовала «Выдержки из письма из Трансильвании от 19 апреля», которые были изданы во Франкфурте 13 мая 1821 г. и в соответствии с которыми А. Ипсиланти отступил в Тырговиште,

представив это как маневр, в то время как в действительности командир повстанцев хотел закрепиться в горной местности⁵⁹. Однако параллельно с такими материалами публиковались и более оптимистичные по тональности, относившиеся к предшествующему периоду, когда «Гадзетта пьемонтесе» сообщала 29 мая 1821 г. со ссылкой на новости из Ясс от 14 апреля о том, что Ипсиланти пересек Дунай с 3 тыс. бойцов, о слухах, «что его армия достигла тридцати шести тысяч человек и что немало других авантюристов отовсюду бегут под эти знамена», и о захвате крепости Галац греческими повстанцами, а также о том, что «австрийский агент (консул. — *Прим. авт. главы*) в Яссах господин Рааб, в частности, способствует поддержанию порядка и общественного спокойствия»⁶⁰. Последнее имело особый смысл, так как практически подчеркивало позитивный характер позиции Австрии в обстановке неопределенности и «революционного хаоса». Именно этим контекстом объяснялась соответствующая тональность другого материала в том же номере газеты со сведениями из Вены от 9 мая, в котором говорилось, что «события в Турции идут к своему разрешению», а «османская армия вступила на поле битвы раньше, чем в это поверили», и двинулась на Фокшаны и Брэилу, в то время как «Ипсиланти и Тудор ненавидят друг друга и новость о том, что они дошли до драки, не будет неожиданной. У первого всего четыре тысячи человек, у второго — около двенадцати тысяч. Все эти повстанцы почти раздетые и без оружия; они живут только грабежом и в своей свирепости не отличают друзей от врагов»⁶¹. Не менее критично по отношению к греческим повстанцам выглядел и другой материал этой газеты, опубликованный 30 мая и сообщавший о том, что в их среде ходили слухи о победах греческих сил в самой Греции, но «эти новости, распространяемые сторонниками восстания греков, направлены на то, чтобы скрыть от народа их истинные интересы; однако все эти успехи, даже если они подлинны, не остановят военного вторжения, с помощью которого Великий Владыка (султан. — *Прим. авт. главы*) решил рассеять революционную бурю в Греции»⁶².

На протяжении первой декады июня 1821 г. все три издания: «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие», «Гадзетта пьемонтесе» и «Гадзетта ди Дженова» — с достаточной степенью подробности описывали события марта-апреля и мая 1821 г., т.е. с явным опозда-

нием, и первая из газет была неформальным лидером именно по такого рода «запоздалым» новостям, при том что в материалах всех трех газет отчетливо проводилась мысль о трудностях, с которыми столкнулось движение греков в Молдавии и Валахии, и усиливавшемся конфликте между Т. Владимиреску и А. Ипсиланти, а также передавалась обеспокоенность османских властей расширением греческой революции⁶³.

Подробное описание апрельско-майских событий в июньских номерах трех изданий носило характер «исторического уточнения» и создавало фон для более общих рассуждений относительно борьбы греков, что нашло свое отражение в материале «Гадзетта пьемонтесе», использовавшей публикации французской прессы по этому вопросу, несмотря на существовавший австрийский контроль и местную цензуру. Не исключено, что именно с целью не допустить привлечения внимания последней и представить публиковавшийся материал традиционной «рутинной перепечаткой» он преднамеренно не был помещен отдельно, а являлся частью новостной колонки. Не менее важным стал сам факт воспроизведения этого сообщения, в котором содержалась апелляция к конфессионально-цивилизационным ценностям Европы, когда приводились слова о том, что «мы много раз говорили, с каким рвением либералы Франции поддерживают дело мятежников каждой страны. Где бы ни случилось восстание или гражданская война, мы заранее знаем, что наши политики будут аплодировать беспорядку, если он направлен на уничтожение законной власти. Это правило не имело исключений. И это можно было увидеть в момент великого смятения в Греции, поднявшегося во имя Иисуса Христа, чтобы разрушить оковы ислама. Тем не менее какое-то время мы верили, что наши самозванные философы, которые так много кричали против крестовых походов, не нашли бы серьезных возражений, когда большое количество христиан, действующих под знаменем Креста со времен Св. Бернара, заявили о желании бороться во имя уничтожения врагов Христа, поработителей своей родины»⁶⁴.

Во-вторых, в материале открыто отмечалось, что «мы следили за событиями в Восточной Европе и ничего не сказали: но легко понять, что это смятение отличалось от неприятностей, волновавших другие королевства. С самого начала мы видели людей, со-

крушенных своими угнетателями, и которые едва наслаждались своей древней религией, старались улучшить свою судьбу и зывали к помощи Бога христиан против деспотизма последователей Мухаммеда»⁶⁵. Содержавшаяся в статье ссылка на голоса неназванных «монархов с севера», заявлявших, что «у этого восстания большее количество причин, которые необходимы для того, чтобы отличать его от всех других либеральных восстаний», — сопровождалась, с одной стороны, вопросом о степени влияния восстания не только на греков-христиан в Османской империи, но и на всех находившихся под ее властью христиан, а с другой — утверждением о том, что «это не первый случай, когда религия пытается сломить иго ислама», и что только верховным понтификам «мы, главным образом, обязаны сохранением нашей свободы после стольких завоеваний. Дело не только в существовании христианской религии; под угрозой оказалась и свобода народов; меч Мухаммеда сломал бы европейские скипетры в тот самый момент, когда Коран сменил Евангелие Христа»⁶⁶. Примечательным фактом в данной связи стала публикация 22 июня этого же материала в «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие», что свидетельствовало о его приемлемости для властей, если иметь в виду статус данного издания⁶⁷.

На этом фоне новости, фактически повторявшие слухи о происходивших событиях в Валахии и в самой Греции, публиковавшиеся в итальянской прессе, обрастали надуманными подробностями, к числу которых относились и сведения о том, что Али паша Янинский якобы отрекся от ислама, перешел в христианство, согласившись подчиняться А. Ипсиланти⁶⁸.

Апрельские новости из Валахии, ставшие известными в Баварии в середине мая 1821 г. и опубликованные «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» 12 июня, содержали также благоприятную для Ипсиланти информацию, так как в полученных сообщениях говорилось о поддержке «вождями Валахии», то есть местными боярами, в отличие от молдавских бояр, восстания против Порты⁶⁹. Однако уже в середине июня 1821 г. «Гадзетта пьемонтесе» одной из первых начала сообщать о возраставших в начале месяца разногласиях между лидерами восстания⁷⁰, о чем вскоре опубликовала материал и «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие»⁷¹, а 16 июня «Гадзетта пьемонтесе» со ссылкой на информацию от 24 мая ин-

формировала о том, что «Ипсиланти пересек Дунай; он надеялся, что сербы и болгары присоединятся к нему, что маловероятно, поскольку это население уже поставлено в известность о неизбежном прибытии подкрепления, которого турки ждут, чтобы разгромить повстанцев»⁷². Происходящее в Валахии и Молдавии, помимо того, что порождало определенные аналогии с революциями в европейских странах, способствовало проявлению особенностей освещения новостей из Дунайских княжеств в итальянской прессе, одна из которых упоминалась выше и касалась роли и места австрийских периодических изданий и газет немецких земель в обеспечении информацией итальянской новостной прессы. В этой связи 19 июня 1821 г. «Гадзетта пьемонтезе», обращаясь к своим читателям и ссылаясь на публикацию «Остеррайхишер Беобахтер» от 7 июня, рекомендовала ознакомиться с вышедшей в ней статьей⁷³. Данный материал имел принципиальное значение, так как ставил цель объяснить происходившее в Валахии и Молдове. Прежде всего, в нем отвергалось утверждение о том, что «революции, вспыхнувшие в Турции, были инициированы двумя сторонами: греческой и турецкой». Соответственно, отмечалось, что они произошли ввиду более сложных причин, и в них фактически существуют не две стороны, исповедующие две разные религии, так как среди христиан помимо греков существуют другие народы, и что «вывод о единообразии настроений или действий вследствие единообразия религии был бы таким же, как если бы жители Востока судили о политических отношениях в остальной Европе по разнице конфессий»⁷⁴.

В соответствии с содержащимся в статье анализом движений в Валахии заявлялось о том, что первое из них, возглавляемое Т. Владимиреску, местным жителем, было направлено против греков-фанариотов, греческих богатых семей, господарей-фанариотов, в то время как второе, под руководством А. Ипсиланти, ставило целью исключительно освобождение Греции и борьбу против Порты, и эта разница отражалась в заявлениях, сделанных обоими лидерами повстанцев⁷⁵. Определенную роль, как об этом говорилось в материале, играли также этнические различия между греками, жителями Валахии и Молдавии (они назывались в материале даками), сербами и болгарами, что затруднило действия А. Ипсиланти⁷⁶. Данная статья была опубликована позже, 26 июня, и другим итальянским изда-

нием — «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» — с добавлением о том, что «начиная с марта прошлого года Ипсиланти тайно послал доверенное лицо вождю сербского народа Милошу Обреновичу, чтобы подготовить его к восстанию и побудить его поддержать греческое начинание. Но среди сербов и греков существует откровенная национальная ненависть, что неудивительно, если Милош не только не обратил серьезного внимания на восстание, но вскоре присягнул Порте от имени сербской нации». При этом складывавшуюся ситуацию предлагалось рассматривать в следующем виде: «Фактическое греческое предприятие ограничено в своем смысле Пелопоннесом и греческими островами Архипелага. Тем не менее похоже, что вылазка принца Ипсиланти не была преждевременной. Революция, подготовленная тайной сектой этеристов в Греции, имеет своей целью восстановление Древней Греции»⁷⁷. Следует отметить, что тональность опубликованного в расширенном виде материала носила явно антиипсилантиевский характер и фактически в статье осуждался сам факт восстания, о чем свидетельствовал достаточно красноречиво следующий пассаж: «В любом случае, вспомнить с чувством горечи можно только плохо рассчитанный и предпринятый трюк, основанный на обмане. Уже известны печальные последствия попыток, нанесших ущерб тысячам людей эллинского христианского народа, предпринятых в седьмом десятилетии прошлого века на Пелопоннесе. Насколько мало можно верить слухам, распространяемым этеристами в Европе, безусловно, может быть точно доказано сравнением, которое способен сделать любой беспристрастный читатель, между истинным положением вещей и статьями, помещенными во флорентийской “Гадзетта Универсале” от 31 мая и 2 июня по греческим делам»⁷⁸.

Помещенная 19 июня в «Гадзетта пьемонтесе» информация от 18 мая об отходе сил А. Ипсиланти к австрийской границе, которая находилась в 4 часах пешего хода от его места расположения, не оставляла сомнений в начавшемся поражении возглавлявшегося им движения⁷⁹, а полученные из Бухареста 28 мая сведения, опубликованные в «Гадзетта ди Дженова» со ссылкой на немецкие (в данном случае, вероятно, прусские) источники об «эвакуации из этой столицы Валахии борцов за независимость и о вступлении авангарда турецкой армии», лишь подтвердили это⁸⁰. В то же время,

сообщая 26 июня 1821 г. о сложившемся положении и имея в виду ситуацию в Дунайских княжествах, «Гадзетта пьемонтезе» писала о том, что «Османская империя еще никогда не оказывалась в таком тяжелом состоянии, как сегодня. Диван еще не смог собрать полноценную армию, хотя восстание вспыхнуло уже три месяца назад. Корпус, посланный из Константинополя в Варну, совершенно недисциплинирован»⁸¹, и при этом, по сведениям из Парижа от 16 июня, А. Ипсиланти продолжал действовать во главе отряда в 16 тыс. человек пехоты и 8 тыс. всадников вместе с войсками Т. Владимиреску⁸². Однако эта информация уже вскоре, 28 июня, фактически была опровергнута в материале «Гадзетта пьемонтезе», перепечатанном из «Остеррайхишер Беобахтер» и содержавшем сведения об аресте Т. Владимиреску силами греческих повстанцев, которые привезли его в штаб-квартиру А. Ипсиланти⁸³, и его казни⁸⁴. Одновременно газета особо подчеркивала свою оперативность в освещении событий в Дунайских княжествах, обращая внимание на то, что «французские газеты, с точки зрения новостей из Турции, выходят намного позже нас, получающих их непосредственно из Германии», и отмечала, что сведения, полученные в Вене 9 июня, уже 19 июня публиковались в «Гадзетта пьемонтезе»⁸⁵.

На этом фоне знаковыми являлись публикации «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» о ситуации в Валахии и Молдове, перепечатывавшиеся из австрийской прессы и содержавшие обвинения в адрес этеристов за их действия⁸⁶, а также материалы, имевшие откровенно пропагандистскую цель и относившиеся к апрелю 1821 г., в которых отчетливо прослеживалось осуждение греческих повстанцев за обстановку хаоса и насилия в Валахии и Молдове и фактически приветствовались действия османо-турецких войск «по наведению порядка»⁸⁷. Раскол в лагере этеристов, связанный с действиями одного из руководителей восстания — Саввы Бимбаши (Каминара), пошедшего на сговор с османскими властями и в конечном счете погибшего, также являлся частью публиковавшейся информации в трех упоминавшихся итальянских газетах. По мере отступления сил А. Ипсиланти и укрепления позиций османо-турецких войск тональность материалов, перепечатываемых из австрийского официоза, приобретала откровенно враждебный в отношении повстанцев характер, а новости о наступлении на их позиции характери-

зовались как «позитивные»⁸⁸. Продолжавшие на протяжении июля 1821 г. публиковаться в «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие», «Гадзетта ди Дженова» и «Гадзетта пьемонтезе» сообщения о действиях А. Ипсиланти и османско-турецких войск в Дунайских княжествах, относящихся к концу июня 1821 г., изобиловали деталями как военного, так и политического характера, не менявшимися, в принципе, основного представления о происходящем там как о поражении сил греческих повстанцев. 17 июля 1821 г. «Гадзетта пьемонтезе» сообщала со ссылкой на «Остеррайхишер Беобахтер» от 6 июля о поражении А. Ипсиланти в соответствии со сведениями, датированными 28 июня, и о роспуске им его корпуса⁸⁹. Материал аналогичного содержания со ссылкой тоже на австрийское издание и под названием «Бегство Ипсиланти и последующее покорение княжеств Молдавии и Валахии» поместила на следующий день «Гадзетта ди Дженова»⁹⁰. Совершенно неожиданным на этом фоне стало появление в «Гадзетта пьемонтезе» 19 июля, то есть через два дня после сообщения о разгроме сил повстанцев, материала от 4 июля со ссылкой на информацию из Нюрнберга о том, что А. Ипсиланти направлялся в Бухарест, «чтобы сразиться с турками, расположившимися там лагерем». Более того, заявлялось об ожидании известий «об успехе этого решающего марша, поскольку мы видим, что Ипсиланти прилагает все усилия, чтобы предотвратить соединение турецких корпусов и стремится иметь дело с ними по отдельности»⁹¹. Появление этой явно запоздавшей информации создавало у читателя ощущение неопределенности. Однако уже 21 июля «Гадзетта ди Дженова» со ссылкой на «Гадзетта Универсале» сообщала как о достоверной новости, «что Александр Ипсиланти, тайно оставив свою армию, в одиночестве бежал в соседнее государство»⁹². Это не помешало появлению через три дня в очередной раз запоздалой информации в «Гадзетта пьемонтезе», ссылавшейся на сведения из Вены от 4 июля, о победе А. Ипсиланти над турками в районе г. Брэилы⁹³. Такое освещение событий в Дунайских княжествах этой газетой отражало общую тенденцию европейской печати того времени, испытывавшей трудности с быстрым получением новостей из-за рубежа. Так, в частности, в конце июля 1821 г. «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие», перепечатывая известия из Германштадта (Сибиу) от 28 июня, сообщала со ссылкой на номер газеты «Остеррайхишер

Беобахтер» от 6 июля (как это сделали ранее две другие упоминавшиеся итальянские газеты) о вероятном окончании войны в обоих княжествах и о том, что «лишь немногие арнауты сражались с османскими войсками, которые уже оккупировали большую часть территории Валахии»⁹⁴. 27 июля «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» информировала о сражении при Дрэгэшани (Драгашанах), произошедшем 19 июня между османо-турецкими войсками и этеристами, в котором последние, находясь под командованием брата А. Ипсиланти Николаоса, потерпели поражение. В этой связи в газете высказывалось сомнение относительно последовавших после известий о якобы новом сражении, в котором А. Ипсиланти разбил турок⁹⁵, а 2 августа газета сообщала со ссылкой на итальянские издания о том, что «Александр Ипсиланти, тайно оставив свою армию, бежал в соседнее государство»⁹⁶. В свою очередь, «Гадзетта ди Дженова» через два дня и со ссылкой на G. di Francf., то есть на «Франкфуртер-Обер-Пост-Амтс-Цайтунг», писала о его прибытии в Австрию и намерении отбыть в Триест, с тем чтобы направиться в Морею⁹⁷, и 14 августа «Гадзетта пьемонтесе» со ссылкой на материал в том же немецком издании от 27 июля утверждала, что 23 июля он был еще в Араде и его ждали в Пеште⁹⁸. Представление о поражении греческих повстанцев под командованием А. Ипсиланти в Дунайских княжествах, получившее подробное, несмотря на запаздывание информации о событиях, освещение в трех упоминаемых итальянских периодических новостных изданиях, усиливалось публиковавшимся ими материалом о письме А. Ипсиланти, в котором он прославлял героическое поведение «Священной роты» и фактически обвинял остальных повстанцев в поражении⁹⁹. Последующая судьба вождя греческих повстанцев, а именно его пленение австрийскими властями и заключение под стражу, находила отражение в материалах этих изданий уже в контексте информации о развернувшейся в самой Греции войне за независимость, взаимоотношениях России с Австрией и Османской империей, а также внешней политики Вены в целом.

- ¹ *Edroiu N. Revoluția lui Tudor Vladimirescu (1821) și presa belgiană: studiu și anexe. Cluj-Napoca: Editura Presa Universitară Clujeană, 1997; Улунян А.А. Фламандское эхо Греческой революции. «Gazette van Gend» и начальный этап «греческих событий» (январь — декабрь 1821 года) // Славяноведение. 2021. № 1. С. 3–15.*
- ² *Φίλημων Ι. Δοκίμιον Ἱστορικὸν περὶ τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Αθήναι: Τύποις Π. Σούτσου καὶ Α. Κτενᾶ, 1859. Τ. Α΄. Σ. 49, 82–83, Δεσποτόπουλος Α.Ι. Η απόφασις περὶ τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως τοῦ 1821. Αθήναι: [χ. ό.], 1965. Σ. 92–96, 102–107.*
- ³ *Текст письма в: Ζάνθος Ε. Απομνημονεύματα περὶ τῆς Φιλικῆς Εταιρίας. Αθήναι: Εκ του Τυπογραφείου Α. Γκαρπολά, 1845. Σ. 147.*
- ⁴ *Подробнее об этих событиях см.: Ариш Г.Л. Этеристское движение в России. М.: Наука, 1970; он же. Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 128–144; он же. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.: Индрик, 2013.*
- ⁵ *См. сборники документов: Documente privind istoria României. Răscoala din 182. București: Ed. Acad. Republicii Populare Române, 1959–1962. V. I–V.*
- ⁶ *Copie d'une dépêche au Consul général de Pini. Laybach, le Février / 7. Mars 1821 // Prokesch von Osten A. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des Hellenischen Königreiches: aus diplomatischem Standpunkte. Wien: Gerold, 1867. Bd. 3. S. 58. В румынской историографии встречаются утверждения о якобы активной вовлеченности А. Пини в революционные дела в Валахии и его фактической поддержке этеристов, что, однако, не находит документальных подтверждений. См.: Radu M. Răscoala din 1821 și logica istoriei // Romanoslavica. 1964. N X. P. 243. См. также: Ojetea A. Tudor Vladimirescu și mișcarea eteristă în țările românești, 1821–1822. București: Ed. Institutul de Studii și Cercetari Balcanice, 1945.*
- ⁷ *Copie d'une dépêche au Consul général de Pini. Laybach, le Février / 7. Mars 1821 // Prokesch von Osten A. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des Hellenischen Königreiches: aus diplomatischem Standpunkte. Wien: Gerold, 1867. Bd. 3. S. 59.*
- ⁸ *Φωτεινός Ηλ. Οἱ ἄθλοι τῆς ἐν Βλαχία Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως τὸ 1821 ἔτος. Συγγραφεύς παρὰ Ἡλία Φωτεινοῦ τοῦ Πελοπον: Π: Πατρώος Καὶ ἐκδοθέντες διὰ τὴν συνάφειαν τῆς Γενικῆς ἱστορίας τῆς Ἑλλάδος Εἰς ἓν τμῆμα Ἐν Λειψία τῆς Σακσονίας, 1846. Σ. 7.*
- ⁹ *Подробнее о характере взаимоотношений и переписке Т. Владимиреску с руководством этеристов см. один из томов указанных выше документов: Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. Eteria în parincipatele romine. București: Ed. Acad. Republicii Populare Române, 1960. V. IV.*
- ¹⁰ *О роли и месте этого издания в антигреческой пропаганде см.: Δημάκης Ιω. Ο Oesterreichischer Beobachter της Βιέννης, και η Ἑλληνική Ἐπανάστασις 1821–1827. Συμβολή εις τὴν μελέτην τοῦ ευρωπαϊκοῦ αντι-φιλελληνισμοῦ. Αθήναι: Παπαζήση, 1977.*
- ¹¹ *Hatzopoulos K. Was Alexander Ypsilandis struck off the list of officers of the Russian army? // Balkan Studies. Institute for Balkan Studies. 1987. Vol. 28. N 2. P. 285.*
- ¹² *Ibid. P. 284, 285.*

- ¹³ *Zenker E. V.* Geschichte der Wiener Journalistik. Wien: Wilhelm Braumuller, 1892. Band 1. S. 105.
- ¹⁴ Ibid. S. 106.
- ¹⁵ Torino, 28 luglio // *Gazzetta piemontese*. 28.07.1821. P. 422.
- ¹⁶ Piemonte, Torino, 28 luglio // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 12.08.1821. P. 485.
- ¹⁷ Torino, 28 luglio // *Gazzetta piemontese*. 28.07.1821. P. 422.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ *Goossens B.* Beeldvorming over het Oosten. De Griekse onafhankelijkheidsstrijd in de contemporaine pers van de Zuidelijke Nederlanden. (1821–1832). Masterproef neergelegd aan de Faculteit Letteren en Wijsbegeerte van de Universiteit Gent voor het behalen van de graad van Master in de Geschiedenis. 2008–2009. Bld. 63. https://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/366/501/RUG01-001366501_2010_0001_AC.pdf (дата обращения: 27.07.2020).
- ²¹ *Winckler J.* Die periodische Presse Österreichs — Eine historisch — statistische Studie. Wien: Druk. von Leopold Sommer & Comp., 1875. S. 43.
- ²² О характере германо-румынских отношений в тот период см.: *Docea V.* Relații româno-germane timpurii. Încercări și eșecuri în prima jumătate a secolului XIX. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2000.
- ²³ Austria, Vienna, 18 marzo // *Gazzetta piemontese*. 07.04.1821. P. 198.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Estratto di lettera di Odessa, 11 marzo // *Gazzetta di Genova*. 07.04.1821. P. 109.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 112.
- ³¹ *Gazzetta di Genova*. 11.04.1821. P. 115.
- ³² Ibid.
- ³³ Regno Illirico, Trieste, 27 marzo // *Gazzetta piemontese*. 17.04.1821. P. 222.
- ³⁴ Alemagna, 5 aprile // *Gazzetta piemontese*. 19.04.1821. P. 225.
- ³⁵ Alemagna, Francoforte, 10 aprile // *Gazzetta piemontese*. 24.04.1821. P. 233.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Inghiltera, Londra, 23 // *Gazzetta piemontese*. 03.05.1821. P. 253.
- ³⁹ Stoccarda, 19 aprile // *Gazzetta piemontese*. 03.05.1821. P. 253.
- ⁴⁰ Notizie Compendiate // *Gazzetta di Genova*. 05.05.1821. P. 144.
- ⁴¹ Alemagna, Annover, 20 aprile // *Gazzetta piemontese*. 05.05.1821. P. 257.
- ⁴² Ibid. P. 258.
- ⁴³ Austria, Vienna 24 aprile // *Gazzetta di Genova*. 05.05.1821. P. 154.
- ⁴⁴ Impero Ottomano. Bucarest, 15 aprile // *Gazzetta di Genova*. 05.05.1821. P. 155.

- ⁴⁵ Gazzetta piemontese. 08.05.1821. P. 263.
- ⁴⁶ Alemagna, Francoforte, 29 aprile // Gazzetta piemontese. 12.05.1821. P. 271.
- ⁴⁷ Germania, Francoforte, 29 aprile // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 26.05.1821. P. 217.
- ⁴⁸ Austria, Vienna, 24 aprile // Gazzetta piemontese. 12.05.1821. P. 271.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Austria, Vienna, 24 aprile // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 29.05.1821. P. 227–228.
- ⁵¹ Austria, Vienna, 24 aprile // Gazzetta piemontese. 12.05.1821. P. 271.
- ⁵² Austria, Vienna, 25 aprile // Gazzetta piemontese. 15.05.1821. P. 276.
- ⁵³ Ibid. P. 277.
- ⁵⁴ Austria, Vienna // Gazzetta piemontese. 17.05.1821. P. 284.
- ⁵⁵ Bukarest, 18 aprile // Gazzetta di Genova. 26.05.1821. P. 169.
- ⁵⁶ Impero Ottomano // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 28.05.1821. P. 220–221.
- ⁵⁷ Turchia, Costantinopoli, 10 aprile // Gazzetta piemontese. 24.05.1821. P. 237.
- ⁵⁸ Francia, Parigi, 3 maggio // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 25.05.1821. P. 215.
- ⁵⁹ Germania, Francoforte, 13 maggio // Gazzetta di Genova. 26.05.1821. P. 169.
- ⁶⁰ Jassz, 14 aprile // Gazzetta piemontese. 29.05.1821. P. 305.
- ⁶¹ Austria, Vienna, 9 maggio // Gazzetta piemontese. 29.05.1821. P. 306.
- ⁶² Austria, Vienna, 15 maggio // Gazzetta piemontese. 30.05.1821. P. 310.
- ⁶³ См., например: Turchia, Bukarest, 18 Aprile // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 06.06.1821. P. 256; Turchia, Bukarest (Valacchia), 28 aprile // Gazzetta piemontese. 07.06.1821. P. 323; Austria, Vienna, 24 maggio // Gazzetta di Genova. 09.06.1821. P. 192.
- ⁶⁴ Francia, Parigi, 1 giugno // Gazzetta piemontese. 09.06.1821. P. 328, 329.
- ⁶⁵ Ibid. P. 329.
- ⁶⁶ Ibid. P. 329.
- ⁶⁷ Giornale del Regno delle Due Sicilie. 22.06.1821. P. 312.
- ⁶⁸ Baviera, 14 maggio // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 12.06.1821. P. 276.
- ⁶⁹ Ibid. P. 277.
- ⁷⁰ Alemagna, Francoforte, 4 giugno // Gazzetta piemontese. 14.06.1821. P. 335.
- ⁷¹ Vallacchia, Bukarest, 30 aprile // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 16.06.1821. P. 291.
- ⁷² Austria, Vienna, 24 maggio // Gazzetta piemontese. 16.06.1821. P. 340.
- ⁷³ Austria, Vienna, 7 giugno // Gazzetta piemontese. 19.06.1821. P. 343–344. В действительности этот материал был опубликован в «Der Oesterreichische Beobachter» 8 июня 1821 г., в то время как корреспонденция датировалась 7 июня. См.: Der Oesterreichische Beobachter. 08.07.1821. S. 747–748.
- ⁷⁴ Austria, Vienna, 7 giugno // Gazzetta piemontese. 19.06.1821. P. 343.
- ⁷⁵ Ibid. P. 344.
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Impero Ottomano // Giornale del Regno delle Due Sicilie. 26.06.1821. P. 323.
- ⁷⁸ Ibid. P. 324.

- ⁷⁹ Austria, Vienna, 7 giugno // *Gazzetta piemontese*. 19.06.1821. P. 345. Такие же сведения были опубликованы, но позже, в: Austria, Vienna, 11 giugno // *Gazzetta di Genova*. 27.06.1821. P. 208–209; и повторена уже в июле 1821 г. в другом издании: Impero d'Austria. Vienna, 11 giugno // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 06.07.1821. P. 359.
- ⁸⁰ Germania // *Gazzetta di Genova*. 20.06.1821. P. 200.
- ⁸¹ Transilvania, Cronstadt, 24 maggio // *Gazzetta piemontese*. 26.06.1821. P. 354.
- ⁸² Francia, Parigi, 16 giugno // *Gazzetta piemontese*. 26.06.1821. P. 355, 358.
- ⁸³ *Gazzetta piemontese*. 28.06.1821. P. 364.
- ⁸⁴ Principati di Moldavia e Valacchia // *Gazzetta di Genova*. 07.07.1821. P. 220.
- ⁸⁵ Francia, Parigi, 25 giugno // *Gazzetta piemontese*. 30.06.1821. P. 368.
- ⁸⁶ Austria, Vienna 6 giugno // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 28.06.1821. P. 331, 332.
- ⁸⁷ Turchia, Bukarest (Valacchia), 28 aprile // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 29.06.1821. P. 336; Principati di Moldavia e Valacchia // *Gazzetta di Genova*. 07.07.1821. P. 220.
- ⁸⁸ Impero d'Austria. Vienna, 11 giugno // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 06.07.1821. P. 359; Vienna, 29 giugno // *Gazzetta piemontese*. 07.07.1821. P. 382.
- ⁸⁹ Austrai, Vienna, 6 luglio // *Gazzetta piemontese*. 17.07.1821. P. 397.
- ⁹⁰ *Gazzetta di Genova*. 18.07.1821. P. 231–232.
- ⁹¹ Alemagna, Norimberga (Baviera), 4 luglio // *Gazzetta piemontese*. 19.07.1821. P. 404.
- ⁹² Impero Ottomano // *Gazzetta di Genova*. 21.07.1821. P. 237.
- ⁹³ Austria, Vienna, 4 luglio // *Gazzetta piemontese*. 24.07.1821. P. 411.
- ⁹⁴ Impero Ottomano, Principati di Moldavia e Valacchia // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 25.07.1821. P. 424.
- ⁹⁵ Austria, Affari di Turchia // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 27.07.1821. P. 432.
- ⁹⁶ Impero Ottomano // *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 02.08.1821. P. 456.
- ⁹⁷ Affari della Grecia // *Gazzetta di Genova*. 04.08.1821.
- ⁹⁸ Alemagna, Francoforte, 27 luglio // *Gazzetta piemontese*. 14.08.1821. P. 450.
- ⁹⁹ Francia, Parigi, 11 agosto // *Gazzetta piemontese*. 21.08.1821. P. 465; Austria, Vienna, 12 agosto // *Gazzetta piemontese*. 23.08.1821. P. 468; *Giornale del Regno delle Due Sicilie*. 09.09.1821. P. 577–578.

АЛЕКСАНДР ИПСИЛАНТИ И ВОССТАНИЕ ГРЕКОВ В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ В 1821 Г.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 200 ЛЕТ

В апреле 1820 г. по инициативе Эммануила Ксантоса, одного из основателей «Филики Этерии», тайного революционного общества, созданного в Одессе в 1814 г., верховная власть (Ανώτατη Αρχή) в нем была передана Александру Ипсиланти, князю, представителю фанариотской аристократии и выдающемуся офицеру Русской императорской армии¹. Первоначально этеристы надеялись привлечь в свой круг выходца с о. Корфу Иоанна Каподистрию, вице-канцлера Российской империи. В 1816 г. Николаос Галатис с о. Итака отправился в Санкт-Петербург для вербовки Каподистрии. Но тот отклонил его предложение и посоветовал «Филики Этерии» отказаться от революционных средств борьбы. Именно тогда внимание Ксантоса переключилось на А. Ипсиланти. После того как Каподистрия в 1820 г. отклонил еще два предложения возглавить общество, Ипсиланти решил подготовиться к греческой революции без него и попросил у царя двухлетний отпуск². Прошло всего пять лет после восстановления аристократического порядка в Европе (Венский конгресс 1814–1815 гг.).

Генерал Томас Гордон, офицер британской армии и историк, известный своим участием в греческой войне за независимость, в книге «История греческой революции», изданной в Лондоне в 1832 г., приводит исторические сведения, которые он собрал в первое десятилетие с начала греческой революции. Похоже, что его главными источниками были Александр Маврокордатос и митрополит Игнатий Унговлахийский, две влиятельные фигуры греческого революционного периода, которые считали, что борьба за независимость

Греции началась преждевременно и что авантюра Ипсиланти в Молдавии и Валахии привела эллинизм к катастрофе, которой можно было бы избежать³.

Ипсиланти критиковали за то, как он начал, провел и завершил свое дерзкое предприятие. Но бросив ясный ретроспективный взгляд на кампанию в Княжествах, мы должны признать, что он испытывал колоссальные и необычные трудности, требующие не только особых талантов, но и глубокого знания местных условий, особенно людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Гордон утверждал, что в оправдание опрометчивости, которая побудила Ипсиланти, располагавшего такими небольшими ресурсами, вторгнуться в Молдавию и Валахию против султана, «мы можем утверждать, что он оказался орудием и жертвой обмана людей, гораздо более хитрых, чем он сам»⁴.

Джордж Финлей, шотландский филэллин и историк, приехавший в Грецию в 1823 г. для участия в греческой войне за независимость, считал, что «греческая революция не могла попасть в руки более неподходящего национального лидера». Он утверждал, что А. Ипсиланти был несведущ в чувствах греческих горцев и моряков «до такой степени, что считал, что будто все люди в Греции готовы приветствовать его как своего монарха». Финлей утверждал, что представления Ипсиланти о патриотизме переплетались с его мечтами о власти или восхождении на трон независимой Греции. По его мнению, лидер «Филики Этерии» сам не уважал правду и не ценил ее в других. Он считал, что покровительство русского царя Александра I обеспечит ему либо Дунайские княжества, либо престол возникшего греческого государства. Наконец, согласно Финлею, Ипсиланти взял на себя в Молдавии «руководство группой иностранных наемников, которые боролись за завоевание Дунайских княжеств и передачу их суверенитета от константинопольского султана русскому царю»⁵.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЛАНЫ В БЕССАРАБИИ

В октябре 1820 г. в городе Измаиле на реке Дунай, на территории нынешней юго-западной Украины, было решено начать греческое восстание на Пелопоннесе. Революционный план состоял в том, чтобы А. Ипсиланти прибыл в Мани в сопровождении своих основ-

ных соратников⁶. Он также предусматривал отвлекающий маневр в Молдавии и Валахии, с тем чтобы Саввас Каминарис Фокианос, Георгакис Олимпиос и их люди восстали против османов. Кроме того, велись переговоры, чтобы одновременно с греками подняли оружие против Высокой Порты сербы и болгары⁷. График операции предполагал, что вышеуказанные планы должны быть реализованы немедленно, а именно в последние два месяца 1820 г. Время для этого было благоприятным, поскольку между Али-пашой и войсками султана в самом сердце Османской империи разразилась гражданская война. Сломить сопротивление мятежного пашы в Эпире Порта отправила опытного полководца Хуршид-пашу, губернатора Пелопоннеса. В результате туркам пришлось вывести из региона значительные военные силы, что повысило шансы на военный успех греческих революционеров. Однако сообщения о том, что приготовления на Пелопоннесе не завершены, и распространение слухов, будто освободительное движение и его цели были выданы султану, привели Ипсиланти к решению отказаться от первоначального генерального плана и начать восстание в Молдавии и Валахии⁸.

На встрече в Измаиле обсуждались два ключевых вопроса. Во-первых, вспыхнет ли революция на Пелопоннесе с прибытием А. Ипсиланти или борьба за независимость Греции начнется в Дунайских княжествах. Второй жизненно важный вопрос заключался в том, следует ли поднимать восстание против османов немедленно или нет. Перевос и Пападопулос выступали за отсрочку, потому что, как опытные воины, они считали, что Пелопоннес и Румелия не готовы к революции. Напротив, другие, и особенно Григориос Дикеос, который также представлял пелопоннесских нотаблей и военачальников, высказались за немедленное начало восстания, утверждая, что все готово. В конце концов возобладала точка зрения, соответствующая «Общему плану» (Σχῆδιον Γενικόν). Однако в Кишиневе, нынешней столице Республики Молдова и крупнейшем городе Бессарабской губернии Российской империи в первой половине XIX в., Ипсиланти понял, что австрийские власти затруднили бы его проезд через Триест, откуда корабль Георгиоса Паноса, члена «Филики Этерии» с о. Спеце, должен был доставить его в материковую Грецию⁹.

В Бессарабии Ипсиланти пришлось пересмотреть свои цели, и он решил начать восстание против Порты в Дунайских княжествах, где местные условия оставались благоприятными. Правитель Молдавии Михаил Суцос являлся членом «Филики Этерии» и был готов согласиться с революционными планами Ипсиланти¹⁰. Внезапная смерть правителя Валахии Александра Суцоса, который относился равнодушно к делу этеристов, также решающим образом способствовала вступлению повстанческих войск в Молдавию и Валахию¹¹. Кроме того, Ипсиланти считал, что туркам придется столкнуться с враждебностью Санкт-Петербурга из-за договорных соглашений о Княжествах между Османской и Российской империями. Наконец, еще одно соображение, которое он принял во внимание, заключалось в том, что в то время на Пелопоннесе размещалось лишь небольшое количество османских войск, а остальные части османской армии были направлены против мятежного Али-паши в Эпир¹².

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ПРУТ И ЯССКИЕ ВОЗЗВАНИЯ

22 февраля 1821 г. А. Ипсиланти переправился через Прут в сопровождении обоих своих братьев Николаоса и Георгиоса, вместе с Георгиосом Маносом, Георгиосом Кантакузиносом и польским офицером русской армии Гарновским. По пути в Яссы генеральный комиссар греческого народа — Γενικός Επίτροπος του Ελληνικού Έθνους — был с почестями встречен местной охраной. Под предводительством Герасима Орфаноса и Василиоса Феодору двести всадников сопровождали Ипсиланти и его свиту в Галатский монастырь, расположенный на холме за городом, куда они прибыли вскоре после захода солнца. Именно там А. Ипсиланти впервые поднял флаг греческой революции. В монастыре Галата начался настоящий набор добровольцев и регистрация солдат¹³.

Почти одновременно с переходом Ипсиланти через Прут Вассилиос Каравиас, моряк с о. Итака и капитан русских кораблей, напал со своими наемниками на небольшой османский отряд в Галаце и почти весь его уничтожил. Истребление небольшого отряда османской стражи было только началом. Наемники Каравиаса вырезали большинство мусульманских жителей города — купцов, мелких торговцев, матросов — и разграбили их имущество¹⁴. Тот же сценарий повторился чуть позже, когда Ипсиланти прибыл в столицу

Молдавии Яссы. От сорока до пятидесяти османских солдат служили там в гвардии правителя. Отряд находился под командованием господаря и не отказался сложить оружие. Мусульмане столицы Молдавии — около тридцати купцов с членами их семей — собрались по указанию администрации и были взяты под охрану, как им заявили, в целях их безопасности. Убийство как мужчин, так и женщин произошло в присутствии М. Суцоса и А. Ипсиланти, что узаконило нарушения, имевшие место немного ранее в Галаце. Более того, Ипсиланти публично приветствовал эти действия¹⁵.

23 февраля на молдавском языке было напечатано воззвание, адресованное «молдавскому народу» — προς το έθνος της Μολδαβίας, — чтобы успокоить тех, кто не знал цели пребывания Ипсиланти в регионе и беспокоился о своей безопасности. В своем воззвании Ипсиланти объявил о начале «всеобщей революции греков» (Γενική Επανάσταση των Ελλήνων). На следующий день Ипсиланти издал еще две прокламации, в которых объявил, что греки восстали против «гнетущего ига варваров», и призвал всех бороться за освобождение греческой родины. Тогда же (24 февраля) была распространена официальная прокламация «Борись за веру и отечество» (Μάχου υπέρ Πίστεως και Πατρίδος), составленная ученым — доктором Георгиосом Козакисом Типальдосом¹⁶, а Ипсиланти в письме царю объявил о своей отставке из русской армии. В нем он пытался оправдать свой шаг и просил помощи России в пользу угнетенных балканских православных христиан¹⁷.

К 25 февраля 1821 г. две тысячи греческих, сербских, болгарских и черногорских солдат вызвались сражаться под началом Ипсиланти. Немедленно началась организация этих сил в воинских частях, несмотря на отсутствие предметов первой необходимости. Николаос и Георгиос Ипсиланти были назначены командирами Первого и Второго корпусов. Константинос Дукас и Василиос Каравиас стали майорами, Георгиос Лассанис и Александрос Ризос — лейтенантами. Иоаннис Колокотронис, Контос, Василиос Барлас и Василиос Феодору получили чин тысяцкого. В другом воззвании Ипсиланти призвал греков Молдавии, служивших местным правителям, присоединиться к его армии. Из многих уголков ближайших губерний России молодые люди, полные энтузиазма и уверенности в своих силах, решили сражаться под греческими знаменами, поднятыми А. Ипсиланти¹⁸.

11 марта Ипсиланти выдвинулся из Ясс и расположился лагерем в Фокшанах, на границе Валахии и Молдавии, где также находился Каравиас с двумя сотнями плохо вооруженных солдат¹⁹. Из Одессы и других городов прибыло много восторженных добровольцев, чтобы записаться в армию «Филики Этерии». Они сформировали Священный батальон (Ιερός Λόχος) в подражание Священному отряду древних фиванцев, тем самым соединив классическую Грецию с возродившейся новой. Первым командиром и инструктором Священного батальона был Георгиос Кантакузинос, а капитанами — Спиридон Дракулис с Итаки, Димитриос Суцос из Константинополя, Лукас Вальсмакис с Кефалонии, Андроник с Пелопоннеса, Ризос из Янины и Иоаннис Крокиас с Хиоса²⁰.

В Фокшанах серб Младен Милованович, бывший офицер русской армии, представился Ипсиланти и пообещал, что к нему подойдут четыре–шесть тысяч хорошо вооруженных солдат, как только греки переправятся через Дунай в Болгарию²¹. Однако вдали от Ясс А. Ипсиланти потерял связь со своими близкими соратниками по «Филики Этерии». В то же время с арестом Аристидиса Папаса надежды на сербское восстание не оправдались²². 13 марта Ипсиланти был вынужден призвать к оружию местных жителей. Через несколько дней (18 марта) он обратился «к знатым жителям Бухареста» с предложением вернуться в город, подчеркнув, что его намерением является мирный переход только из Дакии, пока из Малой Валахии приближается валахский вождь Тудор Владимиреску²³. Последний, подняв восстание против местных правителей в середине января 1821 г., сумел укрепиться в Малой Валахии. 1 марта он вышел из города Крайова с отрядом в 6000 валахов, греков, сербов и болгар и двинулся на территорию Большой Валахии. 18 марта 1821 г. Владимиреску вошел в Бухарест, покинутый консулами России и Австрии, а также многими местными чиновниками²⁴.

БАЛКАНСКИЕ СЛОЖНОСТИ

В январе 1821 г. было подписано секретное соглашение о взаимной поддержке Владимиреску, с одной стороны, и членами «Филики Этерии» Георгакисом Олимпиосом и Иоаннисом Фармакисом — с другой. В договоре говорилось о панбалканском сотрудничестве.

Кроме того, этеристы льстили стремлению Владимиреску стать правителем объединенной Валахии и Молдавии. При поддержке «Филики Этерии» Владимиреску начал общественное движение в Валахии и собрал вокруг себя множество крестьян и господарских солдат. Естественно, местные бояре запаниковали и попытались бороться с предводителем пандуров. Ирония истории заключается в том, что они возложили эту миссию на офицеров Греческой армии княжеств Г. Олимпиоса и И. Фармакиса²⁵.

25 марта 1821 г. Ипсиланти прибыл к реке Колентине на северной окраине Бухареста, где разместил свои войска в различных деревнях. В то же время он приказал капитанам Олимпиосу, Фармакису и Дукасу войти в город. На следующий день он тайно встретился с Саввасом Фокианосом, чтобы убедить его отказаться от сотрудничества с Владимиреску, который остался в Бухаресте, ведя себя как новый местный правитель. Устные договоренности и клятвы верности не предотвратили беспорядки, учиненные пандурами в столице Валахии, переход Фокианоса на сторону врага и переговоры Владимиреску с турками²⁶. После анафемы восстания, изданной Константинопольским патриархом 23 марта, и отказа царя поддержать повстанцев 14 марта надежды на успех осталось совсем мало²⁷.

Со временем условия в Княжествах становились все более неблагоприятными. Турки укрепили крепости на Дунае и усилили свое военно-морское присутствие на реке. На фоне нейтральной позиции России гарнизон Брэилы вышел из форта и подошел к переправам через реку, прервав таким образом сообщение повстанцев с Бессарабией. Узнав об уходе Ипсиланти и отрицательном отношении к восстанию русского царя, молдаване стали выказывать враждебность греческому делу. Наконец, господарь Михаил Суцос в тревоге покинул Яссы и 31 марта вместе с местными чиновниками отправился к карантину в Скулянах²⁸.

После отъезда Суцоса Ипсиланти отправил Константиноса Пентедекаса в Яссы, чтобы предотвратить сотрудничество между молдаванами и турками Брэилы. Когда Пентедекас прибыл туда, он обнаружил, что местные нотабли и духовенство не предпринимают никаких действий. Тогда он взял власть в свои руки и объявил себя «главнокомандующим греков». В конце апреля турки Брэилы без сопротивления переправились через Сирет — приток Дуная — и вошли

в Молдавию. Греки забаррикадировались в трех старых фортах за пределами Галаца с 19 пушками, полагаясь на помощь вооруженных греческих речных кораблей. В начале мая турки выступили против укреплений греков и стремительно атаковали их, пытаясь окружить. После упорного сопротивления два форта сдались. В третьем Афанасиос Карпенисиотис и его соратники предприняли вылазку, и им удалось отступить к берегам Прута. Турецкая кавалерия вошла в Галац, разграбила город, сожгла церкви и вырезала много молдаван²⁹.

И без того не очень хорошая ситуация в лагере Ипсиланти, создавшаяся из-за столкновений между различными капитанами и двусмысленной позиции все еще сильного Владимиреску, еще более ухудшилась после 8 мая, когда стало известно о поражении в Галаце и последующих разрушениях в городе. Фокианос и Владимиреску дистанцировались от целей Ипсиланти, а местным нотаблям и клирикам пришлось изменить свое мнение, когда они поняли, что Россия не намерена вмешиваться. Кроме того, разнородные силы Ипсиланти были неуправляемы, склонны к дезертирству, грабёжам и вредительству. Все попытки руководителя «Филики Этерии» установить дисциплину оказались безуспешными³⁰.

15 мая Владимиреску оставил позиции за пределами Бухареста и двинулся на север, в Голешты. На следующий день Саввас покинул Бухарест и направился со своими людьми в Тырговиште, где расположился лагерем, дав возможность османским войскам без боя занять столицу Валахии. За оккупацией Бухареста последовал компромисс между Ипсиланти и Владимиреску. Но вождь валахов нарушил свое слово и пообещал туркам убить Г. Олимпиоса и самого Ипсиланти. В конце концов Олимпиос арестовал его и отправил в плен к Ипсиланти в Тырговиште, где военный совет приговорил Т. Владимиреску к смертной казни³¹. Глава «Филики Этерии», увидев, что турки приближаются к его лагерю в Тырговиште, попросил К. Дукаса и С. Фокианоса с их людьми присоединиться к нему как можно скорее. Однако Дукас остался стоять за городом, а Фокианос вообще не появился. Под натиском турецкой кавалерии Ипсиланти был вынужден отступить к Питешти (27 мая). Дукас, предположительно больной, ушел, а Фокианос дезертировал и присоединился к туркам (30 мая)³².

ПОРАЖЕНИЕ И ОТСТУПЛЕНИЕ

Бегство в Тырговиште было воспринято современниками негативно. Главный вопрос был: что Ипсилантис собирался делать в Тырговиште? Такую же негативную оценку мы видим в хрониках и мемуарах о войне за независимость Греции. Наблюдатель за событиями в Княжествах пишет: «Они покидают Колентину и отчаянно ползут к лагерю в Тырговиште»³³. Более снисходительное суждение высказывает Илиас Фотинос, который рассматривает отступление и длительное пребывание Ипсиланти в Тырговиште как попытку собрать и реорганизовать немногочисленные и разрозненные силы повстанцев и создать сколько-нибудь прочный плацдарм для продолжения борьбы³⁴. Однако, как указывает греческий историк Василис Панайотопулос, кажется, что целями Ипсилантиса были: а) концентрация его разрозненных сил для лучшей защиты, б) уход из Дунайских княжеств и в) новая демонстрация своей верности царю, от которого он все еще ждал разрешения и помощи, чтобы отправиться в Грецию. Ипсиланти на тот момент не вполне понял точный посыл царского осуждения его движения³⁵.

Разрушение Галаца и необходимость обеспечения безопасности в Яссах продиктовали немедленную отправку в город Георгиоса Кантакузина, который знал молдаван и местные особенности. Кантакузин приехал в Яссы 24 мая, но его прибытие не исправило ситуацию. Напротив, оно вызвало новые споры и разногласия с Пентедекасом. Молдаване, осведомленные о судьбе Галаца, не решались предложить свою помощь. В Яссах Кантакузин вместо законного правительства и военного корпуса в 1400 человек нашел только Пентедекаса с 70 албанцами, 50 греками и около 90 молдаван и цыган, которых называли казаками и которые были в основном безоружны и без мундиров. Прибывшие с ним албанцы разошлись, как только вошли в Яссы, в поисках своих домов и семей. Кантакузин остался только с капитаном Гикасом и его отрядом из двадцати человек. В этой ситуации он призвал бояр второго и третьего ранга вернуться в город и стать во главе правительства. Таким образом он надеялся восстановить порядок и предотвратить развал страны. 8 июня Г. Кантакузину пришлось отвести свои силы к Стиге, чтобы дожидаться Афанасиоса Карпенисиотиса и его людей³⁶.

Турки заняли Яссы 13 июня, и Г. Кантакузин, понимая, что любое сопротивление османскому наступлению бесполезно, решил вместе с некоторыми из своих людей покинуть Молдавию и искать убежища в Бессарабии. Несмотря на совет Кантакузина, около шестисот греков остались в Скулянах и забаррикадировались на берегу реки Прут. 17 июня, после целого дня столкновений с турецкими войсками, погибло более 250 греков вместе с большинством их капитанов (Сфазлосом, Софианосом, Карагеоргисом, Контогонисом, Мигарисом). Остальные под командованием А. Карпенисиотиса переправились через реку на российскую территорию. Филиал «Филики Этерии» в Кишиневе взял на себя заботу о спасшихся на деньги из фонда Елизаветы Ипсиланти, матери пятерых братьев Ипсиланти³⁷.

Мы не знаем, общался ли Кантакузин в течение последних двух дней 16–17 июня 1821 г. с решившимися на сопротивление капитанами, и, кроме того, мы не можем знать, каково было бы содержание такого общения. Однако Кантакузин, похоже, до последнего момента верил в возможность организованного отступления на территорию Бессарабии. Кантакузин действительно не участвовал в битве при Скулянах. Но он также обоснованно объяснил свое отсутствие: он был против этого сражения и не одобрил патриотической жертвы своих товарищей по оружию. Как профессиональный военный, Кантакузин предложил спасти войска, отступив на территорию Бессарабии, с тем чтобы оттуда через Прут и Черное море перебросить их в Болгарию или материковую Грецию, где они будут более полезны³⁸.

1 июня Ипсиланти, переправившись через реку Олт, прибыл в Рымник, где приказал собраться всем своим силам. В Малой Валахии произошли различные столкновения между мелкими подразделениями, часть которых отошла к Рымнику, а часть была расформирована. Османская армия расположилась лагерем в Драгачанах 29 мая. Солдаты Г. Олимпиоса и Н. Ипсиланти вместе со Священным батальоном двинулись в атаку на турок. В. Каравиас подошел на помощь, но действовал без согласования со своими товарищами по борьбе. Жаждающий славы, с восемью сотнями всадников он перешел мост через реку Олт, увлекая за собой в бой Священный батальон. Однако в результате атаки прибывшей сильной османской кавалерии Каравиас отступил, оставив неопытных бойцов Священного

батальона на произвол турецкой кавалерии на открытой местности. После неудач под Тырговиште и катастрофы в Драгачанах (7 июня) А. Ипсиланти потерял всякую надежду и, полный горечи, 8 июня в Рымнике издал свою последнюю прокламацию³⁹. 15 июня 1821 г. Ипсиланти пересек австрийскую границу под псевдонимом Димитриос Палеогенидис как крупный купец и русский подданный в сопровождении двух своих братьев, Николаоса и Георгиоса, вместе с некоторыми из своих ближайших соратников. Около 100 бойцов Священного батальона также бежали на территорию Австрии⁴⁰.

ЦАРСКОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Нет сомнений в том, что решающим моментом для распада движения стало известие об дезавуировании А. Ипсиланти царем Александром I и его министром иностранных дел Иоаннисом Каподистрией⁴¹. Оно окончательно похоронило надежду на российскую военную интервенцию. Полный провал восстания в Дунайских княжествах показал, что все обстоятельства, казавшиеся преимуществами, не благоприятствовали революционерам. Царь с самого начала рассматривал инициативу Ипсиланти как акт, противоречащий интересам России. Как только сообщение о вторжении в Княжества достигло Лайбаха, современной Любляны, оно встревожило конгресс Священного союза, который собрался там 26 февраля 1821 г., чтобы определить совместные действия союзных государей в борьбе с любым народным восстанием в Европе. Статус Ипсиланти как командира русских гусар вызвал у делегатов подозрение, что Россия спровоцировала революционное движение против Блистательной Порты, чтобы добиться от нее решений в свою пользу. Вся Европа увидела во вторжении Ипсиланти предвестие новой русско-турецкой войны⁴².

Давление на Россию, в первую очередь со стороны Австрии, с целью ее невмешательства в военные дела Княжеств привело к дальнейшему падению морального духа в революционном лагере. Положение царя было сложным, поскольку Ипсиланти в своем письме к Александру I возложил на его плечи задачу освобождения «десяти миллионов христиан». А. Ипсиланти сообщил в своем письме, что по воле своего покойного отца и по «просьбе нации» (παράκληση του

ἑθνους) он решил возглавить восстание против Османской империи, которое готовилось в течение нескольких лет тайным обществом греков. Ипсиланти призвал царя изгнать османов из Европы и таким образом добавить к своим многочисленным титулам еще и титул «освободителя Греции» (του ελευθερωτή της Ελλάδας)⁴³. Под влиянием революционных событий в Испании, мятежа Семеновского полка императорской гвардии в Петербурге, сопротивления, оказанного австрийской армии при подавлении революции в Неаполе, недавно начавшегося восстания в Пьемонте Александр I был вынужден, главным образом по настоянию австрийского канцлера Меттерниха, осудить вторжение Ипсиланти в Молдавию и Валахию⁴⁴. Своим торжественным осуждением движения против Османской империи царь стремился доказать верность принципам Священного союза. Последним ударом по революционному лагерю стало согласие России на то, чтобы Высокая Порта послала сильную армию для подавления мятежа в Молдавии и Валахии⁴⁵.

ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГРЕЦИИ

Дунайские княжества являлись основным центром распространения либеральных идей по всей Османской империи. В то же время соседним странам, особенно Сербии и Болгарии, было предначертано принять активное участие в борьбе против турок. Теоретически план «Филики Этерии» предусматривал восстание всех балканских народов против Османской империи, согласно идеям, впервые выдвинутым Ригасом Велестинлисом⁴⁶. Как мы видели, ведущие члены «Филики Этерии» подписали соглашения о сотрудничестве с сербскими и болгарскими националистами и албанцами (арнаутами), служившими в Княжествах, в то время как надежды Ипсиланти были сосредоточены на сербах Милоша Обреновича, но в основном на лидере пандуров в Валахии Т. Владимиреску. Выбор Княжеств в качестве места начала восстания был также связан с присутствием на их территории большого количества греков — государственных чиновников, купцов, студентов, даже опытных наемников, — готовых внять революционным воззваниям. Среди военачальников, служивших там, были Г. Олимпиос и И. Фармакис родом из Македонии⁴⁷.

Кроме того, Валахия и Молдавия входили в состав Османской империи, но имели особый статус и относительную автономию. Согласно русско-турецким соглашениям, присутствие османской армии в этих провинциях было ограничено. По условиям Бухарестского договора 1812 г., положившего конец разразившейся в 1806 г. русско-турецкой войне, османская армия не допускалась в Молдавию и Валахию без предварительной консультации с российской администрацией в Санкт-Петербурге⁴⁸. Поэтому Ипсиланти и этеристы ожидали, что возможное османское вмешательство спровоцирует русско-османский конфликт. Наконец, из-за близости Княжеств к Бессарабии, которая была территорией России, снабжение и побег повстанцев — в случае неудачи операции — оказались бы легче, им также могла бы способствовать ожидаемая помощь русских войск.

На конференции памяти Александра Ипсиланти, состоявшейся в Салониках в феврале 1993 г., через 200 лет после его рождения (1772), российский историк Григорий Львович Арш представил два аргумента в оправдание решения Ипсиланти нарушить русско-османскую границу и перейти реку Прут в 1821 г.⁴⁹ Первый принадлежит соратнику Ипсиланти и офицеру русской армии Г. Кантакузину: «В Одессе и даже в Кишиневе, куда позже отправился князь Александр Ипсиланти, он планировал отправиться в Морею, где должны были начаться боевые действия. Но ложные известия, принесенные ему апостолами “Филики Этерии”, неоднократные заверения в том, что болгары и сербы готовы взять оружие, и письма этериста из Константинополя, подталкивавшие его начать действовать в Молдавии и Валахии, убедили его в правильности этого решения, что преждевременно пробудило врага. Дважды, во время пребывания в Одессе и Кишиневе, мы собирались идти в Измаил, но оба раза Ксантос помешал князю Ипсиланти»⁵⁰.

Вторым представленным Г.Л. Аршем свидетельством причин, побудивших Ипсиланти начать революцию в Княжествах, является его письмо из Ясс, адресованное Каподистрии 24 февраля 1821 г.: «Священный голос нашей страны призывает меня присматривать за ее смелыми детьми, которые хотят победить или умереть. Более 200 обращений, подписанных более чем 600 000 нотаблей со всех концов и провинций Греции, оказывают мне самое лестное доверие и приглашают вернуться на мою любимую родину и стать главой

целого народа. Вся нация могла бы погибнуть, если бы я не решил начать. Мои приметы были переданы во все части Греции, и я скрывался и в Адриатике, и в Черном море, и в Архипелаге. Вот причины, которые заставили меня начать в этой стране»⁵¹.

¹ *Arsh G.L.* Η Φιλική Εταιρεία στη Ρωσία. Αθήνα: Εκδ. Πατασωτηρίου, 2011. Σ. 307–337. Семья Ипсиланти происходила из понтийского греческого населения Трапезунда. Александр родился 12 декабря 1792 г. в Константинополе и был старшим из трех братьев (другие братья — Николай и Дмитрий). Его отец Константин Ипсиланти и дед Александр имели хорошее образование и были османскими чиновниками: при султанском Дворе оба они занимали посты драгоманов, а также господарей Дунайских княжеств. Мать Александра Ипсиланти, Элисавет Вэкзреску, была членом семьи Вэкзреску (См.: *Arsh G.L.* О жизни в России греко-патриотической семьи Ипсиланти // Балканские исследования. М.: Наука, 1985. Т. 26. С. 73–90). Есть мнение, что назначение А. Ипсиланти руководителем «Филики Этерии» было косвенным образом предложено самим Иоаннисом Каподистрией. Наиболее полная биография А. Ипсиланти: *Μορφαίνης-Πατριαρχέας Ε. Αλέξανδρος Υψηλάντης*. Αθήνα: Κέδρος, 2002; вносит вклад в изучение темы также: *Γιαννόπουλος Γ. Αλέξανδρος και Δημήτριος Υψηλάντης*. Αθήνα: Alter-Ego Μπε ΑΕ, 2010; см. также: *Βακαλόπουλος Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού*. Τ. V. Θεσσαλονίκη, 1980; *Ροδάκης Π. Αλέξανδρος Υψηλάντης και η Φιλική*. Αθήνα: Γόρδιος, 1996. Необходимость хорошей биографии А. Ипсиланти на английском языке давно назрела.

² О предложениях, сделанных «Филики Этерией» Каподистрии, см.: *Arsh G.L.* Ο Ιωάννης Καποδίστριας στη Ρωσία. Αθήνα: Ασίνη, 2015. Σ. 207–247; см. также: *Prousis Th.C.* Russian Society and the Greek Revolution. Northern Illinois University Press, 1994. P. 20–23; *Woodhouse C.M.* Kapodistrias and the Philiki Etaireia, 1814–1821 // *Clogg R. (ed.). The Struggle for Greek Independence*. London: Macmillan, 1972. P. 104–134.

³ Адамантиос Кораис, ключевая фигура греческого Просвещения, считал, что было бы лучше, если бы революция началась двадцатью годами позже, когда больше молодых людей из Греции получили бы образование в западноевропейских университетах (см.: *Πολίτης Α.* «Αν άρχιζε μετά είκοσι χρόνους ...» Ο Κораΐς, οι κοινωνικές ιδέες του Διαφωτισμού η Ελληνική Επανάσταση // *Ερανιστής*. 2007. Τ. 26. Σ. 241–254). Для Каподистрии предварительным условием национального освобождения Греции было «нравственное совершенствование» греческого народа, прежде всего через распространение образования. Каподистрия возлагал большие надежды на молодых греков, получивших образование за границей с его помощью (см.: *Arsh G.L.* Ο Ιωάννης Καποδίστριας... Σ. 201–202).

⁴ *Gordon Th.* History of the Greek Revolution. London, 1832. V. I. P. 89–90, 133–134. По мнению греческого историка Спиридона Трикуписа, во время греческой революции занимавшего важные административные и дипломатические посты и бывшего первым премьер-министром Греции (1833), «Ипсиланти верил тому, что ему говорили, потому что именно этого он и хотел. Он думал, что ему предстоит не воздвигать трон, а сидеть на уже воздвигнутом» (*Τρικούπης Σ. Ιστορία της Ελληνικής Επαναστάσεως*. Εν Λονδίνω, 1860. Τ. 1. Σ. 23, 141–142).

- ⁵ *Finlay G.* History of the Greek Revolution. London, 1861. V. I. P. 136–137, 164–170. Современные британские историки полагают, что предприятие Ипсиланти было обречено на провал с самого начала (*Clair W.S.* That Greece Might Still Be Free: The Philhellenes in the War of Independence. London, 1972. P. 6; *Dakin D.* The Greek Struggle for Independence, 1821–1833. London, 1973. P. 62).
- ⁶ *Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον Ιστορικόν περί της Ελληνικής Επανάστασεως. Αθήνα, 1859, Τ. I. Σ. 59. Исчерпывающий обзор начального этапа греческой революции см.: *Παναγιωτόπουλος Β.* Η έναρξη του Αγώνα της Ανεξαρτησίας στην Πελοπόννησο. Μία ημερολογιακή προσέγγιση // Πρακτικά του ΣΤ΄ Διεθνούς συνεδρίου Πελοποννησιακών σπουδών. Αθήνα, 2001–2002. Τ. III. Σ. 449–461.
- ⁷ *Τόντωροφ Ν.* Η Βαλκανική διάσταση της Επανάστασης του 1821. Η περίπτωση των Βουλγάρων. Αθήνα: Gutenberg, 1982. Σ. 85–89.
- ⁸ *Δεσποτόπουλος Α.* Η απόφασις περί της ελληνικής επανάστασεως του 1821. Αθήνα, 1965. Σ. 102–111.
- ⁹ Об основании «Филики Этерии» и ее революционных планах см.: *Arsh G.L.* Φιλική Εταιρεία..., особенно С. 231–242, 277–306, 341–407, 411–476.
- ¹⁰ Михаил Суцос принадлежал к фанариотской семье, хорошо известной в Дунайских княжествах. С июня 1819 г. по 29 марта 1821 г. служил Высокой Порте в качестве господаря Молдавии. Он был посвящен в члены «Филики Этерии» 15 января 1821 г. великим постельником (премьер-министром) Валахии Иаковом Ризосом Нерулосом. Его письма о вступлении в «Филики Этерию» см.: *Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον Ιστορικόν... Σ. 179–181.
- ¹¹ Александрос Н. Суцос (1758–1821) был драгоманом флота, великим драгоманом Высокой Порты и господарем Валахии в 1802, 1818–1821 гг. и господарем Молдавии в 1801–1802 гг. О подозрительных обстоятельствах его смерти ходили слухи, что его отравил один из членов «Филики Этерии», — см.: *Φωτεινός Η.* Οι άθλοι της εν Βλαχία Ελληνικής Επανάστασεως το 1821 έτος. Leipzig, 1846. Σ. 2–3.
- ¹² В начале XIX в. многие горные районы Греции продолжали отстаивать свою автономию. Особенно впечатляющей была упорная борьба сулиотов в течение 14 лет против Али-паши. См.: *Αρς Γ.* Η Αλβανία και η Ήπειρος στα τέλη του 18^{ου} αι. — αρχές του 19^{ου} αι. Αθήνα: Gutenberg, 1994. Σ. 147, 159, 203–204, 208–211, 317–354. См. также: *Fleming K.E.* The Muslim Bonaparte: diplomacy and orientalism in Ali Pasha's Greece. Princeton University Press, 1999. P. 59–66; *Russell Q., Russell E.* Ali Pasha Lion of Ioannina. London: Pen and Sword Military, 2017. P. 86–87, 92–96.
- ¹³ *Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον Ιστορικόν... Τ. II. Σ. 76–77. По словам Филимона, Ипсиланти перешел Прут от пограничного карантинного пункта в Скулянах «как простой путешественник» (*Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον Ιστορικόν περί της Φιλικής Εταιρείας. Αθήνα, 1834. Σ. 302). Надо отметить, что глава «Филики Этерии» пересек российско-османскую границу, имея паспорт, подписанный министром иностранных дел России графом К.В. Нессельроде (*Arsh G.L.* Φιλική Εταιρεία... Σ. 402–403. См. также: *Παπαγεωργίου Σ.* «Πρώτο έτος της Ελευθερίας». Από τις Παρίστιριες Ηγεμονίες στην Επίδαυρο // *Παναγιωτόπουλος Β.* (ed.) Ιστορία του Νέου Ελληνισμού 1770–1871. Αθήνα: Εφημερίδα Τα Νέα / Ελληνικά Γράμματα, 2003. Τ. 3. Μέρος I. Σ. 53–58). Один из агентов Ипсиланти прислал к Пруту две сотни конных арнаутов для его приветствия и охраны (см.: *Stites R.* The Four Horsemen. Riding to liberty in post-Napoleonic Europe. Oxford University Press, 2014. P. 186).
- ¹⁴ События в Галаце произошли 21 февраля 1821 г., днем ранее переправы А. Ипсиланти через Прут (см.: *Φωτεινός Η.* Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 30).

Всесторонний анализ греко-турецкой борьбы за контроль над молдавским портом Галац в 1821 г. см.: *Ardeleanu C. Military aspects of the Greek War of Independence in the Romanian Principalities: The battle of Galați (1821)* // Harlaftis G., Păun R. (eds.) *Greeks in Romania in the Nineteenth Century*. Athens: Ιστορικό αρχείο Alpha Bank, 2013. P. 141–166.

- ¹⁵ О резне в Галаце и Яссах см.: *Finlay G. History...* P. 146–148. Массовые убийства показали, что в армии Ипсиланти не было ни благоразумия, ни дисциплины. См.: *Τρικούλης Σ. Ιστορία...* Σ. 37–38.
- ¹⁶ *Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία...* Σ. 33; *Φιλήμων Ι. Δοκίμιον...* Ελληνικής Επαναστάσεως. Τ. II. Σ. 79–82.
- ¹⁷ *Arsh G.L. Φιλική Εταιρεία...* Σ. 425–426.
- ¹⁸ *Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία...* Σ. 34–37; *Φιλήμων Ι. Δοκίμιον...* Ελληνικής Επαναστάσεως. Τ. II. Σ. 87–89. Тотчас же после вторжения Ипсиланти в Молдавию бессарабские этеристы приняли за раздачу оружия повстанцам и добровольцам. См.: *Ξόδιλος Α. Η εταιρεία των φιλικών και τα πρώτα σύμβαντα του 1821*. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1964. Σ. 34–35. Афанасиос Ксодилос был предводителем этеристов в бессарабском городе Рени на левом берегу Дуная. Многочисленные болгары, находившиеся в Одессе и на юге Бессарабии, к концу февраля 1821 г. сформировали добровольческие отряды для присоединения к армии Ипсиланти: *Τόντορωφ Ν. Η Βαλκανική διάσταση...* Σ. 108–113. Прокламации Ипсиланти вызвали мощный подъем среди греков юга России. См.: *Arsh G.L. Φιλική Εταιρεία...* Σ. 414–417. Энтузиазм по поводу деятельности Ипсиланти был велик даже среди офицеров-декабристов Второй русской армии, дислоцированной на юге России. См.: *Ιοννα Ι. Οι Δεκεμβριστες του Νότου και το Ελληνικό Εθνικοαπελευθερωτικό Κίνημα*. Αθήνα: Σύγχρονη εποχή, 1986.
- ¹⁹ *Ξόδιλος Α. Η εταιρεία...* Σ. 41.
- ²⁰ *Φιλήμων Ι. Δοκίμιον...* Ελληνικής Επαναστάσεως. Τ. II. Σ. 92–93; *Ράδος Κ. Ο Ιερός Λόχος και η εν Δραγατσανίω μάχη*. Αθήνα, 1919. Σ. 2–6.
- ²¹ *Φιλήμων Ι. Δοκίμιον...* Ελληνικής Επαναστάσεως. Τ. II. Σ. 199. Младен Милованович, из рода Дробняков, был богатым купцом и оказал сильное влияние на Карагеоргия, лидера Первого сербского восстания 1804–1813 гг. После поражения восстания уехал за границу, а в 1814 г. прибыл в Хотин, входивший тогда в состав Российской империи, где оставался до 1821 г. Убит в 1823 г. по дороге в Черногорию по приказу смертельного врага Карагеоргия князя Милоша Обреновича. О первом сербском восстании см.: *Merage L.P. The First Serbian Uprising (1804–1813) and the Nineteenth Century Origins of the Eastern Question* // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37 (3). P. 421–439.
- ²² Согласно первоначальному плану, поддержка сербов была необходима; Ипсиланти и его войска намеревались пересечь Сербию, прежде чем высадиться в Греции. В конце января 1821 г. Аристидис Паппас выехал из Кишинева на встречу с сербским вождем Милошем Обреновичем. Через Валахию он направился в Сербию, имея при себе составленный Ипсиланти план сотрудничества между греками и сербами и его письмо к Обреновичу. Однако он был арестован турками при переходе через Дунай, отправлен в Константинополь и через два месяца казнен. Подробности о миссии Паппаса см.: *Λάσκαρης Μ. Ελληνες και Σέρβοι κατά τους απελευθερωτικούς των αγώνες 1804–1830*. Αθήνα: Γ. Ξένος, 1936. Σ. 77–85. Г.Л. Арш обнаружил в российских архивах полезную информацию о революционной деятельности Паппаса как «апостола» «Филики Этерии»: *Arsh G.L. Φιλική Εταιρεία...*

- Σ. 497–507. См. также: Παπαδόπουλος Σ. Το “Σχέδιον Γενικόν” της Φιλικής Εταιρείας και οι επαφές με τους Σέρβους // Μακεδονικά. 1977. Τ. 17. Σ. 40–54.
- ²³ Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 99; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 61–63. Владимиреску, являвшийся членом «Филики Этерии», был уполномочен этеристами организовать вторжение в Малую Валахию (Олтению), которое позволило бы армии Ипсиланти пересечь Дунай и приступить к освобождению Греции. Отношения Владимиреску с «Филики Этерией» накануне революции 1821 г. рассмотрены в: Camariano N. Les relations de Tudor Vladimirescu avec l’Hetairie avant la Revolution de 1821 // Balkan Studies. 1965. Vol. 6. N 1. P. 139–164.
- ²⁴ Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 101–102, 297–301; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 38–61. Румынский историк Андрей Оцета рассматривает румынское восстание не просто как антифанариотскую борьбу со стороны Владимиреску, а скорее как национальное и антиосманское движение, интегрированное в планы греческого восстания в Дунайских княжествах. См.: Oțetea A. Tudor Vladimirescu și revoluția din 1821. Bucharest, 1971.
- ²⁵ Подробный анализ переговоров Владимиреску с этеристами см.: Camariano N. Les relations...
- ²⁶ Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 123–136; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 63–88.
- ²⁷ Султан Махмуд II обвинил патриарха Григория V в неспособности подавить греческое восстание. Однако, защищая греков Константинополя от репрессий туркоосманов, патриарх Григорий осудил греческих революционеров. На Пасху 1821 г. патриарх Григорий V был схвачен в патриаршем соборе и повешен на главных воротах Патриаршего подворья. Переоценку позиции патриарха Григория в отношении греческих революционеров см.: Chalkiadakis E. Reconsidering the Past: Ecumenical Patriarch Gregory V and the Greek Revolution of 1821 // Synthesis. Scientific e-journal of the Faculty of Theology of the Aristotle University of Thessaloniki. 2017. Vol. 6. N 1. P. 177–204.
- ²⁸ Παπαγεωργίου Σ. «Πρώτο έτος της Ελευθερίας»... Σ. 55–56.
- ²⁹ Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 145–147; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 115. Подробности сражения и его последствий см.: Ardeleanu C. Military aspects... P. 155–158.
- ³⁰ Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 148–149; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 89–100.
- ³¹ Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 160–168; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 129–139; Τρικούπης Σ. Ιστορία της Ελληνικής Επανάστασεως... Σ. 116–120. Александрос Кантакюзин в своих «Письмах» принимает версию о предательстве Владимиреску и Саввы. Эта версия была господствующей в греческих кругах и с тех пор возобладала и заняла прочное место в греческой историографии. Очевидно, в соответствующем параграфе «Писем» отражены общие идеи и сведения, циркулировавшие в кругах, где вращался Кантакюзин между 1821 и 1824 гг. См. Παπαγιωτόπουλος Β. Δύο πρίγκιπες στην Ελληνική Επανάσταση. Αθήνα: Ασίνη, 2015. Σ. 200–201, 311; см. также Tappe E.D. The 1821 Revolution in the Rumanian Principalities // Clogg R. (ed.). The Struggle... P. 148–149.
- ³² Φιλήμων Ι. Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. II. Σ. 172–176; Φωτεινός Η. Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 142–147.

- 34 *Φωτεινός Η.* Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 74.
- 35 *Παναγιωτόπουλος Β.* Δύο πρίγκιπες... Σ. 353–354.
- 36 См. памятную записку князя Г. Кантакузина в: *Παναγιωτόπουλος Β.* Δύο πρίγκιπες... Σ. 281–283; *Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. ΙΙ. Σ. 150–153.
- 37 См. памятную записку князя Г. Кантакузина в: *Παναγιωτόπουλος Β.* Δύο πρίγκιπες... Σ. 290–295; *Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. ΙΙ. Σ. 194–198.
- 38 См. очень разумные комментарии В. Панайотопулоса: *Παναγιωτόπουλος Β.* Δύο πρίγκιπες... Σ. 388–389.
- 39 *Φιλήμων Ι.* Δοκίμιον... Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. ΙΙ. Σ. 180–185; *Φωτεινός Η.* Οι άθλοι της εν Βλαχία... Σ. 152–163. 18 июня, через день после битвы при Скулянах, Г. Кантакузин в русском карантине узнал об уничтожении Священного батальона в Драгачанах и прекращении восстания в Валахии. Он признавался, что узнал новость с большим опозданием и пояснял, что турки только тогда, когда они избавились от армии Ипсиланти, массово атаковали греческие войска в Молдавии. См.: *Παναγιωτόπουλος Β.* Δύο πρίγκιπες... Σ. 296, 390–391.
- 40 В Австрии А. Ипсиланти находился в строгом заключении в течение семи лет, пока не был освобожден по настоянию российского царя Николая I. После освобождения он уехал в Вену, где и умер в крайней нищете 29 января 1828 г. См.: *Ενεπεκίδης Π.* Αλέξανδρος Υψηλάντης Η αιχμαλωσία του εις την Αυστρίαν 1821–1828: Επί τη βάσει ανεκδότων εγγράφων εκ των μυστικών αρχείων της Βιέννης. Αθήνα: Εκδ. Παπαζήση, 1969.
- 41 *Arsh G.L.* Φιλική Εταιρεία... Σ. 426–430; *Idem.* Ο Ιωάννης Καποδίστριας... Σ. 253–258.
- 42 *Σβολόπουλος Κ.* Η Ρωσία και το ελληνικό ζήτημα στο συνέδριο του Λάμπαχ // *Δελτίο της Ιστορικής και Εθνολογικής της Ελλάδος*. 1989. Τ. 29. Σ. 5–34; *Stites R.* The Four Horsemen... P. 202.
- 43 См. письмо А. Ипсиланти Александру I из Ясс от 24 февраля 1821 г.: *Βαλέτας Κ.* Αλληλογραφία Αλέξανδρου Υψηλάντη // *Αιολικά Γράμματα*. Τ. 194. Μάρτιος — Απρίλιος 2002. Σ. 105–106.
- 44 *Πετρίδης Π.* Αλέξανδρος Υψηλάντης και Ιωάννης Καποδίστριας. Η κοινή τους πορεία στον αγώνα της εθνικής ανεξαρτησίας // *Μνήμη Αλέξανδρου Υψηλάντη*, 200 χρόνια από τη γέννηση του (1772–1992). Θεσσαλονίκη, 1995. Σ. 54–55; *Prousis Th.* Russian Society... P. 26–32.
- 45 Османская администрация считала движение А. Ипсиланти «неслыханным, неожиданным и странным событием». О реакции Османской империи в первые годы греческой революции см.: *Μοίρας Α.* Η Ελληνική Επανάσταση μέσα από τα μάτια των Οθωμανών. Αθήνα: Τόπος, 2020. Книга Мойраса полезна тем, что его анализ в значительной степени основан на османских первоисточниках, ставших доступными для греческих османистов в последние годы.
- 46 О политических идеях Ригаса см.: *Πανταζόπουλος Ν.* Ρήγας Βελεστινλής. Η πολιτική ιδεολογία του Ελληνισμού προάγγελος της Επανάστασεως. Θεσσαλονίκη: Επιστημονική εταιρεία μελέτης Φερών — Βελεστίνου — Ρήγα, 1964; *Κιτρομυλίδης Π.* Ρήγας Βελεστινλής. Ο οραματιστής της Ελληνικής Δημοκρατίας. Αθήνα: Alter-Ego MME AE, 2009; *Woodhouse C.M.* Rhigas Velestinlis: The Proto martyr of the Greek Revolution. London: Denise Harvey, 1995.

- 47 Ο ροли болгар в революционной деятельности «Филики Этерии» см.: Παπαδόπουλος Σ. Τα επαναστατικά σχέδια της Φιλικής και οι Βούλγαροι // Δωδώνη. 1978. Τ. 7. Σ. 171–181. См. также: Тόντορωφ Ν. Η Βαλκανική διάσταση... Σ. 83–93. Переговоры этеристов с сербами тщательно изучены в: Παπαδόπουλος Σ. Το “Σχέδιον Γενικόν” της Φιλικής Εταιρείας και οι επαφές με τους Σέρβους // Μακεδονικά. 1977. Τ. 17. Σ. 40–53. Героические подвиги Г. Олимпиоса и И. Фармакиса изучены в: Βασδραβέλης Ι. Η συμμετοχή των Μακεδόνων οπλαρχηγών εις την Επανάστασιν των Ηγεμονιών και η εποποιία της Μονής του Σέκου // Μακεδονικά. 1965. Τ. 6 (1). Σ. 120–151.
- 48 Ismail F. The making of the treaty of Bucharest, 1811–1812 // Middle Eastern Studies. 1979. Vol. 15 (2). P. 163–192. Любопытно, что Каподистрия считал Бухарестский договор 1812 г. вредным для российских интересов. См.: Καποδίστριας Ι. Απομνημονεύματα (Αυτοβιογραφία). Επισκόπηση της πολιτικής μου σταδιοδρομίας. Αθήνα: Δημιουργία, 1997. Σ. 79; Woodhouse C.M. Capodistria and the Philike Hetaireia (1814–1821) // Neo-Hellenika. 1975. Τ. 2. P. 73.
- 49 Arsh G.L. Α. Υψηλάντης, εθνικός ήρωας της Ελλάδος. Αγνωστα στοιχεία για τη ζωή του και την πατριωτική του δράση // Μνήμη Αλέξανδρου Υψηλάντη... Σ. 1–18.
- 50 Παναγιωτόπουλος Β. Δύο πρίγκιπες... Σ. 262.
- 51 См.: Αλληλογραφία Αλέξανδρου Υψηλάντη... Σ. 106–107. Важные соображения о решении Ипсиланти начать восстание греков в Молдавии и Валахии см.: Σβολόπουλος Κ. Ο Αλέξανδρος Υψηλάντης και η εξέγερση στις Παραδουνάβιες Ηγεμονίες. Μία επανεκτίμηση // Μνήμη Αλέξανδρου Υψηλάντη... Σ. 59–76.

ЦЕРКОВЬ И ГРЕЧЕСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

После победы революции 1821 г. ее история стала одной из центральных тем греческой историографии. Основание национального государства естественным образом сопровождалось отождествлением национальной и государственной идей, а это, в свою очередь, вызвало острую необходимость написать собственную историю: греческие ученые в массовом порядке обратились к поиску истоков своей государственности.

Греческое национально-освободительное движение до сих пор осмысливается по-разному, особенно острые споры вызывает роль в революционных событиях Православной церкви. Показательно, что в полной «Библиографии Революции 1821 года»* из 133 монографий 98 связаны с церковными сюжетами¹.

Представители разных идеологических направлений хотят погреться в лучах славы одного из важнейших событий греческой истории и даже приватизировать его, заявляя себя правопреемниками героев революции.

Особое внимание церковной проблематике уделяет марксистская историография. Показательно, что в греческих социалистических журналах первой половины XX столетия большинство теоретических статей было посвящено вопросам религии. Греческие коммунисты настойчиво пытались настроить народ против клира, который считали ответственным за реакционную политику и ретроградство. Наиболее масштабной критике подвергалось высшее духовенство.

* Библиографический каталог охватывает период с 1833-го по 1985 г.

Церковь рассматривалась как реакционная сила, сдерживавшая революционный порыв народа и противостоявшая прогрессивным европейским идеям. Борьба Церкви и Просвещения осмыслялась марксистами через призму материалистического толкования истории и классовой борьбы.

Важнейшим представителем марксистской школы был Яннис Кордатос. Он был одним из ключевых функционеров Коммунистической партии Греции, однако в ноябре 1924 г. отошел от активной партийной жизни и полностью посвятил себя изучению истории. Книга Я. Кордатоса «Социальное значение греческой революции 1821 г.»² вызвала бурный протест консервативных кругов и стала образцом, на который ориентировались другие марксистские авторы.

Я. Кордатос настаивал на регрессивной роли клира в эпоху революции 1821 г. Церковь как институт («греческая пападократия») оставалась феодальной и, следовательно, чуждой науке и прогрессу. Она всеми силами боролась с революционными антиосманскими тенденциями. Кордатос утверждал, что Церковь не только не помогала, но и мешала восстанию.

Идеи Кордатоса пропагандировали и другие марксисты. Интересно, что большинство из них не были профессиональными историками: литератор Яннис Скаримбас, филолог Мариос Плоритис, журналист Гиоргос Караниколас.

Отсутствие профессиональных навыков и заданная субъективность приводила к явной тенденциозности.

Г. Караниколас называл духовенство «уничтожителем» греческой нации, специально сеявшим среди народа безграмотность и невежество в целях его имущественной эксплуатации³. В предисловии автор признавался, что взялся за перо, чтобы «еще больше ослабить и без того умирающую Церковь»⁴.

По-новому взглянули на роль Церкви в революции представители неомарксистской школы. Они отказались от концепции Я. Кордатоса и его идеологического конструкта. Такие авторы, как Василиос Филиас, Леон Стрингас, Элени Антониади-Бибику, признали национально-освободительный характер революции 1821 г. и отчасти позитивную роль в ней Православной церкви.

В полемике с марксистской историографической школой прошло становление *апологетического направления*⁵. Реакция на критику

Церкви (порой необоснованную) привела к перегибу в противоположную сторону — идеализации роли Церкви. Многие авторы-апологеты честно признавались, что ими движет не вполне научная мотивация, а стремление «защитить Церковь от нападок»⁶.

Сама Элладская церковь также последовательно отстаивает тезис о решающем вкладе Церкви в успех революции. Подобное утверждение звучит на проводимых Церковью тематических конференциях, в официальных заявлениях и статьях иерархов⁷.

Как отдельное историографическое направление можно рассматривать *традиционалистскую (неопаламистскую)* школу. Относящиеся к ней ученые также оценивают роль Церкви положительно, но их выводы не заданы заранее, а получены путем научного исследования. Для традиционалистов характерно критическое отношение к роли новогреческого Просвещения в истории греческого освободительного движения, в то же время они не умалчивают о негативных сторонах жизни самой Церкви.

С начала XX в. в греческой историографии постепенно начинает формироваться «*обобщающая концепция*». Она не только примиряет все периоды греческой истории, подчеркивая их положительные стороны, но и ставит в один ряд всех деятелей, в той или иной мере способствовавших национальному возрождению⁸. Независимо от того, что во многом взгляды этих исторических персоналий прямо противоречили друг другу, данная концепция постепенно получила широкое распространение⁹ и стала официальной доктриной греческого государства, стремившегося к примирению различных точек зрения. Она была поддержана такими известными учеными, как Апостолос Вакалопулос, Константинос Димарас, Пасхалис Китромилидис. Особо следует отметить многотомный коллективный труд «История греческой нации»¹⁰, ставший одним из наиболее выдающихся произведений греческой историографии XX в.

То обстоятельство, что славное прошлое революции эксплуатировала государственная идеология (в особенности авторитарные режимы Иоанниса Метаксаса и «черных полковников»), стало катализатором появления научного направления, которое можно охарактеризовать как «*демифологизаторское*». Разделяющие подобный подход ученые пытаются деидеологизировать историю революции и развеять накопившиеся вокруг нее устойчивые мифы¹¹.

Наиболее интересные работы подобного характера можно отнести к направлению микроистории и истории ментальностей¹². Авторы пытаются уделить приоритетное внимание рядовым участникам революции и их повседневной жизни, чтобы под новым углом посмотреть на традиционную проблематику.

Большая часть историков демифологизаторского направления признает, что «целостный взгляд без апологетических и антицерковных тенденций приводит к выводу, что несмотря на множество отрицательных моментов, роль Церкви для поработанного эллинизма была позитивной»¹³.

* * *

Все без исключения антиправительственные восстания на протяжении османского периода проходили при участии представителей духовенства и (или) монахов, однако ни одно из них не было провозглашено и возглавлено Православной церковью.

В рядах клира были как представители, настроенные на сотрудничество с властями, так и те, кто с оружием в руках или пламенным словом бросал вызов завоевателям*. Многие ученые справедливо отмечают существование в Церкви двух взаимодополняющих тенденций: «сосуществования» и «сопротивления».

Первая тенденция спасла национальную идентичность, вторая сохраняла дух революционного сопротивления. Их антитеза сработала как синтез. «Рабство — это прежде всего не принудительное подчинение, а внутреннее подчинение и отождествление с завоевателем. Вот почему мы считаем, что самым важным вкладом духовенства в судьбу нашего народа было не столько участие в вооруженных восстаниях и конфликтах, сколько вклад в сохранение греко-православного самосознания народа и его любви к свободе. Без этих условий не могло быть 1821 года», — подчеркивает историк Георгиос Металлинос¹⁴.

Действительно, будучи единственным легальным институтом и площадкой консолидации для христиан, Церковь поддерживала

* Это контрастировало с позицией греков римокатоликов, которые в подавляющем большинстве отказались участвовать в революции 1821 г. См.: Μανίκα Κ. Σχέσεις ορθοδοξίας και ρωμαιοκαθολικισμού στην Ελλάδα κατά τη διάρκεια της Επανάστασης (1821–1827). Διδακτορική Διατριβή. Αθήνα, 2001. Σ. 9.

образование, тем самым сохраняя не только веру, но и язык, национальную идентичность и культурную традицию. Консолидации людей способствовало участие в религиозных таинствах и приходской жизни.

Важную роль играла и популяризация новомучеников — их подвиг становился ориентиром и примером стойкости в условиях угнетения завоевателями. Вопрос активного участия в противостоянии захватчикам не имел однозначной богословской трактовки. Так как он не носил догматического характера, Церковь допускала разномыслие: представители клира могли придерживаться разной тактики по отношению к османским властям.

По состоянию накануне революции весь клир в целом можно разделить на три группы. Наиболее либеральные священники были восхищены европейским Просвещением и, как следствие, захвачены революционными идеалами. Консервативно настроенные представители клира полагали, что турецкая власть создает более благоприятные условия для Православной церкви, чем новые революционные идеалы, и опасались в первую очередь религиозного влияния западных народов. Еще одна позиция была представлена участниками традиционно-просветительского движения (Филокалического возрождения). Традиционалисты не делали акцент на вооруженном сопротивлении, а возлагали надежды на возрождение образования и духовности. Без этой «духовной революции» вооруженная борьба оказалась бы обречена на провал. Она бы даже принесла народу вред — прежде он должен был окрепнуть, обрести духовные ориентиры, дабы сохранить свою самобытность, традиционную духовность и политическую самостоятельность. Такой подход объяснялся исихастской доминантой в идеологии этого движения: исихасты на любые земные реалии и проблемы смотрели с точки зрения вечности. В данном случае целесообразность освобождения зависела от того, принесет ли свобода духовную пользу или вред. В отличие от консерваторов традиционалисты не были априори против вооруженной борьбы. Даже наиболее радикальный противник европейского Просвещения Афанасий Паросский, который последовательно осуждал любые революционные выступления, в 1790 г. поздравил российского консула в Салониках с победой русского флота над османским.

Влияние Церкви на греческое национально-освободительное движение проявилось не только в подготовке духовного пробуждения, ставшего одной из предпосылок революции. Военная помощь восстанию 1821 г. со стороны представителей Церкви также имела место. Епископы и священники входили в военные советы и создаваемые местные органы самоуправления, принимали участие в Национальных собраниях и военных операциях. Как правило, монастыри становились опорными пунктами восставших, центрами их обеспечения продовольствием и оружием, убежищами для раненых и беженцев.

Порой участие духовенства в революции проявлялось в формах, которые неоднозначно трактуются с точки зрения православной теологии. Не только монахи, но и некоторые священники брали в руки оружие и направляли его на иноверного врага. В 1807 г. афонские монахи при помощи мирян подожгли три турецких корабля у города Урануполис. Во время самой революции 1821 г. многие монастыри Святой горы превратились в кузницы и мастерские по изготовлению пороха. В обители Мегало Спилео все насельники были членами «Филики Этерии» и сражались с турками во главе со своим проигуменом. На поле боя оказались и многие иерархи. Владыка Паронаксийский Иерофей сменил облачение на военное обмундирование. Епископ Ардамарийский Игнатий во главе вооруженного отряда, который он содержал на собственные средства, даже сжег здание митрополии, чтобы продемонстрировать решимость отказаться от всего ради свободы.

Участие духовенства в боевых действиях не могло не вызвать критику. Более того, многие богословы полагали, что не только священникам, но и монахам не следовало брать в руки оружие, заменяя молитву (самое ценное приношение иноков человечеству с точки зрения исихастски ориентированной монастырской традиции) на вооруженную борьбу.

В середине XIX в. богослов и общественный деятель Косма Фламиатос (Фламиат) (1786–1852) опубликовал критический по отношению к роли Церкви в революции богословский манифест. Он осудил высокопоставленных представителей клира за участие в тайном обществе «Филики Этерия» и выступил с критикой священников и монахов, взявших в руки оружие в ходе антиосманского восстания 1821 г.

Исихаст Фламиатос считал участие клира в боевых действиях «неприемлемым и отвратительным»¹⁵, а саму греческую революцию полагал явлением, инспирированным западными державами в собственных интересах. По мнению Космы, поддержав восстание, Константинопольский патриарх ради национальных целей пожертвовал своей ролью этнарха всех православных ромеев (предпочел национальные задачи своему вселенскому статусу).

Позиция Фламатоса характерна для многих традиционалистов постреволюционного периода, которые стали рассматривать революцию 1821 г. как своеобразный «фальстарт». Восстание, по их мнению, началось без необходимой духовной подготовки и не принесло грекам истинной свободы. Вместо османского они оказались в западном пленении. Подобную позицию разделяли Константин Икономос, Папулакос (Христофор Панагиотопулос), генерал Иоаннис Макрияннис.

Безусловно, идеи Просвещения и Французской революции сыграли в подготовке национально-освободительного движения важную роль, но преимущественно они повлияли на элиту, получившую образование в Западной Европе. Ее представители надеялись, что в результате революции возникнет независимое государство, построенное на основе идей Просвещения. Однако идеалы лидеров революции не были распространены в широких массах, система ценностей которых продолжала ассоциироваться с православием¹⁶. «Простые крестьяне, животноводы, купцы и моряки, составившие освободительную армию, так же как и их предводители, <...> воевали во имя православной веры»¹⁷. Греческая идентичность совпадала для них с идентичностью православной и отличала их от иноверных мусульман и католиков.

Для провозглашения революции почти всегда необходимым условием было участие клирика, поднимавшего народ на защиту веры и родины. Таким образом, именно представители духовенства воспринимались как лидеры восстания. «Те, кто решил бороться за независимость, сделали это, потому что они больше верили в старые мифы, пророчества и предания православия <...>, чем в светские лозунги новогреческого Просвещения о национальной свободе и равенстве»¹⁸. В воспоминаниях современников революции неоднократно встречаются сведения о широком хождении среди лиде-

ров восставших текстов пророчеств, которые «производили на них большое впечатление и придавали смелости»¹⁹.

Религия давала восставшим стойкость и терпение перед испытаниями и лишениями революции. Причем вдохновляли не только тексты и устные предания, энтузиазма придавали молебны и церковные таинства. Мощнейшим воодушевляющим фактором было и наследие мучеников за веру: «Религиозный смысл мученичества был интегрирован в греческую национальную идеологию»²⁰.

Провозглашение революции рассматривалось как своего рода религиозный акт и сопровождалось различными священнодействиями: например, поднятием креста, к которому прикладывались бойцы, давая клятву верности Богу и Отечеству. Поднятие и освещение знамен зачастую происходило в храме²¹. К религиозному символизму активно обращались в своих речах политические и военные лидеры восстания. Часто говорили о «Божественном Промысле», «Царствии Небесном», «Божественной силе», «народе Божиим». Богословский язык пронизывал революционный дискурс, придавая священный характер действиям революционеров.

Религиозный элемент оказал определяющее влияние на символику революции. Господствующее положение занимал крест, который либо был единственным символом на революционных знаменах, либо дополнялся различными религиозными изображениями. В символе креста греки видели идею свободы. Мученики и страдания Христа связывались с борьбой и жертвами людей, и победа над смертью через радостное послание Воскресения давала надежду на окончательную победу. Перед боем восставшие совершали крестное знамение перед флагом с изображением креста. Колокотронис во время взятия города Навплио, «держа греческий флаг, перекрестил им ворота»²². Символ креста использовался в переписке восставших и официальных документах. Кроме креста, повстанцы активно пользовались и другой религиозной символикой — изображениями Богородицы, святого Георгия, великомученика Димитрия, святителя Николая²³, Константина и Елены.

Сильный религиозный дух пронизывал повседневную жизнь восставших. Революционеры не пренебрегали своими повседневными религиозными обязанностями. Перед решительным противостоянием с врагом они причащались, участвовали в богослужениях, исповедовались и молились.

Однако Церковь не только была авторитетом для восставших, но и сама испытывала их влияние. Греческая революция стала точкой встречи, взаимопроникновения и смешения традиционного мировоззрения и идеологии европейского Просвещения. Одним из ярких проявлений подобного рода стал широко распространившийся среди повстанцев феномен клятвы, сомнительный (как минимум спорный) с точки зрения христианского богословия. В до-революционных богословских кругах существовало разномыслие в отношении институционализированной присяги. Однако в эпоху греческой революции были восприняты взгляды таких писателей, как Викентиос Дамодос и Адамантиос Кораис, которые, пытаясь оправдать институт присяги, утверждали, что «это повеление Божие» и что клятва основывается на вере человека в Бога²⁴. В самих текстах клятв происходило смешение богословского и революционного языка.

Восставшие рассматривали революцию как синергию (сорботничество) Бога и народа. Революция на теоретическом уровне зависела как от человеческой воли, так и от одобрения и помощи свыше. Она была совместным делом Бога и греков. «Это сочетание базировалась на традициях православия, где границы видимого с невидимым миром неразличимы, поскольку между двумя мирами существует нераздельное единство»²⁵. «В текстах революции 1821 г. богословский язык использовался в сочетании с революционным... Его главным отличительным свойством был национально-церковный характер»²⁶.

Показательны декларации двух национальных собраний восставших греков — Эпидаврского (1826) и Тризинского (1827). В первой подчеркивается, что греческий народ восстал для того, чтобы «оружием потребовать славу и великолепие Христовой Церкви, которая вместе со своим священным клиром была гонима и презираема турками». Вторая декларация добавляет: «Как христиане мы не могли и не можем повиноваться... фанатичным магометанам, которые... разрушают святыне храмы, презирают священство, хулят святое имя Иисуса и Честный Крест, силой заставляли нас стать их жертвой ... умереть христианами или остаться жить турками... Мы воюем против врагов нашего Господа»²⁷. Вместе с тем в этих текстах, так же как и в мировоззрении восставших, происходило смешение различ-

ных мировоззренческих парадигм. Помимо традиционных религиозных постулатов, тексты греческих повстанцев испытали мощное влияние либеральных идей Французской революции (в особенности конституции 1795 г.)²⁸. «Однако приближение и адаптация к новому институту гражданских свобод для большинства греков было довольно сложным процессом. Переход к этой новой реальности, как мы видели выше, был осуществлен через мифы и обетования христианских пророчеств (Апокалипсис, Агафангел, Лев VI Мудрый) и исторические предания православия, которые были популярны среди революционеров»²⁹.

Таким образом, греческое национально-освободительное движение получило поддержку значительной части Церкви. Наиболее важным было не участие духовенства в боевых действиях, а моральная поддержка восставших. Религиозный фактор вдохновлял на борьбу и помогал стойко переносить испытания, без преодоления которых революция 1821 г. могла захлебнуться вскоре после своего начала.

¹ *Θωμόπουλος Σ.* Βιβλιογραφία της Επανάστασης του '21 (Αυτοτελή έργα 1821–1986). Αθήνα, 1987.

² *Κορδάτος Γ.* Η κοινωνική σημασία της Ελληνικής Επανάστασης του 1821. Αθήνα, 1946.

³ *Καρανικόλας Γ.* Ρασοφόροι συμφορά του έθνους. Αθήνα, 1985. Σ. 23.

⁴ *Ibid.* Σ. 24.

⁵ К этому направлению можно отнести следующие работы: *Σιμόπουλος Θ.* Μάρτυρες και αγωνισταί ιεράρχαι της ελληνικής εθνεγερσίας 1821–1829. Συμβολή εις την νεωτέραν ιστορίαν του ελληνικού έθνους και της ορθοδόξου εκκλησίας. Αθήνα, 1971; *Κρικόνης Χ.* Η συμβολή του κλήρου της Εκκλησίας εις τους απελευθερωτικούς αγώνες του ελληνικού έθνους // Μνήμη 1821. Αφιέρωμα εις την εθνικήν παλιγγενεσίαν επί τη 150η επετείω. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 162–166.

⁶ *Κονταλή Α.* Η συμμετοχή του ελληνορθόδοξου κλήρου στα επαναστατικά κινήματα της Τουρκοκρατίας (1453–1821). Διδακτορική διατριβή. Αθήνα, 2011. Σ. 5.

⁷ *Ιγνάτιος (Μητροπολίτης Δημητριάδος).* Η Εκκλησία про και κατά την Επανάσταση του '21. URL: <https://www.greece2021.gr/arthografia/5090-ignatios-i-ekklisia-pro-kai-kata-tin-epanastasi-tou-21> (дата обращения: 01.09.2021).

⁸ *Καρύτσας Γ.* Οι Αιτωλοί Διδάσκαλοι. Ευγένιος Γιαννούλης. Αναστασιός Γόρδιος. Χρύσανθος ο Αιτωλός. Η εποχή τους και το έργο τους. Αθήνα, 2002. Σ. 155; *Ευαγγελίδου Τ.* Τα ελληνικά σχολεία από της Αλώσεως (1453) μέχρι του (1831)... Αθήνα, 1933. Σ. 74–75.

⁹ *Καλιτσούνκης Ι.* Η αναβίωση των κλασσικών σπουδών εν Ελλάδι... Επιστιμονική Επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστ. Αθηνών. Περίοδος Β' том. Η' 1957–1958. Σ. 338–340.

- ¹⁰ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Εκδοτική Αθηνών.
- ¹¹ *Κρεμμυνδάς Β.* Διαπλό ταξίδι, ψηλαφήσεις ενός ιστορικού. Αθήνα, 2009; *Λούκος Χ.* Η Επανάσταση του 1821 // Η συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Διεθνές πλαίσιο, εξουσία και πολιτική τον 19ο αιώνα. Αθήνα, 2008. Σ. 61–63.
- ¹² *Βαρβαρήγος Π.* Θρησκεία και θρησκευτική ζωή κατά τον πόλεμο της ανεξαρτησίας. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2011.
- ¹³ *Μακρίδης Β.* Ορθόδοξη Εκκλησία και Διαφωτισμός στη νεότερη Ελλάδα: Θρησκευτικές ιδεολογικοποιήσεις μιας αντιπαράθεσης // *Τστωρ*, 12 (2001). Σ. 159.
- ¹⁴ *Μεταλλήνός Γ.* Τò '21 και οι Συντελεστές του // URL: http://users.uoa.gr/~nektar/orthodoxy/tributes/gewrgios_metallhnos/to_21_kai_oi_syntelestes_toy.htm (data обращения: 01.09.2021).
- ¹⁵ *Φλαμιάτου Κ.* Απαντα. Αθήνα, 1976. Σ. 96–97.
- ¹⁶ *Συμόπουλος Κ.* Η γλώσσα και το Εικοσιένα. Λογιώτατοι, φαναριώτες, κοτζαμπάσηδες, τίτλοι, αξιώματα και προσαγορεύσεις. Αθήνα, 1971. Σ. 35; *Ηλιού Φ.* Κοινωνικοί αγώνες και διαφωτισμός. Η περίπτωση της Σμύρνης (1819). Αθήνα, 1986. Σ. 21.
- ¹⁷ *Γιαναρά Χ.* Ορθοδοξία και Δύση στη νεώτερη Ελλάδα. Αθήνα, 1999. Σ. 241.
- ¹⁸ *Βαρβαρήγος Π.* Θρησκεία και θρησκευτική ζωή... Σ. 20.
- ¹⁹ *Κασομούλης Ν.* Απομνημονεύματα της επανάστασης των Ελλήνων 1821–1833. Αθήνα χ.χ. Τ. 2. Σ. 165.
- ²⁰ *Οικονόμου Η.* Θεός και επανάσταση του 1821 // *Κοινωνία*, 2. (Απρίλιος-Ιούνιος, 1984). Σ. 140.
- ²¹ *Δεληγιάνης Κ.* Απομνημονεύματα. Αθήνα, 1956. Τ. 1. Σ. 134; *Τρικούπης Σ.* Ιστορία της Ελληνικής επανάστασης. Αθήνα, 1978. Τ. 1. Σ. 62.
- ²² *Τρικούπης Σ.* Ιστορία της... Αθήνα, 1978. Τ. 2. Σ. 172.
- ²³ *Κασομούλης Ν.* Απομνημονεύματα της... Αθήνα χ.χ. Τ. 1. Σ. 152.
- ²⁴ *Καλλιακμάνης Β.* Η χρήση του δεκαλόγου στην τουρκοκρατία. Ηθική και ποιμαντική διερεύνηση. Θεσσαλονίκη, 1998. Σ. 108–111.
- ²⁵ *Οικονόμου Η.* Θεός και... Σ. 140; *Βαρβαρήγος Π.* Θρησκεία και θρησκευτική ζωή... Σ. 24.
- ²⁶ *Βαρβαρήγος Π.* Θρησκεία και θρησκευτική ζωή... Σ. 23.
- ²⁷ *Μαμούκα Α.* Τα κατά την αναγέννησιν της Ελλάδος. Πειραιεύς, 1839–1852. Τ. 5. Σ. 14; και Τ. 8. Σ. 59–60.
- ²⁸ *Δασκαλάκης Α.* Η πρώτη Εθνοσυνέλευσις και το πολίτευμα της Επιδαύρου. Επιστημονική επετηρίδα της Φιλοσοφικής σχολής του πανεπιστημίου Αθηνών. Τόμ. 16 (περίοδος Β', 1965–1966). Σ. 104–105; Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Ανθολόγιο. Αθήνα, 2002. Σ. 69–70.
- ²⁹ *Βαρβαρήγος Π.* Θρησκεία και θρησκευτική ζωή... Σ. 20.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ 1821 г.

В конце 1821 г. вблизи развалин древнего Эпидавра открылось Национальное собрание, которое приняло первую в новой истории Греции конституцию. В Греции была провозглашена республика, основанная на таких демократических принципах, как разделение властей, проведение свободных выборов, свобода вероисповедания, гарантии собственности и безопасности граждан.

«Потомки мудрой и доброжелательно относящейся к человеку нации греков, современники просвещенных и законопослушных народов Европы и зрители того благополучия, которым они пользуются, мы больше не в состоянии терпеть, как мучительный и жестокий бич Османского государства на протяжении четырех столетий опускается на наши головы и вместо разума в качестве закона подавляет все своим гнетом и произволом. После долголетнего рабства мы были вынуждены взять оружие и отвоевать у них как самих себя, так и нашу родину и освободиться от столь ужасной и несправедливой тирании, с которой не сравниться ни одному другому режиму», — говорится в Декларации Национального собрания греческого народа в Эпидавре, принятой 22 января 1822 г.

Уже самые ранние описания путешествий в Грецию достаточно четко определяют то общее начало, которое неизбежно обуславливало исконно благожелательное отношение русских и греков друг к другу — православную веру. Эти черты греческого народа достаточно показательно отмечает в своих описаниях киевский монах

Василий Барский, который в 1723–1747 гг. предпринимает путешествие по святым местам, в число которых, естественно, попадают и греческие христианские церкви и монастыри. Барского поражает тот чрезвычайно теплый прием, который русским путешественникам оказывает греческое население практически везде, видя в них прежде всего своих единоверцев. Так, когда он со своими попутчиками оказался на острове Корфу практически без средств к существованию, представители местного духовенства помогли оформить разрешение, чтобы «эти странные путники из стран Российских» собирали на острове милостыню, и даже дали им в сопровождение греческого иеромонаха Афанасия. Когда же русские странники «собрали немалую милостыню», весть об их прибытии уже разнеслась по всему городу, и греки даже соперничали, кто из них первый пригласит путников к себе домой¹. Барский, однако, отмечает, что подобное отношение распространялось далеко не на всех, а лишь на представителей православной веры. Характерным примером может служить описанная им больница на острове Хиос, где бесплатно принимали, лечили и кормили людей, но исключительно православной веры². Важно, что как раз в церквях и монастырях, которые посещали русские паломники, и происходило их знакомство с греческим населением.

Воспоминания путешественников изобилуют свидетельствами того, что греки именно в русских зачастую видели возможность избавления от религиозных притеснений со стороны турок. Капитан российского флота Степан Хметевский, принимавший участие в боевых действиях в Эгейском море в 1770–1774 гг., описывает, как группа представителей высшего духовенства ряда греческих островов Эгейского моря направила в феврале 1771 г. послание на имя императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова, командовавшего русской эскадрой, с просьбой взять под опеку и покровительство «всех греческого исповедания благочестивых христиан»³. Однако более важным представляется то, что сходные настроения были распространены не только среди высшего духовенства, которое, несомненно, казалось более искушенным в делах политических, но и среди простых верующих. Морской офицер Владимир Броневский, участник Средиземноморской экспедиции русского флота 1805–1807 гг. под командованием вице-адмирала Дмитрия Нико-

лаевича Сенявина, описывает несколько случаев, когда простые греки при встрече с русскими просили помочь избавиться от религиозного притеснения турок. Приведем лишь одно яркое описание из его воспоминаний о посещении российскими кораблями острова Имврос: «Каждый турок — начальник селения требует подарков. За свободу богослужения начальник острова иногда требует произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает сломать церковь. Это несчастье случилось и с здешними жителями. Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям восстановить церковь. Он в длинной речи изъяснил свое прошение. ...Я удивился, но, имея в мысли внушения начальства — “сколько можно снисходительно обходиться с греками” — и при том полагая, что отказ мой не будет им понятен (ибо не только офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходящим), я дал мое согласие и вынужден был идти с народом туда, куда меня повели»⁴.

Практически в каждом воспоминании русских путешественников, участвовавших в военных действиях против турок, содержится немало примеров, когда греки помогали в борьбе с турками. Приведем лишь одно из таких описаний, посвященное событиям русско-турецкой войны 1768–1774 гг., принадлежащее офицеру российского флота Матвею Коковцеву и достаточно четко отражающее мнение российских путешественников о греках: «Во время пребывания российского флота в архипелаге, ободряемые российским оружием, явили они знаки отличной храбрости. Самые малые их суда при нападении турецких галер лучше жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска, из них набранные... при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Ипсариоты, миконцы и прочие островитяне вооружали небольшие суда... которые при помощи российского флота не только множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селенья»⁵.

Однако даже если греки не могли непосредственно помочь русским и принять участие в боевых действиях, они нередко радовались успехам русских войск и поражениям турок. Лейтенант русского флота Сергей Плещеев описывает, как во время его поездки на Ближний Восток в 1772 г. было получено известие о начале но-

вых боевых действий российского флота против турок. По его словам, это известие вызвало взрыв восторга у греческого населения: «Народ весьма радовался, ибо они все считают себя счастливыми, что помогают россиянам против турок»⁶.

Плещеев пишет, как был немало удивлен, когда во время его пребывания на Ближнем Востоке «одетая по-турецки» представительница богатой семьи, общаясь с ним, вдруг выразила восторг по поводу успехов российского флота в Средиземном море. Однако, к его удивлению, девушка, несмотря на свою внешность и свободное владение турецким языком, оказалась гречанкой, ненавидевшей турок. «Дай бог им (русскому флоту. — *Прим. авт. главы*) столь благополучно продолжить удачные доселе свои завоевания, освободить из жестокого плена единоверных, а паче наших сестер, хуже скотов гнусными турками содержимых», — так гречанка реагировала на известия о русских победах⁷.

В конце XVIII — начале XIX в., во время русско-турецких войн и боевых действий русского флота в Эгейском и Ионическом морях, межличностные контакты русских военных и греческого населения, находящегося под османским игом, укрепляются: народная дипломатия, их общение приносят свои плоды, свои результаты. В результате греки стали во многом отождествлять себя с Россией, а свою борьбу за независимость тесно связывать с походом Сеньявина и присутствием российской эскадры в Средиземноморье. Морской офицер Павел Свинын, участник экспедиции, так рассказывает о реакции жителей Идра на прибытие российского флота: «Тотчас же присланы из города депутаты поздравить адмирала с благополучным прибытием; между прочим они сказали: “Все греки, в коих еще тлеется искра чести, — готовы умереть за свободу и любовь к России”»⁸. Немало сходных описаний можно найти и у Броневского: «В пылом усердии преданности своей к России греки снова и торжественно клялись пролить за русских последнюю каплю крови»⁹. Часть греков даже начинает воспринимать Россию как свою вторую родину. Так, по воспоминаниям Броневского, по завершении Афонского сражения во время переговоров о мире с турками и подготовки возвращения российской эскадры на Корфу греческое население Тенедоса разъехалось по островам, где нет турок (поскольку после осады турки порубили фруктовые деревья и истребили большую

часть виноградников). Многие греки при этом «вступили в верно-подданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию»¹⁰.

Однако наиболее ярким подведением итогов военной экспедиции Сенявина в плане установления межличностных контактов между греческим и русским народами, а также подтверждением значительной роли самого адмирала в укреплении этих связей могут служить сцены прощания с русской эскадрой на острове Корфу. Вот как рассказывает о происходившем офицер Павел Свиньин: «Нельзя было без умиления взирать на трогательное зрелище, поразившее нас, когда адмирал пошел поклониться в последний раз благодетельствовавшим нам мощам Св. Спиридона. Не только улицы, но все окна, крыши домов покрыты были народом, кланяющимся и всеми образами приветствующим Сенявина. Толпа шла по следам нашим и дожидалась во все время прощального обеда нашего... Она провожала нас до самой пристани, которую нашли мы также покрытою народом. Все хотели проститься с Сенявиным, обнять его. Добрые, признательные греки на сию минуту забыли грозящую им опасность и в излиянии сердец своих показали, сколь они почитают обязанными адмиралу за счастье и свободу, коими они наслаждались во все время его начальствования. Сенявин не мог быть равнодушен, слезы покрыли гордые ланиты его — я плакал как ребенок. В первый раз полюбил я всею душою корфиотов; в первый раз почувствовал, что мне жаль расстаться с ними, как с близкими родственниками. С немалым также удовольствием видел я печаль жителей при расставании с солдатами нашими. Они прощались как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе, в признательности и несмотря на то, что объяснялись на едва понятном диалекте, наши на худом итальянском и греческом, а корфиоты — на плохом русском, но разговоры их, право, были красноречивы. Не делает ли сие большой чести нашим воинам? Покорять сердца важнее и славнее, чем покорять государства»¹¹.

Весьма сходное описание, полное самых теплых чувств и эмоций, мы находим и у Броневского: «Прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельство народной к нам любви, никакое перо описать не может. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство

от всех церквей в черном облачении вышло с крестами и святою водою. Протопоп, подав хлеб и соль генералу Назимову, начал речь, но зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крышки (так в тексте. — *Прим. авт. главы*) домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такую откровенностью раздражает новых своих властителей (т.е. французов). С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали. <...> Я в первый раз увидел и поверил, что корфиоты имели причину любить русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что корфиоты и катарцы были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, ни требуя от них никакого пожертвования»¹².

25 марта 1821 г. — условная дата начала греческой революции, когда митрополит Старых Патр Герман привел к присяге восставших в монастыре Св. Лавры. 17 марта вспыхнуло освободительное восстание на материке, в Ареополи, столице Мани, а спустя неделю, 23 марта, в городе Каламата, на южном побережье Пелопоннеса, борцы за освобождение помолились в крошечной живописной церквушке Святых Апостолов (постройке византийского периода, XII в.) и, взяв оружие в руки, пронеслись по всему Пелопоннесу. Пламя войны за независимость вскоре захватило весь полуостров. 25 марта восставшие вошли в Патры и на площади Св. Георгия провозгласили начало революции.

Вскоре к ним присоединились греческие острова Спецес, Идра и Псара, а также некоторые районы центральной Греции. На борьбу греков за свободу турецкие власти ответили насилием и репрессиями. 10 апреля был повешен Константинопольский патриарх Григорий V.

Когда в 1821 г. началась революция, греки все в большей мере обращали взоры к России и видели в ее поддержке залог успеха в борьбе с османским игом. Причем никогда до начала вооруженного восстания вопрос жизни и смерти не стоял так остро для греков.

Оказавшийся почти в центре вооруженного противостояния русский паломник Кир Бронников, крепостной графов Шереметьевых, так описывает общественные настроения, царившие на острове Скопелос, расположенном недалеко от Афонской горы: «Жители все в великой находились печали, а особенно женский пол. Встречаясь с нами на улицах и не разумея русского языка, со вздохом сквозь слезы они нам говорили, о чем узнали мы через переводчика: если не поможет нам Россия, то мы, греки, все пропали». Правда, при этом он добавляет, что оставалась часть жителей острова, которые не разделяли такой точки зрения: «А иные и при таких тесных обстоятельствах не покидали своей гордости»¹³.

В течение последующих семи лет освободительной борьбы греки с оружием в руках отстаивали свои принципы. Оправившись от первых поражений, турецкий султан собрал новые войска и начал наступление одновременно с севера и юга. Трагическими страницами греческой истории стали резня на острове Хиос (30 марта 1822 г.), убийство и увод в рабство 22 тыс. жителей острова Псара (июнь 1824 г.) и варварская расправа над населением города Миссолонги (10 апреля 1826 г.), которая потрясла всю Европу и вызвала подъем филэллинских настроений среди европейцев.

Можно много говорить о целой плеяде русских поэтов того периода, восхищенных борьбой греческого народа и запечатлевших ее в своих произведениях. Среди них нельзя не упомянуть известные имена Александра Пушкина, Вильгельма Кюхельбекера, Василия Капниста, Федора Глинки, Василия Туманского, Дмитрия Веневитинова, Ореста Сомова, Василия Григорьева. Русские поэты-романтики не могли остаться равнодушными к общей филэллинско-либеральной тенденции. Вдохновленные непреодолимой потребностью потомков «Миноса, Ликурга, Солона, Мильтиада, Фемистокла, Аристида» в свободе, духовной самодостаточности, национальном суверенитете, они посвящают им собственное творчество и своим пером, своей речью увековечивают общее чувство того времени, приветствовавшее независимость народов и создание национальных государств.

8 октября 1827 г. Россия, Франция и Великобритания в Наваринском морском сражении одержали блестящую победу над объединенными турецко-египетскими силами. Спустя несколько меся-

цев вспыхнула новая русско-турецкая война 1828–1829 гг. Ее итогом стала победа России и подписание Адрианопольского мира, по условиям которого Османская империя обязалась предоставить Греции независимость. Теперь авторитет и влияние России на Балканах оказались непререкаемы, что заставило Англию и Францию попытаться перехватить инициативу. Согласно Лондонскому протоколу от 22 января 1830 г., на территории Греции было создано независимое государство.

Постоянные контакты между двумя народами обусловили определенное культурное влияние России на Грецию и после освобождения от османского ига и создания независимого государства. Пребывание русского флота, который оказывал содействие в подавлении антиправительственных мятежей, на Поросе, где в первые годы после освободительной революции находилась его база, в значительной мере трансформировало жизненный уклад острова. Описывая свои впечатления от посещения Пороса, российский дипломат с греческими корнями Константин Михайлович Базили отмечал: «Можно счесть Порос русским городком, а Морейский берег — цветущею деревнею полуденной России. Жители почти все понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски. Их дружеские связи с нашими матросами начались с того дня, когда первые русские, прибывшие в Порос, вместо дальних предисловий и рассказов с пориотами, снимали фуражку, крестились приговаривая: “Трек — христианин, русский — христианин,” — и дружески обнимались, как дети одной Церкви, и пенный кубок краси (вина. — *Прим. авт. главы*) запечатлевал братский союз»¹⁴.

В данный период для греков было чрезвычайно важно мнение русских о происходящем в молодом греческом государстве. К.М. Базили рассказывает о поведении присутствовавшего на русском корабле греческого офицера, когда на Поросе произошел антиправительственный мятеж: «Объясняясь простым языком чувства, он заклинал адмирала не относить к бесчестию греческого народа безумной шалости толпы бунтовщиков. Притом, задумавшись, приговаривал: что скажут в России?»¹⁵.

Территория Греции сразу после обретения независимости ограничивалась Афинами с прилегающими областями, Пелопоннесом и рядом островов Эгейского моря, где проживало менее трети гре-

ческого населения. Греции потребовалось более ста лет для того, чтобы в результате тяжелых войн и ценой многочисленных человеческих жертв объединить свои земли в рамках единого государства (Ионические острова были присоединены к Греции в 1864 г., Фессалия — в 1881 г., Македония, Западная Фракия и Крит — в 1912 г., а Додеканезские острова — только в 1947 г.).

Еще больше времени понадобилось, чтобы Греция, по праву считающаяся родиной демократии, стала подлинно демократическим государством. В 1831 г. в результате заговора был убит первый президент Греции, великий реформатор Иоаннис Каподистрия.

После этого великие державы навязали Греции монархию с иностранными королевскими династиями, которые правили страной вплоть до 1973 г. Но все же революция 1821 г. стала первым и главным шагом на пути к свободе и демократии, к независимости, к целостности и духовной самодостаточности греческого народа, стала величайшим событием в истории греческой нации, предопределившим ее дальнейшее развитие.

Путешественники отмечают, что в первые годы после революции греки, в том числе и самые низы общества, проявляли огромный интерес к России, хотя зачастую у них были довольно своеобразные представления об этой далекой стране.

Дипломат и путешественник, меценат, любитель античности, тайный советник, почетный член Академии наук Владимир Петрович Орлов-Давыдов вспоминает, как по его прибытии в Навплию в июне 1835 г. «печать с двуглавым орлом, приложенная к моему паспорту, доставила мне всевозможное уважение со стороны городского начальства, и оно откомандировало нарочного чиновника для нужных приготовлений к моему дальнейшему путешествию»¹⁶. И он же продолжает: во время его пребывания в небольшом городке Андрицена в Аркадии на русского гостя пришли посмотреть толпы любопытных греков, «расспрашивавших меня о России, например, родятся ли в ней двуглавые орлы»¹⁷.

Русский эллинизм и филэллизм исконно обладали огромным потенциалом, способствовали, с одной стороны, процветанию, сплочению греческой общины в России, сохранению ее идентичности и самосознания, а с другой — развитию греческого государства и двусторонних российско-греческих связей как на официальном,

межгосударственном уровне, так и на уровне межличностных контактов, общения простых людей. Эллинизм и филэллизм в России являются залогом преемственности в отношениях двух близких, единоверных, связанных историко-культурно-духовной и цивилизационной общностью народов.

В этом контексте кажется уместным привлечь небольшой отрывок из воспоминаний российского путешественника Александра Петровича Милюкова, посетившего Афины в 1857 г., который, на наш взгляд, очень удачно отражает отношение греков к России и к русским. При этом следует отметить, что 1857 год — это время после окончания Крымской войны, когда греческая политическая элита все больше ориентировалась на Запад, а влияние России на Балканах ослабло.

Милюков описывает, как, прогуливаясь недалеко от Акрополя и разговаривая со своим греческим собеседником по-французски, он встретил старого пастуха. Тот сначала подумал, что путешественник был из Германии, однако после того, как узнал, что Милюков приехал из России, «нахмуренное лицо старика прояснилось». Далее автор рассказывает: «Россос! — проговорил старик, прикладывая руку к сердцу. — Садись, садись! Русские — наши гости! Русские — наши братья!»¹⁸. Аналогичную сцену встречи с греческими крестьянами упоминает и русский путешественник Л.А. Бенике, посетивший Грецию более чем полвека спустя: «Узнав, что я русский, они обрадовались и заявили, что они русских считают братьями»¹⁹. Эти слова греческого пастуха, произнесенные в 1857 г., характеризуют отношения двух народов вне зависимости от политической конъюнктуры и целесообразности.

Подытоживая, хотелось бы подчеркнуть степень филэллинских настроений, пронизывающих российское общество, приведя отрывок из «Путевых записок» (1839) В.П. Орлова-Давыдова, предпринявшего, организовавшего и финансировавшего в 1835 г. научно-познавательную экспедицию на Ионические острова, в Грецию, Малую Азию и Турцию. Кстати, принять участие в экспедиции В.П. Орлов-Давыдов пригласил русского художника Карла Павловича Брюллова, архитектора академика Ефимова и археолога доктора Крамера. Карл Брюллов во время экспедиции создал прекрасно отражающие непревзойденную природную красоту Греции картины. Итогом экспе-

диции стали «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции», которые завершаются следующими словами: «Как ни глубока будущность Севера, не менее глубоко прошедшее Греции, и когда паровая сила сблизит на всем земном шаре расстояния и заменит труды тысячей народа, и тогда ум человеческий не создаст ничего совершеннее Илиады и Парфенона»²⁰.

¹ [Григорович-Барский В.Г.] Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. СПб., 1778. Ч. 1. С. 118–119.

² Там же. С. 131.

³ [Хметевский С.П.] Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии // Современник. 1855. Т. 49. № 1. С. 63–64.

⁴ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н. Сенявина с 1805-го по 1810 год. СПб., 1819. Ч. 3. С. 36, 48.

⁵ Там же. С. 71–72.

⁶ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. СПб., 1773. С. 69.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Ч. 2. С. 8.

⁹ Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 124.

¹⁰ Там же. С. 168–169.

¹¹ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. С. 233–235.

¹² Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 185–186.

¹³ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 239.

¹⁴ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. СПб., 1834. Ч. 1. С. 79.

¹⁵ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. СПб., 1834. Ч. 2. С. 84.

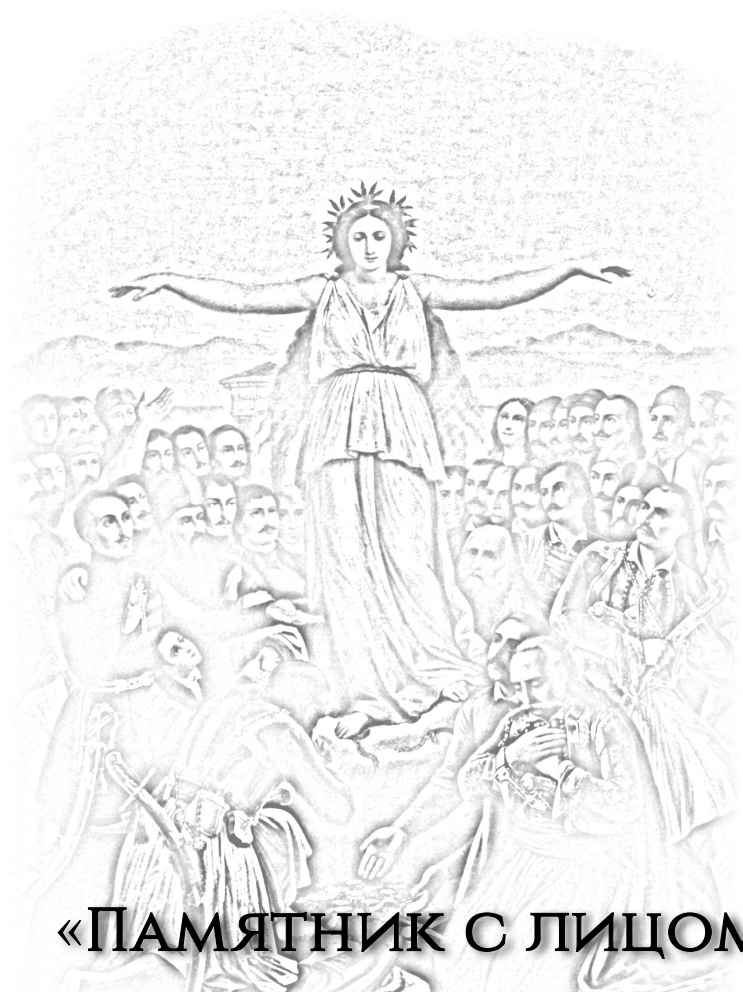
¹⁶ Орлов-Давыдов В.П. Путевые записки. СПб., 1839. Ч. 1. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Милуков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милукова 1857 года. СПб., 1859. Ч. 1. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Орлов-Давыдов В.П. Путевые записки. СПб., 1839. Ч. 2. С. 333.

**«ПАМЯТНИК С ЛИЦОМ,
ОБРАЩЕННЫМ В БУДУЩЕЕ»**

*ИСТОРИЯ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ — ЭТО ПАМЯТНИК, ИМЕЮЩИЙ ДВА ЛИЦА:
ОДНО — ОБРАЩЕННОЕ В ПРОШЛОЕ И ПОЛНОЕ БЛАГОДАРНОСТИ,
А ДРУГОЕ — УСТРЕМЛЕННОЕ В БУДУЩЕЕ И ПРЕВРАТИВШЕЕСЯ В МАЯК,
ОТРАЖАЮЩИЙ УРОКИ ПРЕЖНИХ ВРЕМЕН И ОСОБЕННО ПОЛЕЗНЫЙ НАЦИИ,
ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИВШЕЙ СВОЕ ТРЕВОЖНОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ.*

И. ФИЛИМОН

ИДЕОЛОГЕМА РЕВОЛЮЦИИ 1821 ГОДА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГРЕЦИИ*

Во многих странах революции после их завершения становились объектами идейно-политических дискуссий. Однако в Греции ситуация иная: там в оценках революции 1821 г. всегда был консенсус. Более того, революция 1821 г. быстро стала частью государственной идеологии и остается ею по сей день. В этой главе мы попробуем проследить, как происходило формирование идеологемы революции 1821 г. и как она использовалась в общественно-политической жизни страны.

Тенденция героизации и мифологизации революции наметилась уже в годы самой революции. В частности, уже тогда 25 марта стали считать днем начала восстания. На этот день, как вспоминал позже крупнейший военачальник периода революции, руководителем тайного общества «Филики Этерия» Александром Ипсиланти было назначено всеобщее восстание¹. Но на самом деле вооруженные столкновения с турками начались раньше². Распространению представления о том, что революция началась именно 25 марта, способствовала легенда о событиях в монастыре Св. Лавры, описанная французским консулом в Патрах Ф. Пукевилем. Согласно легенде, в этот день митрополит Патрский Герман торжественно благословил добровольцев выступить за свободу с оружием в руках³.

Уже в годы революции написал о ней свои первые сочинения один из крупнейших греческих поэтов Дионисиос Соломос. В 1823 г. он создал поэму «Гимн свободе», первые две строфы которой впоследствии стали национальными гимнами Греции и Кипра. В ней на-

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии (проект № 20-59-18004).

званы и первые герои, они же и жертвы борьбы за независимость: Ригас Велестинлис и Константинопольский патриарх Григорий V. Так было положено начало созданию пантеона героев революции. В 1825 г. Д. Соломос написал небольшое стихотворение, посвященное героическому сопротивлению жителей небольшого острова Псара, полностью разгромленного турками годом ранее. Много лет поэт работал над поэмой «Свободные осажденные», посвященной защитникам дважды осаждавшегося во время революции турками города Месолонги.

Уже в первые годы после обретения страной независимости некоторые политические и общественные деятели высказывали мысль об объявлении 25 марта национальным праздником, ориентируясь на греческие празднества, существовавшие в античности⁴. Появление такого праздника стало бы символом преемственности между древними греками и современными, а также символом наконец-то обретенной свободы греческой нации, которая, как многие тогда считали, находилась под иноземным игом со времени римского завоевания⁵.

В 1838 г. министерство Георгия Гларакиса инициировало установление 25 марта днем национального праздника⁶. Это было очень символично: национальный праздник соединялся с религиозным праздником Благовещения, что имело особое значение для находившейся у власти «русской партии», выступавшей в роли защитницы и покровительницы православия. В соответствии с королевским указом, в том же 1838 г. впервые было проведено празднование дня начала революции. Официальная церемония прошла в афинской церкви Св. Ирины, которая тогда была кафедральной. Там состоялось торжественное богослужение в присутствии короля и королевы, государственных сановников, некоторых иностранных дипломатов. Затем в Афинах прошли организованные мэрией народные гуляния. Официальная часть праздника сопровождалась несколькими салютами из 21 пушечного выстрела.

Описывая праздничные мероприятия, газета «Афина» напомнила читателям о важнейших битвах периода революции, среди которых упомянуто и Наваринское морское сражение, в котором тройственная англо-франко-русская эскадра уничтожила турецко-египетский флот. По мнению газеты, в этих сражениях греки показали себя достойными преемниками героических предков, остановивших пер-

сидское нашествие в битвах при Марафоне, Фермопилах, Платеях, морских сражениях у Саламина и мыса Артемисион⁷. Таким образом национально-освободительная революция представлялась как одно из ключевых событий не только современности, но и всей греческой истории, насчитывавшей не одно тысячелетие. До установления национального праздника 3 сентября в честь успеха революции 1843 г. день 25 марта был единственным национальным праздником. С 1875 г. он стал сопровождаться военным парадом⁸.

Вышедший днем позже номер газеты «О Сотир» также содержал статью о национальном празднике. Фактически она посвящена Александру Ипсиланти. Он уже 21 февраля «на богатых равнинах Дакии» «поднял знамя свободы и независимости», которое 25 марта было подхвачено в Греции. Отмечая условность даты начала революции, газета не умаляла ее значимости, но напротив, указывала на ее более широкий масштаб с временной и пространственной точек зрения. Статья рисует идеализированный портрет А. Ипсиланти, похожий скорее на образ святого: он «с детства горячо любил свою родину», всем ради нее пожертвовал, обладал всеми положительными чертами характера. Сведения о его реальной жизни и службе в России в статье отсутствуют. «Воспевая его, мы воспеваем дело Греческой революции и национальной независимости, в основание обретения которой он заложил первый камень»⁹. Пантеон героев революции продолжал пополняться.

Важный вклад в создание образов революции и ее героев внесли многочисленные мемуары участников событий. Некоторые из них были написаны уже в период самой революции, как например, мемуары митрополита Германа Патрского, другие — значительно позже. Все они относятся к эпохе романтизма, которая в Греции длилась столетия до 1880-х гг. К концу эпохи образ революции и пантеон ее героев уже сложился и передавался через школу молодому поколению. Например, в школьной книге для чтения «Герои Новой Греции» В. Скорделиса, написанной в качестве пособия к уроку «История возрождения Греции», присутствуют известные нам образы Ригаса Велестинлиса и патриарха Григория V, а также просветителя Адамантиоса Кораиса, военачальников Теодороса Колокотрониса, Маркоса Боцариса, Афанасиоса Дьякоса, Георгиоса Караискакиса, Петроса Мавромихалиса, Одиссеоса Андруцоса, адмиралов Анд-

реаса Мьяулиса и Константиноса Канариса, собирательный образ героев-клефтов и даже политика Александра Маврокордатоса¹⁰. Как справедливо заметила греческая исследовательница Христина Кулури, в 1880-е гг. над прежними христианскими ценностями в системе образования начинают превалировать ценности греческие, т.е. национальные¹¹. Так, даже книга В. Скорделиса, в которой религиозным ценностям и организациям уделено очень мало внимания и почти все герои не имеют отношения к Церкви, была подвергнута критике как недостаточно национальная¹².

В ту же эпоху романтизма стали создаваться зрительные образы революции и ее героев. Почти исключительно сюжетам революции посвящены картины первого греческого представителя мюнхенской школы живописи, одного из крупнейших греческих художников XIX в. Теодороса Вризакиса. Большую часть своей взрослой жизни Вризакис прожил за рубежом, но его работы были известны в Греции. Хотя мюнхенская школа считается образцом академического реализма, в картинах Вризакиса события и участники революции, поданные в романтически-героической трактовке, послужили визуализацией уже сложившихся представлений. Цикл картин, посвященных революции, и портретов ее героев создал работавший в Греции Дионисиос Цокос, чье произведение «Клятва этеристов» (1849) получило широкую известность.

Завершение эпохи романтизма в Греции пробудило более реалистичное восприятие революции. Так, картина еще одного крупного греческого художника Николаоса Гизиса «После разгрома острова Псара», написанная в конце столетия, раскрывает не столько героизм, сколько страдания греческих повстанцев. К этому времени и пантеон героев расширяется и включает в себя не только участников боевых действий, но также политиков — Андреаса Заимиса, Лазароса Кундуриотиса. Фигура Ригаса Велестинлиса как предтечи революции дополняется образом Ламброса Кацониса — участника русско-турецкой войны 1787–1791 гг.¹³ Но привнесение некоторой доли реализма в восприятие революции не поколебало главного: она продолжала оставаться ключевым событием новейшей национальной истории и отправной точкой ее дальнейшего развития.

В таком качестве образ революции стал активно использоваться греческими политиками. Уже в начале 1840-х гг. в стране начала

назреть оппозиция абсолютной монархии короля Оттона. Борьбу за введение конституционного строя многие политики представляли как продолжение борьбы за свободу, начатой в 1821 г. 25 марта 1840 г. газета «русской партии» «Эон» писала: «В национальный день 25 марта греки узнали свою свободу, а король свой трон. Ради этого Национального дня на девять лет были приведены в движение Азия и Европа, и достойной наградой за пролитые потоки крови и столькие жертвы может служить только одно — конституционный трон»¹⁴. В дни революции 1843 г., когда политическая оппозиция вынудила короля Оттона согласиться на введение конституции, в Афинах издавались памфлеты, в которых победа новой революции преподносилась как продолжение войны за независимость¹⁵. Таким образом идеологема революции стала использоваться во внутриполитической борьбе. Ей было придано значение первого этапа борьбы за политическую свободу.

Помимо этого революция сохраняла свое значение войны за национальную независимость. Однако территории и население, вошедшие в состав королевства Греция, включали лишь часть греческого народа и земель, которые греки считали исконно своими. По сути, революция 1821 г. достигла своей цели лишь частично. Тем не менее официальная идеология всегда преподносила ее как успешное начинание. Именно начинание, ставшее первым шагом в борьбе за национальное освобождение, но не завершившее ее.

Поэтому все антитурецкие восстания в Османской империи, проходившие в XIX — начале XX в., в Греции позиционировались как продолжение дела, начатого в 1821 г. В период Крымской войны, когда Греция формально соблюдала нейтралитет, в пограничных провинциях Османской империи вспыхнуло восстание, которое неофициально поддерживалось греческим государством. 25 января 1854 г. штаб повстанцев выпустил обращение ко всему греческому миру. «Слава Богу! Решительно возобновилась начатая в 1821 году борьба за Веру и Отечество», — писала по этому поводу афинская газета «Эон»¹⁶.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была воспринята в Греции как еще один шанс на освобождение *αὐτρώτες πατρίδες*¹⁷ и поработанных соотечественников. Часто сменявшиеся греческие правительства долго не решались вступить в войну. Наконец, 19 января

1878 г., в тот самый день, когда между Россией и Османской империей было подписано перемирие, греческий парламент уполномочил премьер-министра Александроса Кумундурса ввести войска в Фессалию. На следующий день афинская газета «Эфимерис» сообщила о том, что остров Крит, «не сложивший оружия с 1821 года», объявил о своем воссоединении с Грецией¹⁸. Днем позже, 21 января, греческие войска пересекли границу с Турцией. Та же газета отметила символическое значение этой даты, численно совпадающей с 1821 годом¹⁹. К этому времени образ революции занял прочное место в «Великой идее», ставшей официальной идеологией Греции²⁰.

В XX в. идеологема революции сохраняла свой смысл борьбы, с одной стороны, за национальную, с другой — за политическую свободу. Особенно актуальным обращение к образам революции 1821 г. и героев борьбы за независимость стало со вступлением Греции во Вторую мировую войну. Так, после успешного нападения на итальянский танкер греческой подводной лодки «Ламброс Кацонис» в газете «Этнос» появилась заметка, напоминающая читателям о легенде, согласно которой Кацонис выбросил свою саблю в море с заветом поднять ее «в дни славы Отечества»²¹. По мере того как над Грецией сгущались тучи грядущего гитлеровского вторжения, греки ощущали все большую потребность в международной солидарности, особенно с соседями. 29 марта 1941 г., когда до вторжения Германии в Грецию и Югославию оставалось чуть больше недели, газета «Этнос» на первой полосе делала редкие по своей доброжелательности реверансы в адрес соседей. Автор статьи «Надежды и опасения Новой Турции» Э. Асимакопулос, «забыв» о вековой вражде греков и турок и еще живой в памяти многих соплеменников Малоазиатской катастрофе, беспокоился, как бы кемалистская Турция, ставшая на совершенно новый путь развития, не пострадала от алчных агрессоров²². А профессор истории и будущий ректор Афинского университета Апостолос Даскалакис убеждал читателей в том, что Ригас Велестинлис был борцом за независимость не только греков, но и «братского югославского народа» и является символом их совместной борьбы за свободу²³.

Пропаганда греческого Сопротивления постоянно проводила параллели между событиями 1820-х и 1940-х гг., используя идеологему революции сразу в обоих ее значениях: как символ борьбы

и за национальную, и за политическую свободу. Об этом свидетельствуют сохранившиеся листовки и плакаты. В июне 1944 г. газета Национально-освободительного фронта (ЭАМ) «Румели» сравнивала работу Национального совета, коллективного законодательного органа партизанского правительства, с работой первого Национального собрания независимых греков в Эпидавре (1821)²⁴. 22 октября 1944 г., когда немецкие оккупационные войска уже покидали Грецию, командующий Народно-освободительной армией Греции (ЭЛАС) Арис Велухиотис выступил в городе Ламия в связи с его освобождением. В своей речи, полный текст которой был вновь недавно опубликован, Арис, взявший себе псевдоним в честь бога жестокой и беспощадной войны, проводил прямую параллель между революцией 1821 г. и национальным Сопротивлением в годы Второй мировой войны, сравнивая ЭАМ с тайным обществом «Филики Этерия», готовившим восстание греков в 1821 г., а противников национально-освободительной революции — с врагами Сопротивления. Полагая успех революции 1821 г. исключительной заслугой самих греков, он подчеркивал, что иностранцы в Греции, как и прежде, имеют собственные интересы, в которых используют греков, а все филэллинские симпатии служат лишь прикрытием этому²⁵.

Большое место революция 1821 г. заняла в идеологии диктаторского режима «черных полковников», который также использовал ее образ сразу в двух смыслах. Революция 21 апреля — так именовал себя диктаторский режим — рассматривалась им как продолжательница революции 1821 г. Последняя, с точки зрения лидеров режима, дала грекам свободу, но подлинное возрождение греческой нации они приписывали себе. 150-летний юбилей революции праздновался широко. В новогоднем обращении к нации в начале 1971 г. лидер «черных полковников» Г. Пападопулос назвал это событие главным в предстоящем году²⁶. Тогда же было начато систематическое издание архивных документов эпохи революции. Такая попытка уже предпринималась в середине XIX в. Г. Терцетисом, но ему удалось издать только два тома. При «полковниках» было издано восемь томов (включая переиздание двух первых). Издание документов революции продолжалось вплоть до 2012 г., когда вышел двадцать пятый том. Диктаторский режим также решительно приступил к исполнению «национального обета» — постановле-

ния IV Национального собрания (1829) о постройке храма Христу Спасителю в воспоминание и благодарность за национальное освобождение. Попытки исполнить обет предпринимались и ранее²⁷, но все они оказались безуспешными, в основном по причине финансовых трудностей государства. Хунта «полковников» сумела даже собрать деньги на строительство, но падение режима воспрепятствовало реализации этого проекта.

После восстановления демократии революция 1821 г. не утратила своего значения. Особенно часто о ней вспоминают в трудные для страны моменты. Так, 25 марта 2010 г., в разгар финансово-экономического кризиса, премьер-министр Г. Папандреу говорил о том, что для выхода из него греки должны мобилизовать все силы, как в 1821 г.²⁸ В целях экономии в тот год традиционный военный парад прошел без участия авиации и военной техники. В следующем, 2011 году положение в стране стало еще хуже. В связи с этим Г. Папандреу даже не смог присутствовать на торжествах, посвященных 190-летию революции, поскольку вел тяжелые переговоры на саммите в Брюсселе. В те дни греческие политики использовали образ революции 1821 г. как пример национального единства, патриотизма, самопожертвования греческого народа и политической мудрости его вождей, — качеств, столь необходимых нации для решения острых проблем страны. Очень красноречиво выразился по этому поводу лидер партии ЛАОС Г. Карадзаферис: «Сегодня, через 190 лет после Национального возрождения, Греции приходится вновь бороться за те же идеалы, свободу и национальную независимость. Тогда мы сражались против Высокой Порты Востока, сегодня боремся против “высокой порты” Запада. Нам необходимо думать, как Колокотронис, Караискакис и другие герои, и отвергнуть образ мыслей ненекосов*»²⁹.

На Форуме народной дипломатии, проходившем 26 марта 2021 г. в Москве, лидер партии «Курс на свободу» З. Констандопулу отметила, что ныне, как и двести лет назад, страна вынуждена бороться за свой суверенитет: в условиях, когда ни один законопроект не может быть принят парламентом без одобрения кредиторов, трудно говорить о государственной независимости Греции.

* Имя Димитриса Ненекоса, военачальника периода революции 1821 г., перешедшего на сторону турок, стало нарицательным обозначением политического предателя.

Спустя 200 лет идеи и ценности революции 1821 г. продолжают сохранять свою актуальность. Благодаря тому, что в образованном в результате революции греческом государстве не было ее противников, образ революции сложился довольно быстро. Поначалу он был очень идеализированным, что соответствовало умонастроениям романтической эпохи, затем в нем появились некоторые черты реализма. Уже в первые годы независимости образ революции использовался в политической пропаганде, постепенно превращаясь в часть государственной идеологии. В «Великой идее», ставшей государственной идеологией королевства Греция, идеологема революции имела смысл начала борьбы за национальную независимость. Это не мешало греческим политикам различной ориентации использовать революцию 1821 г. как знамя борьбы за политическую свободу, которую разные партии и политики понимали по-разному. Все это говорит о том, что революция принадлежит к числу тех ключевых исторических событий, которые сохраняют свою значимость для греческой национальной идентичности и составляют фундамент единства нации. Это ежегодно 25 марта демонстрируют проводимые по всей стране школьные парады, на которые дети облачаются в костюмы солдат революции и ее конкретных героев: митрополита Германа Патрского, Афанасиоса Дьякоса, Папафлессаса, флотоводцев Канариса и Мьяулиса, Ласкарины Бубулины, Мандо Мавроенус и других.

¹ *Κολοκοτρώνης Θ.* Απομνημονεύματα. Έν Αθήναις: Έστία, 1901. Σ. 47–48.

² Στο ίδιο. Σ. 49–54.

³ *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX в.: Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. С. 117.

⁴ *Κουλούρη Χ.* Γιορτάζοντας το έθνος: εθνικοί επέτειοι στην Ελλάδα τον 19ο αιώνα // Αθέατες όψεις της ιστορίας. Κείμενα, αφιερωμένα στον Γιάννη Γιαννουλόπουλο. Αθήνα: Ασίνη, 2012. Σ. 194, 198.

⁵ См., напр.: *Αϊνιάν Δ.* Απομνημονεύματα. Αθήνα: Βιβλιοθήκη, 1956. Σ. 11.

⁶ *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство... С. 258.

⁷ Αθηνά. № 519. 26.03.1838.

⁸ *Κουλούρη Χ.* Γιορτάζοντας το έθνος... Σ. 208.

⁹ Ο Σωτήρ. № 19. 27.03.1838.

¹⁰ *Σκορδέλης Β.* Οι ήρωες της Νέας Ελλάδος. Τεύχ. Β'. Έν Αθήναις: Νέα Μέθοδος, 1885.

- 11 *Κουλούρη Χ.* Εθνικά στερεότυπα και ελληνική εθνική ταυτότητα στο σχολείο του 19ου αιώνα // Αφιέρωμα στον πανεπιστημιακό διδάσκαλο Βασ. Βλ. Σφυρόερα. Αθήνα: Λύχνος, 1992. Σ. 337.
- 12 *Κουλούρη Χ.* Ιστορία και γεωγραφία στα ελληνικά σχολεία (1834–1914). Γνωστικό αντικείμενο και ιδεολογικές προεκτάσεις. Αθήνα: Γενική γραμματεία νέας γενιάς, 1988. Σ. 63.
- 13 *Τσαγρής Γ.* Βίοι επιφανών ανδρών της Αρχαίας και Νεωτέρας Ελλάδος πρὸς χρῆσιν τῶν μαθητῶν τῆς Α΄ τάξεως τῶν ἑλληνικῶν σχολείων καὶ παρθεναγωγείων. Ἐν Ἀθῆναις: Πασσάρης καὶ Βεργινίτης, 1897.
- 14 Αἰὼν. № 148. 25.03.1840.
- 15 См., напр.: *Σούτσος Α.* Ἡ μεταβολὴ τῆς Τρίτης Σεπτεμβρίου εἰς φυλλάδια πέντε. Ἀθῆναι, 1844; *Ποιμενίδου Δ.Ι.* Ὁ Ἐλευθερωτὴς ἢ τὸ Τρόπαιον τοῦ 1821 καὶ ὁ Θρίαμβος τοῦ 1843. Ἐν Ἀθῆναις, 1843.
- 16 Αἰὼν. № 1431. 30.01.1854.
- 17 Греч. аналог итальянского terre irredente.
- 18 Ἐφημερίς. Ἔτος Ε΄. № 20. 20.01.1878.
- 19 Ἐφημερίς. Ἔτος Ε΄. № 22. 22.01.1878.
- 20 Ὁ «Βερίκοι ιδεε» подробеннее см.: *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство...
- 21 Ἔθνος. Ἔτος 28. № 9415. 06.01.1941.
- 22 *Ἀσημακόπουλος Ε.* Ἐλπίδες καὶ φόβοι τῆς Νέας Τουρκίας // Ἔθνος. Ἔτος 28. № 9497. 29.03.1941.
- 23 *Δασκαλάκης Α.* Ὁ Ρήγας καὶ οἱ Γιουγκοσλαῦοι // Ἔθνος. Ἔτος 28. № 9497. 29.03.1941.
- 24 Ρούμελη. № 15. 04.06.1944.
- 25 Ἡ ιστορικὴ ομιλία τοῦ Ἀρη Βελουχιώτη στη Λαμία τοῦ 1944 // Τα Νέα. 17.05.2019. URL: <https://www.tanea.gr/2019/05/17/people/i-istoriki-omilia-tou-ari-velouxioti-sti-lamia-to-1944/amp/> (дата обращения: 11.03.2021).
- 26 *Παπαδόπουλος Γ.* Τὸ πιστεύω μας. Τ. Ζ΄. Ἀθήναι, 1972. Σ. 49.
- 27 *Μαρκάτου Θ.* Οἱ προτάσεις γιὰ Πανελλήνιο Ἡρώ τοῦ Εἰκοσιένα (1830–1930) // Μνήμων. 1995. Τ. 17. Σ. 37–68.
- 28 *Παπανδρέου Γ.* «Θα σταθούμε ἀντάξιοι ἀπέναντι στην Ἱστορία μας». Μήνυμα γιὰ την ἐπέτειο τῆς 25ῆς Μαρτίου // Ναυτεμπορικὴ. 25.03.2010. URL: <https://www.naftemporiki.gr/story/298494/g-papandreou-tha-stathoume-antaksioi-apenanti-stin-istoria-mas> (дата обращения: 10.03. 2021).
- 29 Με τὴ στρατιωτικὴ παρέλαση κορυφώθηκαν οἱ ἐκδηλώσεις γιὰ τὴν 25ῃ Μαρτίου // Το Βήμα. 25.03.2011. URL: <https://www.tovima.gr/2011/03/25/society/me-ti-stratiwtiki-parelasi-koryfwthikan-oi-ekdilwseis-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 10.03. 2021).

АФОНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.)*

СВЯТАЯ ГОРА И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ГРЕЦИИ

Греческая революция 1821 г. и война за независимость Греции — узловые звенья в цепи политических и социальных потрясений, вошедших в историю как «эпоха революций» (с 1776 по 1848 г.), — коренным образом повлияли на судьбу Афона, который со второй трети XIX в. начинает восприниматься великими державами как важный православный форпост на Христианском Востоке. При этом в историографии, посвященной истории Афона и православного монашества, остаются малоизученными такие аспекты «афонской» проблематики, как роль европейской дипломатии в нормализации ситуации на Святой Горе после греческой революции 1821 г., русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и признания независимости Греции (1830–1832 гг.); реакция европейских дипломатов на рост русского монашества на Афоне; британский фактор в развитии русско-греческих отношений. Между тем без ответа на эти вопросы невозможно объективно реконструировать историю Святой Горы и выявить ее роль в системе международных отношений XIX в.

Характерной чертой Афона — автономной монашеской республики, территориально входившей в состав Османской империи и находившейся в юрисдикции Константинопольского патриархата, — являлась мультинациональность иноческой братии, среди которой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

были греки, русские, болгары, сербы и другие народности. События в Греции в 1820-х гг., вызвавшие наиболее интенсивный дипломатический резонанс в истории Восточного вопроса¹, не могли не найти в них отклика. Несмотря на предостережения более опытных и осторожных старцев, многие молодые и энергичные афониты поддерживали национальное движение и присоединились к восставшим, сформировав отряд во главе с капитаном Эммануилом Паппасом.

Афонские обители, представлявшие собой готовые укрепленные сооружения, были приспособлены к длительному сопротивлению: «...монастыри были наполнены оружием: пушки в башнях и в прозорах стен имели свои боевые заряды, в монастыре Есфигмен отливаемые были пули, канал Ксерксов был вновь перекопан и укреплен завалами из дерева и камня, и Афон сделался полуостровом»². Однако оборона Афона продлилась недолго: причиной «гибели Святой Горы», по мнению британского историка и археолога Фредерика Хаслака (1878–1920), стали разногласия между афонскими монахами во время греческой революции, приведшие в конечном счете к трагической развязке³.

Когда отряд Паппаса потерпел поражение, монахи организовали оборону полуострова на перешейке у Ксерксова канала. После отказа выдать укрывшегося на Афоне Паппаса фессалоникийскому паше Абдулу Абути в обмен на амнистию паша с отрядом из 3000 курдов 15 декабря 1821 г. занял Святую Гору. Двенадцать игуменов были взяты в заложники и увезены в Константинополь, на монастыри была возложена контрибуция, а в их зданиях разместились вооруженные гарнизоны. Последовали репрессии в отношении греческих монахов, несколько человек из которых были причислены к лику новомучеников. Храмы и монастыри были разграблены, типография в Великой Лавре сожжена, древние рукописи пущены на растопку⁴. На целое десятилетие монашеская жизнь практически прекратилась: монастыри опустели, монахи рассеялись по разным странам, на Святой Горе остались лишь немногие старцы⁵.

Оккупация Афона продлилась до окончания войны, но и после ухода турецких войск в апреле 1830 г. и создания независимого Греческого королевства Святая Гора оставалась еще под властью турок, хотя афонские обители получили более свободный статус. Лишь после того как в 1831 г. Турция оставила Афон, монахи по-

лучили возможность вернуться в обители, где началось возрождение монашеской жизни. Возвратившиеся иноки «привезли и святые мощи, ценные реликвии и рукописи, спасенные от турецкого нашествия. Монастыри стали постепенно восстанавливаться, пополняться новыми иноками. Избавленные от прежних изнурительных поборов, получая все большие пожертвования, особенно из России, насельники Афона на глазах преображали Святую Гору»⁶.

Православная Россия, участвовавшая в первой трети XIX в. в нескольких крупных военных конфликтах, считала своим христианским долгом помогать единоверцам, оказывая материальную помощь греческим, сербским и болгарским обителям. Это было продолжением российской политики в отношении признания независимости греческого государства, «краеугольным камнем» которого американский исследователь Люсьен Фрэри называет Адрианопольский мирный договор 1829 г. За освобождение тысяч пленных греков в Адрианополе российским правительством было внесено 120 000 рублей⁷, 600 000 франков было передано греческому правительству, в российских военных академиях предполагалось обучение сотни молодых греков⁸.

При деятельном участии России проходил и процесс установления границ нового Греческого королевства. Окончательно этот вопрос был решен на Лондонской конференции при участии послов Франции и России, а также министра иностранных дел Великобритании. В марте 1829 г. союзные державы согласились закрепить за Грецией северные границы, простиравшиеся на линии от Волоса до Арты, а также остров Эвбея, один из крупнейших островов в Эгейском море, где большинство населения составляли греки. В отличие от британского руководства, выступавшего за урезанные границы нового государства, включавшие Пелопоннес и Кикладские острова, Россия была нацелена на создание жизнеспособной границы, которая способствовала бы установлению мирных отношений между Грецией и Османской империей. Давление России на Порту помогло греческому государству сохранить с трудом завоеванные территории. Согласно утверждению российского поверенного в делах в Греции Марка Булгари, «именно особая способность России убедить Османскую Порту» привела к согласию султана на переговоры и установлению прочных границ с Грецией⁹.

7 мая 1832 г. представителями России, Великобритании и Франции была подписана конвенция, провозглашавшая независимость Греции, границы которой, проходившие на севере по линии Волос — Арта, оказывались «шире, чем предполагала ранее британская дипломатия, но значительно уже исторически сложившихся греческих земель»¹⁰. Афон оставался территориально принадлежавшим Османской империи до захвата полуострова греческим десантом в ноябре 1912 г. и установления Грецией оккупационного режима на Афоне в результате Первой балканской войны. Официальное же признание присоединения Афона к Греции международным сообществом последовало в 1920 г. с подписанием Договора о защите меньшинств в Греции как дополнения к Севрскому договору, заключенному Великобританией, Францией, Италией, Японией и Грецией в тот же день, 10 августа 1920 г. Договор о защите меньшинств в Греции был ратифицирован на Лозаннской конференции одновременно с Лозанским договором 24 июля 1923 г.¹¹

КОНСУЛЬСТВО В САЛОНИКАХ

Вместе с тем нельзя не отметить роста российского политического присутствия в Восточном Средиземноморье по окончании русско-турецкой войны 1828–1829 гг. «Россия стремилась поддерживать торговлю и дружбу с Османской империей, защищать права православных христиан и развивать контакты в Черном море и Восточном Средиземноморье»¹², что во многом было обусловлено политическим и торговым соперничеством с морскими державами — Великобританией и Францией. В этой связи остро встал вопрос о необходимости расширения в регионе российской консульской сети¹³.

Сразу же по окончании войны возобновилась деятельность российских консульских постов в Эгейском архипелаге (Иоаннис Власопулос), Северной Греции (Иоаннис Папарригопулос) и Патрах (Иоаннис Каллогеракис), призванных курировать самые разнообразные вопросы, касавшиеся русско-османских и греческо-османских взаимоотношений¹⁴. Уже в начале 1827 г. посланник России при Порте граф А.И. Рибопьер поставил вопрос о возобновлении учрежденного еще в 1815 г. вице-консульства в Салониках — ключевом центре, связывавшем Петербург с Константинополем, Афинами и

Афоном¹⁵. Из-за торговой значимости и крепких связей Салоник со Стамбулом и другими коммерческими центрами не только в Османской империи, но и в Центральной Европе и Италии¹⁶ этот город называли «Жемчужиной Эгейского моря» и «королевой Восточного Средиземноморья». Кроме того, Салоники служили «идеальным наблюдательным пунктом»¹⁷.

К первостепенным задачам вице-консула Анджело Мустоксиди, прибывшего в Салоники 5 августа 1830 г., относились наблюдение за российской торговлей с Османской империей, защита прав православных и мусульманских беженцев, рассмотрение споров, которые могли привести к конфронтации между Османской империей и Грецией¹⁸. В обязанности вице-консула, помимо наблюдения за ситуацией в бассейне Эгейского моря, входило и поддержание связи с Афоном: через обширную переписку он служил посредником между важными государственными лицами в России, влиятельными членами Св. Синода и монахами на Афоне; кроме того, Мустоксиди собирал средства на ремонт афонских монастырей, пострадавших во время греческой революции¹⁹.

В начале 1830-х гг. произошли серьезные изменения в положении русских монахов на Афоне: поселившиеся вместе с греками в Русском Пантелеимоновом монастыре (Русике), они восстановили разоренные и заброшенные за время турецкой оккупации здания и к 1839 г. выплатили долги. С тех пор, по оценке Хаслака, отнюдь не отличавшегося доброжелательностью в отношении России, Русик, «поставленный русскими на удовлетворительную основу»²⁰, воспринимался как «сильная сторона российской партии на Афоне»²¹. При поддержке российской дипломатии грузинские монахи, ставшие в 1829 г. русскими подданными, купили келью, приписанную к Иверскому монастырю. Как утверждает Хаслак, этот успех не был бы достигнут без подкупа, что, однако, не позволило насельникам получить разрешение на изменение статуса кельи на статус скита²².

Все эти факты хорошо известны. Менее известным остается то, что Россия как «самая сильная православная держава»²³ выступала не единственным игроком на «афонском поле». Как можно видеть из зарубежной историографии, в начале 1830-х гг. Афон оказался в фокусе внимания и других держав, и прежде всего Великобритании.

«АФОНСКИЙ ДИСКУРС» В БРИТАНИИ

Начиная с середины XVIII в. Святую Гору посещали английские и французские путешественники и исследователи, которых Афон привлекал не только прекрасным ландшафтом и причастностью к древнегреческой истории, но и как сокровищница византийской архитектуры и литературы. Так, в 1740-х гг. Афон посетил Ричард Покок, в 1790-х гг. — французский исследователь Огюст де Шуазель-Гуффье, в 1810-х гг. — британский путешественник Филип Хант²⁴. В начале XIX в. на Афоне неоднократно бывали британские исследователи: в 1801 г. — Эдвард Кларк, в 1812 г. — Генри Холланд, в 1805 и 1806 гг. — военный офицер Королевской артиллерии полковник Уильям Мартин Лик. В 1831 г. вокруг Афонского полуострова проводил исследования капитан Королевского флота Ричард Коупленд, составивший карту с высотами значительных горных вершин по всей северной Греции²⁵. Но главная роль в формировании «британского военного дискурса в отношении Афона», как отмечает американский историк Рассел Ли, принадлежала трем британским военным исследователям горы Афон: подполковнику Уильяму Мартину Лику (1777–1860), лейтенанту Уэбберу Смиту (1778–1853) и лейтенанту Табу Спратту (1811–1888).

В начале XIX в., в 1806 г. (надо полагать, в связи с франко-британским военно-морским противостоянием в Средиземноморье), на Афон прибывает экспедиция Лика, которого некоторые исследователи относили к «британским шпионам на Афоне»²⁶. По поручению министра иностранных дел лорда Харроуби Лик должен был ознакомиться с географическими особенностями Афона ввиду его важного геополитического положения. В задачи Лика входило восхождение на пик Афона для измерения «угловых интервалов между важными ориентирами на всем севере Эгейского моря»²⁷. Начиная с этого времени Афон становится для британских офицеров важным стратегическим объектом, на который были направлены их гидрографические и геодезические исследования, при этом из их поля зрения не исключались и другие аспекты. Но если для первых военных исследователей Афон представлял интерес с точки зрения не только географии, но также истории и филологии, то после подписания 7 мая 1832 г. Учредительного договора о независимости

Греции главной целью британских исследователей, в частности для экспедиции Уэббера Смита, состоявшейся в 1836 г., было геодезическое и картографическое описание Афона.

Определяющую роль в привлечении внимания военных к Афону и в организации экспедиции Смита сыграло Королевское географическое общество Лондона, основанное в 1830 г. Цели и задачи Общества, одним из отцов-основателей которого был полковник Лик, носили прежде всего геополитический характер. Общество, находившееся под покровительством короля Вильгельма IV и пользовавшееся поддержкой на самом высоком уровне, поддерживало прежде всего исследования, отвечавшие интересам британской имперской политики. Характерно, что как Лик, так и Смит считали своей задачей не одни только географические и геодезические изыскания на Святой Горе (для чего оба стремились подняться на пик Афона). Оба собирали статистические, демографические и этнографические сведения. Их интересовала организация монашеской жизни как государственного института: с ее административным управлением, юридической подчиненностью, этническим составом афонитов²⁸.

Интерес британских военных, географов и путешественников к Святой Горе Ли объясняет тем, что Афон, занимавший «геополитическое положение на пути между Востоком и Западом», вместе с тем представлялся им объектом, объединявшим «литературное и культурное пространство между Великобританией и Османской империей»²⁹. Поскольку независимость Греции напрямую связывалась с Церковью, сохранившей под османским правлением «греческую идентичность», особое значение в британских кругах стали придавать греческим православным монастырям, образцом которых служили обители на Афоне³⁰.

В то же время растущее внимание британских военных к полуострову не только как к геолого-геодезическому, но и как к стратегическому и административно-политическому объекту было связано с его включением в общую военно-морскую стратегию Великобритании в Средиземноморье и намерениями британского кабинета оценить в перспективе ситуацию на Афоне с учетом церковно-дипломатического фактора. Здесь мы вплотную сталкиваемся с ситуацией, свидетельствующей о роли конфессионального сегмента в по-

литике великих держав, когда внешнеполитическое противостояние проецируется на сферу межцерковных и межконфессиональных отношений.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БРИТАНО-ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В британском кабинете не было единства в отношении Греции. Так, Роберт Каслри относил греческую революцию 1821 г. к «разновидности того... духа мятежа, который систематически проявляет себя в Европе и приводит к взрыву там, где по какой-либо причине рука правительства ослабела». Глава Форин-офиса отчетливо дал понять российскому императору, что «британский кабинет хотел бы видеть Османскую Порту одержавшей верх и таким простейшим способом устранить осложнения, возникшие на Востоке»³¹. Как отмечает В.Н. Виноградов, никаких шагов ради «бескровного дипломатического вмешательства в пользу греков» с британской стороны предпринято не было — «все симпатии английского посла в Стамбуле лорда Перси Стрэнгфорда принадлежали Порте». В результате, по мнению британских оппозиционеров, «все, что предпринимал кабинет, делалось исключительно во имя того, чтобы создать для Турции лучшие условия истребления ее греческих подданных»³².

Позиция британских стратегов не изменилась и в дальнейшем. Лорд Пальмерстон — истинный наследник Каслри, Дж. Каннинга, Дадли, Абердина, Веллингтона в их противостоянии России — воспринимал Османскую империю в качестве «идеального “сторожа” черноморских проливов и буфером против российского экспансионизма на Ближнем Востоке»³³. Великобритания, более других претендовавшая на роль «крестного отца при политическом “крещении” Ближнего Востока», все более «считала свои экономические и политические интересы неразрывно связанными с интересами османов», чему, в частности, способствовало подписание в 1838 г. новой торговой конвенции между двумя странами³⁴.

Вместе с тем, как отмечает историк Джек Фейри, в 20-е гг. XIX в. в Британии все более растет интерес к Средиземноморью, что было связано с политическими амбициями в отношении Греции, иници-

ированными филэллинизмом и поддерживаемыми уверенностью в скорой утрате Османской империей контроля над Балканским полуостровом. Нельзя списывать со счета и яростную конкуренцию Великобритании с Россией и Францией за политическую гегемонию в Восточном Средиземноморье, где «Северная Греция и северная часть Эгейского моря географически обеспечивали важную связь между Османской империей и Великобританией как по суше, так и по морю»³⁵.

Рост авторитета России в греческих и славянских церковных кругах (что особенно заметно проявилось после Адрианопольского мира) не мог не возбуждать опасений британской дипломатии, действовавшей в парадигме лорда Пальмерстона, считавшего, что «личный враг Англии — Россия», противодействие которой составляло главную задачу британской политики³⁶. Соперничество великих держав на Православном Востоке и в Османской империи, являвшееся, по выражению Виноградова, «осью международной жизни», проходившей через Константинополь³⁷, проецировалось на межцерковные отношения, вовлекая и Россию, и Британию в необходимость выстраивания системы мер по развитию церковно-дипломатических контактов с предстоятелями Восточных Церквей. Этим в значительной мере определялась степень влияния обеих держав в ближневосточном регионе: британские дипломаты, собственно, как и российские, всемерно использовали свой авторитет в Константинополе и давление на Порту, чтобы на Константинопольский престол был избран «нужный» претендент³⁸.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ПАТРИАРХИ И БРИТАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ

На Афоне, как и в других областях Османской империи, несмотря на фактическое самоуправление и удаленность от кафедры, многое зависело от патриарха, личность и политические симпатии которого имели определяющее значение. Каким образом британское влияние в Константинополе сказывалось на Афоне и какие это имело последствия для греко-русских отношений, можно видеть на примере Константинопольских патриархов Константия I и Григория VI.

Известно, что Афон, в том числе Русский Афон, пользовался особым покровительством патриарха Константия, занимавшего кафедру с 1830-го по 1834 г. Константи́й, на плечи которого легли все тяготы восстановления церквей и монастырей после войны греков за независимость, многое сделал (прежде всего благодаря связям с Россией³⁹) для улучшения их материального положения, уделяя большое внимание разоренному за время турецкой оккупации Афону. Как отмечает И.И. Соколов, он «побуждал должников платить долги монастырям, охранял их метохы, рекомендовал лиц для их аренды на более выгодных условиях и т.п.»⁴⁰.

В имущественных спорах между русскими и греками Константи́й «принимал сторону русских и защитил их от несправедливых притязаний греков»; помогал афонским подворьям в Молдавии: в частности, в 1830 г. предполагалось открыть школу в афонском метохе в Молдавии — монастыре Трех Святителей, но этот проект не был реализован из-за бедности афонского Кинота, обремененного долгами после войны. Обратив внимание на злоупотребления при сборе хараджа, который в размере 1 500 000 пиастров обязали выплачивать афонские монастыри, разделив эту сумму поровну среди двадцати обитателей, далеко не одинаковых по своим возможностям, что очень сильно отразилось на небольших монастырях⁴¹, Константи́й посланием от 17 июля 1832 г. «уведомил кинот Святой Горы, что следует разделить всех монахов на три разряда: аскеты должны платить меньше келлиотов, а келлиоты — меньше иноков монастырей»⁴². Контроль за справедливым распределением уплаты хараджа патриарх поручил митрополиту Фессалоникийскому Мелетию.

Содействовал патриарх Константи́й и примирению враждовавших общин. Соколов приводит факты, что, когда Пантократорский монастырь увеличил ежегодный взнос с русского скита Пророка Илии до 2000 гросиев* вместо прежних 750 и потребовал единовременной выплаты 50 000 гр., патриарх встал на защиту русских от несправедливых притязаний греков. «По поводу племенных раздоров на Св. Горе патриарх писал и киноту (1 авг. 1832 г.), убеждая его принять необходимые меры для умиротворения иноков и угрожая,

* Гросий = 8 коп.

в противном случае, прислать на Афон лиц, имеющих и гражданскую власть»⁴³.

В феврале 1834 г. Константин выразил свое согласие на устройство общежития в идиоритмическом ранее Дохиаре; несколько ранее, в марте 1833 г., подтвердил киновиальное устройство Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря и избрание игуменом иеромонаха Герасима⁴⁴. По мнению Хаслака, «слабое место в этом случае заключалось исключительно в (предполагаемых) средствах, с помощью которых было получено это согласие»⁴⁵, то есть британский историк полагал, что в ход пошли большие материальные средства со стороны русских монахов.

Позже аналогичные подозрения выдвигались в адрес патриарха Григория VI. Так, Фейри пишет, что британский посол в Стамбуле Джон Понсонби считал Григория не более чем «оплачиваемым агентом российского правительства» и распространял слухи о том, что попытки восстановить патриарший контроль над Ионическими островами и Грецией являлись частью широких планов России по дестабилизации региона. Убедая британский кабинет, что Османская империя «уже шатается на грани политического распада», Понсонби предупреждал Лондон, что влияние патриарха на суверенные христианские массы может «иметь почти фатальный эффект в пользу России в случае возникновения кризиса»⁴⁶.

Таким образом, оба патриарха, и Константин, и Григорий, придававшие большое значение восстановлению разрушенных обителей на Афоне и во всех уголках Патриархата, устройению школ в бедных афонских метохах, умиротворению межнациональных конфликтов среди афонских иноков, имели репутацию приверженцев России, что сыграло решающую роль при их удалении с кафедры. И главная «заслуга» в низложении наиболее достойных православных иерархов принадлежала британской дипломатии. Как отмечает Фейри, «британское правительство не только принципиально возражало против планов Григория, но и серьезно опасалось близких отношений, которые, как предполагалось, существовали между Патриархатом и правительством России. Например, для Форин-офиса не было секретом, что Григорий пользовался поддержкой российской дипломатической миссии, тогда как несколько британских друзей из фанариотов поддерживали главного соперника Григория в борьбе за престол митрополита Кесарийского Паисия»⁴⁷.

В этом отношении представляет интерес письмо российского консула в Бейруте К.М. Базили к А.Н. Муравьеву от 3 июня 1839 г., иллюстрирующее исключительно церковный характер взаимоотношений патриарха с российскими дипломатами, которые, согласно законам Российской империи, выступали связующим звеном между иерархами Востока и Всероссийским Святейшим Синодом: «Патриарх Григорий весьма признателен Св. Синоду за книги, которые предполагалось ему доставить, и имеет в книгах для училищ крайнюю нужду. Но в особенности он бы желал, чтобы Св. Синод издал на новогреческом языке катехизис, тот самый, какой теперь принят в русских духовных училищах, и притом один для руководства детей, а другой, с некоторым богословским развитием православных догматов, для образования духовенства»⁴⁸.

Вместе с тем Базили удалось передать и гнетущую атмосферу российско-британской напряженности, царившую в Константинополе незадолго до свержения Григория VI: «С патриархом Григорием я виделся только один раз и то с трудом и предосторожностями. В теперешнем положении и при происках англичан по поводу вздорных требований Ионических островов ничто ему более повредить не может, как сношение с русскими. Боюсь Вам докучать рассказом об интригах жалкого остатка фанариотов, интригах политических, но коих рычагом служит Церковь и коим более всего содействует самое духовенство. Довольно упомянуть, что епископские престолы покупаются полумиллионом и более пиастров и потом ежегодно откупаются 150 и 200 тысячами. Патриарх, сколько могу судить по личному знакомству, хотя кратковременному, и по общему о нем мнению, человек самый достойный, благонамеренный и деятельный, но у него руки связаны и он боится со дня на день быть свергнутым»⁴⁹.

ИОНИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Поводом для удаления Григория VI — по оценке Муравьева, «самого деятельного и мудрого из всех пастырей, который мог бы восстановить дела церковные, ибо пользуется общим уважением»⁵⁰, — послужила позиция, занятая им в вопросе об Ионических островах, лежащих у западного побережья материковой Греции и по условиям

Парижского договора (5 ноября 1815 г.) находившихся под протекторатом Британии.

Суть конфликта, приведшего к низложению Григория VI, анализу которого посвящена статья Фейри «Раздор и беспорядок... под предлогом религии: европейская дипломатия и пределы православной церковной власти в Восточном Средиземноморье», состояла в том, что назначенный в 1835 г. верховным комиссаром британской администрации Соединенных Штатов Ионических островов генерал сэра Говард Дуглас намеревался провести радикальные реформы в сфере образования, семейного права, наследования, религиозных обычаев и в других областях, что до того времени являлось прерогативой Православной Церкви. В течение 1836–1837 гг. Дуглас и его ионические советники разработали новый правовой кодекс, что, по их мнению, должно было иметь «исключительное значение для будущего развития островов»⁵¹.

Стремление контролировать религиозные дела на Ионических островах привело к жесткому противостоянию колониальной администрации с патриархом Григорием VI, выступившим против британских посягательств на церковный уклад. Зимой 1838 г., без каких-либо попыток к переговорам с верховным комиссаром, патриарх совместно с членами Константинопольского Синода опубликовал две энциклики, в которых в резких формулировках обвинял британское правительство в нарушении православных обычаев и канонического права⁵². Ионическому духовенству и мирянам под страхом «отлучения от Церкви в этой жизни и проклятия в следующей» отныне запрещалось «отправлять своих детей в школы, управляемые протестантами, принимать британские указания в церковных делах и, более того, подчиняться любому введенным Великобританией законам, противоречащим канонам»⁵³.

Обличение Григорием VI инославного прозелитизма и конфликт с британским послом в Константинополе сэром Понсонби из-за спора по вопросу инославного миссионерства на Ионических островах привели к суду Порты над ним. Обвиненный в «превышении полномочий своей церковной власти» и «вмешательстве в государственные дела островов»⁵⁴, патриарх был смещен с престола 3 марта 1840 г.⁵⁵ После низложения и до вторичного избрания на Константинопольскую кафедру Григорий VI жил на покое в греческом селении Мега Ревма на европейском берегу Босфора.

Надо отметить, что позиция Григория VI подверглась критике не только британской администрации островов и Блистательной Порты, но и экс-патриарха Константия I, упрекавшего его в нежелании следовать в ряде церковных вопросов принципу икономии: «От ревности своей по разуму или не по разуму, не хотевши ни с кем советоваться, в посланиях своих к Ионическим островам, он не был доволен одними увещаниями по своей пастырской должности, но коснулся в пяти местах английского правительства, вследствие чего, по жалобе сего правительства, был прежде сужден и обличен, и потом низложен, по султанскому хатти-шерифу»⁵⁶.

Много лет спустя оба патриарха: и Константи́й, и Григорий — жаловались Муравьеву, посетившему их в 1849 г.: «Мы ничего не можем сделать в пользу Церкви, потому что при малейшем желании ввести какой-нибудь порядок нас сменяют по недостойным интригам или инославных послов, или, к сожалению, собственных наших единоверцев и даже архиереев, а тайным предлогом обыкновенно служит преданность России»⁵⁷. Муравьев, со своей стороны, изложил ситуацию в Константинопольской Церкви в особой записке, адресованной Св. Синоду: «Посол английский привязывается к патриархам за дела ионические, где насильственно желают уравнивать протестантство с православием, и, таким образом, несчастные патриархи, не имея ниоткуда помощи, теснимые извне и изнутри и потеряв свое прежнее высокое значение, колеблются на шатком престоле и падают при малейшем неудовольствии»⁵⁸.

Удаление Григория VI с Константинопольского престола продемонстрировало победу британской дипломатии, в результате которой патриархат, несмотря на решительное сопротивление, лишился своего лидера⁵⁹. Впоследствии вопрос протектората над населением Ионических островов (в том числе над православными греками) имел большое значение для британского присутствия в регионе. Так, к нему апеллировали стратеги британской политики во время так называемых «Паркеровских событий», когда в начале 1850 г. Афины и ряд греческих портов подверглись блокаде военноморскими силами Великобритании под руководством адмирала В. Паркера. На официальное признание османской властью британского протектората над так называемыми «британскими подданными» была направлена знаменитая речь лорда Пальмерстона,

произнесенная им в палате общин 25 июля 1850 г. Защита жителей Ионических островов стала одним из пунктов известного вояжа британского посла в Константинополе сэра Стрэдфорда Каннинга, когда в октябре 1850 г. он совершил поездку на Святую Гору⁶⁰.

Но пожалуй, наиболее явно просматривается связь Ионического вопроса с Афоном на нескольких весьма характерных примерах. Первый относится к 1845 г., когда во всех монастырях на Афоне с особой остротой заявил о себе имущественный вопрос. С увеличением таможенных налогов и введением таможенного надзора со стороны османской власти все большее значение приобретали доходы монастырей с их владений и подворий в России и в Османской империи⁶¹. В описании своего первого путешествия на Афон в 1845 г. архимандрит Порфирий (Успенский) упоминает и о причастности британского консула в Салониках к церковным делам монастыря Святого Павла, где с начала 1840-х гг. жили греческие монахи с Ионических островов, имевшие британское подданство: «В настоящее время рыщут по Афону пятнадцать таможенных досмотрщиков. Они зорко наблюдают, особенно берег монастыря Павловского, в котором живут монахи, подданные Англии, и во зло употребляют покровительство ее консула, так что наш консул в Солуне постоянно советует ему не вмешиваться в дела афано-монастырские»⁶². (Кстати, из того же описания известно, что монахи некоторых монастырей, включая Лавру Святого Афанасия и Иверский, по совету некоего грека, воспитанного в Париже, готовы были «подписать прошение об отдаче Афона под защиту Франции, лишь бы она хлопотала о неприкосновенности святогорских имений во Влахии и Молдавии»⁶³.)

Второй эпизод относится к более позднему периоду, а именно к 1856–1863 гг., когда Ионические острова еще оставались под управлением британской администрации. Патриарх намеревался уволить игумена монастыря Кутлумуш на том основании, что он был британским, а не турецким подданным, хотя Хаслак утверждает, что «это заявление было явно нечестным, поскольку до сих пор (т.е. до 1920 г. — Прим. авт. главы) в монастырях живет много греков собственно из Греции, хотя во время этого нападения на Кутлумуш все они считались под юрисдикцией османов». Большинство монахов воспротивились изменению и, подняв британский флаг, обрати-

лись в британское посольство, обретя поддержку в после при Порте сэре Генри Бульвере. По оценкам Хаслака, смещение игумена было связано с намерениями поставить русского настоятеля якобы для того, чтобы «захватить Кутлумуш», который «был и остается бедным монастырем»⁶⁴.

Но и позже ионические монахи продолжали обращаться к сэру Бульверу. Так, например, в 1866 г. посол совершил визит на Афон в целях разрешения имущественных проблем монастырей, связанных с бессарабскими и молдо-влахийскими подворьями. Последние были секвестрированы у монастырей вследствие церковной политики первого правителя объединенной Румынии Александра Кузы. Десять лет спустя доходы с афонских имений в Бессарабии подверглись секвестру уже со стороны России, согласно Высочайшему указу, принятому 9 марта 1873 г. в качестве вынужденной меры в ответ на беспрецедентные нарушения, допускаемые поверенными монастырей при управлении бессарабскими имениями, что «грозило на будущее время святым местам совершенным лишением получаемых ими доходов»⁶⁵. Как ранее секуляризация молдо-влахийских имений, так и секвестр бессарабских доходов «возбудил, как и следовало ожидать, большое неудовольствие со стороны монастырей-владельцев, получавших доходы из России»⁶⁶, что не осталось без внимания дипломатического корпуса в Константинополе.

Эти случаи свидетельствуют о том, что дипломатическое противостояние так или иначе отражалось на жизни Афона, вызывая противостояние в мультинациональной среде афонитов, что в середине 1870-х гг., в самый канун русско-турецкой войны 1876–1878 гг., привело к острому кризису в отношениях между греками и русскими иноками на Святой Горе, разрешить который удалось лишь при вмешательстве российских дипломатов. По свидетельству посла в Константинополе Н.П. Игнатьева, инициатива в разжигании конфликта принадлежала британским дипломатам и проанглийски настроенным греческим иерархам⁶⁷.

Начало же церковному вектору британской политики в Восточном Средиземноморье было положено еще со времени визитов на Афон первых британских военных и географов, проявлявших интерес к демографическому, административному и финансовому положению святогорских обителей, в том числе к их отноше-

ниям с константинопольскими духовными и светскими властями. Великобритания, «взгляды и интересы» которой, по утверждению Пальмерстона, были «диаметрально противоположны русским»⁶⁸, должна была выстраивать отношения с Османской империей и независимой Грецией в условиях конкуренции с Россией, авторитет которой как «главной православной державы» давно сложился на Востоке. Чтобы выйти победителями в этой борьбе, британским дипломатам приходилось предпринимать значительные усилия, направленные на ослабление межправославного единства и межцерковных связей России и Восточных Православных Церквей. Той же цели служило всемерное воздействие на Порту для избрания подходящих, то есть антироссийски настроенных кандидатов на кафедры поместных Церквей и прежде всего на Константинопольский престол. Так апробировались необходимые рычаги и каналы влияния на церковные структуры Святой Горы и Константинопольского патриархата в интересах внешней политики Британии, что нашло отражение в пристальном внимании британских военных, дипломатов и политиков к Православному Афону.

Таким образом, в начале 1830-х гг. Афон оказался в фокусе внимания европейских держав не только как центр вселенского православия, но и как важный стратегический плацдарм в военном отношении, что приводит к необходимости рассматривать «Афонский вопрос» в контексте вопроса Восточного как важную и органичную его составляющую.

¹ Frary L.J. Russian consuls and the Greek war of independence (1821–31) // *Mediterranean Historical Review*. 2013. Vol. 28. N 1. P. 48.

² Троицкий П.В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 40.

³ Hasluck F.W. Athos and its Monasteries. Cambridge, 1924. P. 50.

⁴ И.В.Т. Афон. XIX век / Православная энциклопедия. Т. 4. С. 103–181. URL: <https://www.pravenc.ru/text/77102.html> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵ Цит. по: Троицкий П.В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 40.

⁶ Афон и его святыни / Сост. А.А. Маркова. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/afon-i-ego-svjatyni/41> (дата обращения: 31.08.2021).

⁷ Frary L.J. Russian interests in nineteenth-century Thessaloniki // *Mediterranean Historical Review*. 2008. Vol. 23. N 1. P. 21.

⁸ Frary L.J. Russian consuls... P. 55.

⁹ Hasluck F.W. Athos and its Monasteries. P. 54.

- ¹⁰ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 37.
- ¹¹ См. подробнее: *Петрунина О.Е.* Интеграция Афона в состав Греческого государства в первой четверти XX в. // Вестник Московского университета. Серия XXI. 2014. № 2. С. 109–113.
- ¹² *Frary L.J.* Russian consuls... P. 47.
- ¹³ *Frary L.J.* Russian interests... P. 26.
- ¹⁴ *Frary L.J.* Russian consuls... P. 49.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 19.
- ¹⁶ *Frary L.J.* Russian interests... P. 17.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 26.
- ¹⁸ *Frary L.J.* Russian consuls... P. 48–49.
- ¹⁹ В 1846 г. за помощь в организации паломничества на Афон великого князя Константина Николаевича А. Мустоксиди был награжден орденом Святой Анны II степени. Ту же награду он получил в 1852 г. «за приобретение для Всероссийского Священного Синода части того, что он назвал Святым Граалем» (см.: *Frary L.J.* Russian interests... P. 25).
- ²⁰ *Hasluck F.W.* Athos and its Monasteries. P. 57.
- ²¹ *Ibid.* P. 124.
- ²² *Ibid.* P. 166–167.
- ²³ *И.В.Т.* Афон. XIX век. <https://www.pravenc.ru/text/77102.html>
- ²⁴ *Russell Li.* A Discursive Gaze on the Holy Mountain: Early Nineteenth-century British Military Explorers on Mount Athos // Undergraduate Journal of Humanistic Studies. 2018. Vol. 6. URL: https://d31kydh6n6r5j5.cloudfront.net/uploads/sites/111/2019/07/li_discursivegaze.pdf (дата обращения: 31.08.2021).
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Wagstaff M.* A British Spy on Mount Athos: The Visit of Colonel Leake, 22 October — 3 November 1806 / Friends of Mount Athos Annual Report. 2005. P 41–53.
- ²⁷ *Russell Li.* A Discursive Gaze... https://d31kydh6n6r5j5.cloudfront.net/uploads/sites/111/2019/07/li_discursivegaze.pdf
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 15.
- ³² Там же. С. 16.
- ³³ Цит. по: *Жолудов М.В.* Великобритания и Россия: Особенности дипломатической риторики накануне Крымской войны // «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / Отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2020. С. 205.
- ³⁴ *Fairey J.* ‘Discord and Confusion ... under the Pretext of Religion’: European Diplomacy and the Limits of Orthodox Ecclesiastical Authority in the Eastern Mediterranean // The International History Review. 2012. Vol. 34. N 1. P. 22.
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М. 43.

- 37 Там же. С. 3.
- 38 См., например: *Fairey J.* 'Discord and Confusion... P. 19–44; *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Российская дипломатия и избрание Восточных Патриархов // *Российская история*. 2009. № 1. С. 5–25.
- 39 См. подробнее: *Смирнова И.Ю.* «Светлый луч восточной иерархии»: Вселенский Патриарх Константин I и церковно-дипломатические контакты России с Православным Востоком в сер. XIX в. // *Христианство на Ближнем Востоке*. 2021. Т. 5. № 1. С. 55–82. DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10003.
- 40 *Соколов И.И.* Константинопольский патриарх Константин I. Очерк его деятельности. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Sokolov/konstantinopolskij-patriarh-konstantij-1/ (дата обращения: 31.08.2021).
- 41 *Hasluck F.W.* Athos and its Monasteries. P. 51–52.
- 42 *Соколов И.И.* Константинопольский патриарх Константин I... https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Sokolov/konstantinopolskij-patriarh-konstantij-1/
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 *Hasluck F.W.* Athos and its Monasteries. P. 63.
- 46 *Fairey J.* 'Discord and Confusion... P. 30.
- 47 Ibid.
- 48 *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб., 2015. С. 490–491.
- 49 Там же.
- 50 Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка. М., 2019. С. 106.
- 51 *Fairey J.* 'Discord and Confusion... P. 24–25.
- 52 Ibid. P. 29.
- 53 Ibid.
- 54 Ibid. P. 19.
- 55 Ibid. P. 34.
- 56 Патриарх Константин — А.Н. Муравьеву. Константинополь, 17 мая 1852 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 188. К. 7. Ед. хр. 30. Л. 35–35об.
- 57 *Муравьев А.Н.* Записка о состоянии Православной Церкви на Востоке ([1850]) // Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия... С. 106.
- 58 Там же. С. 105.
- 59 *Fairey J.* 'Discord and Confusion... P. 34.
- 60 См. подробнее: *Смирнова И.Ю.* Поездка британского посла в Константинополе Стрэтфорда Кanninga на Афон (1850 г.) в документах Архива внешней политики Российской империи // *Отечественные архивы*. 2013. № 4. С. 53–60.
- 61 *Порфирий (Успенский), архимандрит.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия Успенского. Запись от 16–30 августа 1845 г. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2006. С. 82.
- 62 Там же.

- ⁶³ Там же. С. 81.
- ⁶⁴ *Hasluck F.W.* Athos and its Monasteries. P. 58–59.
- ⁶⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1873. Ед. хр. 3395. Л. 7.
- ⁶⁶ Там же. Л. 15.
- ⁶⁷ См. подробнее: *Смирнова И.Ю.* «Афонский» вектор российской дипломатии на Православном Востоке в 1840–1870 гг. (по материалам корреспонденции А.Н. Муравьева) // Православный Палестинский сборник. 2019. Вып. 116. С. 127–148.
- ⁶⁸ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 43.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА: РУССКИЙ ВЗГЛЯД ИЗ АФИН

Изучение деятельности известного представителя Русской Православной церкви второй половины XIX в., одного из важнейших лиц церковной дипломатии на Ближнем Востоке архимандрита Антонина (Андрея Ивановича Капустина; 1817–1894), имеет большое значение для рассмотрения дипломатических и церковно-политических проблем во всех местах его служения — настоятелем русских посольских церквей в Афинах (1850–1860) и Константинополе (1860–1865), начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1865–1894).

Более 40 лет служил о. Антонин на Востоке. Он относился к тем лучшим представителям русского заграничного духовенства, которые в условиях жизни и служения за рубежом, умели в исключительной степени проникнуть в дух и менталитет той страны, народа и среды, в которой жили и работали, оставаясь патриотами, выразителями и поборниками политической, церковной и культурной самобытности. О. Антонин много сделал для укрепления и усиления русского имени в Греции, был кавалером греческого Командорского креста ордена Спасителя «за ученость» и обладателем Большой серебряной медали Русского археологического общества за раскопки и восстановление церкви Богородицы Спасительницы Ликодима (или Никодим) в Афинах.

Во многом о. Антонин оказался подготовлен к своему служению происхождением и воспитанием, поскольку духовное сословие в России, часто недалеко ушедшее от крестьянства, имело возможность получать образование не только библейско-церковного содержания, но и с достаточной глубиной знания истории, философии, античности, европейской культуры, живых и мертвых языков. В ду-

ховных семинариях были хорошо поставлены преподавание греческого языка и традиция переводов с греческого. Поэтому уже на старшем курсе Екатеринославской семинарии Андрея Капустина привлекали к преподаванию греческого, а в 1843 г. он, окончив Киевскую Духовную академию, назначается в ней преподавателем сначала немецкого языка, а потом и любимого им греческого. В 1850 г. при содействии архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова) иеромонах Антонин получает назначение в Афины настоятелем посольской церкви. Как писал о. Антонин своему другу Серафиму Серафимову, «Полагаю, что стоустая молва уже донесла до слуха твоего весть о моем назначении в Афинскую миссию. *Ti eileis kai ti lalēseis*¹. Ну, вот, я и грек»².

Иеромонах Антонин приехал в Афины осенью 1850 г. Его первое заграничное служение совпало с непростым периодом становления официальных отношений между Св. Синодом и Элладской Церковью, прерванных вследствие церковной реформы в Греции. Задачей о. Антонина было миссионерское свидетельство о православии среди местного населения, также он должен был информировать Синод о событиях местной церковной жизни и состоянии Греческой церкви. Это было важное и непростое время, оцениваемое о. Антонином как «время действовать, когда сношения Греческой Церкви с нашею имеют еще всю свежесть»³. Только 2,5 года было у молодого настоятеля до войны, чтобы набраться опыта и войти в курс дел.

Крымская война, поводом к которой стал конфликт из-за Святых мест в Палестине, с самого начала воспринималась ее основными участниками не только как военно-политическое столкновение, но и как религиозно-цивилизационное противостояние. В России священный характер войны прослеживается в императорских манифестах и приказах по армиям, воззвании Св. Синода, проповедях церковных иерархов. В католическом мире, главным образом во Франции, религиозный характер войны признавался, также она была названа новым крестовым походом, направленным против усиления России и православия⁴.

Далекой и одновременно близкой была Крымская война для о. Антонина: с одной стороны, он не присутствовал на полях сражений, но с другой стороны, так сильно переживал за Россию, что

оощал себя ее участником. Статус церковной части русской колонии в Афинах был особенным в силу как не слишком высокого положения в дипломатической среде, так и своих тесных контактов с местным населением, тяготеющим к России. Тем больший интерес представляет обращение к донесениям в Св. Синод и дневнику о. Антонина, что позволит увидеть отражение войны сквозь призму личного восприятия настоятеля русской церкви в Афинах.

Греческое королевство в 1840–1850-е гг. представляло собой экономически слабое и политически зависимое от европейских держав государство. Внутренняя жизнь страны определялась борьбой английской, французской и русской партий⁵. Иеромонах Антонин так описывал ее в одном из своих донесений: «Общий дух столичного общества есть французский. Между тем на самом деле он есть почти только дух молодежи. Его везде ограничивает холодный и все парализующий дух английский, разносимый повсюду печатью. Ему везде противодействует дух русский, дух порядка, здравого смысла и верности отеческим преданиям, единый и нераздельный с духом Церкви и славного минувшего, проникающий всюду часто против желания и без сознания европействующего грека»⁶. Это было время ожидания осуществления «Великой идеи», т.е. объединения разрозненных частей греческой нации и возрождения Византийской империи во всей ее силе, величии и мощи.

Весной 1853 г., в первые месяцы развития конфликта, в донесениях о. Антонина в Св. Синод и в его дневниковых записях часто упоминается всеобщий патриотический подъем в Греции, жители которой ждали, что еще немного — и страна, наконец, окончательно освободится от османского влияния, с ней воссоединятся занимаемые турками области, а Константинополь со Святой Софией будут освобождены. «День, в который разнеслась ложная весть, что уже объявлена война, был поразительно шумен. Улицы были покрыты сплошь доморощенными политиками и героями, грозившими все-му на свете, гнавшими турка из Европы и Папу из Азии, бравшими Константинополь и Седмиостровие⁷, сжегшими флоты и т.д. и т.п. Кофейни были битком набиты празднующими», — так описывал эти события архимандрит Антонин в своем донесении в Св. Синод 2 июля 1853 г.⁸ В дневнике же записывает он трогательный разговор с известным афинским священником Константином Икономосом

(1780–1857), клятвенно обещавшим когда-то императору Александру I, что не умрет, пока не отслужит православную литургию в храме Святой Софии⁹.

Поначалу о. Антонин поддался господствовавшему и в русском обществе оптимистическому настрою и был уверен, что Россия, столько раз побеждавшая турок, и на этот раз, несомненно, их побьет: «400 лет вычеркнутся из истории Византии»¹⁰ и осуществится «золотая мечта Греции — “Константин XIII”»¹¹. Вместе с тем грядущая война вызывала у Антонина большие опасения. Воодушевление греков, ожидавших быстрое поражение Турции («завязтые патриоты уже делят между собою Турцию»¹²), он описывает как «безумные глаголы», взволнованно читает ходившие между афинскими греками «пророчества» о приходе белокурого народа и поражении османов.

Всеобщая радость и возбуждение, которые охватили город, накладывались на личный успех: 6 апреля 1853 г. иеромонах Антонин митрополитом Афинским Неофитом V (Николай Метакса; 1762–1861) был рукоположен в архимандрита. Этот день для русской колонии, как и всей русской партии в Греции, стал не просто церковным праздником, но «днем торжества русских», явственным показателем общего, «ничем не истребимого и не заглушимого чувства привязанности греков к России»¹³. Во время посвящения женщины плакали на хорах, а древние агонисты (т.е. участники войны за независимость) «свидетельствовались передо мною, что они в первый раз в этот день видели Церковь свою достойной пролитой ими крови», — писал о. Антонин¹⁴. Удачное сочетание русского и греческого богослужения, симфоническое, непривычное в Греции пение, сама новость о рукоположении, как и поразившая всех стройность и торжественность церемонии, совпали с общим настроением нацеленных на Константинополь горожан, воспринявших событие как благое знамение единения России с Грецией.

Архимандрит Антонин, относительно недавно находившийся за границей, прекрасно понимал, что хотя брожение чувств и мыслей в греческом мире не могло быть значительным по своему политическому влиянию на Востоке, но оно казалось «великим по участию в общем деле Православия»¹⁵, и в этом, без сомнения, проявлялось его «вселенское мировосприятие».

В сентябре 1853 г. о. Антонин отмечает в дневнике народные признаки грядущей войны — землетрясения и комету. А осень пророчески предваряется у него стихотворными строчками:

*Зла худшего война
Не поднесла бы к носу-с.*

Источники информации для наблюдения за политическими и военными событиями у архимандрита Антонина имелись разные. Первыми и главными из них были европейские газеты. Вообще пресса доходила до Афин не быстро, обычная задержка составляла 10–14 дней. Поэтому город наводняли слухи, сквозь которые приходилось «продираться» о. Антонину, но они являлись источником самых разных сведений. Слухи приносили пароходы в Пирее и друзья-доброхоты. Но, разумеется, наиболее надежным источником официальной информации служили европейский дипломатический корпус и русская дипломатическая миссия.

3 октября 1853 г. в газете «Афина» был опубликован манифест Высокой Порты о войне, и так как им определялся 15-дневный срок начала военных действий против России, то 4/16 октября Турция объявила войну России. В тот день о. Антонин отметил в дневнике, что «по всей вероятности, в момент сей уже льется кровь за морями»¹⁶.

11 ноября та же «Афина» перепечатала манифест императора Николая I о войне от 22 октября, который заканчивался словами: «*На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки*». Жителей Афин поразили христианский дух манифеста, и разговоры греков о войне в этот период всегда сопровождалась слезами. Начавшаяся война вызвала новый подъем народного патриотизма и русофильства в Греции. О. Антонин писал, что «народ находится в живейшем сочувствии со всем, что носит на себе характер русский»¹⁷. Казалось, что настал тот судьбоносный момент и греки, живущие в Османской империи, наконец получают освобождение силой русского оружия. Эти настроения пользовались полным сочувствием всех русских, живущих в Афинах.

Однако для России война началась не особенно успешно. В русской колонии ждали хоть какого-то известия о победе над турками, пока, наконец, 29 ноября французский пароход, пришедший из Константинополя, не принес известие о Синопском сражении. «До-

вольно на сей день и сего. Дышится легче»¹⁸, — записал о. Антонин в дневнике. Сражение послужило толчком к началу выступлений греков против Турции. Ждали восстаний и среди славян, но они не вспыхнули.

После начала восстания в Эпире многие греческие чиновники оставили свои места и отправились на войну, как тогда это называли — «для свидания с родственниками за границу», и «засияли снова имена Караискаки, Грива и др. многих»¹⁹. «Внимание греков доселе естественно все сосредоточено было на войне нашей, — писал о. Антонин в своем донесении в Синод. — Только с неделю назад тому оно начало двоиться у них между нашей и своей войной. Ждавшие давно перехода русских войск через Дунай, как сигнала к восстанию, греки при первом слухе о нем действительно и очень быстро поднялись. Теперь почти уже весь Эпир в восстании. Из свободной Греции ежедневно перебегают за границу. С любовью и увлечением все принимаются снова за труды и подвиги 1821 года. Нет сомнения, что ни один из оставшихся в живых героев первого восстания не усидит на месте»²⁰. Архимандрит записывает со знаком вопроса местные слухи, что в Эпир, «находящийся в полном восстании», пошли даже 60 студентов местного университета.

Между тем по ироничным замечаниям, вскользь бросаемым о. Антонином на страницах дневника, можно понять, что он трезво оценивал ситуацию и мало верил в успех греческого восстания. Смотр войскам, устроенный королем Оттоном, он называет «петушинством»²¹, а к воодушевлению греков относится скептически.

Размышляя о том, каким будет 1854 год, архимандрит Антонин провидчески называет его фатальным, тем более что начинался он с новостей о сражении при Четати, где русские войска «опять потрепали так, что, вероятно, придется проститься нам с прежними понятиями о турецкой силе»²². Вспоминая не оправдавшиеся надежды 1853 г., архимандрит вопрошает: «Чем-то ознаменует себя наступающая красная Весна? Предшественница ее зачинала, а сей предлежит родить. Потуги родильные уже начались. На руки будущей весне, я думаю, она передаст свое исчадие. Что же это будет?»²³. И как бы выбирает: «Византийская империя? Конфедерация малых государств? République rouge panathénienne»²⁴? Одного, думаю, никак не родит чреватое будущее, а именно “императора”

Оттона I»²⁵. Но о. Антонин даже представить не мог, что в день, когда были записаны в дневнике эти риторические вопросы, произошло подписание союзного договора между Англией, Францией и Османской империей, и «последняя отселе вводится в число европейских держав, и все трактаты ее с Россией у н и ч т о ж а ю т с я. Турция отселе пятая великая держава Европы, имеющая занять место России, отодвигаемой в Азию, а то и еще дальше»²⁶.

11 марта турецкий поверенный в делах выехал из Афин, из чего о. Антонин пришел к выводу, что война между Грецией и Турцией началась. Это вызвало в городе «энтузиазм, похожий на беснование»²⁷. В университете опустели аудитории, студенты прямо на улицах стали обучаться навыкам военной подготовки. На этом фоне практические впервые произошло единение всех политических партий.

В мае 1854 г. «дела политические становятся трудными», Англия и Франция заявили ноту протеста правительству Греции и потребовали соблюдения «неутральности строжайшей. Для ультиматума сего назначен срок пятидневный»²⁸. Так что в Элладе, в которой власть была слабой и зависела от великих держав, королю пришлось сформировать новое правительство во главе с Александром Маврокордатосом, и новые министры стали «прибирать его величество к рукам»²⁹. В то же время существовала большая вероятность того, что русскому церковному причту, как и дипломатам, придется покинуть Грецию, однако все зависело от действий короля Оттона. Если бы король уехал из города (а среди мест его возможного пребывания называли Ливадию и Германию), то вместе с ним должен был бы выехать и российский поверенный в делах И.Э. Персиани.

С 13-го по 15 мая англо-французский флот входил в Пирей. Архимандрит Антонин очень подробно описывает в дневнике это событие и сохраняющиеся у некоторых греков надежды, что король Оттон ответит на него военными действиями. Но 12 пароходов и 3 транспорта, не встречая никакого сопротивления, вошли в Пирей. «Входили с музыкою... Хороши сирень»³⁰. Всего высадилось около 2 тыс. человек. В Афинах разнесся слух, что ночью король выехал из города, не исполнявшаяся на смене дворцового караула музыка как бы подтверждала его. Слух оказался ложным. Весь день город был в волнении и ожидании каких-то событий. Но вечером Оттон выехал на свою обычную прогулку, и стало известно, что король со-

гласился на все условия союзников и заявил о нейтральности Греции. О. Антонин в эти дни писал: «Среда 19 мая. Мы живем, как бы нас не было. Я продолжаю пилить и строгать»³¹.

В эти тяжелые дни случилась и радость, «вот тебе сюрприз новый»: 21 мая в Афины прибыли члены Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский), иеромонах Феофан (Говоров) и студент П. Соловьев, выехавшие из Палестины после начавшейся войны. О. Антонин пытался их уговорить остаться хотя бы на неделю в Афинах, но не смог. Провожая в тот же день гостей в Пирее, архимандрит Антонин на палубе уже дымящего парохода «встретил целую Россию баб-богомолок», возвращающихся из паломничества в Святую Землю. Но разочарованию не было предела: «Столько ждал иерусалимлян... Увидел, как во сне»³².

Наконец, по требованию союзников новое правительство, называемое в народе «министерством оккупации», окончательно прекратило повстанческое движение, а в июне и восстание в Фессалии было «приведено к нулю»³³.

Архимандрит часто вспоминает в дневнике 1812 год, сопоставляя его с текущей войной. «Не придется ли пережить нам новый двенадцатый год? Но тогда Англия не была против нас. Зато тогда был против нас Napoleon le grand³⁴, а теперь Napoleon “le petit”³⁵»³⁶. Параллели двух войн неоднократно воспроизводились в царских манифестах и перепечатывались местной прессой. Так, 3 марта 1854 г. газета «Афина» опубликовала манифест Николая I от 9 февраля о разрыве отношений с Англией и Францией. О. Антонин записал тогда, что император «напоминает в нем народу русскому 1812 год и заключает слово свое опять стихом Св. Писания: *Господь просвещение мое и спаситель мой. Кого убоимся (?). Да воскреснет Бог и расточатся врази его!* Совсем по-русски. Настоящий р у с с к и й ЦАРЬ!»³⁷.

Жизнь шла своим чередом, июль и август о. Антонин вместе со своим воспитанником П. Нищинским, иеродиаконем русской церкви Анфимом (Озеровым) и другими членами причта отдыхают на островах. Сообщений о войне в дневнике нет совсем. В августе Петр Нищинский решает жениться, и хлопоты, связанные с подготовкой к свадьбе, отвлекают архимандрита Антонина от военных новостей.

С началом действий в Крыму сообщения о войне становятся все более краткими, как будто о. Антонину не хочется верить, что это происходит на его Родине. С ноткой сарказма он пересказывает сообщения из газеты «Афина», в которой «все бредит о победе над русскими» (номер от 20 сентября 1854 г.). Спустя несколько дней в русской миссии обсуждалась «распространившаяся сегодня глупая весть о взятии Севастополя»³⁸, «разумеется, мы ее плюнули»³⁹. Наконец, пароходы приносят и хорошие новости: «25 000 французов пропало, 28 кораблей пошли на дно и пр. Вот как наши-то руками машут. А мы только что начали было плакать над своими неудачами»⁴⁰.

Переживать войну помогали труды по восстановлению церкви. По королевскому указу от 4 марта 1847 г. в собственность России были переданы руины церкви Св. Никодима с единственным условием, чтобы восстановление стен выполнили в стиле, характерном для древней постройки⁴¹. Несмотря на то, что стены напоминали о. Антонину четыре доски гроба, крыша заросла травой, а сам храм снаружи «наводил уныние на душу»⁴², внутри впечатления возникали абсолютно другие: «Входившему казалось, что он вступает в совершенно иной мир. Центральная часть его, осененная частью куполом, частью сводом небесным, насильно влекла взор и дух к небу»⁴³. Впрочем, по словам архимандрита, «впечатление, производимое этим храмом даже на незнакомаго вовсе с архитектурою, было всегда весьма сильное. Удивительная стройность и соразмерность всех частей здания пробивалась из-за всей грубой замазки и закраски невежества, бедности и крайности — всех исторических эпох жизни храма, и влекла к себе душу некоторым родственным сочувствием, звала к участию, к вспоможению»⁴⁴. Когда при первом знакомстве с храмом в 1851 г. о. Антонин спрашивал, почему никто не пытался восстановить здание, ему отвечали, что «основания церкви найдены гнилыми». Действительно, «внутри церкви замечается была постоянная сырость; нижние части ее казались пропитанными влагой до того, что на них часто показывалась зеленая плесень»⁴⁵. В поисках источников сырости о. Антонин прибегнул в 1852–1856 гг. к проведению в разных частях церкви археологических раскопок. В результате были выявлены и сохранены: водопровод эпохи Адриана, следы раннехристианских погребений (кимитрий), византийские мозаики и, самое главное, огромное подземное

сооружение⁴⁶. По поводу последнего архимандрит Антонин высказывал несколько версий, в том числе, что это первый этаж двухэтажного здания, служившего, по-видимому, общественной баней.

При восстановлении храма у о. Антонина впервые проявился особый дар организации сакрального пространства: он сумел сделать не обычную церковь, а Панафинеон — храм, покрытый изображениями всех 39 святых, «или родившихся в Афинах, или умерших, или просто живших там»⁴⁷. Задачу свою архимандрит Антонин видел в том, чтобы росписи в церкви могли показать любому, даже безграмотному, жителю города «славу самих Афин»⁴⁸.

Когда все основные строительные работы по зданию были завершены, началась роспись стен, изготовление иконостаса и подготовка икон для него, архимандрит решает построить рядом с храмом колокольню. Эти намерения вызвали большие сомнения среди членов русской дипломатической миссии, а также недовольство королевы Амалии. Тем не менее о. Антонину удалось переломить негативные настроения, и 15 декабря 1853 г. закладка колокольни была совершена. Краеугольный камень в основание здания положил поверенный в делах русской дипломатической миссии в Афинах Иван Эммануилович Персиани.

Союзные войска принесли с собой «карающий Грецию бич Божий» — холеру. Первое сообщение о двух случаях заболевания появилось 13 октября 1854 г., через три дня зафиксировали уже 15 холерных случаев, на следующий день 60, «многие померли». Были такие дни, когда количество смертей доходило до 100 человек⁴⁹. Страх горожан оказался таким сильным, что в первый же день после ужасной новости Афины покинуло 5 тыс. человек. К осени в небольшом 30-тысячном городе осталось не более 10–12 тыс. жителей. Еще через месяц о. Антонин сообщает, что «холера ходит по городу и — горе неосторожному!»⁵⁰. В Афинах жгли костры, дым от огней застилал улицы, народ болел и умирал: «Уже многих, многих знакомых недосчитываемся»⁵¹. Были закрыты продовольственные лавки и пекарни, это привело к острому дефициту продуктов. Отсутствие хлеба, и так сильно подорожавшего за год, голод, страх и смертельное уныние привели к тому, что «православные христиане афинские догадались взяться за ум»⁵², и 16 ноября по улицам города провели крестный ход, который приветствовала королевская

семья, вышедшая на балкон своего дворца. Вечером афиняне решили повторить крестный ход, но митрополит Неофит был против. Крестоходцев встретила армия, ей оказали сопротивление, и верующие с большим торжеством прошли по улицам. На следующий день крестные ходы стали совершаться во всех церквях города. И холера отступила, город оживился, начали открываться магазины и кофейни. Всего умерло около 3 тыс. жителей Афин. По счастью, болезнь не коснулась самого о. Антонина, но 19 ноября от холеры скончалась известная старица Евдокия Яковлевна, иерусалимская паломница, которую все в русской колонии звали Хаджина. Ее похоронили в тот же день на холерной части кладбища.

Завершая 1854 г., о. Антонин писал 31 декабря в дневнике, что это был «во всех отношениях очень тяжелый год. Турцию хотел задавить Россиею, Россию — Европою, Европу — холерою, Афины англо-французами... Но с другой стороны, он облегчил Европу от излишних денег, Россию от мнимых друзей, Грецию от набега турков»⁵³. А 1855 г. начался смертью обер-прокурора Николая Александровича Протасова, возглавлявшего Св. Синод в 1836–1855 гг., с ним ушла николаевская эпоха в делах российского духовного ведомства. Но вскоре скончался и сам император Николай I.

В сообщении о смерти Николая I никому не хотелось верить. Как писал архимандрит Антонин в своем донесении в Св. Синод, «вестником для Афин и для всей Греции неоплаканного несчастья был французский пароход, прибывший в Пирей около 4 часов пополудни в субботу 26 февраля. Неописанное волнение распространилось в городе с быстротой молнии. Кого ни встречала неожиданная весть, оставляла на месте как пораженного громом. Мы служили всенощную, когда волна молвы народной достигла до нас. Не спрашивайте, как служили потом. Сначала почти всем страшное известие казалось одной злонамеренной выдумкой французов, но принесенные тем же пароходом несколько газет дали ему вскоре некоторый род достоверности»⁵⁴.

Искренний монархист, выросший в правление Николая I, архимандрит тяжело переживал смерть императора. Европейские газеты не приносили однозначного ответа, и «малейший луч надежды оставался», так как «Триестская газета» не сказала ничего о страшной новости, а французские газеты печатали сообщения частные и

ни одно не имело официального характера, но они были так подробны и так положительны, что не оставляли более сомнений. О. Антонин, как и вся русская дипломатическая миссия, еще несколько дней оставался в неведении. Пароходы, пришедшие в Пирей из Константинополя, приносили разные слухи — о том, например, что император жив, а императрица, напротив, убита. Подводя итог февраля 1855 г., о. Антонин проводит параллель между кончиной Петра Великого и Николая I: «Ну, февраль! Кто мог подумать, что он кончится так горько-жалостно. Уже раз Россия получила из рук его печальнейший урок себе. 16-го февраля 1725 года не стало Петра Великого. Ужели и современный нам Великий горьким определением Божиим должен пасть в этом же месяце? И когда пасть? Когда он есть первый движитель событий, потрясающих теперь весь мир!...»⁵⁵. 125 лет и два дня разделяют кончины двух русских императоров. Не только определенный фатум, но и нотка сомнения звучит в словах архимандрита: «Судьбы Божии бездна многа. Ум же Господень кто исследит?»⁵⁶.

Наконец 2 марта из Вены была получена официальная телеграмма за подписью князя А.М. Горчакова с сообщением о кончине Николая I. Только после этого отслужили первую панихиду по усопшему, которая стала «истинной пыткой души»: «Вместо чтения у нас слышно было только всхлипывание, а вместо пения со второго слова раздавался вой. Слух не верил собственным устам... Под сенью сего имени все мы, молившиеся, выросли, а некоторые и родились, с ним свыклись тридцатилетней публичной и частной молитвой, с ним сочетались самыми сладкими воспоминаниями своего минувшего, им здесь гордились как своей частью, славой и радостью, пред лицом чуждых нам и в лице врагов наших!»⁵⁷.

Николай I был любим греками, перед его портретами молились, более того, «самое слово император исключительно принадлежало ему одному. Когда случалось слышать в устах чьих-нибудь: ὁ Αὐτοκράτωρ, не нужно было спрашивать, о ком идет речь. Больше, впрочем, называли блаженной памяти государя просто Νικόλαος, или еще проще Νικόλα, прибавляя иногда в виде особенной дружественной близости слово Γέρο (старый), Γέρο Νικόλα»⁵⁸. Архимандрит Антонин считал, что произошла определенная коннотация образа России и ее императора, так что все, на что надеялись

и что рассчитывали получить от Православной России греки, было связано с Николаем I. Именно поэтому смерть «человека Божия (ὁ ἄνθρωπος τοῦ Θεοῦ)» потрясла «в основании весь порядок чувств и мыслей бедных людей, инстинктуально понимающих, какой вопрос решается кровавой борьбой России с Западом»⁵⁹.

6 марта была отслужена первая литургия после кончины императора. Пришедших афинян было так много, что панихиду служили под открытым небом. Вся ограда церкви, примыкающие к ней улицы, балконы и крыши домов оказались заполнены людьми. Более семи пудов свечей было роздано молящимся, но и этого не хватило. Литию по окончании панихиды служили по-гречески. Коливо разобрали в течение нескольких минут, и потом целый день оно делилось по зернам между жителями города. «Всякому хотелось иметь какой-нибудь пожизненный памятник присноносимого в сердце Николая»⁶⁰. На Страстной неделе, в понедельник, 21 марта, все находившиеся в Афинах русские подданные были приведены к присяге новому императору.

Еще большим испытанием стали вести с театра военных действий. Свое душевное состояние о. Антонин характеризует как «мрак душевный». Пересказывая в дневнике крымские новости, в записи от 6 февраля 1855 г. он с грустью и тоской заключает: «В какой степени все это достоверно, или вероятно, или правдоподобно, решить трудно»⁶¹. И через несколько дней: «Шумные слухи о победах наших в Балуклаве и Евпатории не подтверждаются. Боже мой! Ты ли это, великая Россия? Два года ты предоставляешь из себя миру зрелище огромного бездушного трупа»⁶². В апреле, получив из Константинополя французские бюллетени из-под Севастополя, «из которых видно, что французы везде и всегда sont vainqueurs»⁶³, он восклицает: «Бедные мы, русские!»⁶⁴. Несколько дней читает о. Антонин эти бюллетени и теряет сон. Позднейшие сообщения даже о небольших победах встречает с сомнением, как бы боясь радоваться, чтобы потом не огорчаться: «Со вчерашнего дня носится в городе слух, что наши сделали стратогему в Керчи... Сомнительно»⁶⁵. Но через два дня, когда в австрийском и прусском посольствах подтвердили слухи, о. Антонин пишет: «Дай Бог хотя что-нибудь в нашу честь. Ах, война, война! Она истерзала мне душу!»⁶⁶. Июньские новости из Крыма называет «возмутительными для души известиями» и

30 июня жертвует от себя и всего клира 230 драхм на севастопольских героев. Пересказывая «великолепнейшее известие» о битве у Корабельной, с грустью завершает: «Когда б все это была правда!»⁶⁷.

Все лето архимандрит проводит в Афинах, скупно записывая неутешительные известия из Крыма. Осень в дневнике начинается с мольбы:

*Тетушка Осень,
Пожалуйте!
Милости просим!
Порадуйте!
Вестей принесите
Нам радостных,
Гостей потрясите
Препакостных...
Ὀμπρος⁶⁸*

Но радостных новостей осень не принесла. Уже на следующий день после записи французский пароход привез весть о взятии союзниками Малахова кургана. Речь шла о пятой бомбардировке Севастополя и разрушении всех укреплений. 6 сентября было получение известие о шестой бомбардировке города и падении Малахова кургана, после которой русские войска были выведены, пороховые погреба взорваны, суда затоплены, а город зажжен⁶⁹. «Несмотря на кое-какие неясности и противоречия, кажется, факт взятия не подлежит сомнению»⁷⁰. Афины упали духом. Как обычно, стали распространяться слухи, принятые о. Антонином «за луч надежды и даже воссиявшее солнце», что «дело под Севастополем ограничилось взятием Малахова и что при том пало 36 генералов, 1500 офицеров и 40 000 солдат союзного войска»⁷¹. Размер севастопольской катастрофы из Афин был еще не виден.

Но в этот последний год печальной войны у архимандрита Антонина случилась и большая радость. Еще 12 января 1855 г. он получил документы из Петербурга, согласно которым «Государю императору благоугодно было, “чтоб упомянутый храм, согласно с представленным в свое время мнением архимандрита Антонина, был освящен во имя Святой Живоначальной Троицы; из двух же приделов его один освятить во имя святителя и чудотворца Нико-

лая, а другой во имя Св. Никодима”»⁷². Таким образом в церкви была сохранена память об ее древнем посвящении и появился престол в память небесного покровителя Николая I, как этого и хотел о. Антонин.

Надо сказать, что, несмотря на нейтралитет Греции, король Оттон теми небольшими возможностями, которые у него имелись, старался подчеркнуть свое особое отношение к России и оказать поддержку русским подданным. В 1855 г. он дважды осматривал восстанавливающийся храм, и для архимандрита Антонина, как и всей Русской дипломатической миссии, это было очень важно. 27 января королевская чета приехала в церковь, осмотрела ее «с большою пытливостию, разговаривали оба и с моею малостию». Идея о. Антонина изобразить на стенах всех афинских святых понравилась Оттону, как и надпись из Акафиста вокруг изображения Божией Матери «*Радуйся, афинейские плетения растерзающая*». Архимандрит дважды прочел ее королю. Королева Амалия похвалила колокольню и «созналась, что прежде была весьма против нее»⁷³.

«Никодим» стал «лучшим украшением городу, привлекая к себе как знатоков и любителей изящного, так и всех вообще посетителей именитого города»⁷⁴. 17 икон на цинке в центральном иконостасе были выполнены немецким художником Людвигом Тиршем. В иконостасе придела Св. Николая Чудотворца были помещены в медальонах шесть небесных заступников семьи императора Николая I. Наконец, росписи были завершены, из Италии прислали колокола, а из России были доставлены люстра и ковер для церкви, а также ризница и прекрасное Евангелие — благословение Святейшего Синода. 11 августа, накануне своего 38-го дня рождения, архимандрит узнал, что «государь император во внимание к отлично-усердной службе моей и к особенным трудам по устройству новой посольской церкви в Афинах всемилостивейше соизволил сопричислить меня к ордену Св. Анны 2-й степени»⁷⁵.

Второй королевский осмотр церкви состоялся 8 октября. Получив известие, что в 4 часа придут король Оттон и королева Амалия, о. Антонин вместе с помощниками «немедленно взялись за 101 работу и к урочному времени убрали церковь, как невесту»⁷⁶. Архимандрит встретил гостей в ордене, впервые надев монаршую награду. Визитом все «были в высшей степени довольны».

Наконец, настал черед полного освящения церкви. Ввиду почтенного возраста митрополита Неофита Греческий Синод доверил архиепископу Мантинийскому и Кинурийскому Феофану совершить чин освящения. В шесть часов утра 5 декабря звон русских колоколов поднял на ноги жителей Афин. Освящение церкви длилось почти 6 часов, пение было русское и греческое. «Наконец, кончивши все по уставу, вышли на середину церкви и многолетствовали государя императора, короля здешнего, Синод наш, Синод здешний, ктиторов и возобновителей храма и всех православных христиан»⁷⁷. На память о торжестве всем присутствующим были розданы крестики, а дипломатическая миссия и церковный причт отметили это событие шампанским.

Повседневная жизнь в столице Эллады проходила размеренно и спокойно. Праздники устраивались в дни рождения и именин короля и королев, дни конституции, тогда служилась литургия, на которой присутствовали члены кабинета министров и дипломатический корпус, а вечером давался бал и гремели пушки. Надо сказать, что, несмотря на войну, почта работала безотказно. О. Антонин, помимо официальной корреспонденции, постоянно писал письма родителям в с. Батурино Пермской губернии, родственникам в Пермь, брату о. Платону в Москву, бывшим соученикам в Киев и Рим.

В годы войны в греческом обществе у архимандрита Антонина окончательно сформировался круг близких друзей. Наиболее известными из них были профессор Георгий Маврокордато и княгиня Мария Федоровна Ипсиланти, вдова князя Георгия Ипсиланти, брата героя революции 1821 г. Александра Ипсиланти. Княгиня Ипсиланти в годы Крымской войны основала сиротский приют для девочек, а в 1859 г. построила больницу «Эльпис». В церковь при этой больнице она передала ларец, где тайно хранились забальзамированные сердца Александра и Дмитрия Ипсиланти⁷⁸.

В это же время на великих памятниках Эллады и Византии у о. Антонина завершилось формирование научных интересов и художественного вкуса. «Волшебная панорама древней жизни греческой, — писал он, — приводит в восторг самую рассудительную и степенную фантазию»⁷⁹. В Афинах архимандрит сложился как ученый, и не столько как теоретик, но большей частью практик. Помимо воссоздания Никодима, проведения археологических раскопок,

он работал над статьями о христианских древностях Греции⁸⁰, за которые был избран членом Афинского общества любителей просвещения и Афинского археологического общества. Архимандрит стал одним из первых европейских ученых, обративших внимание на прекрасный образец византийского искусства — монастырь Дафни. Стройность, соразмерность здания, его мозаики настолько поразили о. Антонина, что еще в мае 1851 г. он мечтал о том, чтобы отремонтировать Дафнийскую церковь⁸¹. Планируя росписи в Никодиме, архимандрит постоянно сравнивает эту церковь с Дафни, неоднократно ездит туда и подробно осматривает. В мае 1855 г., когда стало известно о том, что художник Тирш будет показывать королевской чете 17 икон большого иконостаса церкви Никодима, о. Антонин обращается к Тиршу с просьбой поговорить с королевой Амалией, чтобы «поправить Дафнийскую церковь». Художник действительно говорил с Оттоном о храме в Дафни и рекомендовал архимандрита Антонина «как лицо, которое его величество может употребить в дело при поправке Дафнийской церкви. Вот как наши-то рукавами-то машут!»⁸². О. Антонину не пришлось заниматься храмом в Дафни, который навсегда остался для него одним из лучших образцов византийского искусства⁸³.

Наконец 21 марта 1856 г. в Пирей пришел из Константинополя нарочный пароход и принес известие, что 18/30 марта в Париже между воюющими державами заключен М И Р. Архимандрит Антонин от всего сердца приветствовал его: «Ведь уже лучшего ничего не дождемся от несчастной и позорной войны, которую имели некогда благодушие назвать священной, и от которой ожидали если не конца Турции, то возвращения Св. Софии и других обисламленных святынь христианских христианскому богослужению. Да, пусть уж лучше будет мир!»⁸⁴.

Во время войны произошли кардинальные изменения в идеологии строительства Великой Греции и доктрины «Великой идеи» имперского типа. В середине 1850-х гг. она представляла собой концепцию внешней экспансии⁸⁵. Разделение греческого общества на партии показывало на самом деле выбор пути развития страны: верхи ратовали за создание национального государства европейского типа (французская и английская партии), а низы — за возрождение империи (русская). Жесткое вмешательство Англии и Франции

и их оккупация Греции привели к разочарованию греческих элит, на них ориентированных. Падение русского влияния перед Крымской войной ненадолго остановилось, и дневник о. Антонина и его донесения показывают, как популярность русской партии подпитывалась православием народа и верой в помощь России. Но надеждам на возрождение Византийской империи не суждено было осуществиться.

Окончание Крымской войны и подписание Парижского договора коренным образом изменили расстановку международных сил в Восточном Средиземноморье. Россия была вытеснена из региона, ей пришлось полностью отойти от оказания влияния на решение греческого вопроса и переориентировать свою балканскую политику на славянские народы. В последующие годы, когда международный фокус сместился на Ближний Восток и Святую Землю, России удалось полностью восстановить свой статус, и архимандрит Антонин как создатель Русской Палестины играл в этом процессе не последнюю роль.

¹ Гр. 'Что говоришь и что болтаешь'.

² Письмо от 10 июня 1850 г. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М., 2005. С. 57–58.

³ Антонин (Капустин), архимандрит. Донесения из Афин. 1851–1860 / Подг. текст, вступ. ст. и комм. Л.А. Герд. М., 2019. С. 55.

⁴ См. подробнее: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. 392 с.

⁵ «Издавна каждая партия имеет свое саркастическое название. Приверженцы Франции известны под именем мосхотангов (μοσχολάγκας — человек с запахом, ветрогон, повеса). Приверженцы России слывут за напев (Ναπαῖος от Νάπας, имя одного бедняка, который за один лепт и скакал, и плясал, и пел, и сам себе говорил Ζήτω ὁ Νάπας!). Ἀγγλόφωνες называются Барлеи (Μπαρλαῖος от Барла, имя одного пьяницы, который, ходя по улицам, велегласно хвалил богатых лордов). Напеи также называются «κυβερνητηκοί» по приверженности своей к покойному киверниту, графу И. Каподистрии» (Антонин (Капустин), архимандрит. Донесения из Афин. С. 77–78).

⁶ Донесения. С. 78.

⁷ Речь идет об островах в Ионическом море (Закинфе, Китире, Итаке, Кефалинии, Лефкассе, Паксосе и Керкире), в 1800–1815 гг. объединенных в Республику Семи соединенных островов. В 1815–1864 гг. Ионическая республика находилась под британским протекторатом, закончившимся окончательным присоединением к Греции.

- ⁸ Там же. С. 79.
- ⁹ *Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Годы 1851–1855 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2015. С. 172.*
- ¹⁰ Дневник. С. 166.
- ¹¹ Донесения. С. 92.
- ¹² Дневник. С. 209.
- ¹³ Донесения. С. 73.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Донесения. С. 76.
- ¹⁶ Дневник. С. 207.
- ¹⁷ Донесения. С. 90.
- ¹⁸ С. 217
- ¹⁹ Дневник. С. 229.
- ²⁰ Донесения. С. 90.
- ²¹ Дневник. С. 173.
- ²² Там же. С. 227.
- ²³ Там же. С. 235.
- ²⁴ *Фр. 'Панафинская красная республика'.*
- ²⁵ Там же. С. 236
- ²⁶ Там же. С. 237
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 247–248.
- ²⁹ Там же. С. 250.
- ³⁰ Там же. С. 248.
- ³¹ Там же. С. 250.
- ³² Там же. С. 250–251.
- ³³ Там же. С. 256.
- ³⁴ *Фр. 'Наполеон Великий'.*
- ³⁵ *Фр. 'Наполеон «маленький»'.*
- ³⁶ Там же. С. 220.
- ³⁷ Там же. С. 236.
- ³⁸ Там же. С. 283.
- ³⁹ Там же. С. 285.
- ⁴⁰ Там же. С. 290.
- ⁴¹ Донесение российского поверенного в делах в Афинах И.Э. Персиани от 12 ноября 1853 г. Цит. по: *Παπουλίδης Κ.Κ. 'Ο 'Ελληνικός Κοσμος του Αντωνίνου Καλούστιν (1817–1894). Συμβολή στην Πολιτική της Ρωσίας στη Χριστιανική Ανατολή το 19ο Αίωνα. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 139–140. См. текст указа: Τιμόθεος Γ. Σάκκας, αρχιμ. Ένας άγνωστος θησαυρός. Ιερός Ναός Αγίας Τριάδος Ρωσικής Παροικίας Αθηνών. Αθήνα, 2006. Σ. 60.*

- 42 *Антонин (Капустин), архимандрит.* Христианские древности Греции. Статья первая. О древних церквях города Афин // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 45–46.
- 43 Там же. С. 45–47.
- 44 Там же. С. 46–47.
- 45 *Антонин (Капустин), архимандрит.* О разрытиях внутри российско-посольской церкви в Афинах // Известия Русского Археологического общества. СПб., 1859. Т. 2. Вып. 3. С. 130.
- 46 *Τσιόθεος Γ. Σάκκας, αρχι.* Ένας άγνωστος θησαυρός. Ιερός Ναός Αγίας Τριάδος Ρωσικής Παροικίας Αθηνών. Σ. 21–26.
- 47 Цит. по: *Дмитриевский А.А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архим. Антонин (Капустин) // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и предисл. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009. С. 108.
- 48 Дневник. С. 231.
- 49 Донесения. С. 97.
- 50 Дневник. С. 298.
- 51 Там же. С. 300.
- 52 Дневник. С. 301.
- 53 Там же. С. 315.
- 54 Донесения. С. 100.
- 55 Дневник. С. 340.
- 56 Там же.
- 57 Донесения. С. 101–102.
- 58 Там же. С. 99.
- 59 Там же. С. 100.
- 60 Там же. С. 102
- 61 Дневник. С. 332.
- 62 Там же. С. 335.
- 63 *Фр.* ‘победители’.
- 64 Дневник. С. 352.
- 65 Дневник. С. 362.
- 66 Там же.
- 67 Там же. С. 380.
- 68 *Греч.* ‘заложник’.
- 69 Друг Антонина по Киевской духовной академии протоиерей Арсений Лебединцев (1818–1898) был настоятелем Севастопольской Петропавловской церкви и благочинным церковью Севастопольского округа (См. *Мельникова Л.В.* С. 108).
- 70 Дневник. С. 391–392.
- 71 Там же. С. 392.
- 72 Там же. С. 323.
- 73 Там же. С. 327.

- ⁷⁴ *Антонин (Капустин), архимандрит.* Христианские древности Греции. С. 49–50.
- ⁷⁵ Дневник. С. 383.
- ⁷⁶ Там же. С. 399.
- ⁷⁷ Там же. С. 416.
- ⁷⁸ Там же. С. 487.
- ⁷⁹ *Антонин (Капустин), архимандрит.* Христианские древности Греции. С. 31.
- ⁸⁰ *Антонин (Капустин), архимандрит.* Христианские древности Греции. Статья первая. О древних церквах города Афин // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 31–68; Христианские древности Греции. Статья вторая // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 143–230.
- ⁸¹ *Антонин (Капустин), архимандрит.* Христианские древности Греции. С. 46.
- ⁸² Дневник. С. 361.
- ⁸³ В 1990 г. монастырь в Дафни был включен ЮНЕСКО в число памятников Всемирного наследия.
- ⁸⁴ *Архимандрит Антонин (Капустин).* Дневник. Годы 1856–1860 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2017. С. 53.
- ⁸⁵ См. подробнее: *Петрунина О.Е.* Внутренние и внешние приоритеты государственного строительства в Греции в середине XIX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 2. С. 1–15.

ГРЕЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАЛКАН В ВОСПОМИНАНИЯХ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ И СВЯЩЕННИКОВ — УЧАСТНИКОВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.*

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., являясь кульминацией Восточного кризиса 1875–1878 гг., изменила политическую карту Балканского полуострова: Сербия, Черногория, Румыния получили независимость от Османской империи и приобрели новые земли. Болгарии была дарована государственность. Греция, хотя и не участвовала в этой войне, но увеличила свою территорию на 13 тыс. кв. км — к ней присоединили Фессалию и значительную часть Эпира. В существующей историографии достаточно хорошо изучены международные отношения и дипломатические баталии в тот период, а также военная сторона этой обширной темы. В настоящее время предметом внимания ученых становится имагология. Формат главы позволяет осветить лишь некоторые сюжеты указанной в названии темы: восприятие греческого населения Османской империи русскими офицерами и священниками — участниками русско-турецкой войны. Основными источниками являются их воспоминания, дневники, письма и записки, опубликованные как до революции, так и в нынешнее время. Приступая к исследованию, необходимо помнить, что русская армия шла на Балканы освобождать христианское население от многовекового ига мусульман, и с этой точки зрения русские воины смотрели на болгар и греков, православных подданных Турции. Немногие знали о непростых взаимоотношениях этих двух народов, о греко-болгарской церков-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

ной распре, приведшей к созданию Болгарского экзархата в 1870 г., об объявлении через два года Константинопольским собором болгар схизматиками.

В придунайской Болгарии, в операционном пространстве, где действовала русская армия до перехода через Балканы, то есть от Систово (ныне Свиштов) до Никополя, окрестностей Плевны (ныне Плевен), и до Шипки, значительного компактно проживавшего греческого населения не было. Русские авторы писали только о болгаргах и турках. Правда, иногда упоминали греков-торговцев. Так, сразу по взятии Никополя 4 июля* 1877 г. М.Н. Мазюкевич, штаб-офицер для особых поручений при начальнике инженеров действующей армии, впоследствии генерал-майор, вместе с несколькими офицерами переехал на лодке через Дунай, чтобы поздравить генерал-лейтенанта барона Н.П. Криденера, командира IX армейского корпуса, с блестящей победой. На улицах города, где еще не успел рассеяться пороховой дым, «уже появились греки, предлагавшие за неумеренную плату лошадей и ослов для поездки на бивак наших войск»¹.

Именно в это время совершал свои подвиги как разведчик или, по терминологии того времени, лазутчик бесстрашный грек К.Н. Фаврикодоров, уроженец Македонии. Он участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. и удостоился ордена св. Георгия 4-й степени и серебряной медали за защиту Севастополя. После войны он принял подданство Российской империи. Начавшуюся в 1877 г. новую войну с Турцией он встретил сочувственно и, несмотря на свой возраст, поспешил в Дунайскую армию, оставив семью и свое дело. Воспоминания Фаврикодорова о рискованных проникновениях вглубь Балканского полуострова летом 1877 г., о разведывательной деятельности в осажденной Плевне, написанные ярким литературным языком, послужили основой для многих художественных произведений. Более всего известен роман Б. Акунина «Турецкий гамбит», в главном герое которого Э. Фандорине узнаются черты греческого лазутчика, легко перевоплощавшегося в пастуха, турецкого торговца, цирюльника, башибузука. Необходимо отметить, что Фаврикодоров несколько раз прибегал к услугам греков для передачи сведений русскому командованию. Так, в Рушук (ныне Русе) некий греческий

* Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

моряк Димитраки, уроженец Ионических островов, за условленную плату вплавь преодолел Дунай и доставил в Журжево адресованное генерал-лейтенанту Д.И. Скобелеву письмо, даже не замочив его². 14 ноября уже из Плевны Фаврикодоров отправил грека Николая Крумувалийца в Главную квартиру Дунайской армии с важной информацией о решении военного совета Осман-паши — прорываться из блокады. Сам разведчик «остался ожидать конца этой кровавой эпопеи»³.

Греческое население появляется в мемуарах русских офицеров только после перехода войск через Балканы — в Софии, Филиппополе (ныне Пловдив), Адрианополе (ныне Эдирне), во время похода к берегам Мраморного, Эгейского и Черного морей и длительной стоянки там.

В начале января 1878 г. турки, терпя поражение в трехдневном сражении за Филиппополь, при отступлении сожгли мост через р. Марицу. Русские войска перебирались вброд в ледяной воде, саперы спешно наводили переправу через реку. В ее устройстве «живейшее и деятельнейшее участие», по воспоминаниям офицера лейб-гвардии Волынского полка А.И. Луганина, принимали греки и болгары. Они несли всевозможные материалы: двери, доски, балки, длинные бревна. Полк остановился в предместьях города, и сюда греки и болгары принесли вина, хлеба, грецких орехов и всяких разностей⁴. Греки охотно предоставляли свои дома для постоя русским войскам, которые, однако, не задерживались надолго, спеша далее в Адрианополь. Начальник штаба авангарда отряда генерал-лейтенанта И.В. Гурко полковник Генерального штаба А.К. Пузыревский писал, что христианское население Филиппополя, оставшееся в городе, встречало русских «с сердечным радушием, но пока шел еще бой, опасалось проявлять его в резких формах. Толпы мужчин, все в красных фесках, с любопытством смотрели на проходивших с песнями русских аскеров (то есть воинов), а греки усердно торговали немногими остатками своих запасов»⁵.

6 января 1-я бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии во главе с генерал-майором принцем А.П. Ольденбургским вошла в Станимаку (ныне Асеновград), небольшой, живописный и зажиточный городок у Родопских гор. «Такого восторженного приема, как в Станимаке, мы до того положительно нигде не встречали: духовенство

и народ вышли навстречу с хоругвями; раздавался неумолкаемый звон, жители угощали солдат чем могли, покупали на свои деньги вино, водку (ракию) и т.п.», — вспоминал Пузыревский. Он полагал, что жители этого городка, хотя и называли себя греками, но были болгарского происхождения, «а их отцы и деды, так сказать, “перечислились” в греки, потому что в Турции оказывалось выгоднее быть греком, нежели болгарин»⁶.

По просьбе жителей Адрианополя, опасавшихся грабежей башибузуков в связи с тем, что город спешно оставили турецкие войска и администрация, передовой отряд генерал-адъютанта А.П. Струкова форсированным маршем достиг его предместья 8 января 1878 г. Командир 1-го лейб-драгунского Московского полка полковник Н.К. Языков и художник В.В. Верещагин, во время войны причисленный к составу адъютантов главнокомандующего Дунайской армией, вспоминали, что встречать небольшой отряд русских вышел чуть ли не весь город. Народ крестился, целовал руки и колени не только у офицеров, но и у солдат⁷. «Духовенство с образами и хоругвями, имея в голове архимандрита в полном облачении, приветствовало нас с крестом... за ним духовенство болгарское, армянское, еврейское и даже мусульманское, с ветвями зеленых мирт». «Невозможно, немыслимо описать энтузиазм жителей»⁸, — писал Верещагин.

На следующий день пехотные полки из отряда генерал-майора М.Д. Скобелева, доставленные по железной дороге в Адрианополь, горожане встречали уже сдержаннее⁹. А еще через день прием жителей неприятно поразил многих офицеров гвардии. Навстречу русским из города «высыпали массы» греков, армян и евреев с различными товарами и предложениями. Гвардейский офицер-артиллерист, подписавший свои мемуары только инициалами М.Ч., отмечал: «Это уж не была радушная встреча освобожденного народа или любопытство посмотреть на победоносные чужеземные войска, пришедшие за несколько тысяч верст и совершившие столько подвигов, — один холодный, мелочный, торговый расчет руководил ими»¹⁰.

Готовясь к торжественному вступлению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, русские войска приводили себя в порядок. Офицеры отправились в парикмахерские. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка А.А. Берс отметил необык-

новенную ловкость цирюльников на Востоке и предположил, что это «от большой практики»: «Турки бреют себе голову, а греки и армяне, от природы богатые растительностью волос, бреют себе бороды, лоб, затылок и брови, чтобы казаться красивее»¹¹.

Торговля в Адрианополе шла бойко. Штабс-ротмистр В.В. Крестовский, ординарец генерал-лейтенанта П.П. Карцова, начальника 3-й пехотной дивизии, а также военный корреспондент, наблюдая за продавцами из армян, евреев и греков, именно грекам отдал пальму первенства в юркости, назойливости, плутоватости и в умении ловко обделявать свои «темные делишки». При этом грек, надувая покупателя, русского офицера, «будет дружелюбно, но бесцеремонно» похлопывать его по плечу, «сладко улыбаться», креститься и, «тыча в вашу и свою грудь грязным указательным перстом, выразительно и якобы по-русски» приговаривать «гнусливым голосом»: «Ондина религион!» (то есть мы с тобой одной веры), «вероятно, рассчитывая, что “варвар москов”, задобренный таким аргументом, вернее и легче поддастся на удочку. “Ондина религион” пускается в ход даже при “секретных” предложениях знакомства с “*ун золи фам тюрк*” (*une jolie femme turque*)» (то есть с хорошенькой турчанкой)¹². Крестовский писал: «Армяне и греки имеют обыкновение запрашивать и торговаться так, что куда перед ними все наши толкучники с их заламываниями, назойливыми зазывами и возвращениями покупателя в лавку!». Журналист также предупреждал, что после совершения сделки необходимо было смотреть «в оба» за продавцом, особенно если он грек, «а то как раз подменит показанную и уже сторгованную вами вещь на такую же, только низшего сорта и наихудшего качества, и учинит это так ловко, что заметишь обман только дома, когда развернешь покупку»¹³.

В городе все лавки, все торговые помещения быстро стали превращаться в рестораны и кабаčky, куда устремились офицеры, натерпевшиеся в зимних Балканах от холода и голода. Крестовский описал свое посещение лучшего ресторана города, в котором оказалось и грязно, и чадно, а поданные блюда офицеры не смогли доестъ, несмотря на голод. «Но и содрали же с нас за обед так, как не драли даже и румыны в Пloeшти», — сообщал он. А когда один из спутников автора стал укорять хозяина-грека «в безбожном дневном грабеже, то увертливый грек пустил в ход обычный аргумент

на счет “ондина религион” и распространился на ломаном французском языке о своей симпатии к русским, о нашей национальной щедрости и богатстве — что́, дескать, значит для вас заплатить лишний золотой бедному греку, угнетенному турецким игом и исповедующему с вами “ондина религион”. Ну, и конечно, заплатили. Ничего не поделаешь!»¹⁴ — восклицал Крестовский.

14 января главнокомандующий великий князь Николай Николаевич торжественно въехал в Адрианополь, празднично декорированный к этому событию. Одну из арок установили греки. Она была сплошь оплетена миртовыми ветвями и украшена преимущественно греческими флагами (голубые и белые полосы). Посередине был помещен литографированный портрет великого князя, а по бокам — приветственные надписи на греческом языке, начертанные голубой краской на белых лентах. Крестовский подчеркивал, что греки поставили эту арку, скорее, для доказательства, что Адрианополь — город греческий¹⁵. Любопытно, что 19 февраля, в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, Филиппополь был нарядно украшен, в том числе и транспарантами «Да живет русский царь, болгарский освободитель». Греческие дома выделялись тем, что на них надпись была сформулирована так: «Да живет русский царь, славянский освободитель»¹⁶.

В Адрианополе великого князя встречали все городское духовенство и городская депутация от мусульманских и христианских жителей с хлебом-солью. На улицах толпилось «население самых разнообразных национальностей: турки в черных чалмах, болгары в черных или темно-синих чалмах, греки и евреи в красных фесках перемешивались между собой», — писал Пузыревский, отмечая, что «в общей картине красные фески решительно преобладали, и это был первый город, где болгары замечались в значительном меньшинстве»¹⁷. Крестовский, наблюдая за жителями, пришел к выводу, что толпы народа наполняли улицы и площади скорее из любопытства, чем от радости, и эта встреча уже не была столь задушевна, неудержимо восторженна, как в Систово или Тырново. Приветственные крики раздавались только в группах болгар и иногда армян. Греки встречали молча, равнодушно, так же как и турки. «В большинстве населения, видимо, проявлялась какая-то недоверчивая сдержанность»¹⁸, — заметил корреспондент.

И только месяцы спустя греки Адрианополя, ставшие, по мнению офицеров, свой личный интерес выше всего, несколько переменили отношение к русским. За это время благодаря усилиям русских властей город очистили от его нечистот и зловония, улицы хорошо осветили, военная полиция навела порядок, и ночи стали безопасны для пешеходов, появились театры и разные увеселительные заведения, множество ресторанов, торговля и промышленность оживились, русское золото в разы подняло благосостояние его жителей, а скорый и справедливый суд стал к тому же и неубыточным. Многим зажиточным грекам было весьма невыгодно оставление Адрианополя, согласно Берлинскому договору, в Османской империи, поскольку при бегстве турок в Стамбул они приобрели буквально за бесценок турецкие богатые дома и имущество, правда, при условии, что дом становится полной собственностью купца-грека, если турок уже никогда не вернется сюда. Если же прежний хозяин возвращается, то он отдает греку полученные за дом деньги с процентами и въезжает в свое бывшее жилище¹⁹.

Русские войска, немного передохнув в Адрианополе, походным маршем двигались дальше — к Чорлу, Родосто (ныне Текирдáг), Силиври... И Пузыревский, и Берс отмечали, что отступавшие турки пощадили только те населенные пункты, где находились иностранные консулы или жили греки и армяне. «Всё остальное», то есть болгарское, «уничтожалось». «С греками турки жили всегда в ладу»²⁰, — считал Берс. А Пузыревский полагал, что, несмотря на всеобщий погром, греки и тут сумели вывернуться из беды²¹. Капитан Генерального штаба Н.А. фон-Фохт, квартирмейстер 8-й кавалерийской дивизии, впоследствии генерал-майор, сообщал, что, например, город Кирк-Килиссе (ныне Кыркларелі), благодаря достатку его жителей, откупился от турок, и те не причинили городу никакого вреда²².

Иерей 8-го гренадерского Московского полка 2-й гренадерской дивизии о. Антон (Лебедев) рассказал о своей беседе с болгарским священником, который, в частности, утверждал, что турки не одинаково относились к болгарам и грекам: «Греки жили заодно с турками». Когда приезжал в город какой-нибудь турецкий начальник, паша или офицер, «они предлагали ему и жен, и дочерей, жаловались» на болгар, клеветали на них «и, чуть придет беда, отрекались

от своего православия». Болгарин также уверял в том, что «многие греки не крестили своих дочерей, чтобы выдать их за турок, потому-то им и жилось хорошо!»²³. Впрочем, о таковой практике — не крестить девочек до 14 и 15 лет в том предположении, что, достигнув совершеннолетия, они могут выйти замуж за турка, тогда им не нужно будет переменять веру — сообщил и благочинный 3-й гренадерской дивизии о. Вакх (Гурьев). Только это относилось к болгарам²⁴. Вероятно, и у греков, и у болгар Османской империи подобное явление было довольно распространено.

Фон-Фохт вспоминал, что путь в 45 верст через селения Евренджик, Серген, Инджекиой и Урун-Бейли, расположенные в гористой местности Визенской казы, стал для русского отряда настоящим триумфальным шествием, жители встречали казаков с восторгом. После литургии в местных церквах обильное угощение давалось не только офицерам, но и всей сотне. А казачьи песни приводили греков в удивление, и они толпами сопровождали отряд, вступавший в их селения и затем выходивший из них²⁵.

А у Пузыревского была совершенно иная обстановка на дороге от Адрианополя к Силиври. Он писал, что на этом пути гвардия отвыкла от радушных и гостеприимных встреч местного населения, которое было «почти исключительно греческое, так как турки бежали, а болгары встречались лишь в самом незначительном числе, окончательно забитые под двойным гнетом: турок и греков». Встречавшиеся здесь «болгары в своих чалмах, от которых концы спускаются по ушам и подвязываются под шеей, в жалких лохмотьях, имеют вид каких-то илотов, рабов. В городах они или протягивают руку за милостыней (явление, почти не виданное в Болгарии), или составляют прислугу сытых, зажиточных греков»²⁶.

Пузыревский констатировал, что здешние греки относились к русским «явно недружелюбно: все замки и ворота на запор, и только видя дружные усилия богатырских плеч* нескольких солдат, раскрывали свои обиталища». «После этого, тактика быстро менялась: назойливая услужливость преследовала на каждом шагу и, переведенная на франки и галаганы (мелкая турецкая монета), составляла

* Лейб-гвардии Преображенский полк комплектовался практически самыми высокими в России новобранцами (выше были лишь те, кого определяли в некоторые из рот Гвардейского флотского экипажа), и притом богатырского телосложения.

безобразные цифры: за свечку брали один франк, в то время, когда она по местным ценам стоила 1/4 франка, за большой белый хлеб приходилось платить по серебряному рублю и проч.». Пузыревский подчеркивал: «Эксплуататорство греков часто доходило до курьезов, например: хозяин дома услужливо приносит дров для камина, затем ночью, когда предполагает всех спящими, осторожно пробирается в комнату и сам же выкрадывает принесенные дрова»²⁷.

Корнет лейб-гвардии Уланского полка В.В. Воейков, вполне подтверждая эту констатацию, рассказал, как они «отучили» греков, жителей деревни Галатария, от неучтливости к русским воинам. В эту деревню, расположенную недалеко от берега Мраморного моря, в 1,5 верстах от Сан-Стефано, полк перевели 5 мая 1878 г. В поисках квартиры офицеры зашли в один из домов, хозяин которого объяснил, что здесь уже стоит русский капитан. Однако сын хозяина все время что-то кричал, несмотря на замечания его отца. Переводчик Вокар хотел замять этот инцидент, но по настоянию русских был вынужден признаться, что молодой грек их ругает, и передал «некоторые подробности». Воейков подчеркнул, что это был не единственный случай «и вообще греки здесь были не в меру важные». Офицеры решили «всю деревню привести в повиновение, чтобы никаких дерзостей больше не допускалось этими “грекондосами”», как они их называли. Через переводчика офицеры предупредили молодого грека, что он будет наказан. Квартиру вскоре нашли, а вечером позвали «грека-ругателя», который «волей-неволей» явился. «Немедленно его разложили и выдрали на славу», а присутствовавшему при этом Вокару поручили передать греку, что «он высечен за то, что позволил себе говорить нам дерзости, что это называется русской кашей, которая действует очень благотворно на всяких, и чтобы он предупредил своих соотечественников, что их всех передерут, если заметим малейшее неуважение». После этого порядок в деревне сразу был водворен, замечал Воейков, «и на другое уже утро “грекондосы” при встрече с нами на улице издали оставались, снимали шапки и почтительно кланялись»²⁸.

Вспоминая о стоянках в греческих населенных пунктах, генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, во время войны подпоручик Преображенского полка, подчеркивал, что греки никогда не относились дружелюбно к России, «хотя мы сражались за их свободу под На-

варином 8 октября 1827 г. и в походе 1828–1829 гг., и мы же силою оружия заставили турок признать независимость Греции по договору в том же Адрианополе 2 сентября 1829 г. Но ведь известно, что благодарность редко свойственна человеку. ...Меткая есть французская пословица, что всякое благодеяние создает одного недовольного и девяносто девять завидующих»²⁹.

В Силиври Преображенский полк разместили в покинутом турками квартале. Этот греческий городок был выстроен на высоком берегу над самым морем. «Он был очень грязный с узкими, вонючими улицами, но в тоже время издали очень красив, в особенности, если выехать на лодке в море и посмотреть на него оттуда». Берс отмечал, что первые дни полк бедствовал, поскольку все лавки оказались закрыты, «а греки, как будто, боялись торговать и даже белого простого хлеба нельзя было достать». Но вскоре они «почували наживу, открыли лавки и начали торговать». Из Константинополя ежедневно приходил пароход с хлебом, вином, провизией, овощами, сукном, французскими газетами. Отовсюду спешили лодки, груженные пшеничным хлебом. «Цены на все были очень высокие, но денег у нас было довольно много, и мы платили охотно»³⁰, — писал Берс.

Подпоручик лейб-гвардии Павловского полка Н.Н. Путилов захел в Силиври в качестве квартирьера. «Здесь жизнь кипела, все лавки были открыты, все заманчиво было выставлено напоказ и сильно раздражало вкус». Он обратил внимание на оригинальность вывесок трактиров, которые были устроены «в европейском вкусе, с европейской кухней»: «Pour les héros de Dounnik, Plewna, Telishe» («Для героев Дубняка, Плевны, Телиша»), «Pour les héros», «Pour la garde Impériale Russe» («Для русской императорской гвардии») и т.п. Путилов отметил чистоту и приличную сервировку этих заведений, опрятно одетую прислугу, а также выбор газет³¹.

В Силиври имел место казус, о котором рассказал Епанчин. Военный священник лейб-гвардии Преображенского полка о. протоиерей Зиновьевский обратился к греческому митрополиту города с просьбой разрешить совершить богослужение в местной греческой церкви. Митрополит отказал, выразив сомнение в том, что Зиновьевский являлся православным священником. Потребовалось обращение самого командира 1-й гвардейской бригады принца Оль-

денбургского с ручательством, что протоиерей «первого полка русской гвардии действительно православный священник». На первой литургии присутствовал митрополит, который вошел в храм под руку с принцем. «На нас поведение митрополита произвело тяжелое впечатление, — вспоминал Епанчин, — а положение принца было довольно своеобразным в этом церковном вопросе, ибо Александр Петрович был лютеранин»³².

Проблем подобного рода у о. Вакха (Гурьева) с греческим протосинкелом, настоятелем монастыря у г. Чорлу, не возникло. Благочинный 3-й гренадерской дивизии легко договорился о том, что полковые священники проведут несколько служб для русского воинства в довольно обширной и благообразной соборной церкви монастыря. Но как и везде, то есть по всем балканским городам, через которые пришлось пройти гренадерам «до пустынного Чорлу», в церкви «поражала необычайная неряшливость, которую допускает во св. алтаре болгарское и греческое духовенство: кучи всяческого мусора сваливаются под престол, тут и половые щетки, и тряпки, пустые бутылки, разбитые лампадки, бумажки с поминальными записями и всякий другой хлам. На горнем месте то же самое». Священники прежде всего «очистили алтарь от мусора и пыли, которая, накопившись годами, лежала на всем очень толстыми слоями». Русские через переводчика объяснили грекам, что в России «алтарь и в особенности св. престол почитаются величайшею святыней, что прикасаться ко престолу, кроме священника и диакона, никому не дозволяется, что класть на него книги, записочки, облачение — строжайше воспрещено»³³.

Понятно, что новые порядки нарушали привычный ход жизни и не могли понравиться протосинкелу, как и замечания русских. Следует сказать, что у о. Вакха так и не сложились теплые отношения с ним, он даже не указал имени грека, а только отметил, что протосинкел — «человек еще молодой, очень красивый, статный, осанистый — настоящий кровный фанариот», «живет не в монастыре, а на частной квартире в самом городе». Объяснения с греком шли через переводчика-болгарина, который с о. Вакхом говорил по-русски, а с протосинкелом — по-турецки. При первом знакомстве грек предложил русскому священнику купить крестики с мощами и «за ничтожное вознаграждение» камешки от гроба Господня, «ве-

личиною в горошину, завернутые в разноцветные бумажки», которые он получил в дар от самого патриарха Иерусалимского. Все эти предметы, по горячему уверению протосинкела, можно было сбыть в России «по дорогой цене». «Это торгашество якобы священными предметами» возмутило о. Вакха до глубины души. Он мягко, но в решительной форме отклонил все подобные предложения меркантильного грека.

Кроме того, о. Вакху пришлось аннулировать договор на поставку свечей и просфор, поскольку оказалось, что они были низкого качества. Свечи изготавливались греками не из чистого пчелиного воска, а из растительного* с примесью овечьего сала, отчего такая свеча начинала в руках сразу мякнуть и расплываться. Для совершения литургии греки употребляли не пять, а одну «большую просфору с пятью на ней печатями» и изготавливали ее «из простой пшеничной муки с прибавлением к ней или ячменной, или кукурузной», поэтому греческие просфоры выходили «темные, черные и притом очень низенькие, что-то вроде двух лепешек, положенных одна на другую». Из-за этого военные священники решили все выписывать из Константинополя или Одессы.

Благолепие службы, отправляемой русскими священниками, стройность, мелодичность и благозвучие хора полковых певчих, чинное поведение солдат и офицеров во время службы — все находилось в явном контрасте с греческим ведением богослужения, с греческим «громким, резким, гнусливым завыванием», с бесцеремонностью греческой паствы в церкви. О греческой манере петь о. Вакх писал: «Пение возбуждает у греков какой-то азарт, энтузиазм, каждый певец приходит в экстаз и дерет, не слушая других, не помня себя»³⁴.

В Чорлу о. Вакх обратил внимание на то, что местные греки так же, как и болгары, редко ходят в церковь. Даже в Великий четверг на торжественное богослужение Двенадцати Евангелий «явилось не более десяти-пятнадцати стариков», хотя на хорах, устроенных по восточному обычаю специально для женщин, «за густыми решетками блистали многочисленные огоньки»³⁵.

* Растительный воск — добывается из растений. Многие растения обладают способностью продуцировать восковидные вещества. Воск создает защитную пленку и покрывает ей различные части растений: стебли, листья, цветы, плоды.

Как болгары, так и греки (мужчины) при входе в церковь не снимали головного убора, русских такое непочитание храма Божия возмущало. Болгары быстро перенимали обычаи русских, а греков, по воспоминаниям П.П., рядового лейб-гвардии Гусарского полка, приходилось «силой» воспитывать. В Родосто греки не снимали фесок во время службы, и гусары решили отучить их от этого обычая. Солдаты вставали у входных дверей церкви по сторонам, и «как только грек не снимет фески, его ударяли по затылку, феска падала, и снова надевать в церкви ему уже не позволяли. Мало-помалу греки перестали входить в церковь в фесках, но это происходило, вернее всего, не из уважения к святому месту, а скорее всего, из опасений получить удар по голове». Годы спустя П.П. признавал, что «прививать таким способом почтение к церкви, конечно, не особенно похвально, но к стыду своему должны сознаться, что это было так в действительности». Автор любопытствовал: «Интересно знать, сохранился ли в Родосто у греков их прежний обычай или нет?»³⁶.

А с жителями Демотики (ныне Дидимóтихон) не возникло никаких недоразумений. Для приема русских войск греческий митрополит специально вызвал в город архимандрита Герасима, монастырь которого находился в 40 верстах от Демотики³⁷; но архимандрит прожил в России 18 лет и говорил по-русски не только хорошо, но и литературно. К начальнику 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Карцову явились члены образованного городского управления: митрополит, архимандрит, его помощник, доктор и старший мулла. Благодаря содействию архимандрита Герасима отряд был в изобилии снабжен фуражом, вином, хлебом и мясом; под лазарет отвели прекрасное помещение в обширном здании греческой семинарии; все офицеры разместились по удобным и чистым квартирам, а солдаты расположились по домам³⁸, свидетельствовал Крестовский.

19 января, в день подписания Адрианопольского перемирия, прошел церковный парад у монастыря, расположенного на высокой горе тесно заселенного греческого квартала. Навстречу войскам вышел из монастыря с крестным ходом митрополит, окруженный многочисленным духовенством и толпами народа в праздничной одежде. Церковная служба в православном храме доставила русским особую отраду. Ее совершал на русском языке архимандрит Герасим

со священником и певчими 9-го пехотного Староингерманландского полка. «Такого служения мы не слыхали уже полгода»³⁹, — вспоминал Карцов. После службы он сделал визит митрополиту, который принял гостей по-восточному, на диванах, и угостил их кофе, сладостями и папиросами.

Но вскоре в Демотику стали поступать сведения об усилении враждебных отношений между турками, не покинувшими свои жилища, и греками: то греки отняли у турок скот и ограбили дома, то турки собираются в банды и нападают на христианские селения. Кроме того, архимандрит Герасим сообщил, что «в некоторых приходах греческие священники разжигают племенную вражду и страсти народа, что с церковной кафедры они проповедуют отмщение туркам за 400-летние страдания христиан и что само небо, приславшее русских, повелевает беспощадное мщение». Один из таких проповедников, получив выговор митрополита, провозгласил его в церкви изменником и другом турок и ослушался приказа, не явившись в митрополию. Карцов писал, что пришлось арестовать этого священника для того, чтобы остановить «распространение фанатической пропаганды»⁴⁰. С другой стороны, в самом городе содержались под стражей несколько турок, арестованных за уголовные дела, и народ требовал суда над ними. Карцов приказал главному мулле собрать старейшин из оставшихся в Демотике мусульман, которые вынесли смертный приговор. Приговор вместе с закованными в цепи злодеями был отправлен на конфирмацию адрианопольского генерал-губернатора Свечина⁴¹.

В конце января появились упорные слухи о восстании турок в окрестностях населенных пунктов Ортакой и Караджалы, в штаб дивизии даже приводили людей, которые уверяли в том, что они сами видели «тысячные скопища башибузуков». Посланные 23 января русские войска вернулись ни с чем: оказалось, что никаких банд не существовало, а это только досужие вымыслы греков и болгар⁴².

Русским нередко приходилось улаживать спорные вопросы между греками и турками. Об одном случае поведал Крестовский. В турецкой деревне Эмирли, не покинутой жителями, к генералу Карцову явилась депутация турок с жалобой, что христиане, пользуясь приходом русских, отбивают у них в поле табуны и стада. Греки «азартно и слезно» доказывали, что лошади и коровы принадле-

жали им, но «были де отняты у них турками». Офицер, которому поручили разобраться, расспросил через переводчика по отдельности нескольких греков и получил разноречивые ответы, что убедило его в их неправоте. Скот поэтому возвратили туркам, которые были несказанно удивлены справедливым решением «гяура». Греки же подняли «гвалт, орали все вместе, сильно жестикулировали руками, крестились и укоризненно качали головами, дескать, хороши же вы христиане, коли потворствуете туркам». Хозяин-армянин, у которого в доме остановились офицеры, отозвался, что дело было решено не по-турецки: поскольку имущество было спорное, формальных доказательств не имелось, судьи-турки в подобном случае «конфисковали бы его в пользу казны, чтобы ни тем, ни другим не обидно было». Как оказалось, турки-поселяне только затем и судиться пришли, что «решили между собой — пускай де наше добро лучше уж достается москову, чем грекам!». Последние действительно хотели воспользоваться присутствием русских, чтобы под их покровительством присвоить скот себе⁴³, сообщал Крестовский.

29 февраля войска 3-й дивизии вошли в Шаркиой (ныне Шаркёй), в котором все еще отсутствовало гражданское управление, что затрудняло деятельность офицера, назначенного комендантом города, по расквартированию прибывавших войск и по учету турецких казенных запасов: стоило ему «по указанию кого-либо из жителей приступить к магазину (то есть складу. — *Прим. авт. главы*), как другой грек уже заявлял претензию, что сложенное зерно составляет его собственность и закуплено им от турецкого правительства заранее»⁴⁴. Генерал Карцов учредил городской совет, в функции которого также входило установить, какие склады принадлежали частным лицам, а какие — турецкому правительству. Однако не прошло и трех дней, как члены совета (среди которых были и два турка как представители неэмигрировавшего населения) начали ссориться. Начальника полиции, по профессии доктора, уличили во взяточничестве и «в наложении произвольных сборов с приходящих к городу лодок». Затем полились всякого рода кляузы и масса жалующихся стала осаждать квартиру начальника дивизии. Из Ганоса (ныне Газикёй) приезжал архиерей, личность, по отзыву Карцова, «в высшей степени симпатичная», с просьбой «воспрепятствовать шаркио-йскому архиерею вмешиваться в дела его епархии и собирать в ней

под видом контрибуции для русских произвольные налоги». «Досаднее всего было то, что всем подобным проделкам давался вид, как будто они делаются по приказанию русского начальства»⁴⁵, — негодовал генерал-лейтенант.

Интересны наблюдения капитана Генерального штаба фон-Фохта, сделанные им в течение почти трехмесячной стоянки в Кирк-Килиссе, «одном из лучших городов Восточной Румелии», населенном греками и болгарами (до 19 тыс. человек). Город, расположенный в чрезвычайно живописной местности, стал очень чистеньким только после того, как туда вошли русские. Учредив гражданское и полицейское управление, русское комендантство приняло меры по очистке и благоустройству улиц, что благотельно отозвалось на санитарном состоянии: больных в расквартированных по домам войсках почти не было, и заболевание тифом было редким явлением⁴⁶. Жители Кирк-Килиссы занимались виноделием и мелочной торговлей. В городе на тот момент насчитывалось до 700 лавок (магазинов), в которых можно было найти «всевозможный товар, начиная от косметических изделий и шелковых тканей и кончая дегтем и гвоздями». Цены на все предметы потребления стояли очень высокие. Фон-Фохт удивлялся, что среди этого обилия лавок «не было ни одной, хотя бы маленькой книжной лавчонки, где бы продавались греческие или болгарские книги». «Значит, — делал вывод капитан, — в них не было никакой потребности, и все интересы жителей исключительно вращались в кругу материальных насущных потребностей»⁴⁷.

Жизнь городских обывателей отличалась крайней замкнутостью и отсутствием каких бы то ни было развлечений. «Женщины здесь вечно сидят взаперти, за высокими заборами с вечно запертыми воротами», — сообщал фон-Фохт. В Кирк-Килиссе проживали несколько богатых греческих и болгарских семейств, члены которых носили европейские костюмы. «Но обряд одевания в них происходил только однажды в неделю, именно по воскресеньям, когда расфранченные дамы в сопровождении своих мужей совершали прогулки за город. К вечеру все платья и украшения запрятывались опять в шкафы и сундуки на целую неделю». Русский офицер указывал, что здесь мужчина был «полнейшим властелином женщины», и он решительно не заботился о том, чтобы доставить жене или дочери какое-либо «развлечение в роде музыки, пения и т.п.».

Это происходило оттого, объяснял фон-Фохт, что «турки запрещали христианам всякие удовольствия, которые бы требовали общественных собраний». «Только с приходом русских можно было встретить, как под незатейливые и однообразные звуки волынки с дудкой или пастушечьей свирели греки или болгары, взявшись за руки и образовав круг, вытанцовывали свою неизменную “ходу” или “гору”»⁴⁸.

Примеров взаимных неудовольствий и, напротив, добрых отношений можно еще много приводить. Одно только явствует, что греческое население Балканского полуострова было плотно встроено, интегрировано в социально-экономическую систему Османской империи. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Берс считал, что турки не могли бы существовать без предприимчивых людей — греков и евреев⁴⁹. Обширный рынок Османской империи предоставлял грекам неограниченные возможности вести прибыльную торговлю, отличное знание обычаев и психологии турок позволяло им прекрасно ладить с административной властью и использовать ее в своих целях. Русско-турецкая война нарушила привычную жизнь греков. Поборы с христиан на военные нужды, принудительные работы и повинность на поставку подвод ухудшали их материальное положение. Разумеется, золото русских значительно обогатило предприимчивых греков, но перспектива оказаться в Сан-Стефанской Болгарии не могла быть для многих из них привлекательной. Доказательством тому является адрес греков Кирк-Килиссе, составленный от имени всего греческого населения города и напечатанный в одной из константинопольских газет в виде обращения к членам Берлинского конгресса. В нем греки заявляли, что желают оставаться при прежнем порядке вещей, то есть под властью Турции! Фон-Фохт с пониманием объяснял их позицию: находясь под властью турок, греки оставались хозяевами всех коммерческих дел в Восточной Румелии, с отходом же этой территории к Болгарии они, несомненно, должны были бы уступить первенство во всех делах болгарам.

В Кирк-Килиссе начали доискиваться, кто был «душой подобной агитации и адреса», и подозрение пало на городского врача грека Константина. Он, «как большой политикан и владевший иностранными языками, всегда собирал вокруг себя многочисленных слуша-

телей», которым сообщал политические новости из прочитанных им газет. Доктор Константин в свое оправдание обратился к начальнику штаба 8-й кавалерийской дивизии полковнику барону А.В. Казльбарсу с письмом (от 10/22 июля 1878 г.), в котором отрицал все обвинения. «Мы, греки, должны любить и признавать русских как наших благодетелей в течение более 100 лет. В особенности мы обязаны всеми нашими церквями русским, потому что перед 1829 г. мы не имели ни одной. Чтобы помочь грекам, русские неоднократно проливали свою кровь и истратили миллиарды. Перед историей страсти должны умолкнуть. Я думаю, что выражаю чувства мои и моей нации к русским». Фон-Фохт допускал, что это письмо «интеллигентного и влиятельного грека» могло быть искренним, но тем не менее полагал его доказательством того, что «в эпоху Берлинского конгресса главари греческой партии в Турции не относились сочувственно к русским и не разделяли взглядов русско-болгарской политики»⁵⁰.

Сан-Стефанская Болгария была неприемлема особенно для приверженцев греческой «Мегáli идеи» — реставрации или возрождения Византийской империи со столицей в Константинополе.

Изучение воспоминаний, писем, дневников участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. показывает, что взаимоотношения греков и русских были весьма неоднозначны. В процессе работы автор с удивлением для себя констатировала, что в мемуарах довольно редко положительные отзывы русских о греках. Офицеры, преодолевшие зимние Балканы и перенесшие невероятные лишения ради освобождения христианских народов Турции от власти мусульман, предполагали встретить сочувственное к себе отношение местного угнетенного населения. Но греки, отделявшие себя от славян, отнюдь не приветствовали цель и результаты войны — создание болгарского государства на землях, на которые сами претендовали. А в русских они увидели прекрасный источник обогащения и возможность поживиться за счет присвоения турецкого имущества. Принадлежность большинства русских офицеров к православной вере не стала объединяющим моментом во взаимоотношениях с греками, поскольку и здесь обнаружились серьезные различия в обычаях и формах почитания церковных святынь.

- ¹ Мазюкевич М.Н. Воспоминания о 1876–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1900. С. 59.
- ² Фаврикодоров К.Н. Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877–1878 гг. // Исторический вестник (далее — ИВ). 1885. Т. 22. № 10. С. 81–82.
- ³ Фаврикодоров К.Н. Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877–1878 гг. // ИВ. 1885. Т. 22. № 11. С. 315.
- ⁴ Луганин А. Балканский и Забалканский поход лейб-гвардии Волынского полка в 1877–1878 гг. // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). СПб., 1879. Т. 4. С. 160–161, 162.
- ⁵ Пузыревский А.К. Воспоминания офицера Генерального штаба на войне 1877–1878 гг. в Европейской Турции // Военный сборник (далее — ВС). 1879. Т. 125. № 5. С. 162.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Языков Н.К. Воспоминания генерал-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампании 1877-го года. Записки, найденные после смерти Н.К. Языкова // Русская старина (далее — РС). 1915. Т. 163. № 7. С. 104.
- ⁸ Верецагин В.В. На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1902. С. 251.
- ⁹ Языков Н.К. Воспоминания... С. 106.
- ¹⁰ М.Ч. Зимний поход (дневник офицера-артиллериста) // СВР. СПб., 1879. Т. 3. С. 524.
- ¹¹ Берс А.А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877–1878 г. // РС. 1898. № 10. С. 237.
- ¹² Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1879. Т. 2. С. 524.
- ¹³ Там же. С. 544.
- ¹⁴ Там же. С. 534.
- ¹⁵ Там же. С. 531–532.
- ¹⁶ Nicholas. От Софии до Царьграда // Досуги Марса. Казань: тип. Императорского университета, 1887. Вып. 1. № 1. С. 303.
- ¹⁷ Пузыревский А.К. Воспоминания офицера... С. 171.
- ¹⁸ Крестовский В.В. Двадцать месяцев... С. 532.
- ¹⁹ Там же. С. 528, 552–553.
- ²⁰ Берс А.А. Воспоминания офицера... С. 219.
- ²¹ Пузыревский А.К. Воспоминания офицера... С. 182.
- ²² Фон-Фохт Н.А. Воспоминания о Забалканском походе 8-й кавалерийской дивизии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Изборник «Разведчика». 1902. Кн. 18. С. 35.
- ²³ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки во время последней Турецкой войны. Из походного дневника полкового священника. СПб.: тип. журн. «Странник», 1878. С. 20.
- ²⁴ Гурьев В.В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: ГПИБ, 2007. С. 43.

- ²⁵ *Фон-Фохт Н.А.* Воспоминания... С. 39–40,
- ²⁶ *Пузыревский А.К.* Воспоминания офицера... С. 182.
- ²⁷ Там же. С. 181–182.
- ²⁸ *Воейков В.В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878. Записки участника. М.: Университетская типография, 1900. С. 161.
- ²⁹ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М.: Журн. «Наше наследие», гос. фирма «Полиграфресурсы», 1996. С. 125.
- ³⁰ *Берс А.А.* Воспоминания офицера... // РС. 1898. № 11. С. 423–424.
- ³¹ *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–78 годов // СВР. Т. 4. С. 259.
- ³² *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. С. 125–126.
- ³³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 190.
- ³⁴ Там же. С. 191.
- ³⁵ Там же. С. 214.
- ³⁶ *П.П.* Русско-турецкая война. К 25-летию. Из воспоминаний участника в войне. Казань, типолит. Казанского ун-та, 1903. С. 13.
- ³⁷ *Карцов П.П.* Воспоминания участника минувшей войны // СВР. СПб., 1879. Т. 5. С. 395.
- ³⁸ *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... С. 561.
- ³⁹ *Карцов П.П.* Воспоминания... С. 395.
- ⁴⁰ Там же. С. 400.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 400–401.
- ⁴³ *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... С. 557–559.
- ⁴⁴ *Карцов П.П.* Воспоминания... С. 417.
- ⁴⁵ Там же. С. 418.
- ⁴⁶ *Фон-Фохт Н.А.* Воспоминания... С. 83.
- ⁴⁷ Там же. С. 87.
- ⁴⁸ Там же. С. 87–88.
- ⁴⁹ *Берс А.А.* Воспоминания офицера... // РС. 1898. № 10. С. 236.
- ⁵⁰ *Фон-Фохт Н.А.* Воспоминания... С. 83–87.

ГРЕКИ ИЛИ БОЛГАРЫ? ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В САЛОНИКАХ (60–70-Е ГГ. XIX В.)*

Завоевав в XIV–XV вв. Балканский полуостров, османы постепенно насаждали на подконтрольных им территориях административную систему, основанную на религиозной принадлежности, в рамках которой все православные народы были объединены в одну группу без разграничения по этническому, языковому или культурному признакам. В XIX в. православное сообщество, называемое Рум-миллет, получило официальное признание во главе с Константинопольским патриархом. Одновременно под влиянием национальной идеологии начался процесс постепенной дифференциации, в ходе которого каждая этническая общность стремилась к созданию самобытной национальной идентичности, подчеркивая те культурные черты, которые укрепляли ее внутреннюю сплоченность и в то же время отличали ее от других¹. Основной трудностью в процессе национальной дифференциации является раздел общего культурного наследия и общих религиозных институтов, которые в течение длительного периода служили скорее объединяющим, чем разделяющим фактором.

Процесс формирования нации сложен, и его обобщенное рассмотрение чревато манипулятивным отбором фактов и/или их неверной интерпретацией. Основываясь преимущественно на архивных материалах и источниках того периода, данная глава прослеживает формирование болгарского национального сообщества в османских Салониках. Предыдущие исследования этого процесса касались в основном городов с осязательным болгарским присутствием или же

* Глава написана при поддержке проекта, финансируемого Фондом научных исследований по договору № КП-06-Россия/19.

городов, окруженных плотным болгарским хинтерландом². Однако в столице османской провинции Македонии формирование болгарского национального сообщества осложнялось рядом факторов. Прежде всего это его малая численность и миграционный характер, в результате чего даже в лучшие времена болгары составляли менее 8% от общего населения города³. Это ставило их на четвертое место среди жителей многонациональных Салоник, где православное население было вынуждено отстаивать свои интересы, лавируя между османской властью, влиятельной еврейской общиной и подданными иностранных государств, на которых распространялся режим капитуляций. Следует учитывать, что процесс формирования болгарского национального сообщества в Салониках происходил в 1860-е и 1870-е гг., когда противостояние великих держав в Восточном вопросе находилось в острой фазе, и многие из соперников имели прямые интересы в этом эгейском порту. Это еще больше осложняло процесс складывания национальной идентичности, поскольку болгары были вынуждены учитывать противоречивые интересы государств, от которых зависела их судьба.

* * *

Салоники расположены у самого большого залива Эгейского моря в северо-западной части полуострова Халкидики. Город был основан в 316/315 г. до н.э. правителем Древней Македонии Кассандром и назван в честь его жены Фессалоники, сестры Александра Македонского. После 148 г. до н.э. он стал частью Римской империи и центром римской провинции Македонии. Салоники оставались в пределах Византийской империи до завоевания османами в 1430 г. Благодаря своему стратегическому географическому положению город неоднократно подвергался нападениям и завоеваниям сарацинов (904 г.), норманнов (1185 г.) и османов (1387 г.). Некоторое время (1204–1224) он был столицей Монферратского герцогства, а в 1423–1430 гг. находился под властью Венеции. В период с 1430-го по 1912 г. Салоники были экономическим, военным и административным центром европейских владений Османской империи. Город был самым важным портом империи в Европе после столицы Константинополя и крупнейшим торговым центром историко-географической области Македонии.

Экономический подъем Салоник начался после 1492 г., когда османские власти пригласили в город сефардских евреев, изгнанных из Испании. Преследования евреев на Пиренеях продолжались и в последующие годы, а вместе с ними продолжался и их приток в Османскую империю. В результате этого уже в XVI в. Салоники имели славу «еврейской столицы» Европы. Такое положение сохранялось и в последующие века. В XIX в. евреи составляли от 40 до 50% жителей города и были представлены во всех слоях его населения — от богатых купцов и предпринимателей до наемных рабочих и грузчиков в порту Салоник. В то же время мусульмане составляли около 30% населения города. В основном они занимали административные и военные должности или управляли большими участками земли в окрестностях города. В середине XIX в. христиане составляли от 20 до 30% населения Салоник⁴.

Начиная со Средних веков болгары также искали безопасности и экономического процветания за крепостными стенами Салоник, о чем свидетельствуют многочисленные славянские имена жителей города в османских регистрах XVI и XVII вв.⁵ В 1668 г. Эвлия Челеби констатировал, что в Салониках «находятся шестнадцать кварталов безнравственных неверных. К ним относятся армянские, греческие, французские, сербские, болгарские и латинские неверные»⁶. Русский путешественник Василий Григорович-Барский в 1725–1726 гг. встретил в Салониках знакомых, в том числе болгар, которые снабдили его едой и указали дорогу⁷. Согласно сведениям сохранившихся в библиотеке Зографского монастыря кондиков (летописных книг) XVIII в., многие болгары были жертвователями и паломниками этого монастыря, описываемого в византийских документах как «Святой монастырь болгар»⁸.

Интересны сведения в документах 1792 г., в которых упоминаются две болгарские ремесленные корпорации (эснафы) — продавцов женской одежды (зейнеджи) и портных (терзии)⁹. Сопоставив эту информацию с записками Вело Негрева из села Селце (община Дебар), можно сделать вывод, что в ремесленных корпорациях Салоник впервые появилось осознание болгарской идентичности. В. Негрев утверждает, что в 1833 г. портные из Дебара, Крушево и Кичево попросили русского монаха Исаяну научить их детей славянскому языку, а если он не сможет — то хоть «простому болгар-

скому». В течение двух лет Исайя обучал их детей, после чего среди портных родилась идея построить болгарский храм и открыть болгарскую школу в Салониках¹⁰. Чуть позже, в период 1838–1841 гг., архимандрит Феодосий Синаитский открыл типографию во дворе церкви Святого Мины, где было напечатано по меньшей мере пять книг на болгарском языке: «Начално образование» (1838); «Кратко описание на светогорските манастири» (1839); «Служение еврейско» (1839); «Утешение на грешните» (1840); «Книга за научение трих языков, славяно-болгарский и греческий и карамалицкой» (1841)¹¹.

Очевидно, что в первой половине XIX в. болгары составляли заметную часть жителей Салоник, а распространение болгарского языка в городе привело к изданию книг на этом языке. По словам Атанаса Петрова Шопова, секретаря Болгарского экзархата, вряд ли можно говорить о существовании болгарского сообщества в городе в этот период. Он утверждал, что «в Салониках всегда было много болгар из окрестностей, которые приезжают покупать и продавать, прислуживать, строить, приторговывать», но после 8–10 лет жизни в городе они огречивались¹². Ситуация начала меняться в 1860-х гг., когда вопреки все еще сильной тенденции к огречиванию были отмечены первые проявления организованных действий болгар в городе.

В феврале 1862 г. Кирьяк Даржиловец сообщил братии Зографского монастыря, что он основал болгарскую общину в Салониках, а через несколько месяцев уведомил монахов, что в городе уже действует болгарская школа¹³. В том же году в Салониках начали отмечать праздник святых братьев Кирилла и Мефодия¹⁴. В период с 1866-го по 1868 г. в доме Константина Даржиловца существовала болгарская школа, которой руководила его дочь Славка Динкова (1850–1869), но после ее безвременной кончины школа была закрыта¹⁵. С 8 февраля 1868 г. в Салониках постоянно действовала болгарская церковная община¹⁶. Ее членами были избраны Иван хаджи Лазаров (казначей), Блаже хаджи Лазов, Димитар Паунчев, Кирьяк Држиловец, Иосиф Гешков и Трайо Петрович, Панайот хаджи Лазов и Стефо хаджи Василькович. В период с 1868-го по 1870 г. вилайетская газета *Selânik* (Салоники) издавалась и на болгарском языке¹⁷.

Эти данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что в 1860-х гг. часть жителей Салоник осознала свою болгарскую идентичность и создала самоуправляющиеся организации, отличные от греческих.

Однако если мы более внимательно изучим биографии активистов, создавших первые болгарские институты в городе, то увидим, что осознавать и отстаивать различия далеко не одно и то же. Примером тому может служить судьба Ивана хаджи Лазарова, также известного как Янис Хаджилазару. Он был одним из двух братьев Хаджилазаровых (или хаджи Лазевцы, как их часто называют в документах той эпохи), которые прибыли в Салоники из Водена и имели болгарские корни. В конце 1860-х гг. Иван/Янис был казначеем недавно созданной болгарской общины в Салониках, и его семья делала пожертвования болгарской церкви в городе. В то время он и его сыновья Периклис и Николаос были российскими подданными. Дочь Яниса Хаджилазару вышла замуж за доктора Васи́ла Караконовского (1840–1905) — болгарина из Ловеча, участника Учредительного собрания Княжества Болгария (1879), в течение многих лет бывшего врачом российского посольства и управляющим русской больницы в Константинополе¹⁸. Свадебная церемония в ноябре 1872 г. произвела болезненное впечатление на греческую общину в Салониках, так как литургию отслужили одновременно «православный патриаршеский священник» и «схизматик архимандрит Илларион» из Зографского монастыря¹⁹.

По всей видимости, семья Хаджилазару некоторое время колебалась между Константинопольским патриархатом и Болгарским экзархатом, то есть между греческой и болгарской национальными идентичностями, и сделала свой выбор в пользу первой. Помимо страха раскола этот выбор, вероятно, был также обусловлен желанием семьи сохранить свое положение в «приличном обществе» Салоник²⁰. В 1876 г. семья Хаджилазару имела три торговых дома — в Салониках, Сера и Ларисе, а Атанас Шопов утверждает, что именно «богатство сделало их греками»²¹. К концу XIX в. все члены семьи уже отождествляли себя с грецизмом и даже предложили греческому государству рассмотреть возможность выделения субсидий на покупку земель в европейских вилайетах Османской империи для заселения их греками в целях нейтрализации там болгарского влияния²².

Подобным и столь же показательным примером сильного греческого влияния среди православного населения Салоник является история семьи Динковых, более известной в Болгарии как Дар-

жиловцы по названию их родного села Даржилово в Воденской области²³. Братья Кирьяк и Константин Даржиловичи участвовали в греческой революции 1821–1829 гг., а затем получили среднее образование в Афинах²⁴. Известно, что Кирьяк Даржилович учился на философском факультете Афинского университета, а в 1850 г. семья поселилась в Салониках, где братья начали изучать литературный болгарский язык²⁵. Вскоре они подписываются на болгарские газеты «Дунавски лебед», «България» и журнал «Български книжици»²⁶. Нет никаких сомнений ни в болгарском этническом происхождении братьев Даржилович, ни в их болгарской идентичности. В заметке от 15 октября 1860 г. Кирьяк Даржилович отмечает: «Мне очень жаль, что я не владею литературным болгарским языком, хотя я и чистокровный болгарин»²⁷.

Сыном Константина Даржиловича был известный болгарский просветитель Георгий Константинов — Динката (1838–1876)²⁸. Начальное образование он получил в греческой школе в Салониках, а позже учился в Халкинской богословской школе и в Смоленске. Не завершив образование, он вернулся в Османскую империю и посвятил себя созданию болгарских школ в различных деревнях и городах Македонии. Георгий Динков не только обладал болгарским национальным сознанием, но был и пламенным болгарским патриотом, что привело к острому конфликту с греческим консулом в Салониках Афанасиосом Маталасом и с греческими священнослужителями в регионе. За свои убеждения он четыре раза попадал в тюрьму и однажды даже был жестоко избит. Несомненно, семья Даржиловцев имела выдающиеся заслуги в распространении болгарской национальной идеи не только в Салониках, но и в регионе. Такого же мнения придерживалось и болгарское правительство, которое в начале 1880-х гг. предоставило Константину Даржиловичу пожизненную пенсию²⁹. Однако внук Константина Даржиловича — Димитрис Динкас, сын Георгия Константинова Динкова — не только обладал греческим национальным самосознанием, но также являлся одним из самых видных представителей греческого сообщества города. Он окончил греческую гимназию в Салониках и юридический факультет Афинского университета, был греческим депутатом в османском парламенте в 1908–1912 гг. и депутатом греческого парламента в 1915 г. Будучи министром в правительстве

Элефтериоса Венизелоса, он внес значительный вклад в открытие греческих школ в Македонии³⁰. В этой метаморфозе основную роль сыграла жена Георгия Динкова — Эвка, болгарка по происхождению, но «полностью погреченная». Перед свадьбой Г. Динков поставил ей условие отказаться от грецизма и выучить болгарский язык³¹. Эвка действительно выучила болгарский язык и несколько лет преподавала его ученицам в с. Загоричане Костурской области. Однако после смерти мужа она вернулась в Салоники и приняла помощь своего брата Константиноса Алексиадиса в воспитании сына. Константинос Алексиадис был церковным настоятелем (эпитропом) церкви Рождества Пресвятой Богородицы (Панагуда), главным бухгалтером Солунской митрополии и главным секретарем Греческого благотворительного мужского общества³². Переход сына Георгия Динкова к греческой идентичности произошел также не без помощи самой семьи Даржиловцев, которые финансировали его обучение в Афинах³³.

С греческой общиной также связана семья Герасиму, которая в период 1869–1870 гг. была в числе проводников болгарских инициатив в Салониках. Согласно греческим источникам, Константинос Герасиму и его сын Анастис происходили из старого купеческого рода, ведущего свое происхождение от капитана Герасимоса из Кефалонии³⁴. Однако, по мнению Стефана Салганджиева, Константин Герасимов был родом из Охрида и этническим болгарин³⁵. В марте 1869 г. Анастис Герасиму согласился стать «агентом болгар в Салониках» и информировать болгарскую общину в Константинополе о том, что происходит в городе³⁶. Его отец Константинос Герасиму / Константин Герасимов активно содействовал формированию болгарской идентичности в Салониках³⁷. В сентябре 1869 г. он пишет Димитру Робеву: «Мы, болгары, делаем здесь успехи, открыли школу и послали прошение митрополиту и хотим церковь, но ответа нет». В созданной болгарской школе обучалось 80 детей — болгары, греки и вlahи. Герасиму/Герасимов надеялся, что число учеников в школе пополнится до 150 за счет детей из окрестных деревень³⁸. Из его писем мы узнаем, что школа страдала от недостатка средств, хотя и получила пожертвование от российского консула в размере пятидесяти турецких лир³⁹. Его беспокоило, что оставалось много расходов, которые никто не может оплатить, потому что, хотя в Са-

лониках и насчитывалось около 400 болгарских домов, люди в них жили бедные, а большинство учеников были сиротами и не могли сами оплачивать обучение⁴⁰. Он считал, что развитие «нашей нации и нашего рода» в Македонии напрямую зависит от создания болгарской церкви в Салониках⁴¹.

К. Герасиму / Герасимов участвовал в организации в Салониках праздника по случаю издания фирмана об учреждении Болгарского экзархата (28.02.1870). Власти были проинформированы о факельном шествии и подготовленном по этому случаю «митинге благодарности султану». Около 400 болгар собрались в школе, украшенной лавровыми венками, чтобы послушать речь учителя и песни в исполнении учеников⁴². Интересно, что хотя в двух своих письмах К. Герасиму / Герасимов пишет о себе как о части болгарской общины в городе, после 1870 г. его семья идентифицирует себя с греческой идеей и, возможно, даже придумывает греческую историю семьи⁴³. Единственные болгарские сведения, которые могут относиться к ним, сообщают о том, что в 1871 г. российский консул привез помощь для болгарской школы при посредничестве члена общины Герасима, и что в 1873 г. среди тех, кто помог открыть болгарскую часовню Святых Кирилла и Мефодия в Салониках, был и Герасимов⁴⁴.

В конце 1860-х и начале 1870-х гг. болгарская община Салоник заметно окрепла. Болгарский экзархат отвел ей центральное место в жизни области и уже в августе 1871 г. призвал салоникиских болгар основать церковь и школу и заботиться о жителях македонских епархий, которые приезжали в Салоники жаловаться на гонения греческих епископов⁴⁵. В том же году в городе была вновь открыта болгарская школа, которую финансировала община при содействии болгар из Константинополя и Зографского монастыря. Однако в сентябре 1872 г. Константинопольский патриархат объявил Болгарский экзархат раскольническим, поставив этим актом болгарское сообщество Салоник перед необходимостью выбора — породниться с греками или не заключать с ними никакого соглашения. Возобладала вторая точка зрения, благодаря твердому национальному выбору некоторых видных представителей болгарской общины⁴⁶.

Среди них была семья Паунчевых из Охрида, которая занималась торговым посредничеством в Салониках. Члены семьи являлись активными организаторами болгарской общины и школы в городе.

В авангарде деятельности по укреплению болгарской национальной идентичности был Димитрий Паунчев (также известный как Димитриос Пагонидис), друг Димитрия Миладинова, который был сослан на Афон за демонстрацию против патриаршего митрополита Дионисия⁴⁷. Следует отметить твердую позицию братьев Паунчевых по отношению к грекам и Константинопольскому патриархату. Они выступали за радикальные действия для решения болгарского церковного вопроса и уже в 1869 г. в своих письмах, написанных на греческом языке, отстаивали необходимость борьбы с «фанариотским рабством»⁴⁸. После того как Константинопольский патриархат объявил Болгарский экзархат раскольническим, Паунчевы присоединилась к лагерю тех, кто считал, что этот акт дает болгарам право на любой ответ, и выступили против любого соглашения со сторонниками патриархии⁴⁹.

Братья Паунчевы были одними из жертвователей первого болгарского храма Святых Кирилла и Мефодия в Салониках. 20 июня 1873 г., в день Святого Наума, священник Экзархии и председатель болгарской церковной общины отец Петр Димитров⁵⁰ отслужил в нем первую литургию. В мае 1873 г. в городе было основано болгарское общество «Возрождение»⁵¹. Из опубликованного обществом обращения к патриотическим болгарским общинам и учебно-просветительским центрам (читальницам) мы узнаем, что болгарская школа, где «болгарские дети обоего пола обучаются бесплатно», переезжает «из одного места в другое, в арендованные дома», из-за чего многие болгарские дети ходят в греческие школы. Чтобы противостоять этой тенденции, общество хочет построить в городе церковь и школу, но его члены немногочисленны и «располагают скудными средствами». Устав Общества, принятый 20 мая 1874 г., провозгласил его целью распространение образования путем оказания помощи бедным ученикам. Его основатели платили ежегодный членский взнос в размере более 300 грошей, а постоянные члены — от 10 до 300 грошей, но этих денег было недостаточно⁵². В начале апреля 1875 г. отец Петр представил вали (губернатору вилайета) письмо и печать, которые были признаны турецким чиновником, что фактически означало официальное признание властями болгарской общины Салоник⁵³.

Однако стабилизация общины не принесла значительных результатов, поскольку летом 1876 г. митрополит Константинопольского

патриархата в Салониках Иоаким добился через османские власти удаления из города председателя общины отца Петра⁵⁴. Напряжение в отношениях между болгарской и греческой общинами возникало по разным поводам и на почве незначительных инцидентов. Таким, например, был вопрос с колоколом болгарской часовни, подаренным русскими монахами, которые в праздник Святых Кирилла и Мефодия в 1875 г. вместе с российским консулом присутствовали на службе в часовне. По словам отца Петра, этот колокол весил 83 oka (около 106 кг) и его звон особенно раздражал греков в городе⁵⁵.

Противостояние внутри православной общины в Салониках в гораздо большей степени шло в ущерб болгарам, которые были меньше по численности и экономически слабее, а также имели незначительное представительство и авторитет в местной администрации. Это объясняло их постоянное беспокойство о том, что греки заставят власти закрыть болгарскую часовню или изгнать руководителя болгарской общины. Показательным в этом смысле является письмо от имени Петра Димитрова, Христо Захариева, Агапия Войнова и Я. Димитрова, направленное Георгию Груеву в декабре 1874 г., в котором они жаловались на «интриги» греческого епископа, в результате которых болгарские учителя и священники были отправлены в ссылку. В своем письме они открыто заявили, что опасаются, что их постигнет та же участь, так как некий турецкий жандармский офицер (заптие) сообщил им, что «наша часовня в Салониках будет закрыта Алай-беем, а наш настоятель отец Петр будет сослан»⁵⁶. Экзархат посоветовал им полагаться на османские власти и привилегии, предоставленные болгарскому церковному институту⁵⁷. Однако благосклонность власти изменчива и зависит как от личности конкретного вали, так и от политической конъюнктуры. Поэтому греческое сообщество оставалось весьма привлекательным для болгар.

Положение стало еще более серьезным во время Восточного кризиса (1875–1878), когда в мае 1876 г. разъяренная толпа мусульман убила консулов Франции и Германии в Салониках, спровоцировав тем самым вмешательство великих держав⁵⁸. Беспорядки начались из-за слухов о похищении болгарской девушки с целью ее обращения в ислам. События развивались молниеносно в накаленной атмосфере политических страстей и вышли далеко за рам-

ки вопроса о религиозной принадлежности девушки. Попробуйте представить себе, что значило быть болгариним в городе, где не было гарантий личной безопасности даже для официальных представителей великих держав. После русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) Кузьман Шапкарев нашел в городе лишь несколько «явных внешних болгар»⁵⁹. Эта информация довольно четко передает основную разделительную линию между болгарам в городе. К концу 1870-х гг. они разделились на «явных внешних», то есть выходцев из окрестностей, среди которых греческое влияние было еще слабым, и «скрытых внутренних», которые уже давно приехали и обосновались в Салониках.

Однако русско-турецкая война (1877–1878 гг.) увеличила приток болгар в Салоники. В течение пяти лет после окончания войны видные представители общины жаловались русскому консулу в городе, что болгарских священников и купцов сажают в тюрьму по наветам. Представители общины просили консула о защите и добавляли, что «наши купцы терпят убытки от этих откровенных грабежей, они пали духом и впали в мрачное и безнадежное отчаяние»⁶⁰. Страх заставлял болгар целыми кланами искать убежища в Салониках, где на виду у иностранных консулов было меньше насилия в отношении христианского населения. После этой русско-турецкой войны, например, семья Николы Попстефанова (1837–1895) из Велеса поселилась в Салониках. Он торговал оптом сукном и фесками, но в 1877 г. «из-за бесчинств башибузуков» переехал со всей семьей в портовый город. Там семья продолжала заниматься торговлей теми же товарами, а сам Никола Попстефанов занял видное место в торговом совете и стал членом турецкого арбитражного суда⁶¹.

Помимо политических потрясений и связанных с ними проблем безопасности, существовало также множество экономических факторов, которые заставляли болгар переселяться в Салоники. В первую очередь среди них следует отметить традиционный гурбет, т.е. работу в чужих краях, работников из Западной Македонии. Приезжая из Дебара на гурбет, первоначально на несколько месяцев или несколько лет, некоторые из них оставались в Салониках навсегда. Такая трудовая мобильность была традиционна для региона. Считается, что казии (области) Дебар и Тетово являются самым старым центром, из которого ежегодно шли потоки мигрантов-мужчин.

В основном это были ремесленники, в частности строители, чьи навыки были хорошо известны не только в Салониках, но и в целом на Балканах. Характерной особенностью их трудовой мобильности является сохранение традиционной организации, основанной на принципе родства. Таким образом, организованные на основе родственных связей или местных общин, эти группы работников сохраняли свои диалекты и создавали собственную субкультуру в городах, где они работали (Стамбул, Салоники, Белград и София). Еще одна особенность этих сообществ заключается в том, что они строго соблюдали свои культурные традиции⁶². Так, например, поступали болгары из Дебара, которые перебирались в Салоники несколькими семьями, общались в основном между собой и имели обычай забирать невест с собой, поэтому они не женились на гречанках⁶³.

Рынок и порт Салоник — одна из главных причин того, что в город постоянно прибывали люди со всей Македонии, пытаясь продать свои товары. Некоторые из них предпочли открыть там свои конторы, чтобы иметь возможность легче вести торговлю. Именно таким образом в Салониках поселилась семья Шавкулевских / Шавкуловых из села Плетвар Прилепской области. Семья обеднела после того, как имение Ивана Шавкулова (1808–1884) сгорело при пожаре. Два его старших сына, Спиро и Димитрий, отправились на гурбет в Египет, где в то время строился Суэцкий канал. Там братья открыли лавку по продаже табака, лимонада и других товаров, но отец, навещая их, заметил, что шкуры скота, забиваемого для питания рабочих, выбрасывают в Нил. Он предложил своим сыновьям собирать эти шкуры для пошива традиционной обуви. Так начался семейный бизнес: Спиро и Димитрий в Египте собирали и засаливали шкуры крупного рогатого скота, отправляя их затем на кораблях через Александрию в Прилеп своим младшим братьям Стефану и Николе. Бизнес начал расти: Димитрий отправился в Абиссинию (Эфиопию) и Занзибар в поисках новых товаров, а младший брат Николай поселился в Салониках, чтобы встречать и отправлять паροходы с товарами.

В 1879 г. в Салониках была основана компания «Братья Шавкуловы» с основным видом деятельности «Торговля шкурами крупного рогатого скота», также известная под своим французским назва-

нием Chafcouloff Frères. Офис компании находился в центре города в пассаже «Ломбарди», прямо напротив здания Оттоманского банка, а склады — рядом с портом. Четыре брата и их семьи переехали из Прилепа в Салоники, где постепенно обзавелись собственными домами. Рынок Македонии оказался слишком тесным для масштабной торговли Шавкуловых, и Стефан стал представителем компании в Марселе. Постепенно было открыто более 20 представительств по всему миру. Филиалы располагались как в болгарских городах — Софии, Варне и Бургасе, так и в различных торговых центрах за рубежом — в Александрии в Египте, в Диего-Суаресе на Мадагаскаре, на островах Реюньон и Маврикий, в Бирме и Сингапуре, в Бомбее и Калькутте (Индия), Ханое (Вьетнам) и др.⁶⁴

Изменение традиционных торговых путей и источников существования во второй половине XIX в. также сыграло свою роль в переселении болгарских торговцев из сельской местности в Салоники. Так обстояло дело с торговлей сельскохозяйственной продукцией, которую купцы из города Велес перевозили на плотах по реке Вардар до Салоник. Однако с открытием железной дороги между Салониками и Скопье (1873) эта торговля полностью прекратилась, поскольку жители сельской местности сами привозили свою продукцию на железнодорожные станции. Создание балканских национальных государств отрезало традиционные рынки сбыта сельскохозяйственной продукции из Македонии (например, рынок сбыта знаменитой в то время ракии из Велеса) и повысило ее цену из-за различных импортных, экспортных и транзитных пошлин⁶⁵.

Возможно, именно по этой причине семья Хаджимишевых переехала из Велеса в Салоники. Ангел Хаджимишев был первым, кто прибыл в портовый город в феврале 1877 г. Через два года к нему присоединились его сыновья Тодор и Иван. Их торговый дом импортировал тонкие ткани, обработанную кожу, кожаные изделия из Марселя и Лиона, а также экспортировал пшеницу, шкуры, мак, табак и ткани. Тодор Хаджимишев становился членом болгарской церковной общины Салоник по крайней мере трижды (в 1882, 1884 и 1898 гг.). О его ведущей роли в болгарской общине в Салониках свидетельствуют воспоминания архимандрита Ивана Маджарова: «При содействии граждан Салоник, Насте Стоянова, Тодора х[аджи] Мишева, братьев Шумковых, братьев Паунчевых и других болгар-

ская община уверенно развивалась, школа была превращена в гимназию с интернатом при ней, а в 1883/1884 учебном году мы открыли болгарскую школу в Вардаркапийском квартале». Братья Хаджимишевы подавали личный пример, отправляя своих детей в болгарские гимназии. В 1887 г. Тодор Хаджимишев стал почетным драгоманом (переводчиком) российского консульства в Салониках⁶⁶.

В конце XIX в. процессы урбанизации продолжались ускоренными темпами, и население Салоник выросло на 50% за 20 лет. В 1885 г. в городе проживало 85 000 жителей, в 1900 г. — 115 000, а в 1905 г. — 135 000⁶⁷. Среди новоприбывших было много болгар, покинувших родные места по одной из вышеупомянутых причин. Если обратить внимание на то, откуда прибывали наиболее предприимчивые и удачливые болгары, которые во второй половине XIX в. создали и укрепили болгарскую общину в Салониках, нельзя не согласиться с замечанием Василя Канчова, что именно «энергичные переселенцы из западной Македонии» внесли наиболее весомый вклад в дело развития национальной болгарской идентичности в Салониках⁶⁸. Вслед за строителями и портными из Дебара, Крушево и Кичево наиболее значительной была прослойка обосновавшихся в городе болгарских купцов. Это братья Паунчевы из Охрида, братья Шумковы из Крушево, братья Шавкуловы, братья Кондовы, братья Мончевы, братья Дамианпетровы из Прилепа, братья Ризовы из Битоли, семьи Хаджимишевых, Попстефановых, Дерменджиевых, Весовых из Велеса и др. Также была многочисленной колония болгар из Кукуша (греч. Килкис), занимавшихся различными ремеслами и развивавших торговлю в Салониках.

* * *

Несмотря на сильное греческое влияние среди болгар в Салониках в 1860-х и 1870-х гг., они эмансипировались на национальном уровне и создали свои первые институты, что стало важным шагом в начавшемся ранее процессе постепенного формирования независимого болгарского национального сообщества. В Салониках это произошло с некоторым опозданием, но вписалось в общие процессы и тенденции, характерные для развития болгарских общин в Османской империи. На момент начала Восточного кризиса (1875–1878 гг.) болгары стали заметной частью населения портово-

го города. Они создали свою собственную общину, которая после учреждения Болгарского экзархата была признана властями и содержала в городе две начальные школы с тремя учителями.

Несмотря на успешные шаги, предпринятые для национальной эмансипации болгар в городе, многие болгарские купцы предпочитали оставаться частью греческого общества. Это является примером так называемых гибридных идентичностей, встречающихся среди некоторых представителей болгарской городской элиты в XIX в. Речь идет о трансформациях в пределах одного поколения, когда предпочтение отдается «более престижной» идентичности, обычно греческой. Помимо опасений политических преследований, это объясняется и экономическими причинами. Комфорт, обеспечиваемый традиционным греко-болгарским религиозным и культурным симбиозом, наряду с более сильной политической и экономической позицией греков, логично привел к тому, что некоторые болгарские купеческие семьи стали и остались частью греческого сообщества. Это оказывало деморализующее воздействие на большинство их более бедных соотечественников и объясняет слабость болгарских образовательных и церковных учреждений в Салониках. Ситуация изменилась с развитием процессов миграции и урбанизации в последней четверти XIX в., когда многие болгары из близлежащих деревень и более дальних мест поселились в портовом городе.

¹ Подробно о процессе формирования национальной идентичности см., напр.: *Smith A.D. National Identity*. London: Penguin, 1991.

² См., напр.: *Гандев Х.Н.* Проблеми на Българското възраждане. София: Наука и изкуство, 1976; *Λυμπεράτος Α.Κ.* Οικονομία, πολιτική και εθνική ιδεολογία. Η διαμόρφωση των εθνικών κομμάτων στη Φιλιππούπολη του 19ου αιώνα. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 2006.

³ Подробные данные о различных переписях болгарского населения в Салониках опубликованы в: *Желев Й.Ж.* Българската общност в османския Солун: демографска, стопанска и социална характеристика // Солун и българите: история, памет, съвремие / Ред. Ю.Т. Константинова, Н.Х. Данова, Й.Ж. Желев. София: ИБЦТ, 2019. С. 149–197.

⁴ *Μοσκόφ Κ.Η.* Θεσσαλονίκη 1700–1912. Τομή της μεταπρατικής πόλης. Αθήνα: Στοχαστής, 1974. Σ. 25.

⁵ Извори за българската история. Т. 16. Турски извори за българската история. III. Съст.: Б. Цветкова. София: БАН, 1971. С. 395–406; *Χερίμoglou Ε.Α.* Ιστορία της επιχειρηματικότητας στη Θεσσαλονίκη. Θεσσαλονίκη, Πολιτιστική Εταιρεία Επιχειρηματιών Βορείου Ελλάδος, 2004. Τ. 2.1. Σ. 309, 311, 319, 349, 375.

- ⁶ *Çelebi E.* Seyahatnamesi. Topkapı Sarayı Bagdat 305 Yazmasının Transkripsiyonu — Dizini / Ed. S.A. Kahraman and Y. Dağlı. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları Ltd., 2003. Vol. 8. P. 73.
- ⁷ Странсованіа Василя Григоровича Барскаго по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб, 1885. Ч. I. С. 218, С. 262.
- ⁸ *Данова Н.Х.* Зографската обител «Св. Георги Победоносец» и Солун // Солун и българите: история, памет, съвремие / Ред. Ю.Т. Константинова, Н.Х. Данова, Й.Ж. Желев. София: ИБЦТ, 2019. С. 32.
- ⁹ *Хеκίμογλου Ε.Α.* Των ρουφετιών μεγάλων και μικρών. Χριστιανικές συντεχνίες στα τέλη του 18ου αιώνα // Πρακτικά Ε' Επιστημονικού Συμποσίου, Χριστιανική Θεσσαλονίκη. Οθωμανική περίοδος 1430–1912. Θεσσαλονίκη, Κέντρο Ιστορίας Θεσσαλονίκης, 1993. Σ. 123.
- ¹⁰ Текст записок Вело Негрева был впервые опубликован в: *Матов Д.Х.* Кратка разπρία по етнографията на Македония // Списание на Българското книжовно дружество. 1890. Кн. 35. С. 674–717. Позднее этот текст, вместе с другими сведениями о ранней истории болгар в Салониках, опубликован также в: *Иванов Й.И.* Български старини из Македония / Ред. Б. Ангелов и Д. Ангелов. София: Наука и изкуство, 1970. С. 188–192.
- ¹¹ *Дринов М.С.* Първата българска типография в Солун и някои от напечатаните в нея книги // Списание на българското книжовно дружество. 1889. Кн. 31. С. 1–25. По словам Атанаса Шопова, типография существовала уже в 1836 г., но сгорела в 1838 г. и вновь начала функционировать в 1839 г. См.: *Шопов А.П.* Първата българска печатница в Солун // Списание на българското книжовно дружество. 1890. Кн. 34. С. 486–497. Обобщенные и подробные сведения по данному вопросу, как и титульные страницы некоторых книг, опубликованы в: *Иванов Й.И.* Български старини... С. 191–196. Интересные сведения о жизни Феодосия Синаитского и о самой типографии, а также о мнении, что она функционировала до 1843 г., содержатся в: 1838–1938, Възпомянателен лист по случай сто години от откриването на първата българска печатница в Солун. София 25.12.1938, брой единствен, Издание на солунското, дойранското и тиквешкото благотворителни братства. Подробнее о жизни Феодосия Синаитского (в свету Теохара Гогова) и литературе о нем см.: Българска възрожденска интелигенция (енциклопедия). София: Д-р Петър Берон, 1988. С. 646.
- ¹² *Шопов А.П.* Материали за българското възраждане в Македония // Списание на Българското книжовно дружество. 1885. Кн. 18. С. 439–440.
- ¹³ *Ковачев М.А.* Зограф: Изследвания и документи. София: Военно-издателски фонд, 1942. Ч. I. С. 370–373, 382.
- ¹⁴ Информация, любезно предоставленная мне проф. Н. Дановой, содержится в письме монаха Софрония Зографского игумену Зографского монастыря, отправленном из Салоник 6 мая 1862 г.
- ¹⁵ Приложение к газете «Македония» от 27.05.1869 г.
- ¹⁶ *Снегаров И.Й.* Солун в българската духовна култура. Исторически очерк и документи. София: Придворна печатница, 1937. С. 56.
- ¹⁷ Подробности о болгарском отделе газеты «Салоники» см. в: *Пауновски В.И.* Вестник «Солун» от четири на два езика // Солун и българите: история, памет, съвремие / Ред. Ю.Т. Константинова, Н.Х. Данова, Й.Ж. Желев. София: ИБЦТ, 2019. С. 110–137.

- ¹⁸ Подробнее о нем см.: Дейци на българската медицина и здравеопазване. София: Медицина и физкултура, 1986. С. 179.
- ¹⁹ Σταματόπουλος Δ.Α. Εθνικοί ανταγωνισμοί και κοινοτική ανασυγκρότηση: η ενδο-κοινοτική σύγκρουση στη Θεσσαλονίκη (1872–1874) και η σύνταξη του πρώτου κοινοτικού κανονισμού // Τα Βαλκανικά Σύμμεκτα. 1998. № 10. Σ. 90–91.
- ²⁰ Мир, № 11022 от 17.04.1937 г. и № 11023 от 19.04.1937 г.
- ²¹ Шопов А.П. Материали за българското възраждане... С. 441–442.
- ²² Καράβας Σ. «Μακάριοι οι κατέχοντες την γην». Γαιοκτητικοί σχεδιασμοί προς απαλλοτρίωση συνειδησέων στη Μακεδονία (1880–1909). Αθήνα: Βιβλιόραμα, 2010. Σ. 135–141.
- ²³ Подробнее о жизни братьев Кирьяка и Константина Даржиловичей и литературе о них см.: Българска възрожденска интелигенция... С. 231.
- ²⁴ Παπαστάθης Χ.Κ. Τα πρώτα ελληνικά τυπογραφεία της Θεσσαλονίκης // Μακεδονικά. 1968. № 8. Σ. 252.
- ²⁵ Vakali A. A Christian printer on trial in the Tanzimat council of Selanik, early 1850s: Kiriakos Darzilovitis and his seditious books // *Cibannîma*. Tarih ve Coğrafya Araştırmaları Dergisi Sayı I/2 — Aralık 2015. P. 25.
- ²⁶ Българска възрожденска книжнина. София: Наука и изкуства, 1957–1959. Т. 1.
- ²⁷ Дунавски лебед, № 9 от 8.11.1860 г.
- ²⁸ Райков Д.Д. Историческата съдба на македонските българи. Свидетелства за българското възраждане в Македония. София: МНИ, 1997. С. 280–302; Снегаров И.Й. Солун в българската духовна култура... С. 203–228; Христов Х.А. Градиво за биографията на Георги К. Динков // Годишник на Софийския Университет, Философско-исторически факултет. 1965. Т. 85. № 3. С. 131–165.
- ²⁹ Шопов А.П. Материали за българското възраждане... С. 447.
- ³⁰ Жизни и деятельности Димитриоса Динкаса, но без упоминания его болгарских корней, посвящена книга: Αναστασιάδη Γ.Ο., Χεκίμογλου Ε.Α. Δημήτριος Δίγκας (1876–1974), ο πρώτος μακεδόνας υπουργός. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2001.
- ³¹ Христов Х.А. Градиво за биографията на Георги К. Динков. С. 161.
- ³² Αναστασιάδη Γ.Ο., Χεκίμογλου Ε.Α. Δημήτριος Δίγκας (1876–1974)... Σ. 18.
- ³³ Ibid. P. 23.
- ³⁴ Χεκίμογλου Ε.Α. Ιστορία της επιχειρηματικότητας στη Θεσσαλονίκη. Θεσσαλονίκη, Πολιτιστική Εταιρεία Επιχειρηματιών Βορείου Ελλάδος, 2004. Τ. 2.1. Σ. 274.
- ³⁵ Салгънджиев С.К. Лични дела и спомени по възраждането на солунските и сярските българи или 12-годишна жестока неравна борба с гръцката пропаганда. Пловдив: Печатница «Труд», 1906. С. 19.
- ³⁶ Български исторически архив — Национална библиотека «Св. св. Кирил и Методий» (БИА — НБКМ). Ф. 27. Семеев архив Робев. Оп. 1. А.е. 591. Л. 122–124.
- ³⁷ Подробнее о связях братьев Робевых с родом Герасиму и в целом о развитии торговли в Салониках в этот период см.: Konstantinova Y.T. Trade Networks and National Identity in Salonica in the 1860s and 1870s // *Etudes Balkaniques*. 2017. № 3. P. 224–242.
- ³⁸ БИА — НБКМ. Ф. 27. Оп. 1. А.е. 595. Л. 254, 256, 269.

- 39 *Шопов А.П.* Материали за българското възраждане... С. 446.
- 40 БИА — НБКМ. Ф. 27. Оп. 1. А.е. 595. Л. 256–260.
- 41 Ibid. P. 275.
- 42 Ibid. P. 284.
- 43 Ibid. P. 271.
- 44 *Снегаров И.Й.* Солун в българската духовна култура... С. 98, 114.
- 45 Църковно-исторически и архивен институт на Българската патриаршия (ЦИАИ). Ф. 1. Българска екзархия. Оп. 1. А.е. 8. С. 109–110.
- 46 БИА — НБКМ. Ф. 27. Оп. 1. А.е. 2243. Л. 495.
- 47 Подробнее о Димитре Паунчеве см.: *Снегаров И.Й.* Солун в българската духовна култура... С. 81, 256–264.
- 48 БИА — НБКМ. Ф. 27. Оп. 1. А.е. 2243. Л. 400, 437, 442.
- 49 Ibid. P. 495.
- 50 Петр Димитров Воловаров (1841–1895) был рукоположен в священники в 1867/1868 г. в Саре. Он признал Болгарский экзархат и из-за этого был вынужден покинуть Саре и уехать сначала в Константинополь, а оттуда в Салоники, где до 1876 г. служил приходским священником, был представителем Экзархата и председателем болгарской общины. В 1877 г. сослан в ссылку в Малую Азию вместе с экзархом Анфимом I. Освободившись после окончания русско-турецкой войны, уехал в Киев для обучения церковному пению. В конце жизни служил в соборе Святой Недели в Софии. Подробнее о нем см.: Българската възрожденска интелигенция... С. 197–198; *Кирил, патриарх български*. Българската екзархия в Одринско и Македония след Освободителната война 1878–1885. София: Синодално издателство, 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 355. С. 548.
- 51 Беломорски преглед. Старини из Беломорието. Средновековие и ново време / Издават В. Бешевлиев, Ив. Дуйчев, Д. Яранов. София: Придворна печатница, 1942. Т. 1. С. 413–414.
- 52 Век. № 22 от 8-06.1874 г.
- 53 Народна библиотека «Иван Вазов» (НБИВ) — Пловдив. Ф. 3. Георги Груев. Оп. 1. А.е. 146.
- 54 *Шумков И.Б.* Патриотически и насърчителни разкази или събуждането на българите в Македония и учебното дело от 1858–1878 г. София, 1907. С. 451–453.
- 55 НБИВ — Пловдив. Ф. 3. Оп. 1. А.е. 150.
- 56 НБИВ — Пловдив. Ф. 3. Оп. 1. А.е. 143.
- 57 ЦИАИ. Ф. 2. Оп. 1. А.е. 5 — Протокол № 172 от 28 юни 1874 г.
- 58 Подробнее по этому вопросу см.: *Градева Р.С., Кунерал С.* Убийството на консулите в Солун, 1876 г.: българската следа // Солун и българите: история, памет, съвремие / Ред. Ю.Т. Константинова, Н.Х. Данова, Й.Ж. Желев. София: ИБЦТ, 2019. С. 337–376.
- 59 Научен архив на Българска академия на науките (НА — БАН). Ф. 15к. Атанас Шопов. Оп. 1. А.е. 47. Л. 37.
- 60 Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 176к. Министерство на външните работи и изповеданията. Оп. 1. А.е. 134. С. 17–20.
- 61 ЦДА. Ф. 85к. Христо Станишев. Оп. 2. А.е. 3. Л. 10–34.

-
- ⁶² Подробенее о гурбет на Балканах см.: *Hristov P.P.* The Balkan *Gurbet*: Traditional Patterns and New Trends // Migration in the Southern Balkans. From Ottoman Territory to Globalized Nation States. IMISCOE Research Series, 2015. P. 30–46.
- ⁶³ *Шопов А.П.* Материали за българското възраждане в Македония... С. 440–441.
- ⁶⁴ Подробенее об истории семьи см.: *Станчев Д.* Приказка от един отминал свят. Кратко биографично изложение за рода Шавкулови. София: Симелпрес, 2019.
- ⁶⁵ *Кънчов В.И.* Избрани произведения. София: Наука и изкуство, 1970. Т. II. С. 182–277.
- ⁶⁶ Подробенее о роде Хаджимишевых см.: *Стрезова А.А.* Родът Хаджимишеви в Солун // Солун и българите: история, памет, съвремие / Ред. Ю.Т. Константинова, Н.Х. Данова, Й.Ж. Желев. София: ИБЦТ, 2019. С. 472–494.
- ⁶⁷ *Кънчов В.И.* Македония — етнография и статистика. София: АИ “Проф. Марин Дринов”, 1996. С. 140; *Καραδήμου — Γερολέμπου Α.* Πόλεις και πολεοδομία // Ιστορία της Ελλάδας του 20^{ου} αιώνα. Οι απαρχές / Επιμ. Χ.Χ. Χατζηιωσήφ. Αθήνα: Βιβλιόραμα, 1999. Τ. 1.1. Σ. 238.
- ⁶⁸ *Кънчов В.И.* Македония — етнография и статистика... С. 32.

ОТНОШЕНИЯ РУМЫНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХАТОМ В 1860–1880-Е ГГ.

Когда в соответствии со статьей 24 Парижского мирного договора от 30 марта 1856 г. в Яссах и Бухаресте были созданы чрезвычайные учредительные собрания двух румынских княжеств для обсуждения условий их объединения, церковный вопрос стал одним из наиболее деликатных в ходе состоявшихся дискуссий. Эти собрания (известные также под неофициальным названием «диваны ad-hoc») состоялись 7 октября 1857 г. в Молдавии и 8 октября 1857 г. в Валахии, и на основе выраженных на них национальных чаяний великие державы разработали и приняли 19 августа 1858 г. в Париже документ: так называемую Конвенцию об окончательной организации Дунайских княжеств. И ей суждено было стать первой конституцией единого румынского государства в Новое время.

В своем дипломатическом докладе от 22 июня 1856 г. французский посол в Яссах Виктор Плас отмечает, сколь важное положение в обществе занимали митрополиты и епископы Молдавии и Валахии, подчеркнув, что столь значительное влияние духовенства на массы объясняется не личной значимостью того или иного служителя церкви, а самой великой идеей религиозного служения. Именно поэтому было необходимо, чтобы высшая церковная иерархия поддерживала политический курс Франции, направленный на объединение княжеств: в тот день, когда священники получили бы со стороны своего священноначалия приказ, противоречащий французским интересам, эти священники, выступая от имени религии, находящейся под угрозой, могли бы создать серьезные трудности (Франции). Прежде всего потому, считал французский дипломат, что в течение

долгого времени России никто никоим образом не мешал извлекать выгоду для себя из сдержанного отношения православных христиан к Западу¹.

Мирные переговоры в Париже, состоявшиеся в марте 1856 г., продемонстрировали румынским политическим и церковным элитам международную изоляцию России, ослабив тем самым влияние русской пропаганды в Княжествах. Митрополит Молдавский Софроний Миклеску (1851–1861) признался В. Пласу в том, что в течение длительного времени он был пылким приверженцем панславистской идеологии, причем эти убеждения разделял и ректор Сокольской семинарии в Яссах архимандрит Филарет Скрибан, выпускник Киевской духовной академии. Отказ от своей прежней политической ориентации Софроний объяснял как незначительным положением, которое Россия занимала в новой системе международных отношений, так и той угрозой, которую представил бы для румынской нации возможный союз северных и южных славян. Поэтому было бы предпочтительнее объединение двух румынских княжеств, ибо, объединившись, они «стали бы сильнее и свободнее от любых тлетворных влияний»².

Проект политического объединения Дунайских княжеств с их митрополиями (Молдавской и Унгро-Влахийской) открыл бы путь к достижению румынами церковной независимости перед лицом двух центров давления извне: Русской православной церкви и Константинопольской патриархии. Во время своих встреч с В. Пласом Софроний Миклеску подчеркивал, что при реализации проекта церковного объединения следует принимать во внимание тот факт, что митрополиты Молдавский и Унгро-Влахийский всегда были независимы один от другого. Софроний таким образом выразил обеспокоенность молдавского духовенства в связи с возможным ущемлением автономии Молдавской церкви в случае объединения румынских провинций. Страх был вызван опасениями, что общее законодательство низведет Молдавскую митрополию до положения простой епископии. Он также прояснил тот факт, что румынские митрополиты требуют независимости в отношении как Русской православной церкви, так и Константинопольской патриархии. Избранные в своих княжествах на национальных собраниях и утвержденные господарями, они в принципе не нуждались в легитимации

с какой-либо другой стороны и согласились на то, чтобы их полномочия подтверждал Константинопольский патриарх, лишь вследствие постоянного вмешательства Высокой Порты во внутренние дела румынских княжеств. Для того, чтобы свободно занимать свои престолы, они должны были вносить денежные пожертвования — с тем, чтобы препятствовать интригам патриарха, точно так же, как и господа давали деньги турецкому правительству, чтобы только сохранить свою власть³. Софроний сформулировал позицию Молдавской церкви в отношении Константинопольской патриархии, заявив о необходимости подтверждения автокефального статуса Румынской православной церкви в будущем румынском государстве.

В Бухаресте православное духовенство было не слишком активно вовлечено в политические события. Это можно среди прочего объяснить сдержанным отношением к самой идее объединения румынских княжеств митрополита Унгро-Влахийского Нифонта Русаилэ (1850–1865; примас 1865–1875), который считал предпочтительным существующий status quo. И тем не менее следует отметить, что он выполнил свои обязательства, связанные с созывом чрезвычайного собрания.

В Молдавии, однако, местное духовенство оказалось вовлечено в происходившие сильные волнения. В Сокольском монастыре в Яссах братья Скрибаны, Филарет и Неофит (епископ Арджешский в 1862–1865, 1868–1873), по согласованию с митрополитом Софронием Миклеску, а также архимандритом Мелхиседеком Штефэнеску (епископ Романский в 1879–1892) организовали мощный политический центр в защиту унии двух княжеств и развернули активную публицистическую деятельность, и в этом нашло свое отражение благожелательное отношение молдавской церковной иерархии к идеям реорганизации румынских княжеств на либеральной основе.

Кампания Молдавской церкви в целях оказания влияния на общественное мнение Молдавии и Валахии ради принятия им унии был начата весной-летом 1856 г. с изданием в Яссах двух публицистических сочинений преподавателя Сокольской семинарии Неофита Скрибана: «Объединение и необъединение румынских княжеств» (Unirea și neunirea Principatelor Române) и «О пользе объединения румынских княжеств» (Foloasele unirii Principatelor Române)⁴. В этих работах Неофит пытается развеять опасения относительно уста-

новления в Молдавии положения дел в соответствии с решениями Парижского мирного договора. Что касается религиозного вопроса, Скрибан оспаривает мнение о том, что восхождение на престол князя иностранного происхождения могло бы подвергнуть опасности православную веру, приводя при этом в пример российскую императорскую семью, которая, строго говоря, не была ни русского происхождения, ни православной, но тем не менее стала самой рьяной защитницей православной веры⁵. Также и с религиозной точки зрения Скрибан утверждал, что сильная нация, пользующаяся уважением других держав, должна иметь свое собственное духовенство и свою уважаемую Церковь. Кроме того, создание третьего православного государства, помимо России и Греции, способствовало бы большей славе и росту могущества православия⁶.

Что касается патриарха Константинопольского Кирилла VII (1855–1860), то он был вовлечен в молдавскую политику на стороне антиунионистской партии. Так, 1 мая 1857 г. он послал митрополиту Софронию письмо, осудив его позицию в защиту унии двух княжеств, назвав ее неприемлемой с точки зрения представляемого им иерархического престола. Патриарх, используя весь свой авторитет, настаивал на том, чтобы молдавский митрополит порвал с унионистскими силами и не участвовал в кампании в защиту объединения княжеств, а в случае неповиновения он мог быть осужден патриаршей консисторией и даже лишиться митрополичьего престола⁷.

Следует отметить, что проект письма, подписанного и отправленного Софронию Миклеску Константинопольским патриархом Кириллом VII, был составлен в Яссах в ведомстве каймакама Николае Вогориде в апреле 1857 г. Письмо являлось частью плана выведения с молдавской политической арены всех унионистов, включая Софрония. Для осуществления этого плана Вогориде прибегнул к содействию османского комиссара Сафвета-эффенди и генерального консула Австрии в Яссах Рудольфа Оскара фон Гедель-Ланнуа. Также для министра иностранных дел Османской империи Эдема-паши было предназначено приложение, в котором содержались описание морального облика Софрония и обвинения в том, что он высказывался о необходимости передачи управления объединенными княжествами иностранному господарю и распространял среди духовенства идеи о возможности возвращения молдавской стороне

после объединения княжеств имущества молдавских монастырей, преклоненных иностранным обителям⁸. Оскорбительные характеристики Софрония, содержащиеся в этих документах, стали доступны турецкой периодике того времени⁹.

Упреки Константинополя в адрес линии, проводимой главой своей национальной Церкви, вызвали в Молдавии сильное возбуждение среди сторонников унии. Недовольство жестом Константинопольского патриарха нашло отражение в опубликованной в июне 1857 г. в Париже работе Неофита Скрибана «Краткая история Молдавской Митрополии» (*Scurtă istorisire și hronologie despre Mitropolia Moldaviei*). В ответ на действия Кирилла, направленные на ущемление автономии молдавской церкви, Скрибан утверждал, что Константинопольский патриарх в стремлении повлиять на политическую линию митрополита Молдавии в отношении своей страны и нации взял на себя политическую роль, которую он не имел права играть. Так, патриарх использовал свои юрисдикционные полномочия, чтобы разрушить смысл самого понятия автокефалии, не только вмешиваясь в вопросы догматики, но и оказывая поддержку греческому духовенству в Молдавском княжестве. Неофит Скрибан выразил надежду, что Парижский договор, гарантирующий права румынских княжеств, устранил злоупотребления Константинопольского патриархата и подтвердит изначальную независимость (исконные права, права *ab antiquo*) Румынской церкви.

Проблема канонических и политических отношений между Румынской церковью и Константинопольским патриархатом родилась не в XIX в. Первым текстом, в котором утверждалось, что каноническая связь с Константинопольским патриаршеством не наносит ущерба независимости Православной церкви в румынских княжествах, явилась грамота от 15 июля 1631 г. господаря Валахии Леона Томша (1629–1632). Вследствие растущего греческого влияния княжеская власть защищала Церковь страны, запрещая куплю-продажу должностей (т.е. возможность покупать эти должности) митрополита, епископа и настоятеля (игумена), на которые по традиции можно было только избираться на государственном собрании и на Соборе архиереев. Также, чтобы ослабить все более и более настойчивое вмешательство Константинопольского патриарха в румынскую религиозную жизнь, этот документ устанавливал, что ему

(патриарху) не будет позволено посылать своих людей для исполнения этих функций, за ним сохранится только символическое право канонического утверждения уже принятых решений, «как это и было до сих пор»¹⁰.

Другим текстом, в котором отстаивались прерогативы митрополичьего престола Унговлахии, явилось письмо митрополита Антима Ивирянцула (1708–1716) патриарху Афанасию V (1709–1711) от 26 декабря 1710 г. Митрополит Унгро-Влахийский яростно протестовал против неканонического вмешательства патриарха Иерусалимского Хрисанфа Нотары (1707–1731) в дела Валахской церкви, ибо тот запретил упоминание его, Антима, имени в молитвах во всех храмах монастырей, преклоненных Гробу Господню в Иерусалиме, и в селах, принадлежавших этим монастырям (требование, утвержденное Афанасием в декабре 1709 г.)¹¹.

1 января 1752 г. митрополит Яков Путнянул созвал синод иерархов и игуменов для сохранения автономии Молдавской церкви. Молдаване открыто провозгласили на нем свою автокефалию и стали категорически пресекать восхождение иностранцев на епископские кафедры в княжестве¹². За этой декларацией последовал меморандум валахской политической элиты от 1829 г., в котором содержалось требование объединения княжеств, а также того, чтобы Церковь в этом новом государстве «оставалась полностью независимой от великой Цареградской церкви, управляясь самостоятельно, через местный синод»¹³.

Надо сказать, что Вселенский патриархат никогда не отрицал местные церковные традиции, обычаи, законы. Однако, как утверждал историк Влад Джеорджеску, проблема была чисто практической и объяснялась соотношением сил и постоянным противодействием попыткам ущемить самостоятельность поместных церквей. Со временем Церковь становится, наряду с княжеской властью и административным аппаратом, «полем противостояния между местными уроженцами и инородцами, когда на кону стоял не просто епископский или митрополичий престол (кому он достанется), а речь шла о сохранении автономии и выраженного национального характера румынской Церкви»¹⁴.

Можно сказать, что выступление Неофита Скрибана в поддержку лидера национальной Церкви с лета 1857 г. переросло рамки кон-

кретной протестной акции (т.е. реакции на какое-то определенное событие, конфликт), каковых было много в предшествующие века. В новых исторических условиях Церковь как институт пошла по собственному освободительному пути, синхронному (и созвучному) тем преобразованиям, которые в это время частично осуществлялись на национальном уровне.

В «Краткой истории» Скрибан приводит канонические и исторические аргументы в защиту автокефалии румынской Церкви. Автор утверждает, что сначала угроза, а затем и непосредственное падение Константинополя поставили митрополитов Молдавии и Унговлахии на более высокое положение в православном мире. Их автокефалия была тогда привилегией не только в интересах византийского трона, но прежде всего в интересах патриархов Восточной (Православной) церкви, так что румынские епископии и митрополии впоследствии использовались ими как орудия для приобретения многочисленных владений в Молдавии и Валахии, без которых Святые места не имели бы источников значительного и стабильного годового дохода¹⁵.

Для доказательства права национальной Церкви на автокефальный статус Скрибан приводит и другие факты из ее истории, в частности, то обстоятельство, что иерархический центр Томиса в провинции Малая Скифия, первый на территории, населенной румынами, был внесен в реестр древнейших митрополий с автокефальным статусом¹⁶; упоминается традиция о синодальном акте византийского императора Иоанна VIII Палеолога (1416–1425; 1425–1448), с помощью которого господарь Молдавии Александр Добрый (1400–1432) добился признания Молдавской митрополии Константинопольским патриархом; указывается на уточнение, сделанное в «Законоправильнике», отпечатанном в Тырговиштах в 1652 г., о том, что румынская Церковь никогда не подчинялась ни Охридской, ни Константинопольской Патриархии¹⁷; права Церкви были перечислены в работе «Описание Молдавии» (*Descriptio Moldaviae*) Дмитрия Кантемира, который аргументировал свои выводы относительно автокефального статуса Молдавской церкви в отношении Константинополя, ссылаясь на изученные им летописи, а также фирман султана от 1786 г.¹⁸

Далее Неофит Скрибан говорит о том, что на основе старинных прав Органический регламент Молдавии (ст. 412–413) укрепил пра-

во митрополита Молдавского никому не подчиняться, его решения по церковным делам выносились на суд 12 местных иерархов (а не Константинопольского патриарха, как утверждал Кирилл VII в своем письме от 1 мая 1857 г.), а когда это было необходимо, то собирали иерархов обоих княжеств, при обсуждении же светских вопросов к ним прибавлялись также 12 бояр, членов дивана. Согласно установлениям регламента, принятое решение могло быть вынесено на рассмотрение господаря, и если архиерея признают виновным, он освобождался от должности, а на его место избирался другой. Узнав об этом, патриарх должен был объявить о низложении провинившегося и назначить новые выборы¹⁹.

Сочинение Неофита Скрибана легло в основу дискуссий об автокефалии румынских Церквей (митрополий), которые развернулись на Чрезвычайном собрании. 7 октября 1857 г. духовенство и депутаты-миряне проголосовали за программу создания румынского государства. 20 декабря 1857 г. Чрезвычайное собрание приняло обращение комитета духовенства, которое предусматривало признание независимости православной Церкви объединенных румынских княжеств от любой церковной власти, сохраняя вместе с тем догматическое единство с Восточной вселенской церковью²⁰. Также, согласно требованиям румынских церковных и политических элит, иерархические отношения между Румынией и Константинополем следовало построить на основе модели отношений Патриархата с новой Церковью греческого государства.

Принципы реорганизации румынских Церквей, принятые Чрезвычайным собранием Молдавии, были представлены комиссии европейских держав в Бухаресте, которая в свою очередь предложила их летом 1858 г. Парижской конференции. Вместе с тем в Конвенции об окончательной организации Дунайских княжеств от 7 августа 1858 г. вопрос о Церкви и ее устройстве совершенно не затрагивался, а напротив, даже устанавливалось, что прежние законы княжеств остаются в силе²¹. Однако идеи, сформулированные в ходе дебатов комитета духовенства, стали основой для будущей организации Церкви в Румынии; они «служили нормой почти для всего, что делалось во второй половине XIX в. в отношении Церкви»²².

Объединение румынских княжеств в 1859 г. и создание в 1862 г. единой политико-административной системы сделали также необ-

ходимым церковное объединение Румынии. Таким образом, 3 декабря 1864 г. правительством Александру Иоана Кузы (1859–1866) был обнародован Органический указ об учреждении центрального синодального органа²³, дополненный Положением о выборах членов Генерального синода Румынской православной церкви от 6 декабря 1864 г.²⁴ и внутренним регламентом Генерального синода, предусмотренным ст. 14 синодального закона и опубликованным 29 ноября 1865 г.²⁵ Принятие синодального закона означало не только церковное объединение, но по сути и само утверждение церковной независимости или автокефалии.

Этот закон ознаменовал собой отделение Румынской православной церкви от Константинопольской патриархии и, таким образом, дальнейшее ограничение юрисдикции патриархии, которой уже был нанесен ущерб вследствие объявления автокефалии Элладской православной церкви в 1850 г. и стремления к автокефалии болгар. Соответственно, его счел неприемлемым Константинопольский патриарх Софроний III (1863–1866). Отношения между ним и господарем румынских княжеств Александру Иоаном Кузой также серьезно испортились в результате секуляризации монастырских владений (закон от 29 декабря 1863 г.). Константинополь утвердился также во мнении, что в Объединенных княжествах проявляется тенденция к распространению католицизма, и это побудило патриарха Софрония заявить в письме митрополиту Унгро-Влахийскому Нифонту 17 апреля 1865 г., будто румынское правительство хотело бы подорвать «даже самые основы православной христианской веры». Глава Константинопольской церкви был в то же время расстроен «глубоким молчанием» и «немым согласием» румынской иерархии, от которой он ожидал протестов и петиций против политической несправедливости²⁶.

В свою очередь, Нифонт в ответе от 12 мая 1865 г. повторил со всей ясностью, что Румынская церковь всегда оставалась абсолютно независимой в том, что касалось ее внутреннего управления, и эти законопроекты не значат ничего другого, кроме того, что они санкционируют с канонической точки зрения уже существующее положение дел. Нифонт от имени румынских иерархов, защитников великих принципов Церкви, отказался откликнуться на призыв Вселенского патриарха поднять восстание в стране, где существует полный консенсус между властью и народом по церковным делам²⁷.

Следует отметить здесь, что правительственные законодательные акты об учреждении синодальной власти и о назначении митрополитов и епископов вызвали раскол внутри румынской Церкви. Началась так называемая «борьба за каноничность», во главе которой встал Неофит Скрибан. Его главным оппонентом являлся Мелхиседек Штефэнеску. Развязка наступила в 1872 г., когда образовался на канонической основе действующий и сегодня Святейший Синод Румынской православной церкви²⁸ и был одобрен Органический закон Румынской православной церкви²⁹.

В отношениях с Константинопольской патриархией румынские церковные и политические власти заняли твердую позицию, суть которой заключалась в том, что провозглашенную автокефалию нужно защищать, ее не нужно ни у кого просить. Следует подчеркнуть, что в теоретическом плане эта проблема была решена в процессе подготовки материалов для чрезвычайных собраний 1857 г. и в ходе дебатов, а в последующем периоде ее рассмотрение никак больше не продвинулась³⁰.

После Берлинского конгресса 1878 г., признавшего полную независимость Румынии, международное подтверждение автокефалии Румынской православной церкви нельзя было откладывать. Именно епископ Романский Мелхиседек стал деятелем румынской церкви, который сыграл важнейшую роль в решении этого вопроса. Он ратовал за проведение умеренной политики в отношениях с зарубежным православным миром и особенно с Константинопольской патриархией, а также разделял настороженную точку зрения румынских иерархов по поводу чрезмерно услужливого отношения патриарха к правительству Османской империи, от имени которого патриархией осуждалось движение национального возрождения румын. Несмотря на это, усилия Мелхиседека были направлены на то, чтобы избежать церковного раскола и установить сотрудничество с другими православными Церквями на рациональной основе.

В качестве члена комиссии Синода Румынской православной церкви на переговорах с Константинополем Мелхиседек вел всю переписку с администрацией патриархии. Его доклад о вмешательстве Константинопольского патриарха в дела Румынской православной церкви, прочитанный на заседании Синода 23 ноября 1882 г.³¹, представлял собой синодальный документ, на основе которого 25 апреля 1885 г. Константинопольской патриархией и была признана автокефалия Румынской православной церкви.

- ¹ *Sturdza D.* Însemnătatea divanurilor ad-hoc din Iași și București în istoria renașterii României, I–IV // *Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice*. Ser. II. T. XXXIII. 1910–1911. București, 1911. P. 335–336.
- ² *Ibidem*. P. 337.
- ³ *Ibidem*.
- ⁴ Во время летних каникул 1856 г. эти две публицистические брошюры Неофита Скрибана были распространены преподавателями и семинаристами Соколы во всех уголках Молдавии. По свидетельству историка Константина Ербичану, бывшего студента Сокольской семинарии, Неофит Скрибан преподносил студентам на занятиях свои политические выступления, опубликованные в прессе, призывая их принять участие в кампании, которую вела Молдавская церковь в интересах объединения румын. См.: *Erbiceanu C.* Viața și activitatea preasfințitului Neofit Scriban. București: ed. Ghenadie Petrescu, Dimitrie A. Sturdza, Dimitrie C. Sturdza, 1888. P. 20. В свою очередь, сам Неофит пропагандировал унионистские идеи и в Валахии, поддерживая связи с Центральным комитетом по объединению, находившимся в Бухаресте.
- ⁵ См.: *Scriban N.* Unirea și neunirea Principatelor Române, în *Acte și documente relative la istoria renașterii României*. T. 4. București: ed. Ghenadie Petrescu, Dimitrie A. Sturdza, Dimitrie C. Sturdza, 1889. P. 3.
- ⁶ *Ibidem*. P. 5.
- ⁷ См.: *Acte și documente relative la istoria renașterii României*. T. 4. București: ed. Ghenadie Petrescu, Dimitrie A. Sturdza, Dimitrie C. Sturdza, 1889. P. 465–466.
- ⁸ Сохранились копии этих документов, отравленные 4 мая 1857 г. в Вену Гедделем-Лануа. См.: *Documente privind Unirea Principatelor / Red. Oțetea A. T. 2. Rapoartele Consulatului Austriei din Iași*. București: ed. Dan Berindei, 1959. P. 111–113, 125–131.
- ⁹ См., например, публикации в газете «Журналь де Константинополь»: *Acte și documente relative la istoria renașterii României*. T. 5. București: ed. Ghenadie Petrescu, Dimitrie A. Sturdza, Dimitrie C. Sturdza, 1890. P. 250.
- ¹⁰ *Documenta Romaniae Historica*. B. Țara Românească. T. XXIII (1630–1632). București: ed. Damaschin Mioc, 1969. P. 408.
- ¹¹ *Hurmuzaki E. N. Iorga.* Documente privitoare la istoria românilor. T. XIV. Documente grecești. Partea 3. C. 1560 – c. 1820. București, 1936. P. 79–82.
- ¹² *Erbiceanu C.* Istoria Mitropoliei Moldaviei și Sucevei și a Catedralei Mitropolitane din Iași. București, 1888. P. 24–26.
- ¹³ *Hurmuzaki E. N. Iorga.* Documente privitoare la istoria românilor. T. X. 1763–1844. București, 1897. P. 647–649.
- ¹⁴ *Georgescu V.* Istoria ideilor politice românești (1369–1878). München, 1987. P. 258–259.
- ¹⁵ *Scriban N.* Scurtă istorisire și hronologie despre Mitropolia Moldaviei. Paris, 1857. P. 21.
- ¹⁶ Неофит ссылается на труды английского канониста XVII в. Уильяма Бевериджа. См.: *Beveridge W.* Συνοδικόν sive Pandectae canonum S.S. Apostolorum et conciliorum, ab ecclesia Graeca receptorum. T. II. Oxford, 1672. P. 136.
- ¹⁷ *Îndreptarea Legii 1652*. București, 1962. P. 365.
- ¹⁸ *Scriban N.* Scurtă istorisire... Paris, 1857. P. 26–27.

- 19 Ibidem. P. 27. См.: Regulamentele Organice ale Valahiei și Moldovei. București: ed. Paul Negulescu, George Alexianu, 1944. P. 338–339. Следует также подчеркнуть, что положения Органических Регламентов (в Валахии — 1831 г., в Молдавии — 1832 г.), касающиеся церкви и церковной иерархии, были установлены в соответствии с румынскими традициями. *Filitti I.* Principatele Române de la 1828 la 1834. Ocupația rusească și Regulamentul Organic, București, 1934. P. 39.
- 20 *Sturdza D.* Însemnătatea divanurilor... P. 677.
- 21 *Dobrescu N.* Studii de istoria bisericii române contemporane. București, 1905. P. 96.
- 22 Ibidem. 93.
- 23 *Bujoreanu I.* Colecțiune de legiuirile României, vechi și noi, care s-au promulgat până la finele anului 1870. București, 1873. P. 1789–1791.
- 24 Ibidem. P. 1791–1792.
- 25 Ibidem. P. 1792–1795.
- 26 Documente. Corespondența între Patriarhia din Constantinopol și mitropolitul Ungrovalahiei Nifon, între domnitorul Alexandru Ioan Cuza și toate Bisericile Ortodoxe cu privire la legile aprobate de către guvernul român pentru sinodul din anul 1864. București, ed. Fotie Balamaci, 1913. P. 35. Имеется в виду план правительства Объединенных румынских княжеств ввести григорианский календарь; в Королевстве Румыния это произошло в 1919 г.
- 27 Ibidem. P. 67.
- 28 См.: Biserica Ortodoxă Română. T. I. 1874. N 1. P. 82–83; *Costescu C.* Colecțiune de legi, regulamente, acte, deciziuni, circulare, instrucțiuni, formulare și programe. T. 1. București, 1916. P. 42–52.
- 29 *Catalan S.-M.* Politica bisericească a domnitorului Alexandru Ioan Cuza (1859–1866) (I) // Studii și materiale de istorie modernă. T. XV. 2002. P. 104.
- 30 См.: *Georgescu V.* Istoria ideilor politice... P. 261.
- 31 *Ștefănescu M.* Despre amestecul Patriarhiei din Constantinopol în treburile Bisericii Autocefale Române. București, 1882.

НА ПУТИ К ЦЕРКОВНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ: «МИРНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА БАЛКАНАХ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Историческое православие традиционно основывается на универсалистской модели единой Церкви, которая восходит к римскому понятию о единстве империи и ойкумены. С перенесением столицы империи в Новый Рим — Константинополь — и провозглашением христианства государственной религией изменилась география, но не суть модели. Утверждение православия в борьбе с ересями, политическое и церковное разъединение Востока и Запада и централизация восточного христианства вокруг Константинополя привели к созданию новой идеологии, православной ойкумены¹.

Крестовые походы разрушили стройное здание единого византийского православия: от Константинополя отделяются Сербское и Болгарское царства, которые, обретя политическую самостоятельность, не замедлили заявить о церковной автокефалии и образовании собственных патриархатов по образцу Константинопольского. Через несколько столетий их примеру последовала Русская церковь: принятие царского титула Иваном Грозным и провозглашение Русского патриаршества явились завершающими этапами на пути возвышения Московского государства. В Османской империи, напротив, центростремительные силы заняли место центробежных: с объединением восточно-христианских земель в одном государстве вся церковная власть вновь оказалась сосредоточена в руках Константинопольского патриарха. Древние престолы Иерусалима, Антиохии и Александрии были вовсе лишены политического значения, равно как и славянские (Охридская и Печская) архиепископии, формально просуществовавшие до середины XVIII в.²

Долгая череда войн с XVIII до начала XX в. привела к постепенному распаду Османской империи и образованию суверенных национальных государств на Балканах, а позднее и на Ближнем Востоке. Этот процесс имел две стороны. Великие державы Европы (Великобритания, Франция, Россия, Австрия, позднее Германия) стремились к расширению своего политического и экономического влияния, а также территории за счет слабеющей Османской империи. Державам было выгодно поддерживать национально-освободительные движения на Балканах и Ближнем Востоке и создание небольших и заведомо несамостоятельных государств. Идеологической основой движения в XVIII и до начала XIX в. было Просвещение, а с начала XIX в., в период романтизма, — идеи нации. Взаимосвязь войны и революции и сложные, зачастую парадоксальные истолкования легитимности революции неоднократно становились предметом исследования³. Соперничество великих держав в контексте Восточного вопроса, столкновение их интересов на Балканах и Ближнем Востоке вынуждало политиков давать диаметрально противоположные оценки параллельным событиям, происходившим в разных областях, а правительствам держав действовать не исходя из какого-то единого высшего принципа, а в зависимости от политической выгоды момента. С одной стороны, не будучи готовыми к решительному решению Восточного вопроса, на протяжении десятилетий европейские державы сдерживали революционные движения в Османской империи и заботились о сохранении status quo, т.е. единства Османской империи. С другой стороны, они же поддерживали славян, греков и арабов в борьбе за автономию.

Русская политика исходила из унаследованных от Византии универсалистских представлений о едином православном мире. Объединение всех православных, или только славянских, народов под русской политической эгидой составляло суть церковной политики на Ближнем Востоке до революции 1917 г. Вместе с тем позиция в отношении Османского государства варьировалась от защиты целостности империи в духе Священного союза до вооруженных конфликтов, которые, наряду с нескрываемыми геополитическими целями, объяснялись необходимостью защищать (освобождать) христиан или исполнять мессианское предназначение России на православном Востоке.

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ВОПРОСА: ЭЛЛАДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Греческая революция 1821 г. и последовавшая за ней война за независимость Греции не встретили открытую поддержку со стороны правительства Александра I. Верный идеям Священного союза, царь устранился от помощи повстанцам и резко осудил выступление Александра Ипсиланти. Тем не менее в течение нескольких лет после начала революции в Одессе работал комитет помощи беженцам, и император был среди первых и наиболее щедрых жертвователей. В воззваниях о сборе средств главным мотивом было христианское милосердие⁴. Очевидно, что причины этой широкомасштабной акции были гораздо шире, чем помощь единоверцам, и за гуманитарной и религиозной терминологией стояло также желание российских правящих кругов компенсировать неучастие России в борьбе греков за независимость и стремление не потерять авторитет в их среде. Вслед за образованием Греческого королевства в 1833 г. была провозглашена автокефалия Элладской церкви. Причины отделения были чисто политические: управлявшее Грецией баварское регентство не могло согласиться на присутствие в стране проводника иностранного влияния, каковым являлся Константинопольский патриархат. Кроме того, греческое правительство имело целью подчинить Церковь государству и сделать из нее послушный светской власти институт — по примеру протестантских государств Западной Европы или Российского Синода. За отделением Элладской церкви последовал разрыв канонического общения с Константинополем, продлившийся до 1850 г.⁵ Принцип единства православия был, таким образом, принесен в жертву политическим амбициям. Это было крайне неудобно для России и ее политики на Балканах: разрыв канонического общения сковывал контакты с греческим духовенством королевства и сокращал поле для политического влияния через посредство Церкви, т.е. ограничивал традиционный метод русской политики. До 1850-х гг. в Россию поступали крайне отрывочные и скудные сведения о состоянии церковных дел Греческого королевства. Контакты осуществлялись через посредство частных лиц: членов русской политической партии, духовенство русофиль-

ских настроений (например, выдающегося богослова Константина Икономоса), отдельных греков, проживающих в России и состоявших в переписке с соотечественниками (например, Александр Стурдза)⁶. С восстановлением канонических отношений с Константинополем были возобновлены и отношения с Русской церковью: в декабре 1850 г. посольство во главе с архимандритом Мисаилом отправляется в Петербург. В последующие годы, в частности при посредничестве настоятеля русской посольской церкви в Афинах архимандрита Антонина Капустина, постепенно налаживается межцерковный диалог: происходит обмен сведениями о состоянии образования, об издаваемых книгах и журналах, обсуждаются вопросы канонического права⁷.

В западной части Балкан церковное отделение от Константинополя проходило мирным путем. В 1815 г. Сербия получает политическую автономию, статус автономного княжества был подтвержден в 1830 г. Вслед за этим в январе 1832 г. учреждается автономная Сербская митрополия. После образования независимого Сербского княжества в результате Берлинского конгресса (1878 г.), в 1879 г., Белградская митрополия получила автокефалию от Константинополя⁸. Босния и Герцеговина с 1882 г., после подчинения этих областей Австро-Венгрии (по Берлинскому трактату 1878 г.), переходят в юрисдикцию Карловацкой церкви, с выплатой компенсации Константинопольскому патриарху. Такая же выплата компенсации была назначена после присоединения Фессалии к Греции и к Элладской церкви в 1881 г. Черногорская церковь также пользовалась независимостью, несмотря на формальное отсутствие автокефального статуса. Еще один пример — Румынская церковь. После объединения княжеств Молдавии и Валахии в 1859 г. последовало провозглашение церковной независимости от Константинополя (в 1865 г.). Она была признана Константинополем лишь в 1885 г. Если в Греции, Сербии и Румынии церковное отделение последовало за политическим и не носило «революционного» характера, то в других областях многонациональной Османской империи дело обстояло иначе. Там, где церковная борьба предшествовала политическому отделению, вопрос не мог быть решен мирным путем.

ХІХ ВЕК ПОД ЗНАМЕНЕМ НАЦИОНАЛИЗМА И РЕФОРМ

ХІХ век — эпоха национализма. Современное понятие нации возникло в эпоху Просвещения и получило новое звучание в период романтизма. Идеи племенной общности на основе языка, исторической памяти и культуры, которые нашли развитие в Германии, а на русской почве дали жизнь славянофильству, до второй четверти ХІХ в. оставались чисто теоретическими. С усилением кризиса в Османской империи и стремлением ее европейских провинций к автономии идеи нации проникают в образованные слои славянских и других нетурецких народов Балкан и Ближнего Востока: они оказываются удобным инструментом политического воздействия, что дало основание ряду исследователей ХХ в. говорить об «импорте» национализма и искусственном создании «воображаемых сообществ»⁹. Не отрицая полностью ту роль, которую сыграла идеология и политическая агитация, заметим, что привнесение идей нации на Балканы совпало с подъемом брожений против османской власти, которые начались на несколько десятилетий раньше и базировались как на религиозных началах, так и на исторической памяти.

До середины ХІХ в. Османская империя сохраняла архаическую структуру, в которой немусульманские народы получали право на жизнь и частичное самоуправление внутри своих общин-миллетов. Церковь, таким образом, взяла на себя функции и духовной, и светской власти. Такое устройство обусловило неотделимость церковных и политических вопросов в Турции, что продолжалось вплоть до Первой мировой войны¹⁰. В этих условиях единственной законной формой борьбы за права и автономию могла быть только борьба церковная.

Главным толчком к борьбе за церковную независимость послужили реформы в Османской империи, Танзимат. По своей сути реформы были направлены на превращение Турции в секулярное государство по западноевропейскому образцу; церковная борьба, за которой стояли национальные и политические цели, служила лишь прикрытием. Вдохновительница преобразований, британская дипломатия, рассчитывала поколебать неуклюжую машину османской администрации и вместе с тем ослабить власть право-

славной Церкви, которая не только пользовалась большой степенью внутренней автономии, но и являлась проводником русского влияния на османские дела. Наиболее эффективной оказалась церковная реформа конца 1850-х гг., на втором этапе Танзимата, которая привела к принятию нового церковного устава (1860 г.). Теперь Церковь управлялась не только синодом из архиереев, но и смешанным советом из мирян и духовенства, который стал рупором греческих национальных идей. Следует отметить, что конечной цели преобразований — лишения церкви ее имущества и превращения в государственный институт — в Османской империи достичь так и не удалось. До Первой мировой войны Константинопольский патриархат, а также тесно связанные с ним патриархаты Иерусалимский и Александрийский, управлялись небольшим кругом митрополитов во главе с патриархом и стоящей за ними греческой финансово-торговой верхушкой, неофанариотами¹¹.

БОЛГАРСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС

Ситуация общей нестабильности в Османской империи как нельзя лучше благоприятствовала подъему национально-освободительных движений. В 1840-е гг. набирает силу болгарская церковно-национальная борьба. За церковными лозунгами, особенно после Крымской войны, скрывалось стремление добиться политической автономии и впоследствии образовать независимое секулярное государство по примеру других стран, в котором Церковь будет играть второстепенную роль. Поначалу болгары требовали исполнения двух условий: назначения архиереев из числа своих соплеменников и богослужения на славянском языке. Упорное сопротивление патриархии этому только подливало масла в огонь. Страсти достигли высшего накала в конце 1850-х гг., во время заседаний в Константинополе церковно-народного собрания из представителей разных областей империи. На Пасху 1860 г. в болгарской церкви Св. Стефана в столице впервые не был помянут Константинопольский патриарх, что ознаменовало собой официальное отделение болгарских епархий от патриархии. Попытки использовать унию с Римом (Кукушская уния) как средство политической борьбы лишней раз доказывают светский характер конфликта, в котором Церковь играла роль

инструмента, а нормы канонического права свободно нарушались в угоду политическим целям. Попытки примирения, предпринимавшиеся при посредстве русской дипломатии в 1860-х гг., не привели, да и не могли привести к положительному результату. В 1870 г. был получен султанский фирман на образование автокефальной Болгарской церкви¹². Это действие, незаконное с точки зрения канонического права, получило осуждение на соборе восточных первоиерархов 1872 г., провозгласивших болгарскую схизму.

История болгарского церковно-национального движения является наглядным примером мирной революции внутри Османской империи, направленной в первую очередь против греческой церковной власти и только во вторую — против иноверного государства. В конечном итоге османская власть становится союзником болгар против греческой иерархии. Встает вопрос: почему болгары не умили свои требования после того, как в 1860-е гг. Константинополь согласился на образование автономной национальной Церкви, управляемой болгарскими епископами? Здесь сыграли роль сразу несколько факторов: во-первых, сказалась накопившаяся веками ненависть болгар к грекам и ответные чувства последних; во-вторых, принятие условий примирения означало бы шаг назад в национально-политической борьбе. Было очевидно, что Константинопольская патриархия продолжит свое сотрудничество с Портой, а даже если бы произошел развал Османской империи и осуществилась греческая Великая идея, то перспектива оказаться на территории возрожденного большого Греческого царства вряд ли могла порадовать болгарских национальных вождей. Большую роль здесь сыграла моральная и политическая поддержка русской дипломатии. Ведь именно посол граф Н.П. Игнатьев, увидев бесполезность дальнейших переговоров о примирении, способствовал изданию фирмана 1870 г.¹³ Еще одна причина отличия «революционного» болгарского опыта церковной борьбы от сербского мирного заключалась, по всей видимости, в географическом и демографическом факторах. Болгары и греки жили тесно на одной территории, иногда в одних и тех же городах. Особенно остро встал вопрос о разграничении в конце XIX в., когда зачастую шла борьба за ключи от единственной церкви в селе. Результатом стала почти непрерывная (в течение около 20 лет) партизанская война между греческими и болгарскими

отрядами в Македонии, в которой церковный аспект уже был окончательно вытеснен политическим¹⁴.

Медленнее, но не менее драматично развивались события в арабских областях Ближнего Востока. Паства Антиохийского и Иерусалимского патриархатов управлялась патриархами и митрополитами-греками, которые мало заботились об образовании и материальной поддержке населения¹⁵. Начиная с XVII в. большая часть православных арабов перешла в унию; процесс продолжился в XVIII и XIX вв. Оставшаяся часть православных, лишенная политического покровительства, которым пользовались униаты со стороны французских консульств, и в то же время управляемая греческими епископами, искала пути улучшения своего положения. В отличие от балканских славян, православные арабы к середине XIX в. еще не имели сформированного национального самосознания; большинство сельских жителей, да и духовенства были безграмотными. Немногочисленные школы при монастырях и в городах не могли обеспечить нужды образования. Отсутствие исторической памяти о собственном государстве в Средние века также не могло способствовать развитию национальной идеологии. Архимандрит Порфирий Успенский, впервые посетивший Сирию в конце 1843 г., нашел православное население в полном упадке и в последующие годы предпринял усилия для поддержки арабского образования и просвещения. Идеи Порфирия легли в основу «культурной дипломатии», проводившейся русским правительством и духовными представителями в течение второй половины XIX в.¹⁶ С 1850-х гг. начинается движение арабов за национальную Церковь; формируется арабский протонационализм, что нашло сильную поддержку со стороны русской дипломатии и Русской духовной миссии в Иерусалиме. Национальному подъему способствовала жесткость и дипломатические ошибки Ватикана: во второй половине 1850-х гг. Папский престол потребовал перехода сирийских мелькитов на григорианский календарь; были попытки введения латинского обряда. Это вызвало сопротивление, и часть мелькитов заявила о своей готовности перейти в православие. Инициатива была немедленно подхвачена русской дипломатией: в 1860 г. перешедшим («возвратившимся» в русской терминологии) мелькитам была предоставлена дипломатическая и финансовая поддержка¹⁷. Постепенно епископские кафе-

дры Сирии замещались арабами; тем не менее господство греков в управлении Антиохийским патриархатом сохранялось до конца XIX столетия. Напряженность ситуации усугублялась столкновением интересов великих держав: Россия опиралась на православное арабское население, в то время как Франция, уже давно имевшая виды на Сирию и Ливан как свою будущую колонию, действовала при посредстве униатов (мелькитов и маронитов). Лишь в 1899 г., при сильной поддержке со стороны русской дипломатии, на Антиохийский патриарший престол был избран араб Мелетий Думани. Он так и не добился признания со стороны других восточных патриархов-греков и скончался в 1906 г. Его преемник, Григорий IV, также долгое время не был признан своими собратями-патриархами. Лишь щедрая финансовая помощь и дипломатическая поддержка со стороны России позволили ему удержаться на престоле, противостоять дальнейшему обращению арабов Сирии в унию и развивать просвещение своего народа¹⁸. Арабизация Антиохийского патриархата продолжила путь к созданию независимых арабских государств Ближнего Востока, что произошло уже после Первой мировой войны.

Подводя итоги, отметим следующее. Процесс образования независимых государств в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке в XIX — первой половине XX в. был обусловлен различными факторами. Во-первых, традиционная универсалистская модель единого православного мира, которая нашла выражение в российской имперской политике и греческой Великой идее, требовала передела османских владений в соответствии с устремлениями заинтересованных сторон. Русский вариант предусматривал создание балканской (или только славянской) конфедерации православных государств под русской эгидой. Греческий вариант имел две перспективы: либо сохранение османских владений с постепенным замещением ключевых позиций в государстве православными греками, либо постепенное объединение греческих земель в одно независимое государство. Методы революции или войны не исключались, хотя предпочтение отдавалось постепенным реформам. Церковный фактор во всех рассмотренных случаях являлся идеологической основой и оправданием осуществления геополитических целей. Во-вторых, противоположное движение, направленное на со-

здание независимых государств (славянских, греческого, арабских) и раздробление Османской империи, основывалось на исторической памяти каждого народа о своем суверенном царстве в Средние века и в еще большей степени на идее нации периода романтизма. Данные тенденции нашли сильную поддержку со стороны западных держав, заинтересованных в распространении своего экономического и политического влияния на Ближнем Востоке. Россия содействовала этим движениям только в тех случаях, когда они могли обещать политические выгоды в будущем (в случае с балканскими славянами). Напротив, если моральный перевес был очевидно не на русской стороне (например, в Греции, а позднее в Сирии или в Румынии после Крымской войны), то русское правительство находило целесообразным сохранять status quo и старалось всемерно поддерживать православную церковь и православное население страны (в случае с греческими церковными имениями в Соединенных княжествах в начале 1860-х гг. или с православным арабским населением Сирии и Палестины). В сложнейшей ситуации борьбы держав за преобладание подобная гибкая политика могла привести к искомому результату, как случилось в Антиохийском патриархате; меньший успех она имела на Балканах, где болгарская схизма была снята только в 1945 г.

¹ Понятие «Византийского содружества государств» появилось с изданием классического труда Д. Оболенского: *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971.* Рус. пер.: *Оболенский Д. Византийское содружество наций.* М., 1998. Об особенностях византийских миссий и их политическом значении см.: *Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина?* М., 2003. Вопрос о первенстве Константинополя и поместных православных церквей в византийский период был темой многочисленных трудов Ф. Дворника: *Dvornik F. National Churches and the Church Universal // Eastern Churches Quarterly. 1945. Vol. 5; Id. Byzantium and the Roman Primacy. New York, 1979; Id. Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Washington, 1966; Byzantine Missions among the Slavs. Rutgers, 1970.* О теории Пентархии, т.е. пяти престолов апостольского происхождения, см.: *Gahbauer F.R. Die Pentarchie theorie. Ein Modell der Kirchenleitung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Frankfurt-am-Main, 1993.*

² *Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке.* СПб., 1904; *Runciman S. The Great Church in Captivity. London, 1968.* Рус. пер.: *Рансиман С. Великая церковь в пленении. История греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г.* СПб., 2006.

³ *Kitromilides P. Enlightenment and Revolution. The Making of Modern Greece. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013; European Revolutions and the Ottoman*

Balkans, Nationalism, Violence and Empire in the Long Nineteenth Century / Ed. D. Stamatopoulos. London, 2019; Πόλεμος και επανάσταση στα Οθωμανικά Βαλκάνια (18ος – 20ός αι.) / Επ. Δ. Σταμματόπουλος. Θεσσαλονίκη, 2019.

- ⁴ Об отношении русского правительства и разных кругов русского общества к греческой войне за независимость см.: *Иовва И.Ф.* Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963; *Его же.* Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974; *Ариу Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970; *Его же.* Россия и борьба Греции за освобождение. От Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013; *Шнапо О.Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965; *Jelavich B.* Tsarist Russia and Greek Independence // Greek Connections. Essays in Culture and Diplomacy / Ed. J. Koumoulides. South Bend, IN, 1987. P. 75–101; *Prousis T.G.* Russian Society and the Greek Revolution. Northern Illinois University Press, 1994; *Dialla A.* Intervention in the Greek War of Independence, 1821–32 // Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century. Manchester University Press, 2017. P. 105–133.
О комиссиях по помощи греческим беженцам см.: *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII — первой трети XIX в. Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 33–59; *Его же.* Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821–1831 гг. // Балканские исследования. 1982. Т. 8. С. 135–152; *Prousis T.G.* Russian Philorthodox Relief during the Greek War of Independence // Modern Greek Studies Yearbook. 1985. Vol. 17. P. 31–62.
- ⁵ *Frazer Ch.A.* The Orthodox Church and Independent Greece, 1821–1852. Cambridge, 1969; *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010. С. 100–146, 223–370; *Frary L.J.* Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. Oxford, 2015. P. 93–166.
- ⁶ *Pippidi A.* Des Lumières à la Contre-Révolution: Alexandre Stourdza // Revue des études sud-est Européens, 1–4. 2001. P. 89–96; *Prousis Th.G.* Alexandr Stourdza: a Russian Conservative response to the Greek Revolution // East European Quarterly. 1992. N 3. P. 309–344; *Ghervas S.* Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte Alliance. Paris: Honoré Champion, 2008; *Дестунис Г.С.* О жизни и трудах Константина Экономоса // Странник. 1860. Т. 3. С. 1–23; *Frary L.J.* Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. P. 138–147.
- ⁷ См. издания дневников и донесений архимандрита Антонина с 1850 по 1860 гг.: *Архимандрит Антонин (Капустин).* Дневник. Год 1850 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2013; *Его же.* Дневник. 1851–1855 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2015; *Его же.* Дневник. 1856–1860 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2017. *Его же.* Донесения из Афин. 1851–1860 / Подг. текста, вступ. ст., комм. Л.А. Герд. М.: Индрик, 2018.
- ⁸ *Свијенчевић Ђ.* История Српске православне цркве. Т. 2. Београд, 1992.
- ⁹ *Kitromilides P.* “Imagined Communities” and the Origins of the National Question in the Balkans. Brookfield, Variorum, 1994. См. также: *Гелнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001; *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004. Мирослав Хрох выделяет три фазы формирования нации: протонационализм, распространение национальных идей агитаторами и просветителями и формирование национальных государств. См.: *Hroch M.* Das Europa der Nationen: Die moderne Nationbildung im europäischen Vergleich. Vandenhoeck und Ruprecht GmbH & Co KG, 2005. Разделяя в целом идеи Э. Гелнера, Э. Смита и Б. Андресона, Хрох, однако, убедительно показал, что в Юго-Восточной Европе

национализм не связан с капиталистической стадией и получил наивысшее развитие в аграрном обществе.

- ¹⁰ *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904; Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society / Ed. B. Braude, B. Lewis. 2 vols. London, 1982.
- ¹¹ *Çolak H.* The Orthodox Church in the Early Modern Middle East: Relations between the Ottoman Central Administration and the Patriarchates of Antioch, Jerusalem and Alexandria. Ankara, 2015; *Σταματόπουλος Α.* Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προς μία ανασυνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003. Об Александрийском патриархате в XIX в. см.: *Петрунина О.Е., Герд Л.А., Вах К.А.* Александрийский патриархат и Россия в XIX веке. Исследования и документы. М.: Индрик, 2020. Об Иерусалимском патриархате: *Milliaras K.* The Holy Places of Palestine and the Rights and Privileges of the Greek Nation. Jerusalem, 1933; *Papadopoulos Ch.* The History of the Church of Jerusalem. Alexandria, 1910; *Papastathis C.* The Jerusalem Orthodox Patriarchate on the Holy Places Question from the Crimean War to the British Mandate // *Römische historische Mitteilungen*. 2019. Bd. 61. S. 177–192; *Id.* Secularizing the Sacred: the Orthodox Church of Jerusalem as a Representative of Greek Nationalism in the Holy Land // *Modern Greek Studies Yearbook* 2014/15. 2016. P. 37–54.
- ¹² Из обширной литературы, посвященной борьбе болгарского народа за церковно-национальную независимость, укажем только: *Бонева В.* Българското църковно-национално движение. Велико Търново, 2010; *Маркова З.* Българската Екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Лигуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978; *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010.
- ¹³ Подробнее см.: *Кирил, патриарх Български.* Граф Н.П. Игнатиев и Българският църковен въпрос. София, 1958.
- ¹⁴ *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia 1897–1913. Thessalonike, 1993.
- ¹⁵ *Панченко К.А.* Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012.
- ¹⁶ См. литературу о Порфирии и обзор его архивных бумаг: *Gerd L., Potin Y.* Foreign Affairs through Private Papers: Bishop Porfirii Uspenskii and His Jerusalem Archives // *Open Jerusalem*. Vol. 1. Ordinary Jerusalem. 1840–1940. Opening New Archives, Revisiting a Global City / Ed. by Angelos Dalachanis and Vincent Lemire. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 100–117.
- ¹⁷ *Gerd L.A.* Russia and the Melkites of Syria: Attempts at Reconverting into Orthodoxy in the 1850-s and 1860-s // *Scrinium*. 2021. P. 134–157; *Герд Л.А.* Русская церковная политика в Сирии в XIX в.: основные тенденции и динамика развития // ЭНОЖ-история. Когнитивные науки и историческое познание. Религиозный фактор в международных отношениях. 2021. Т. 12. Вып. 8 (106).
- ¹⁸ *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; *Якушев М.Я.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2014; *Петрунина О.Е.* Первые шаги национальной Церкви: патриаршие выборы в Антиохийской православной церкви в 1906 г. (по донесениям российских консулов) // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2020. № 3. С. 94–110.

ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1821 Г. И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ГРЕКОВ В ОСМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ В НАЧАЛЕ XX В.

Греческая революция 1821 г. явилась событием, которое имело непреходящее значение для всего последующего национально-освободительного движения греков, проживавших на территориях Османской империи. Она была примером того, что только героической борьбой против тирании можно обрести свободу. Формирование Греции в пределах современных государственных границ заняло более 100 лет. При этом путь к государственности включал в себя, с одной стороны, национально-освободительную борьбу греков, в том числе и войну против Османской империи, а с другой стороны, активную вовлеченность в этот процесс великих держав, заинтересованных в дележе османского наследства. Результатом революции 1821 г. было образование в 1830 г. греческого государства. Ограничив Лондонским договором в размерах молодое государство, великие европейские державы, по сути, заложили основы для будущей национальной борьбы греков, оставшихся за его пределами. Присоединение в 1864 г. к Греции Ионических островов, принадлежавших Англии, вызвало новый всплеск ирредентизма в землях, населенных греками, который достиг своего апогея в последней трети XIX в. Воссоединения с Грецией требовали греки, проживавшие в Фессалии, Эпире, на Крите, в Македонии, которые активно участвовали в борьбе против османов в 1821 г., однако по воле держав остались за пределами молодого греческого государства. Результатом этой борьбы было присоединение к Греции в 1881 г. Фессалии. Это событие вдохновило греков, которые продолжили борьбу

бу, стремясь проводить более независимую от европейских держав политику.

Наибольшего размаха национально-освободительное движение греков достигло в начале XX в., главным образом в Македонии и на Крите. Греческие историки считают, что борьба за Македонию имела для греческой истории XX в. такое же значение, как революция 1821 г. для XIX в. Британский историк Д. Дакин выделял три главные национально-освободительные войны греков: первая — революция 1821 г., вторая — борьба за Крит, третья — за Македонию¹.

К началу XX в. на Балканах остро стояли две проблемы: борьба молодых балканских стран, стремившихся присоединить османские территории, населенные соплеменниками, и сопротивление их борьбе великих держав, преследовавших свои интересы и выступавших за сохранение status quo в османских землях. Особый размах приобрели драматические события в Македонии, связанные с устремлениями христиан этого региона воссоединиться со своими соплеменниками, проживавшими в балканских государствах. Пестрый этнический состав населения — греки, турки, албанцы, вlahи, евреи, славяне — не имел окончательно сформированного национального самосознания, главной для этих народов была конфессиональная самоидентификация. В свою очередь, большую роль в этих событиях играли национальные интересы балканских стран с незавершенным государственным строительством, каждая из которых рассматривала значительную часть Македонии как свою исконную территорию ввиду того, что на ней проживало то же по этнической принадлежности население, что и в метрополиях. Болгарский историк С. Грончаров писал: «Христианские государства, образованные в разное время и в разных условиях, имеющие разный государственный статус, обладают одной и той же характерной чертой своего национального освобождения: оно не завершено. Естественной задачей для балканских народов становится полное национальное освобождение»². Эти обстоятельства препятствовали сближению Греции с балканскими странами, отношения между ними лишь обострялись. Обострение этнических противоречий в Македонии играло на руку Османской империи, позволяя сохранять господство в этом стратегически важном регионе ее европейских владений. Более того, турецкие власти разжигали вражду между христианскими народами региона.

Возникшее в результате нараставшей нестабильности в Македонии греческое движение отражало стремление греков, проживавших на этой территории, к воссоединению с Грецией, а также желание греческих правительственных и частных кругов защитить соплеменников и расширить границы своего государства. Для решения своих национальных задач Греции пришлось противостоять не только Турции, но и балканским странам, у которых стояли такие же национальные задачи, связанные с незавершенностью национального строительства. Балканские народы стремились достичь национального освобождения, создав «Великую Грецию», «Великую Болгарию», «Великую Сербию».

Нарастание освободительного движения в Македонии и на Крите для Греции совпало с периодом, когда после сокрушительного поражения в войне с Турцией в 1897 г. страна находилась в глубоком социально-экономическом и политическом кризисе, со слабой армией и флотом. Поэтому открыто защищать интересы греков, живущих за пределами страны, она не могла. Именно этими обстоятельствами объяснялась тайная помощь и поддержка восставших.

Одним из инициаторов греческой борьбы в пределах Монастирского вилайета в Македонии был греческий митрополит Касторьи Германос Каравангелис. Как в свое время Патрский митрополит Германос призвал греков к борьбе против турок, так и Каравангелис начал формировать вооруженные отряды. Касторийский митрополит, готовясь к военным действиям, послал письмо премьер-министру Греции Александросу Заимису с просьбой прислать денег, оружие и людей из свободной Греции³. Он считал, что пришла пора действовать. Однако правительство А. Заимиса медлило с ответом. И тогда проявила себя частная инициатива. В Греции продолжала существовать тайная организация «Этники Этерия». В ее рядах находилось много офицеров, морально переживавших поражение 1897 г. Среди них были Павлос Мелас, Константинос Мазаракис и другие, прибывшие в Македонию во главе вооруженных отрядов. Члены этой организации посылали через вице-консула в Монастире Иона Драгумиса деньги своим соплеменникам в Македонии, а в 1903 г. отправили Каравангелису партизанский отряд из критян⁴.

Еще в 1893 г. в Салониках возникла Внутренняя Македоно-Одринская революционная организация (ВМОРО), лозунгом которой

был «Македония для македонцев». В 1895 г. в Софии был образован Верховный македонский комитет, целью которого стало присоединение Македонии к Болгарии. В 1902 г. подобный комитет создан в Сербии. После организованного болгарами в 1903 г. Илинденского восстания греки активизировали свою деятельность. По словам русского посла в Константинополе, 5 сентября 1904 г. «греки намерены перейти к активному образу действий»⁵. В 1904 г. в Афинах был основан Македонский комитет для организации вооруженной борьбы в этой области. Комитет появился по инициативе издателя газеты «Эмброс» Димитриса Калапотакиса. В него входили политики, журналисты, например, Иоаннис Раллис — сын премьер-министра, Аристидис Карталис, Леонидас Аргиропулос и др. Л. Аргиропулос вооружал отряды и переправлял их через границу в Каламбаке⁶. Греческие вооруженные отряды проникли в Монастирский вилайет, который был сферой деятельности Македонского комитета в Афинах. Эта борьба велась как против турецкой администрации, так и против других балканских народов. Первым прибыл в Македонию вооруженный отряд под командованием П. Меласа, который погиб в схватке с турками в Западной Македонии 13 октября 1904 г. 18 октября 1904 г. в Афины пришло сообщение о его смерти. В кафедральном соборе при огромном стечении народа по нему была отслужена панихида (см. фото № 1). Фотограф запечатлел момент окончания панихиды, на которой присутствовали люди, пришедшие в собор по доброй воле. Для них Павлос Мелас стал настоящим национальным героем. Эта фотография — яркое свидетельство того, что греки считали борьбу за освобождение своих соплеменников в Македонии справедливой. О героической смерти П. Меласа оставили воспоминания многие участники этой борьбы⁷.

В отличие от правительства А. Заимиса, кабинет Георгиоса Теотокиса решил активизировать деятельность в Македонии. С этой целью были назначены новые греческие консулы: в Салоники — Ламброс Коромилас, в Монастирское консульство — Димитриос Каллергис⁸. Одновременно с назначением новых консулов в Македонию отправлялись греческие военные в качестве учителей, представителей страховых компаний, торговцев и т.п. Л. Коромилас поставил перед собой цель создать тайную организацию для работы в городах в отличие от вооруженных отрядов, которые действовали в сельской

Фото № 1

местности. В создании организации ему помог офицер греческой армии Афанасиос Сулиотис, который в 1906 г. приехал в Салоники под именем Николаидис как представитель немецкого завода швейных машин «Нортхан». А. Сулиотис завербовал себе в помощь шесть человек, которые, в свою очередь, завербовали по 10 человек каждый⁹. «Салоникская организация» представляла собой тайное общество, построенное по принципу «Филики Этерии» периода революции 1821 г. Члены «Салоникской организации», как и участники революции 1821 г., давали клятву верности делу освобождения греков. Они клялись своей честью, жизнью и в свидетели призывали Бога¹⁰. В «Салоникской организации» была жесткая дисциплина; исполнительный орган наказывал тех, кто не выполнял его приказы. В сферу деятельности организации входили и экономические меры. Так, она помогала грекам скупать имущество славян, устраивая последним постоянно экономический бойкот¹¹. Чтобы избежать политического скандала, «Салоникская организация» функционировала независимо от греческого консульства, хотя все ее действия были согласованы с ним. Результатом деятельности «Салоникской организации» стало установление контроля над жизнью в македонской столице. Как писал Д. Дакин: «Салоники приобрели вид греческого города; конечно, греков было меньше, чем евреев и турок, но зато удалось сократить число славян и воспрепятствовать появлению в городе враждебных групп»¹². Подобные организации создавались и в других городах, оказывая поддержку действиям отрядов в сельской местности. Вооруженные отряды греков, сербов и болгар, соперничая между собой, одновременно сражались и с турками, стремившимися установить порядок в Македонии. Причем эти отряды ограничивали районы своих операций теми округами, где они могли рассчитывать на сочувствие части местного населения¹³. Греческие отряды действовали во Флоринской и Касторийской казах, а также в казах Салоникского вилайета. В Военном музее Афин хранится фотография, на которой изображен отряд борцов в Македонии 1904 г. (см. фото № 2). Это постановочная фотография, на которой присутствуют вооруженные люди, сидящие в характерных позах с ружьями в руках, с войлочными накидками на левом плече. Суровые, мужественные лица выражают готовность к решительной борьбе. Для грека человек с ружьем — символ защитника от турок.

Фото № 2

Интересно, что под фотографией указаны имена бойцов и места их проживания. Это очень ценная информация, которая указывает на то, что в отряде были бойцы не только из населенных пунктов Македонии, но и из других регионов Греции: Фессалии, Пелопоннеса, Афин, а также из Малой Азии. Так автор фотографии стремился показать, что борьба в Македонии — это дело всей Греции.

Внутреннее положение в Македонии так осложнилось, что возникла угроза для России оказаться втянутой в новую войну с Турцией. Но она не была готова к такой войне из-за осложнений в русско-японских отношениях. Поэтому министр иностранных дел России граф Ламздорф посетил Сербию и Болгарию с целью уговорить их правительства прекратить агитацию в Македонии, обещая заставить Турцию начать преобразования в трех вилайетах этой области¹⁴. Европейские державы также решительно осуждали деятельность греческих вооруженных отрядов в Македонии, которая препятствовала проведению реформ в регионе. В середине декабря 1904 г. граф Ламздорф предписал поверенному в делах в Афинах сделать пред-

ставление греческому правительству по поводу греческих отрядов в Македонии. Министр иностранных дел Греции Александрос Скузес обещал принять зависящие от него меры с тем, чтобы пресечь деятельность греческих отрядов¹⁵. Особенно жесткую позицию заняла Англия, которая ясно дала понять, что если Греция не прекратит вмешательства в македонские дела, то она лишится поддержки держав в критском вопросе, который существовал параллельно с македонским. Англия использовала критскую проблему как инструмент давления на Грецию. Однако тот факт, что в греческих отрядах служили критяне и греки Македонии, снимал в какой-то степени обвинения в адрес Греции в силу того, что они являлись турецкими подданными.

Конфликт в Македонии был связан и с планами великих держав, для которых этот регион имел важное стратегическое значение. Стремясь положить конец вооруженной борьбе в Македонии, исходя из политики поддержания status quo на Балканах, заинтересованные державы, несмотря на противоречия между ними, выдвинули проект реформ в Македонии на основе сохранения верховной власти Османской империи (по принципу «великого больного надо лечить»). Так ими был выработан сначала Венский, а затем Мюрцштегский проекты реформ. После Илинденского восстания 20 июля 1903 г. в Македонии Турция согласилась в октябре 1903 г. на проведение Мюрцштегской программы реформ. Третья статья этой программы, предусматривавшая возможные изменения географических разграничений административных единиц в Македонии «в видах более правильной группировки отдельных народностей»¹⁶, дала, можно сказать, толчок к развертыванию пропаганды греков, болгар, сербов и румын — основных заинтересованных сторон в Македонии, которые стремились показать, что их соплеменники составляют большинство во многих санджаках. Мюрцштегский проект предусматривал проведение преобразований в жандармерии, в административных и судебных учреждениях, в финансовой сфере. И конечно, преобразования должны были обеспечить допуск христианского населения к административным должностям. Данный проект реформ закреплял вмешательство великих держав во внутренние дела Османской империи и укреплял их позиции в этом регионе¹⁷. Во время принятия программы реформ турецкая жандармерия переживала

глубочайший кризис; процветали коррупция и профессиональная непригодность турецких жандармов. Реорганизация жандармерии рассматривалась державами как «одна из наиболее существенных мер к умиротворению края»¹⁸. Она возлагалась на генерала иностранной национальности на службе османского правительства, в помощь которому должны были быть приглашены офицеры и унтер-офицеры держав¹⁹. При генеральном инспекторе трех вилайетов предусматривалось присутствие двух гражданских представителей для установления контроля над деятельностью местных турецких властей²⁰. Великие державы стремились реорганизовать турецкую жандармерию в македонских вилайетах по европейскому образцу. Опыт у них уже был: на Крите жандармерия была устроена по образцу итальянских карабинеров²¹. При этом вся турецкая жандармерия в Македонии подчинялась иностранцам, и вся ее деятельность ими контролировалась. Порта не сразу приняла проект реформ, но даже когда это произошло, она всячески препятствовала их проведению, так как они закрепляли вмешательство великих держав во внутренние дела Османской империи²². Порядком реорганизации жандармерии в Македонии была недовольна и Греция. Согласно решениям держав, реформа не проводилась в округах, населенных преимущественно греками²³. В Греции сочли, что предпринятые державами меры имели явно антигреческую направленность. Поэтому правительство Греции выразило протест против исключения округов, населенных греками и находившихся в южной части Македонии (Катерини, Верия, Лангада, Касандра, Салоникского вилайета и Сервия, Корича — Монастирского), и выразило надежду на то, что эти округа будут вовлечены в процесс реформ. Министр иностранных дел России Ламздорф заявил, что реформа, проведенная пока в пяти округах, будет перенесена и на другие²⁴.

Особое внимание великие державы уделяли и финансовой реформе, преследуя далеко идущие цели — поставить экономику Македонии под свой контроль. Порта с самого начала противилась финансовой реформе, мотивируя это необходимостью содержать в регионе усиленный контингент войск. В связи с этим никакой бюджет не мог быть на практике соблюден, а его дефицит покрывался бы суммами, выделяемыми из Константинополя²⁵. Европейские державы были заинтересованы в создании международного финан-

сового контроля. С этой целью державы направляли своих агентов, которые должны были наблюдать за работой финансовой администрации²⁶. Однако Порты не согласилась удовлетворить требования держав, считая контроль «несовместимым с независимостью и верховными правами турецкого правительства»²⁷. В ответ державы прибегли к более решительным мерам. Соединенная эскадра европейских держав, за исключением Германии, направилась из Пирея в сторону Митилены и 12 ноября 1905 г. была уже там. Этими действиями державы заставили Порту согласиться с учреждением финансовой комиссии, удовлетворив, в свою очередь, старое требование Османской империи о повышении ввозных пошлин. 3 декабря 1905 г. морская демонстрация закончилась. Положение дел в этой горячей точке европейских владений Турции играло на руку Османской империи, которая пыталась показать европейским державам, что проектируемые ими реформы, направленные на умиротворение края, никаких результатов не дали. Этнический конфликт в Македонии, сопровождавшийся враждой христианских государств Балканского полуострова, а также стремлением европейских государств сохранить status quo, означал для Османской империи продолжение ее господства в этом стратегически важном регионе. Греция же во время проведения реформ в Македонии, с одной стороны, официально поддерживала их в силу того, что сохранялся status quo в Македонии и не усиливались позиции других балканских стран, в частности болгарские. С другой стороны, Греция неофициально поддерживала вооруженные отряды, отправлявшиеся в Македонию. Однако предпринятые реформы не смогли облегчить полностью положение христианского населения в данной области, они только отодвинули решение этого вопроса на определенное время. И конечно, тот факт, что в Македонии отсутствовало национальное единство, привел к доминированию центробежных сил. О сохранении целостности этой территории и образовании независимого государства не могло быть и речи. Было ясно, что Македония будет разделена между главными претендентами на нее. В борьбе за Македонию ни одно из балканских государств не добилось своей цели, но пропагандистская работа, которая велась там, способствовала формированию у населения национального самосознания. В то же время борьба за Македонию показала, что освободить своих сопле-

менников от османского господства можно только совместными усилиями всех балканских народов, что и привело к Балканским войнам.

Другой проблемой, которая доминировала в греческой внешней политике и определяла общественное мнение в стране, был критский вопрос. На протяжении всего XIX в., начиная с 1830 г., критяне выступали за воссоединение с греческим государством. Практически каждое десятилетие XIX в. на Крите вспыхивали восстания против османской администрации. Мощнейшим было восстание 1860-х гг. Восстание на Крите 1896 г. привело в 1897 г. к греко-турецкой войне, в которой Греция потерпела поражение, но ей удалось избежать пересмотра своих границ. Крит получил автономию под контролем европейских держав, чьи войска находились на острове до 1909 г. Правителем Крита был назначен принц Георг, который стремился добиться присоединения Крита к Греции. Его оппонентом на острове стал лидер критских либералов Элевтериос Венизелос, выступавший за автономию острова, рассматривая ее как первый шаг к воссоединению с Грецией. 11 марта 1905 г. против режима, который установили великие державы, на Крите вновь вспыхнуло восстание с требованием воссоединения с Грецией. Его возглавил Э. Венизелос. В Афинском музее Бенаки находится фотография (см. фото № 3), сделанная в Терисо — селении в горах, где началось восстание. На постановочной фотографии (как и на фото № 2) то же характерное расположение мужественных бойцов с ружьями в руках. Причем на фото видны бойцы всех возрастов: от молодых до пожилого человека (крайний слева). В центре группы один из бойцов держит знамя с крестом — символом борьбы против османского господства. Обе фотографии (№ 2 и № 3) отражают в представлении их авторов героизм того времени и были сделаны явно для потомков. Восстание в Терисо возглавил Э. Венизелос. Оно привело к смене губернатора острова, в 1906 г. новым губернатором Крита стал бывший греческий премьер-министр А. Заимис. Однако выступления критян за воссоединение с Грецией продолжились; в 1908 г. вспыхнуло четырнадцатое по счету с 1830 г. восстание. Критское Национальное собрание провозгласило объединение острова с Грецией и избрало Временное правительство из пяти человек, одним из которых был Э. Венизелос. На фотографии № 4 из музея Бенаки запечатлено заседание Временного правительства в Ханья. В его

состав вошли Минос Петихакис, Элефтериос Венизелос (второй слева), Антониос Михелидакис, Эммануил Логиадис и Хараламбос Пологиоргис. Центральной фигурой на фото является самый старший по возрасту, глава правительства А. Михелидакис. Э. Венизелос выделяется на фоне других спокойной, уверенной позой победителя. Все члены Комитета, убежденные в правоте своего дела, выражают готовность к работе. Весьма показательно заявление, которое сделал глава критского Временного правительства А. Михелидакис газете «Нью-Йорк Геральд»: «Эносис (присоединение) — это завещание наших предков; я получил его от моего умирающего отца и передам его моему сыну в мой последний час. Христианское дитя, рождаясь на Крите, всасывает завещание предков с молоком матери, а его первой игрушкой является оружие, на которое он в дальнейшем должен рассчитывать в своей жизни...»²⁸. Поддержка соплеменников в их борьбе против османских завоевателей и стремление греков воссоединить остров с Грецией вылились в острый политический кризис в Греции, завершившийся восстанием Военной лиги в 1909 г., в результате которого к власти в Греции пришел известный политик с Крита — Э. Венизелос. В 1910 г. критянин Э. Венизелос, возглавив греческое правительство, направил все усилия на то, чтобы осуществить воссоединение Крита с Грецией. В российских дипломатических донесениях комментировали этот факт следующим образом: «Каковы бы ни были окончательные результаты вмешательства критского общественного деятеля в политическую жизнь Греции, оно во всяком случае в корне разрушает то распространенное заблуждение европейского общественного мнения, которое вызвало отношение к Криту и критянам, как к наивным жертвам... Критяне вовсе не чувствуют себя чьею-либо жертвою. Соединение с Грецией они понимают именно как соединение равного с равным, а не как покровительственное присоединение»²⁹. Появление на политической арене Греции критянина Э. Венизелоса показало, что Крит не беднее Греции духовными силами. Что же касается физических сил, то и здесь у критян имелись преимущества: в то время как Греция опасается угрозы турецкого нашествия, критяне «основательно или нет, — турок не бояться»³⁰. И если они сдерживали себя в последнее время от резких вызовов по отношению к Порте, то не из-за страха увидеть у своих берегов турецкую эскадру,

Фото № 3

Фото № 4

а «помимо расчетов на благожелательность Держав, — из-за сознаваемой ими опасности, грозящей в таком случае именно Греции»³¹. Критянину Э. Венизелосу, возглавившему греческое правительство, удалось преодолеть разразившийся в Греции политический кризис. Это отметил и высоко оценил министр иностранных дел России А.П. Извольский³². Когда же европейские державы приняли Декларацию о недопущении критских народных представителей в Афинское Национальное собрание, российский консул на Крите сочувственно прокомментировал это: «Чувство глубокого разочарования, испытанное всем греческим народом после обнародования последней декларации по критскому вопросу, является вполне понятным»³³.

События, развернувшиеся в землях Османской империи в начале XX в., показали, что, если христианские народы не выступят совместно, их борьба не будет результативной. Курс младотурок с 1908 г. на османизацию всего населения империи подтолкнул балканские страны к союзу. В 1912 г. здравомыслящие правители Греции, Болгарии и Сербии решились на заключение Балканского союза и выступление единым фронтом против Османской империи. Не рассчитывая на поддержку европейских держав, эти государства начали войну с Турцией. В октябре 1912 г. началась первая Балканская война, и в том же месяце критские депутаты были торжественно приняты в греческий парламент. В феврале 1913 г. генерал-губернатор Крита Стефанос Драгумис поднял в бухте Суда греческий флаг как эмблему окончательного воссоединения Крита с Грецией.

В период Балканских войн в российскую императорскую миссию стали поступать телеграммы из различных областей, населенных греками, которые просили поддержки России в их устремлении присоединиться к Греции. Такая просьба поступила с о. Самос. На острове в сентябре 1912 г. свергли власть князя Самосского и сформировали Временное правительство под председательством греческого агитатора Фемистоклиса Софулиса. На фотографии № 5 из афинского военного музея запечатлен Ф. Софулис, работающий за столом в своем кабинете. Это также постановочная фотография, примечательной особенностью которой является висящее на стене кабинета ружье. Именно ружье указывает на свержение бывшей власти революционным путем. Греческое правительство считало такую ситуацию переходной ступенью к присоединению острова

к Греции. Европейские державы, гарантирующие особый статус острова, негласно соглашались с новым положением вещей. Российский посланник писал по этому поводу: «С нашей точки зрения, названный вопрос, очевидно, затруднительный и щекотливый. Нам остается либо вмешаться (что едва ли соответствует нашим видам), либо смотреть сквозь пальцы на происходящее, до восстановления, по окончании войны, новых законных порядков»³⁴. Вмешиваться Россия не стала, по сути, заняв позицию, сходную с позицией европейских держав. В феврале 1913 г. в российскую миссию доставили воззвание жителей о. Родос, в котором говорилось о решении Народного собрания острова добиться его присоединения к Греции³⁵.

Фото № 5

В апреле 1913 г. российский посланник Елим Павлович Демидов сообщал, что им было получено 12 телеграмм из разных местностей Эпира, в которых население просило его ходатайствовать перед императорским правительством «о признании за собой греческой национальности» и убедительно призывало поддержать присоединение этих районов к Греции³⁶. Не получив поддержки держав, греческое население Эпира начало активную борьбу против присоединения к Албании. Об этом сообщал российский консул в Янине³⁷. При этом российский дипломат с известной долей участия комментировал позицию греческой стороны: «Как ни тяжела для Греции необходимость отказаться от населения, связанного с нею религией, культурой и национальным самосознанием уже тысячи лет, правительство все же, согласно решениям держав, приказало своим войскам в установленный срок эвакуировать территории, передаваемые Албании»³⁸. Взамен Греция получила Эгейские острова, за исключением Имброса, Тенедоса и Кастелоризо. В декабре 1913 г. МИД Греции передал в российскую миссию меморандум относительно притеснений, которым подверглось греческое население западной Фракии со стороны болгарских властей. Этот документ был переправлен в Софию³⁹. В апреле 1914 г. в российскую миссию доставили телеграмму от фракийских греков с просьбой о заступничестве императорского правительства против турецкого засилья. Об этом просили собравшиеся на митинг 15 тыс. человек под председательством господина Керкиноглу⁴⁰. Поверенный в делах в Афинах Сергей Павлович Урусов с осуждением писал о турецкой пропаганде, нацеленной на очищение османских владений от христианского населения. Комментируя начавшийся обмен населением, предусмотренный Бухарестским миром, Урусов в своих сообщениях возмущенно писал о том, что христиане насильственно изгонялись из Фракии, мусульмане же добровольно покидали Македонию⁴¹. Греческий премьер-министр Э. Венизелос просил назначить арбитра от держав для наблюдения за обменом населения.

Обращение греков за помощью к России было не случайным: у них совпадали интересы — это борьба с Турцией. И хотя не всегда надежды греков оправдывались (Россия вынужденно действовала с оглядкой на европейские державы), российские дипломаты сочувствовали борьбе единомышленников. В период наиболее кризисных

моментов греческой истории они пытались помочь осуществлению национальных чаяний греков. Если же это было невозможно, то они стремились не допустить новых жертв со стороны Греции. Посланник в Афинах Демидов считал, что «сохранение добрососедских отношений является важным фактором балканской жизни», и это вполне отвечало интересам России⁴². Деятельность российской дипломатии получила высокую оценку греческого правительства. На Критском банкете по случаю воссоединения острова с Грецией премьер-министр Э. Венизелос произнес прочувственные слова в адрес России, которую он назвал «бескорыстной покровительницей Греции»⁴³.

Воссоединение Греции затянулось почти на столетие; благодаря упорной национально-освободительной борьбе греков, на которую большое влияние оказала революция 1821 г. и связанные с ней события, страна после Балканских войн 1912–1913 гг. объединила в своих границах большую часть соплеменников, проживавших в османских землях.

¹ См. *Dakin D.* The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and Los Angeles, 1973.

² *Грънчаров С.* Към въпроса за отношенията между България и балканските страни 1900–1903 // Великите сили и Балканските взаимоотношения в края на XIX и началото на XX в. София, 1982. С. 196.

³ О Македоникός Αγώνας. Απομνημονεύματα. ΙΜΧΑ. Θεσσαλονίκη. 1984. Σ. 177.

⁴ Στο ίδιο. Σ. 177.

⁵ Реформы в Македонии 1903–1905. МИД. Дипломатическая переписка. СПб, 1906. С. 128.

⁶ О Македоникός Αγώνας... Σ. 39–40.

⁷ Στο ίδιο. Σ. 39, 282, 378, 387.

⁸ Στο ίδιο. Σ. 178.

⁹ Στο ίδιο. Σ. 297.

¹⁰ Στο ίδιο. Σ. С. 315.

¹¹ Στο ίδιο. Σ. 327.

¹² *Dakin D.* The Unification of Greece. 1770–1923. London. 1970. P. 165.

¹³ Реформы в Македонии... С. 159.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 130.

¹⁶ Там же. С. 16.

- 17 Там же. С. 170.
- 18 Там же. С. 1.
- 19 Там же. С. 16.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 78.
- 22 Там же. С. 17.
- 23 Там же. С. 110.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 134.
- 26 Там же. С. 204.
- 27 Там же. С. 251.
- 28 Цит. по: *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 50.
- 29 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2324. Л. 177–178 (оборот).
- 30 АВПРИ. Там же. Л. 178 (оборот).
- 31 АВПРИ. Там же.
- 32 АВПРИ. Там же. Л. 190.
- 33 АВПРИ. Там же. Л. 199.
- 34 АВПРИ. Ф. Политархив 1913–1914. Оп. 482, Д. 2335. Л. 2.
- 35 АВПРИ. Там же. Л. 3, 8.
- 36 АВПРИ. Там же. Л. 10.
- 37 АВПРИ. Там же. Л. 27.
- 38 АВПРИ. Ф. Политархив. 1913–1914. Оп. 482. Д. 2347. Л. 8.
- 39 АВПРИ. Ф. Политархив. 1913–1914. Оп. 482. Д. 2335. Л. 13.
- 40 АВПРИ. Там же. Л. 30.
- 41 АВПРИ. Ф. Политархив. 1912–1914. Оп. 482. Д. 2337. Л. 18.
- 42 АВПРИ. Там же. Л. 6.
- 43 АВПРИ. Там же. Л. 7.

200 ЛЕТ СПУСТЯ: ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ПОТОМКОВ

200-летний юбилей греческой революции — дата особенная. В сегодняшней Греции к ней обращаются многие: историки и преподаватели, ведущие общественно-политические деятели, церковь и даже простые обыватели. Революция изучается, ее дела прославляются, пересматриваются, трактуются по-новому.

Для ведущих политических сил Греции события 200-летней давности — очередной повод призвать нацию к единению: консолидированность греков рассматривается в качестве единственного способа борьбы с внутривнутриполитическими сложностями (экономическим, миграционным кризисами), а также с внешнеполитическими угрозами. Левому лагерю при этом удастся усмотреть в революции 1821 г. даже иммиграционную тематику, в частности, имевшую место 200 лет назад открытость греков другим нациям. В данной связи проводится мысль об ущербности современного негативного отношения греков к мигрантам. Греческий научный мир выдвигает новые концепции, многие из которых следуют в фарватере новомодных общеевропейских чаяний. За ними не отстают и простые обыватели. В силу активно развивающихся в обществе феминистических тенденций на первый план революции и ее героев выходят женщины-гречанки, а молодежь все чаще трактует события прошлого сквозь призму нынешнего века и общеевропейского развития Греции.

Судить обо всем вышесказанном можно не только по новостям, блогам и выступлениям крупнейших политиков страны. Богатую информацию предоставляют масштабные социологические опросы, проводившиеся на территории Греции в последние десятилетия. Их результаты многогранны. С одной стороны, они демонстри-

руют уровень существующих знаний греков о революции, а также разницу восприятия в зависимости от дохода и уровня образования. С другой стороны, итоги данных исследований фиксируют актуальные тенденции и изменения в греческом обществе, приток новых идей и формулировок в отношении прошедших событий, поколенческую смену взглядов и приоритетов.

За основу для настоящего исследования было взято два социологических опроса. Первый проводился в марте 2007 г. греческой компанией publicissues.org по заказу газеты «Καθημερινή» («Катимерини»). В телефонном опросе на тему «Восприятие греками своей истории и революции 1821 года»¹ приняли участие 605 человек. Второе исследование состоялось по инициативе Центра либеральных исследований Маркоса Драгумиса (KEFIM) при поддержке американской благотворительной организации — Фонда Джона Темплтона. KEFIM планировал провести три масштабных опроса. Первый, «Видение греками революции 1821 года»², был осуществлен в декабре 2019 г. В телефонном опросе приняли участие 1200 человек. Результаты анкетирования были озвучены на онлайн-пресс-конференции 8 июля 2020 г. Два остальных исследования были разнесены по времени: это конец 2020 г. и 2021 г. Несмотря на то, что второе исследование должно было пройти в декабре 2020 г., его результаты до сих пор неизвестны.

Несмотря на десятилетнюю разницу, исследования publicissues.org и KEFIM в целом очень схожи. В каждом из опросов учитывался возраст респондентов: градация — от 16/17 до категории старше 65 лет. Принимались во внимание уровень образования, пол, политические пристрастия; религиозность респондентов учитывалась в 2007 г., в 2019 г. ее заменил показатель благосостояния.

Большинство вопросов можно подразделить на девять основных групп: это источник знаний о революции; характер революции; ее событийная часть; герои революции и отношение греков к разным частям общества, принимавшим участие в событиях 1820-х гг.; мифы революции; великие державы и международная помощь; греческие конституции. Возьмем для рассмотрения только часть из них.

Основным источником знаний по революции стала, что естественно, общеобразовательная греческая школа: она лидирует в обоих опросах (64% — 2007 г.³ и 89,3% — 2019 г.⁴). На втором месте — кни-

ги (60%⁵ и 70,6%⁶ соответственно). Третье место поделили семья (30% — опрос 2007 г.⁷) и документальные фильмы (65,1% — опрос 2019 г.⁸). Интересные данные предоставляют нам по последней графе возрастные характеристики респондентов. Для поколения конца 1960-х гг. характерна приверженность книгам, а вот для рожденных в 1980-е гг. основным источником сведений стала семья (опрос 2007 г.)⁹.

По-своему значимы и красноречивы показатели политических предпочтений опрошенных. В 2007 г. представители правоцентристских и правых сил выступили главным консервативным блоком, отметив школу в качестве основного источника знаний о событиях 200-летней давности (69 и 71% соответственно)¹⁰. Левые лидировали в категории внешкольных знаний (29%)¹¹. Эти цифры подтверждает и опрос 2019 г.: наиболее читающей аудиторией о революции стали коммунисты (44,2%), социалисты (36,2%) и социал-демократы (30,8%), наименьшее количество голосов у националистов — 20,8%¹². Представленные показатели хорошо коррелируют с последующим вопросом об уровне удовлетворенности греков преподаванием истории событий 1821 г. в школе (опрос 2019 г.). Большинство респондентов (53,2%) оказались недовольны¹³. Из числа критиков — то самое читающее поколение 1965–1974 гг., по политической принадлежности — коммунисты (71,8%)¹⁴.

Следующая группа вопросов связана с галереей славы. Четверка революционных лидеров практически неизменна. В обоих опросах преимущество остается за военными: Теодорос Колокотронис (81% в 2007 г. и 92,7% в 2019 г.), Георгиос Караискакис (31% в 2007 г. и 63,1% в 2019 г.), Атанасиос Дьякос (17% в 2007 г., 23,7% в 2019 г.), Григориос Папафлессас (16% в 2007 г. и 32,2% в 2019 г.)¹⁵. Успех военных в глазах современных греков неслучаен. Их подвиги изучают в школе, прославляют в художественных фильмах и на экранах телевизоров. Меньшая слава досталась теоретикам и вдохновителям революции, государственным деятелям, внесшим вклад в становление греческой государственности. В частности, участников тайного общества «Филики Этерия» Николаоса Скуфаса и Эммануила Ксанфоса вспомнило наименьшее количество респондентов (2,3% и 2,2% в 2019 г.). Большинство из них — люди с высоким доходом и высшим образованием. Интересный факт: фамилию Скуфаса ча-

ще всего называли молодые люди из поколения 1980–2000-х гг., наименьший процент — у старшего поколения (от 65 лет и выше)¹⁶. Данные факты вновь свидетельствуют об определенной ущербности школьного образования. Более широкий спектр знаний о революции и ее участниках приобретают люди, заинтересованные в собственном развитии и достаточно успешные с экономической точки зрения.

Серьезные изменения за прошедшие 12 лет претерпела следующая за лидерами пятерка участников революции. Если в исследовании 2007 г. пятое место бесспорно принадлежало патриарху Герману, то уже в 2019 г. личность патриарха сместилась на 13 строку по популярности. При этом в опросе 2019 г. появились новые персонажи, а именно женщины-герои: Ласкарина Бабулина (32,4% голосов — 3 место) и Манто Маврогенус (12,6% — 10 место)¹⁷. Наибольшее число голосов они собрали среди женщин, наименьшее среди греков-мужчин. Интересна и политическая принадлежность респондентов, проголосовавших за Ласкарину Бабулину и Манто Маврогенус. Их помнят прежде всего сторонники леворадикальной партии СИРИЗА, в меньшей степени — представители правых и правоцентристских сил¹⁸. О чем свидетельствуют эти данные? Как мы видели выше, левый электорат более начитан, а следовательно, знаком с актуальными концепциями и течениями в науке. Прежде всего, с лидирующей ныне гендерной и феминистической проблематикой. Как и во всей Европе, в научной среде Греции, в ее общественной жизни поощряется возрастающий интерес исследователей к женскому вопросу, пересмотру роли женщины в истории. Отсюда и появление новых героев революции — женщин. Не стоит забывать и тот факт, что левый лагерь Греции, прежде всего СИРИЗА, неизменно толерантен ко всем революционным течениям современного общества, в том числе феминистским. И если в 2007 г. женские имена даже не упоминались в опросах общественного мнения, то в 2019 г., после всплеска популярности СИРИЗА в Греции, ее выступлений, в том числе по вопросам революции, неудивительно, что народная галерея славы 1821 года пополнилась новыми женскими фамилиями.

Следующий блок интересующих нас вопросов посвящен роли той или иной общественной группы в деле национально-освободи-

тельной борьбы. В опросе за 2007 г. градация положительного отношения греков к той или иной общности выстраивалась следующим образом: клефты, «Филики Этерия», Церковь, кодзабасы¹⁹. Положение изменилось в опросе за 2019 г. На первое место здесь вышла «Филики Этерия», затем следовали филэллыны, клефты, Церковь, фанариоты, торговцы и кодзабасы²⁰. Как мы видим, кодзабасы всегда находятся в конце списка, отношение к ним также сугубо отрицательное. Характерно это для всех категорий опрошенных. Столь негативное отношение греков к данной социальной общности можно объяснить по-разному. Во-первых, в условиях любого романтизированного представления о борьбе такие люди, как кодзабасы, то есть влиятельные крупные землевладельцы, помогающие финансово, но не сражающиеся лично, всегда вызывают меньший отклик среди населения. Во-вторых, существенную роль в формировании общественного мнения о кодзабасах играют современные заметки греческих авторов, публикуемые на просторах интернета. Например, при первом же запросе в греческом поисковике появляются достаточно категоричные статьи о кодзабасах и их роли в революции. В частности, в первой же статье мы видим следующие слова: «Они сражались не только потому, что хотели свободы и изгнания турок, но и в надежде, что своим участием гарантируют себе выдающийся и привилегированный статус на следующий день»²¹. А в заметке газеты «Ризоспастис» — печатного органа левых политических сил Греции — приводятся слова иностранных путешественников, подчеркивавших, что «под мечом турок грек являлся рабом, но под властью кодзабасов — несчастливее и беднее в сто раз»²². После таких цитат и замечаний трудно ожидать высокого процента поддержки кодзабасов среди современных жителей Греции.

Отдельное внимание необходимо уделить и позиции Церкви в данном информационном блоке. В обоих опросах она остается в середине списка. Более всего представителей Церкви упоминают выпускники школ и колледжей правоцентристских взглядов, менее — люди 1975–1984 гг. рождения, то есть постдиктаторского поколения греков, выросших в эпоху демократии, вступления Греции в Евросоюз. Недооценивается роль Церкви в революции и среди высокообразованных людей, а также со стороны левого электората: здесь наименьший процент положительных откликов и наибольшее

количество отрицательных (65,1% — за, 32,8% — против; для сравнения у правых 98,4% — за, 0,8 — против)²³. Данная ситуация вполне закономерна. Люди с высшим образованием, леворадикальных политических взглядов всегда были критичны к патриархальным устоям общества, прежде всего к Церкви. В сегодняшней Греции процент таких людей возрастает, некоторые из них даже приходят к власти. На снижающийся интерес греков к Церкви влияет и общеевропейский тренд, в рамках которого крупнейшие религии мира вступают в конфликт с ценностями современности, прежде всего с правилом общей толерантности ко всем и ко всему. Истины ради, правда, стоит отметить, что православный блок в Греции пока что достаточно крепок, а кризис духовных основ не коснулся истории революции, и в этом следует усмотреть особую заслугу школьного курса истории событий 1821–1830 гг.

Последняя группа вопросов, на которых необходимо остановиться особо, посвящена международной помощи и великим державам, в частности. Сравнение двух опросов позволяет рассмотреть эволюцию отношения греческого населения к той или иной европейской стране-участнице, зависимость мнения от реалий времени, а также историографических нововведений. В обоих опросах первенство отдается России (52% — 2007 г.²⁴, 42,5% — 2019 г.²⁵). Второе место попеременно переходит к Англии или Франции: в 2007 г. его занимала Англия (22%), за ней с огромным отрывом следовала Франция — всего лишь 9%. В 2019 г. картина разительно меняется: на втором месте Франция — 18,3%, а на третьем Великобритания — 17,1%. Четвертое место в обоих опросах стандартно принадлежит Австрии (4% — 2007 г., 6,2% — 2019 г.). У каждой страны есть своя «группа поддержки». Она определяется как возрастными показателями, доходами и уровнем образования, так и политической принадлежностью респондентов. В 2007 г. наибольшее количество голосов за Россию отдало старшее поколение греков. Среди молодежи (1983–1989 гг. рождения) лидировали Англия и Франция, Россия же от нынешних 30–40-летних греческих граждан получила самую низкую оценку²⁶. Не изменилась ситуация и через 12 лет. В опросе за 2019 г. Россию вновь поддержало взрослое поколение в отличие от молодежи (1985–2002 гг. рождения)²⁷. При этом «электоральной базой» России стали греки с высшим образованием, средним до-

статком, принадлежащие к левому лагерю политических сил. Что касается Британии и Франции, то их электорат — это поколение молодых людей. Причем Франция лидирует среди выпускников школ, людей со средним достатком, сторонников центристских взглядов. А Великобритания популярна у греков с высшим образованием, высоким финансовым достатком, левоцентристских взглядов. О чем свидетельствуют данные показатели?

В целом, о том, что для современных греков, выросших в едином общеевропейском пространстве, события 200-летней давности органически встроены в ситуацию сегодняшнего дня. Франция и Англия — союзники, они намного ближе, чем Россия. Эта новизна общеевропейского восприятия истории греками — благодатная почва для новых историографических концепций, в частности, для популярной ныне позиции британских ученых по вопросу о помощи великих держав. Обратимся за примером к аналитическому труду, составленному по итогам опроса за 2019 г. В нем историки утверждают, что в борьбу греков большую или равную лепту внесла Великобритания, так постыдно забытая старшим поколением греков. Например, Мария Эвифимиу, преподаватель новейшей истории Греции в Афинском университете, отмечает: «Архаичная схема интерпретации событий 1821 года преобладает до сих пор, несмотря на важные открытия современных научных исследований. В данном контексте неудивительно, что Англия — основная сила в дипломатической победе греков и создании независимого греческого государства в 1830 году — не рассматривается респондентами как страна, внесшая наиболее позитивный вклад в победу. Напротив, православная авторитарная Россия, веками любимая греками, имеет главный перевес в ответах»²⁸. Комментарий Марии Эвфимиу имеет для нас особый смысл и вес: он подтверждает современный тренд в среде греческих историков и преподавателей, направленный на пересмотр признанных ранее констант революционной истории. В данном случае о главенствующей роли России в борьбе греков за независимость.

* * *

Итак, какой же видят революцию 1821 г. современные жители Греции? Для старшего поколения греков, людей со средним образованием и финансовым достатком, а также для сторонников правоцентристской идеологии все остается неизменным. Знания, которые они получают в школе, в большинстве своем воспринимаются как основополагающие. «Бунтарями» выступают люди молодого поколения, с высшим образованием и хорошими доходами, чаще всего — приверженцы леворадикальных политических взглядов. Представители этой общности — наиболее открытая новомодным веяниям аудитория. Это хорошо понимают те общественно-политические силы, цель которых — пересмотреть историю страны и по возможности расставить в ней новые акценты. То, что кажется безобидным сейчас, поможет в будущем нивелировать прежние догмы и взгляды, упростив постепенный переход Греции к новым жизненным ценностям, приоритетам и симпатиям во внешней политике. Вот почему появляются новые женские имена героев, принижается роль церкви, а также пересматривается роль союзнических держав в окончательной победе греков. В частности, усиливается проанглийское лобби в ущерб России и ее историческому значению в деле освобождения греческого народа. В данном вопросе приходится констатировать, что опросы по революции 1821 г. невольно указывают на тот факт, что Греция все больше становится неотделимой частью ЕС, причем не только в экономическом и политическом плане, но и в духовном и даже историческом.

¹ Στάσεις και Αντιλήψεις της Ελληνικής Κοινής Γνώμης απέναντι στην Ελληνική Ιστορία και την Επανάσταση του 1821. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (дата обращения: 28.08.2021).

² Πώς βλέπουν οι Έλληνες την Επανάσταση του 1821. Αναλυτική έκθεση αποτελεσμάτων-ανελλαδική έρευνα. ΚΕΦΙΜ. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

³ Γνώμη για το ρόλο του σχολικού μηχανισμού σχετικά με την Επανάσταση του 1821. Διάγραμμα 17. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (дата обращения: 28.08.2021).

⁴ Από πού έχετε μάθει όσα γνωρίζετε για την Ελληνική Επανάσταση του 1821; Γράφημα 11.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

- ⁵ Εξωσχολικές πηγές ενημερώσης σχετικά με την Επανάσταση του 1821. Διάγραμμα 22. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (data обращения: 28.08.2021).
- ⁶ Από πού έχετε μάθει όσα γνωρίζετε για την Ελληνική Επανάσταση του 1821; Γράφημα 11.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ⁷ Εξωσχολικές πηγές ενημερώσης σχετικά με την Επανάσταση του 1821. Διάγραμμα 22. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (data обращения: 28.08.2021).
- ⁸ Από πού έχετε μάθει όσα γνωρίζετε για την Ελληνική Επανάσταση του 1821; Γράφημα 11.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ⁹ Εξωσχολικές πηγές ενημερώσης σχετικά με την Επανάσταση του 1821. Διάγραμμα 24. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (data обращения: 28.08.2021).
- ¹⁰ Γνώμη για το ρόλο του σχολικού μηχανισμού σχετικά με την Επανάσταση του 1821. Διάγραμμα 21. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (data обращения: 28.08.2021).
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Από πού κυρίως μάθατε όσα γνωρίζετε για την Ελληνική Επανάσταση; Πίνακας 12.3. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ¹³ Είστε ικανοποιημένοι ή όχι από τον τρόπο που διδάσκεται η ιστορία της Επανάστασης του 1821 στα σχολεία; Γράφημα 13.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ¹⁴ Είστε ικανοποιημένοι ή όχι από τον τρόπο που διδάσκεται η ιστορία της Επανάστασης του 1821 στα σχολεία; Γράφημα 13.2, 13.3. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ¹⁵ Αναγνωρισιμότητα σημαντικών προσώπων στην Επανάσταση του 1821. Διάγραμμα 72. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (data обращения: 28.08.2021); Μπορείτε να θυμηθείτε τα ονόματα των σημαντικότερων πρωταγωνιστών της Επανάστασης του 1821; Γράφημα 2.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ¹⁶ Μπορείτε να θυμηθείτε τα ονόματα των σημαντικότερων πρωταγωνιστών της Επανάστασης του 1821; Πίνακας 2.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Μπορείτε να θυμηθείτε τα ονόματα των σημαντικότερων πρωταγωνιστών της Επανάστασης του 1821; Πίνακας 2.3. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).
- ¹⁹ Γνώμη για το ρόλο που έπαιξαν στην Επανάσταση. Διάγραμμα 57. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (data обращения: 28.08.2021).
- ²⁰ Θα σας αναφέρω τώρα κάποιες κοινωνικές ομάδες/θεσμούς και θα ήθελα να μου πείτε, εξ όσων γνωρίζετε, αν έπαιξαν θετικό ή αρνητικό ρόλο κατά τη διάρκεια της Επανάστασης. Αν δεν γνωρίζετε τον ρόλο κάποιας κοινωνικής ομάδας πείτε το. Γράφημα 5.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vleroun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (data обращения: 28.08.2021).

- 21 Ο ρόλος των κοτζαμπάσηδων την περίοδο της Οθωμανικής Αυτοκρατορίας. URL: <http://www.mixanitouxronou.gr/kakometachirisi-ke-ekmetallefsi-ton-ftochon-ragiadon-apo-tous-tourkoproskinimenous-kotzampasides/> (дата обращения: 26.08.2021).
- 22 Κώσταρίκου Κ. Οι κοτζαμπάσηδες. URL: <https://www.rizospastis.gr/story.do?id=11128192> (дата обращения: 26.08.2021).
- 23 Θα σας αναφέρω τώρα κάποιες κοινωνικές ομάδες/θεσμούς και θα ήθελα να μου πείτε, εξ όσων γνωρίζετε, αν έπαιξαν θετικό ή αρνητικό ρόλο κατά τη διάρκεια της Επανάστασης. Αν δεν γνωρίζετε τον ρόλο κάποιας κοινωνικής ομάδας πείτε το. Γράφημα 5.5. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2021).
- 24 Μεγάλη Δηνάμη που βοήθησε περισσότερο την Επανάσταση. Διάγραμμα 78. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (дата обращения: 28.08.2021).
- 25 Ποια από τις παρακάτω χώρες είχε τη μεγαλύτερη θετική συμβολή στο ελληνικό ζήτημα κατά την περίοδο της Επανάστασης; Γράφημα 4.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2021).
- 26 Μεγάλη Δηνάμη που βοήθησε περισσότερο την Επανάσταση. Διάγραμμα 80. URL: <https://www.publicissue.gr/135/1821/> (дата обращения: 28.08.2021).
- 27 Ποια από τις παρακάτω χώρες είχε τη μεγαλύτερη θετική συμβολή στο ελληνικό ζήτημα κατά την περίοδο της Επανάστασης; Πίνακας 4.1. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Apotelesmata_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2021).
- 28 Μαρίαίου Μ. Το 1821 και εμείς. Δεκέμβριος 2019. URL: https://www.kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Maria-Efthimiou-Analysis_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

АПЕЛЛЯЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ 1821 Г. В ПЕРИОД ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ГРЕЦИИ

Греческая революция 1821 г. является точкой отсчета, ключевым событием, от которого ведет свою историю современное греческое государство, важнейшей вехой в национальном самосознании греков. Идея борьбы за независимость, память о революции 1821 г. по сей день остается важнейшим элементом греческой национальной идентичности. Особенно ярко это проявилось в последнее десятилетие, в годы финансово-экономического кризиса. Неслучайно именно в этот период участились апелляции к революции 1821 г. Характер этих апелляций отличался в зависимости от текущей ситуации в Греции и в мире, их по-разному интерпретировали, использовали в разных контекстах представители тех или иных политических сил — от ультраправых до крайне левых, от правящих партий до оппозиции. И тем не менее отсылки к 1821 г. неизменно оставались востребованными в греческом обществе, хотя, конечно, чаще всего вспоминали о событиях 200-летней давности в День независимости Греции — 25 марта.

В данной главе предпринята попытка рассмотреть особенности апелляций к революции 1821 г. в Греции в 2010-е гг. — в период финансово-экономического кризиса, который уже в настоящее время воспринимается как переломный этап, разделивший историю страны на «до» и «после». Источниковой базой исследования стали многочисленные публикации в ведущей греческой газете «То Вима» («То Βήμα»), а также отдельные выступления и заявления некоторых греческих политических деятелей.

Наиболее очевидные, понятные параллели между событиями двухсотлетней давности и современностью заключаются в идее объединения всех национальных сил страны для достижения общей, касающейся каждого грека, цели. До тех пор, пока данная риторика не заходит далее призывов к абстрактной борьбе с чем-либо (с финансово-экономическим кризисом и/или пандемией COVID-19), она остается довольно безобидной. Именно к таким отсылкам к революции 1821 г. в силу восприимчивости к ним греческого общества и одновременно «безопасности» наиболее охотно прибегали в последние годы влиятельные греческие политики, особенно занимавшие высокие государственные посты, поскольку они так или иначе должны нести ответственность за свои высказывания, в том числе и на международной арене.

Президенты Греции Каролос Папульяс (2005–2015), Прокопис Павлопулос (2015–2020) и занявшая этот пост в 2020 г. Катерина Сакелларопулу проводили параллели между революцией 1821 г. и современной ситуацией, закономерно придерживаясь сдержанных позиций. В 2010 г. призыв К. Папульяса к греческому обществу совершить «исторический переход» сопровождался предупреждением, что это будет «непросто и небезболезненно», однако «необходимо»¹. Важнейшим условием успеха на этом пути становится национальное единство: «Годовщина 25 марта напоминает нам о достоинствах и возможностях эллинизма, когда он борется, объединив все свои силы, солидарно, хоть эта борьба и неравная» (К. Папульяс, 2014)²; «Все греки, проникнутые идеалами демократии, должны, как никогда ранее, отложить любые разногласия перед важностью общего дела нашей нации и народа» (П. Павлопулос, 2016)³. Звучали и напоминания о героях войны за независимость Греции: «Нам нужны добродетели тех, кто воевал в 1821 г., для достижения целей в борьбе, которую мы ведем сегодня» (К. Папульяс, 2011)⁴; подвиги революционеров являются «примером для сегодняшних трудных времен» (К. Папульяс, 2013)⁵; «Беспрецедентный пример героев 1821 года, которые положили конец четырехвековому турецкому рабству и основали суверенное греческое государство, должен вдохновлять нас» (П. Павлопулос, 2016)⁶. На рубеже 2010–2020-х гг., после формального окончания в Греции «эпохи меморандумов» и преодоления первого шока, вызванного пандемией, становится более

характерен взгляд в будущее, надежда на скорое окончание трудностей: «Борьба [18]21 года и жертвы наших предков проложили путь современному государству, которое сегодня является ядром объединенной Европы и гарантом стабильности в Юго-Восточном Средиземноморье и на Балканах» (К. Сакелларопулу, 2020)⁷; «2021 год станет годом надежды и выздоровления» (К. Сакелларопулу, 2020)⁸.

Греческие премьер-министры, непосредственно и в первую очередь занимавшиеся решением долговых проблем страны в 2010-е гг., в своих апелляциях к революции 1821 г. неизменно призывали к борьбе с финансово-экономическим кризисом, впрочем, не называя, как правило, имен ответственных за него. К примеру, лидер партии ПАСОК Г. Папандреу, на премьерство которого (2009–2011) пришлось обострение греческого долгового вопроса, в обращениях по случаю Дня национальной независимости причиной тяжелого положения Греции называл внешнеэкономические обстоятельства и призывал греков «дать еще одну великую битву — с кризисом». При этом ему не чужды были и лозунги общего характера: «Строить новую Грецию»; «Греки объединены трудностями и мужеством перед лицом ожидающих их вызовов» (Г. Папандреу, 2011)⁹.

Поднималась такая тема, как стремление Греции вернуть себе «заслуженное место в Европе и мире»¹⁰, как когда-то она этого добилась в ходе войны за независимость. Представления о том, что Греция — это «колыбель Европы», а Афины — «родина демократии», стали неотъемлемой частью менталитета жителей страны. В связи с этим представляет интерес выступление Г. Папандреу в Парламенте 31 октября 2011 г. Премьер-министр предложил провести референдум по вопросу о том, стоит ли Греции принимать второй пакет международной финансовой помощи от Еврокомиссии, Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Международного валютного фонда (МВФ). (Как известно, референдум тогда не состоялся, высказывание этой идеи стало причиной отставки Г. Папандреу, а новое соглашение с «тройкой» кредиторов было впоследствии, разумеется, принято.) В своей речи премьер-министр отметил, что Греция «вступает в новый период своей истории», и сделал акцент на важности поддержания и развития демократических институтов в Греции, поскольку именно за их создание греческий народ начал борьбу 200 лет назад. А поскольку референдум — это ключевой демо-

кратический институт, то именно гражданам, а не правительству, следует принять решение, нужен ли Греции второй меморандум с кредиторами¹¹. Таким образом, в данном случае апелляция к революции 1821 г. делалась с целью подтвердить право греческого народа на прямое волеизъявление по важнейшему для страны вопросу. Важно и то, что ответ «Да» на этом несостоявшемся референдуме означал бы выбор в пользу европейского будущего Греции.

Преемники Г. Папандреу на посту премьер-министра также охотно упоминали события греческой войны за независимость в связи с долговым кризисом. Так, технократ Л. Пападимос, возглавлявший греческое коалиционное правительство с момента отставки Г. Папандреу до выборов 2012 г., указывал, что «ценности, идеалы и действия» героев 1821 г. «служат примером, они показывают, как мы можем выиграть сегодняшнюю национальную битву за восстановление нашей экономики»¹².

Партия «Новая демократия», главная соперница ПАСОК на политической арене страны, находившаяся в первые два года кризиса в оппозиции, далеко не сразу стала поддерживать соглашение Греции с кредиторами: собственно, она это сделала только тогда, когда вошла в правящую коалицию. При этом высказывания лидера «Новой демократии» А. Самараса оставались крайне умеренными, осторожными, даже уклончивыми и до, и после прихода к власти. В его выступлениях часто встречалось такое обтекаемое клише, как «борьба за национальные интересы Греции»: «Борьба за восстановление экономики и национальный подъем страны» (2011)¹³; «В трудные времена, которые переживает наша страна, мы должны <...> сказать “мы” вместо “я” и смело служить национальным интересам» (2012)¹⁴. Исход этой борьбы не должен вызывать никаких сомнений: она ведется, чтобы «встать на ноги и снова двинуться вперед»; «Греция выигрывает будущее, на которое она имеет право» (2014)¹⁵.

При этом и сама «Новая демократия», и ее партнеры по правящей коалиции ПАСОК и ДИМАР высказывались за неукоснительное выполнение условий кредитного соглашения с Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ, подчеркивая, что от этого зависит европейское будущее Греции. «Выйти из кризиса и подписать меморандум» нужно было, чтобы «вернуться к нормальному состоянию» и восстановить

положение Греции в ЕС и еврозоне (ПАСОК, 2014)¹⁶. Таким образом, преодоление долгового кризиса было сопряжено с «борьбой за демократию, социальную сплоченность при равноправном участии страны в европейском проекте» (ДИМАР, 2016)¹⁷.

Как и «Новая демократия», Коалиция радикальных левых (СИРИЗА) в течение 2010-х гг. диаметрально изменила свое отношение к международной финансовой помощи Греции — от жесткого (вплоть до незаконных способов его выражения) неприятия такого способа выхода из кризиса до согласия с ним ввиду его безальтернативности. В конце концов именно лидер СИРИЗА А. Ципрас формально завершил «эпоху меморандумов» летом 2018 г. Соответственно, и апелляции представителей этой партии к революции 1821 г. претерпели за годы финансово-экономического кризиса самые значительные трансформации.

В первой половине 2010-х гг., до прихода к власти, СИРИЗА была организатором массовых акций протеста против политики правительства и меморандумов, ежегодно проходивших 25 марта. Как и многие другие политики, А. Ципрас призывал греков объединиться для преодоления кризиса, но для этого нужно было не «затянуть потуже пояса» и следовать условиям кредитного соглашения с «тройкой», а, наоборот, отказаться от его кабальных условий. Так, в 2012 г. А. Ципрас заявлял, что «наша задача — радикально изменить нашу страну»¹⁸.

Важно отметить при этом, что СИРИЗА никогда не выступала за разрыв Греции с Европой, но она призывала «взаимодействовать с “Европой народов”, а не “Европой спекулянтов”» (2012)¹⁹, и решать проблемы, подобные греческим, сообщая: «Необходима немедленная активизация всех рабочих, безработных и молодежи в большой коллективной и объединяющей борьбе не только в Греции, но и по всей Европе» (2013)²⁰; «Греческий вопрос сегодня — это европейский вопрос» (2015)²¹; «Усилия нового греческого правительства (имеется в виду коалиционное правительство во главе с А. Ципрасом, пришедшее к власти в начале 2015 г. — *Прим. авт. главы*) являются символом надежды для всей Европы и ее народов, которые борются за защиту демократии» (2015)²². В 2015 г. эти идеи транслируются на фоне угроз ЕС лишить Грецию членства в интеграционном объединении в случае несогласия с условиями третьего пакета международной финансовой помощи стране.

Находясь в оппозиции, СИРИЗА обвиняла греческие власти в полном подчинении диктату Еврокомиссии, ЕЦБ и МВФ: «Сегодня юбилей 25 марта приобретает особое значение. Коалиционное правительство, сотрудничающее с “тройкой”, беспомощное, безмолвное и разрушительное, продвигает меморандумы как единственный выход для общества и страны» (2013)²³. Соответственно, основное положение программы СИРИЗА заключалось в отказе от кабальных условий меморандумов: «Революция 1821 года показывает потенциал народов, когда они решают взять свою судьбу в свои руки, отказаться от предписаний, столкнуться с сильными мира сего и написать историю» (2014)²⁴. В первые несколько месяцев после прихода к власти в 2015 г. А. Ципрас пытался выполнить свое предвыборное обещание. В послании по случаю празднования дня 25 марта премьер-министр отмечал: «Сегодня мы должны помнить, что нашему народу ничего не было дано. Все было достигнуто борьбой. И когда народ заявляет о своих правах, независимо от того, насколько сильны его противники, он добьется успеха»²⁵. Звучали в тот же день и такие заявления СИРИЗА: «Борьба за свободу и демократию всегда актуальна. Народы Европы могут и обязаны пойти другим путем, противоположным ведущим к обнищанию меморандумам»²⁶.

Но уже летом 2015 г., после референдума, на котором греческий народ высказался против условий меморандума, но результаты которого никак не были учтены международными кредиторами, А. Ципрас на собственном опыте убедился, что других вариантов решения проблемы греческого долга не предполагается. Его заявления существенно смягчаются с принятием третьего пакета международной финансовой помощи. Тогда же возникает надежда и на «свет в конце тоннеля»: «Скоро этот сложный период подойдет к концу. Следующая страница нашей истории принадлежит новой Греции, свободной от травм финансового кризиса и “тройки” кредиторов, образцу демократии, социальной солидарности и культуры для всей Европы. В этой Греции через пять лет мы будем отмечать 200-летие греческой революции» (2016)²⁷. Впоследствии риторика партии СИРИЗА окончательно утрачивает какие-либо признаки радикальности: «Сегодняшними мирными делами, борьбой за восстановление страны, расширением демократии и социальных завоеваний мы чествуем Революцию 1821 года» (2017)²⁸; «[18]21 [год] всегда был

источником вдохновения в борьбе за свободу и справедливость. Он учит нас, что маленький народ, когда он сплочен, получает то, чего заслуживает» (2020)²⁹.

После третьего меморандума почти все политические силы страны начали проявлять солидарность с действиями правительства, направленными на скорейшее выполнение обязательств перед международными кредиторами; стали исчезать и спекуляции на эту тему в СМИ; постепенно стихали протесты против мер жесткой бюджетной экономии. Таким образом, спустя несколько лет после начала кризиса можно было говорить о выработке внутри страны консенсуса относительно путей выхода из него. Характерно заявление К. Мицотакиса, сменившего А. Самараса на должности главы партии «Новая демократия», сделанное 25 марта 2016 г.: «Трудные времена, которые мы переживаем, национальная солидарность и единство нации как никогда необходимы перед лицом серьезных проблем»³⁰.

Собственное видение ситуации и отношение к Европе — сквозь призму памяти о 1821 г. — демонстрировали и не столь значительные партии. Г. Карадзаферис, лидер ультраправой националистической партии Народный православный сбор (ЛАОС), в 2011 г. заявлял по случаю празднования Дня независимости Греции: «Во имя своей истории и патриотизма греческий народ поднял знамя против тирании и добился свободы. Сегодня эти идеи снова становятся исторической необходимостью. Как тогда, так и сейчас мы, потомки Героев, должны приносить жертвы и защищать нашу Родину, сохраняя ее независимой и свободной» (2011)³¹. Ему принадлежали и более радикальные высказывания, сходные с позицией КПГ, о том, что спустя 190 лет (т.е. в 2011 г.) после начала революции Греция должна «вновь бороться за те же идеалы, свободу и национальную независимость. Тогда мы сражались против Высокой Порты Востока, сегодня боремся против “высокой порты” Запада»³². В конце 2011 г. ЛАОС, находившаяся в оппозиции в первые два года кризиса и выступавшая против подписания первого меморандума, вошла в состав коалиционного правительства во главе с Л. Пападимосом, которое приняло условия второго соглашения с «тройкой» международных кредиторов.

Аналогичным образом трансформировалась и позиция партии «Независимые греки». Когда она находилась в оппозиции, ее лидер

П. Камменос неоднократно говорил о меморандумах как об открытом посягательстве на национальный суверенитет Греции, а о Еврокомиссии, ЕЦБ и МВФ как о захватчиках: «Уже три года наша страна находится под иностранной оккупацией» (2013)³³; «Эллинизм 25 марта отмечает годовщину революции против турецкого ига, против оккупантов <...>. Наша страна сегодня переживает другой вид иностранной оккупации, финансовую оккупацию, навязанную кредиторами и осуществляемую правительством, которое выполняет их поручения» (2014)³⁴. Были и отсылки к травматическому опыту Второй мировой войны: «Мы не позволим никому превратить нашу страну в протекторат Германии» (2014)³⁵. Подобные формулировки почти не менялись вплоть до 2015 г., когда «Независимые греки» договорились с СИРИЗА о формировании правительственной коалиции во главе с А. Ципрасом. После этого сравнения «тройки» с оккупантами исчезли, на смену им пришли обтекаемые формулировки о необходимости преодоления финансовых трудностей: «Греция находится в состоянии тяжелой борьбы за освобождение от режима жесткой экономии и долгов» (2017)³⁶.

Исключением из данной закономерности стала Коммунистическая партия Греции. Выше говорилось о греческих политических партиях, которые в годы кризиса в определенные моменты находились у власти (в формате либо однопартийных правительств, либо правительственных коалиций), и это самым непосредственным образом влияло на их отношение к текущей ситуации в стране и на характер их апелляций к революции 1821 г. КПГ никогда не входила в состав правительства, но неизменно присутствует в парламенте. Характер ее апелляций к революции 1821 г. не претерпевал заметных трансформаций на протяжении всего десятилетия. КПГ открыто выступала против навязанных Греции меморандумов и жестко критиковала греческие правительства, принимавшие условия международных кредиторов: «Сегодня патриотический долг народа — не соглашаться на нищету, на которую обрекает греков правительство и его сторонники» (2010)³⁷; «Как в 1821 году греческие революционеры отвергли угрозы и вступили в схватку со старым режимом, так и сегодня греческий народ может победить шантаж и тех, кто призывает к покорности и бесконечным страданиям» (2014)³⁸. Причем в качестве альтернативы меморандумам допускалась даже возмож-

ность дефолта и возвращения к драхме: «Списать долги, созданные плутократией и ее правительствами» (2012)³⁹.

Откровенно враждебными были выпады КПП в отношении ЕС и НАТО, которые назывались «империалистическими организациями»⁴⁰, «современным Священным союзом»⁴¹. Причем между османским владычеством и действиями великих держав по степени давления на греческий народ едва ли не ставился знак равенства: «Революция 1821 года решительно отрицала тех, кто культивировал фатализм, терроризировал народ, шантажировал его, будто бы восстание будет напрасным и приведет к гибели, считал единственным способом выжить подчинение требованиям султана и Священного союза» (2014)⁴²; «В 1821 году тиранами народа были Османская империя, греческие и турецкие феодалы, а также Священный союз, а сегодня это современные “Священные союзы” НАТО и ЕС» (2016)⁴³; «Граждане могут противостоять “гниению старого”, <...> выступать против всех видов “Священных союзов”, таковыми сегодня являются ЕС и НАТО»⁴⁴.

Говоря о противодействии меморандумам в Греции, нельзя не затронуть тему многочисленных протестных акций, захлестнувших страну в 2010-е гг., особенно в первой половине десятилетия. Главные национальные праздники Греции, День независимости 25 марта и «День Охи» 28 октября, отсылают нас к ключевым вехам истории страны — революции 1821 г. и Второй мировой войне. В годы финансово-экономического кризиса в эти праздники оппозиционные партии и обычные граждане всегда организовывали акции протеста против условий меморандумов, что однозначно воспринималось в массовом сознании как акт современной борьбы за независимость.

Вполне ожидаемой оказалась реакция греков на события марта 2013 г., когда в Республике Кипр случился финансовый кризис; в ночь с 24 на 25 марта ЕС и МВФ согласовали антикризисный пакет мер, направленных на предотвращение дефолта Кипра. Поскольку кипрская и греческая ситуации оказались сходными, Афины не могли не выразить солидарность с Никосией, причем сделать это посчитали необходимым все политические силы Греции — от президента⁴⁵, премьер-министра⁴⁶ и представителей правящей коалиции⁴⁷ до оппозиционных партий⁴⁸ и даже рядовых протестующих граждан⁴⁹. И хотя «мысли всех [греков] находились на Кипре», тональность за-

явлений на этот счет значительно разнилась: от «нам необходимо национальное единство, которое позволит нам смягчить последствия кризиса» (К. Папульяс, 2013)⁵⁰ или «греки могут достичь всего, если останутся едиными» (А. Самарас, 2013)⁵¹ (то есть от фактического согласия с принятым антикризисным планом для Республики Кипр) до «особенно сегодня греческий народ поддерживает кипрский народ, зная, что цель общая: свержение деструктивной политики неолиберализма и жесткой экономии» (СИРИЗА, 2013)⁵².

И все же идеи Grexit (это понятие возникло по аналогии с Brexit на фоне спекуляций относительно выхода Греции из ЕС) находили отклик далеко не у всех. Несмотря на то, что в годы кризиса в Греции получил определенное — хоть и незначительное — развитие евроскептицизм, а членство Греции в ЕС в последнее десятилетие подверглось значительному переосмыслению, все равно принадлежность Греции к Европе воспринимается как нечто само собой разумеющееся и несомненное.

В целом сегодня в Греции преобладает мнение, что «целью революции было приобщение Греции к европейской культуре»⁵³. Для Греции, находящейся на перекрестке миров, между Западом и Востоком, неизменно важно было подчеркнуть свою европейскую идентичность⁵⁴ — не в последнюю очередь потому, что Восток ассоциируется с периодом османского владычества. После обретения независимости 200 лет назад Греция сразу же вошла в «семью» европейских государств, став плодом⁵⁵ и носителем идей Просвещения, и вплоть до настоящего времени для страны крайне важна ее включенность в европейский интеграционный проект. В свою очередь, и на формирование европейской политической культуры серьезно повлияли греческая война за независимость и явление филэллинизма⁵⁶.

Значение Европы для Греции в годы войны за независимость от Османской империи очевидно. Неизбежно возникает мысль об определенных параллелях, которые можно провести между действиями России и/или Англии (и даже Священного союза) в XIX в. и Евросоюза и/или «тройки» кредиторов в XXI в.⁵⁷

Огромная роль России в обретении Грецией независимости и сегодня не подвергается сомнению несмотря на то, что впоследствии бывшее влияние было утрачено. И в коллективной памяти греков этот факт по-прежнему занимает важное место. В трудные годы

финансово-экономического кризиса Греция снова начала возлагать надежды на Россию, однако Москва в силу ряда причин не стала оказывать Афинам поддержку. Обсуждалась возможность получения финансовой помощи от России и на самом начальном этапе кризиса, но особенно охотно обращался к этой идее А. Ципрас в 2015 г. На празднование 200-летия греческой революции среди прочих высокопоставленных лиц в Грецию был приглашен и российский президент В.В. Путин (вместо него визит в страну нанес премьер-министр М.В. Мишустин).

Проблема во взаимоотношениях между Грецией и Европой заключается в том, что Греция с самого своего зарождения как государства сохраняла зависимость от иностранного фактора, и это положение вещей не удастся преодолеть до сих пор. Данная зависимость в значительной мере лежит в экономической плоскости. Греция встречала 200-летие революции в очень непростых условиях: после глубокого финансово-экономического кризиса началась пандемия, больно ударившая по и без того ослабленной экономике страны. Можно вспомнить, что и 100-летие революции отмечалось тоже в сложные времена Малоазийской катастрофы⁵⁸. Двухсотлетняя история независимого греческого государства преисполнена трудностями. На протяжении большей части своего существования страна страдала от чрезмерной государственной задолженности и пережила несколько дефолтов⁵⁹. Сценарий выхода из предыдущих кризисов похож на выход из кризиса 2010-х гг.: западные державы «спасают» Грецию с помощью новых кредитов, подчиняя страну своему влиянию и порождая у греков ощущение, будто их обманули. Неслучайно подобные «экскурсы в историю» вызывали большой интерес и возмущение у граждан страны в последние годы⁶⁰.

К примеру, в 2010-м и 2011-м гг., то есть в самом начале и в разгар финансово-экономического кризиса, в день национального греческого праздника 25 марта проходили саммиты ЕС, на которых решались в числе прочих вопросы, касающиеся ситуации в Греции. Премьер-министр Г. Папандреу находился в Брюсселе и не мог присутствовать на торжествах по случаю Дня независимости, а военные парады в связи с мерами бюджетной экономии проходили без участия авиации и военной техники⁶¹. Эти эпизоды были восприняты в греческой прессе как свидетельство неуважения к Греции

со стороны ее партнеров по Евросоюзу. В свою очередь, со стороны греческого правительства не последовало на этот счет никаких возражений, что демонстрировало подчиненное положение греческих лидеров по отношению к руководству ЕС и ряда ведущих европейских стран⁶².

На этом фоне героический миф об освобождении Греции от османского владычества в отдельных случаях довольно легко трансформировался в общественном сознании, и теперь противниками греков становились «колониалисты из Брюсселя»⁶³. И если оппозиция порой не сдерживала себя в пафосных сравнениях, то на официальном уровне риторика борьбы с кризисом несла в себе, как правило, лишь абстрактные и осторожные апелляции к 1821 г., без упоминания конкретных врагов — будь то турки или «тройка» кредиторов. Таким образом, по словам греческого историка, профессора Университета Македонии в Салониках Д. Стаматопулоса, в современном греческом обществе «дискуссия о революции связана с дискуссией о степени независимости, которую может иметь государство Европейского союза»⁶⁴.

В связи с отсылками к революции 1821 г. нельзя не упомянуть образ Турции как врага, актуальный для греков уже несколько столетий; отношения между странами, несмотря на отдельные попытки наладить диалог, остаются напряженными⁶⁵. Текущие проблемы греко-турецких отношений часто поднимаются греческими политиками в выступлениях по случаю Дня независимости, и касательно выстраивания отношений с Турцией в целом можно говорить о консенсусе большинства политических сил Греции. Современные угрозы и провокации со стороны Турции — а Анкара любит устраивать провокации именно 25 марта или в близкие к этой дате дни, к примеру, проводить учения в Эгейском море⁶⁶ — воспринимаются греками крайне болезненно («Защищать наши границы от агрессии Турции» (президент К. Сакелларопулу, 2020)⁶⁷), «Это недопустимая эскалация напряженности» (А. Ципрас, 2020)⁶⁸, «Обеспечить наши не подлежащие обсуждению суверенные права перед лицом турецких провокаций» (Ф. Геннимата, 2020)⁶⁹). Не последнюю роль здесь играет память о четырехсотлетнем периоде османского владычества.

Очередной виток греко-турецкого конфликта случился незадолго до празднования Дня независимости Греции в 2018 г. 1 марта в рай-

оне реки Эврос двое греческих военнослужащих, Ангелос Митредис и Димитрис Куклатзис, во время патрулирования границы непреднамеренно оказались на турецкой территории, были задержаны и отправлены в турецкий Эдирне. Греческая сторона ожидала, что их вернут в течение суток, однако и к 25 марта этого не произошло (в результате вновь оказались на родине они лишь спустя несколько месяцев, 15 августа). В данном случае также можно говорить о единении греков пред лицом старого врага: «Празднование 25 марта посвящено двум нашим офицерам, которые остаются незаконно задержанными в течение 24 дней в Турции» (министр национальной обороны П. Камменос)⁷⁰; «Я хочу заверить, что мы делаем все, что в наших силах, чтобы как можно скорее вернуть двух наших офицеров домой» (лидер оппозиции и будущий премьер-министр К. Мицотакис)⁷¹. В приграничном городке Орестиаде, неподалеку от места, где произошел инцидент, после парада толпа развернула плакат с требованием: «Немедленное освобождение наших детей Димитриса и Ангелоса из Эдирне»⁷².

Не забыты в контексте греко-турецкого противостояния и проблемы, связанные с Кипром. Кипрский конфликт рассматривается в терминах борьбы «за освобождение от оккупации» (президент Кипра Д. Христофиас, 2012)⁷³. Греческий президент П. Павлопулос отмечал, что Кипр, «даже будучи полноправным членом Европейского союза, продолжает бороться против иностранной, провокационно незаконной военной оккупации и сталкивается со столь же провокационно неприемлемыми претензиями на свои неоспоримые суверенные права» (2015)⁷⁴. Особенно обострилась в последние годы эта проблема после обнаружения на кипрском шельфе месторождений газа, когда представители и Республики Кипр, и Греции четко обозначили свою единую позицию относительно «установленного в полном соответствии с международными нормами права [Республики Кипр] свободно эксплуатировать свои природные ресурсы» (2015)⁷⁵.

В 2019 г. к власти в Греции пришло однопартийное правительство «Новой демократии» во главе с К. Мицотакисом. «Эпоха меморандумов» к тому моменту уже завершилась (хотя последствия финансово-экономического кризиса еще многие годы будут давать знать о себе в Греции), и вскоре перед страной и всем миром вста-

ла новая глобальная угроза — пандемия COVID-19. Этому вызову в первую очередь и было посвящено послание премьер-министра 25 марта 2020 г.: «Теперь враг — это пандемия. Наша сила и единство выступят против него сегодня»⁷⁶. И если в XIX в. герои сражались за независимость страны, то в XXI в. ими стали медики — «герои в бело-зеленой форме»⁷⁷, борющиеся за жизни заболевших.

Ущерб от пандемии, врага «невидимого и коварного», оценивался как сопоставимый с потерями от финансово-экономического кризиса 2010-х гг. О «перезапуске» экономики, серьезно пострадавшей в результате локдауна, пафосно говорилось как о «возрождении из пепла»⁷⁸. Празднование Дня независимости в Греции в первый год пандемии стало «моментом, когда все греческое общество ведет особую решающую битву» (СИРИЗА, 2020)⁷⁹. В Греции объявили локдаун, и в 2020 г. впервые в истории современного греческого государства 25 марта не проводилось никаких торжеств, возложения венков и парадов⁸⁰.

Сегодняшние греки воспринимают финансово-экономический кризис 2010-х гг. как важнейшее событие современной греческой истории. Сохранится ли такое восприятие впоследствии, сказать пока что невозможно, но можно допустить, что кризис в любом случае займет немаловажное место в системе координат греческой нации. В 2010-е гг. в Греции проводилось немало параллелей между революцией 1821 г. и современной ситуацией. Основной мотив, объединяющий трактовки этих столь различных по своей природе и хронологически удаленных друг от друга почти на 200 лет событий, — необходимость борьбы за освобождение Греции, от османского владычества тогда и от последствий финансово-экономического кризиса и от пандемии сегодня. Радикальные политики часто ссылались на войну за независимость, призывая к разрыву либо пересмотру отношений с Евросоюзом и «тройкой» кредиторов как с силами, угрожающими национальному суверенитету Греции. Представители правящих кругов с умеренными взглядами занимали более сдержанную позицию, упоминая революцию как переломный момент, который греки с честью и достоинством преодолели. И те и другие призывали к объединению всех национальных сил страны для достижения поставленных целей. Поскольку война за независимость по-прежнему занимает значительное место в греческой кол-

Не теряет своей актуальности и образ «врага» в лице Турции. За два столетия существования независимого греческого государства этот образ не очень изменился и едва ли стал менее угрожающим. Неизменным остается и единство в этом вопросе: в отношении Турции в греческом обществе по сути не существует диаметрально противоположных оценок.

- ¹ Μηνύματα για την 25η Μαρτίου. Η ελληνική κοινωνία καλείται να κάνει μια αναγκαία μετάβαση, δήλωσε ο Κ. Παπούλιας // Το Βήμα. 25.03.2010. URL: <https://www.tovima.gr/2010/03/25/politics/b-minymata-gia-tin-25i-martioy-b-br-i-elliniki-koinwnia-kaleitai-na-kanei-mia-anagkaia-metabasi-dilwse-o-k-paroylias/> (дата обращения: 16.03.2022).
- ² Εθνική ενότητα το μήνυμα Παπούλια στους απόδημους για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 21.03.2014. URL: <https://www.tovima.gr/2014/03/21/politics/ethniki-enotita-to-minyma-paroylia-stoys-apodimoys-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- ³ Αυστηρό μήνυμα Προέδρου της Δημοκρατίας για το προσφυγικό με αποδέκτη την ΕΕ // Το Βήμα. 25.03.2016. URL: <https://www.tovima.gr/2016/03/25/politics/aystiro-minyma-proedroy-tis-dimokratias-gia-to-prosfygiko-me-apodekti-tin-ee/> (дата обращения: 16.03.2022).
- ⁴ Τα μηνύματα των πολιτικών για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 24.03.2011. URL: <https://www.tovima.gr/2011/03/24/politics/ta-minymata-twn-politikwn-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- ⁵ Κ. Παπούλιας: Η απόφαση για την Κύπρο δεν είναι ανεκτή διότι είναι επιλεκτική // Το Βήμα. 25.03.2013. URL: <https://www.tovima.gr/2013/03/25/politics/k-paroylias-i-afofasi-gia-tin-kyprou-den-einai-anekti-dioti-einai-epilektiki/> (дата обращения: 16.03.2022).

- 6 Αυστηρό μήνυμα Προέδρου της Δημοκρατίας...
- 7 Σακελλαροπούλου: Η ατομική ευθύνη, η συνεργασία και η αλληλεγγύη στην καρδιά του νέου πατριωτισμού // Το Βήμα. 24.03.2020. URL: <https://www.tovima.gr/2020/03/24/politics/sakellaropoulou-i-atomiki-eythyni-i-synergasia-kai-i-allileggyi-vriskontai-stin-kardia-tou-neou-patriotismou/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 8 Σακελλαροπούλου: Το 2021 θα είναι έτος ελπίδας και ανάκαμψης // Το Βήμα. 31.12.2020. URL: <https://www.tovima.gr/2020/12/31/politics/sakellaropoulou-to-2021-tha-einai-etos-elpidas-kai-anakampsi/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 9 Τα μηνύματα των πολιτικών...
- 10 Ενότητα και συλλογικότητα το μήνυμα των πολιτικών για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 23.03.2012. URL: <https://www.tovima.gr/2012/03/23/politics/enotita-kai-sylogikotita-to-minyma-twn-politikwn-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 11 Parliamentary Group: Prime Minister's speech. October 31, 2011 // Hellenic Republic. Prime Minister. 31.10.2011. URL: <http://www.primeminister.gov.gr/english/2011/10/31/parliamentary-group-prime-ministers-speech/> (дата обращения: 13.10.2014).
- 12 Λ. Παπαδήμος: Οι αξίες και τα ιδανικά των ηρώων του 1821 δείχνουν το δρόμο // Το Βήμα. 25.03.2012. URL: <https://www.tovima.gr/2012/03/25/politics/l-papadimos-oi-aksies-kai-ta-idanika-twn-irwwn-toy-1821-deixnoyn-to-dromo/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 13 Τα μηνύματα των πολιτικών...
- 14 Ενότητα και συλλογικότητα...
- 15 Βολές εκατέρωθεν στα μηνύματα της πολιτικής ηγεσίας για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 24.03.2014. URL: <https://www.tovima.gr/2014/03/24/politics/boles-ekaterwthen-sta-minymata-tis-politikis-igesias-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 16 Στο ίδιο.
- 17 Τα μηνύματα του πρωθυπουργού και των κομμάτων για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 24.03.2016. URL: <https://www.tovima.gr/2016/03/24/politics/ta-minymata-toy-prwthypourgoy-kai-twn-kommatwn-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 18 Ενότητα και συλλογικότητα...
- 19 Στο ίδιο.
- 20 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας για την 25η Μαρτίου με αναφορές στη σύγχρονη πραγματικότητα // Το Βήμα. 25.03.2013. URL: <https://www.tovima.gr/2013/03/25/politics/minymata-tis-politeiakis-kai-politikis-igesias-gia-tin-25i-martioy-me-anafores-sti-sygxroni-pragmatikotita/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 21 Αλέξης Τσίπρας: Η Ελλάδα αποτελεί ιστορικά αλλά και σήμερα κομμάτι της Ευρώπης // Το Βήμα. 25.03.2015. URL: <https://www.tovima.gr/2015/03/25/politics/aleksis-tsipras-i-ellada-apotelei-istorika-alla-kai-simera-kommati-tis-eyrwpi/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 22 Παραινέσεις και αιχμές στα μηνύματα των κομμάτων για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 24.03.2015. URL: <https://www.tovima.gr/2015/03/24/politics/paraineseis-kai-aixmes-sta-minymata-twn-kommatwn-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 23 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...
- 24 Βολές εκατέρωθεν στα μηνύματα...

- 25 Δήλωση του πρωθυπουργού Α. Τσίπρα για την 25η Μαρτίου // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. 25.03.2015. URL: <https://primeminister.gr/2015/03/25/13580> (дата обращения: 16.03.2022).
- 26 Παραινέσεις και αιχμές στα μηνύματα των κομμάτων...
- 27 Τα μηνύματα του πρωθυπουργού και των κομμάτων...; Μήνυμα του Πρωθυπουργού για την Επέτειο της 25ης Μαρτίου // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. 25.03.2016. URL: <https://primeminister.gr/2016/03/25/14697> (дата обращения: 16.03.2022).
- 28 Μήνυμα του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, για την επέτειο της 25ης Μαρτίου // Ελληνική Δημοκρατία. Κυβέρνηση. 25.03.2017. URL: <https://government.gov.gr/μήνυμα-του-πρωθυπουργού-αλέξη-τσίπρα/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 29 Τσίπρας: Θα σταθούμε ενωμένοι στην προάσπιση των δικαιωμάτων μας // Το Βήμα. 25.03.2020. URL: <https://www.tovima.gr/2020/03/25/politics/tsipras-tha-stathoume-enomenoi-stin-proaspisi-ton-dikaiomaton-mas/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 30 Μητσοτάκης: Απαραίτητη περισσότερο από ποτέ η εθνική ομοψυχία // Το Βήμα. 25.03.2016. URL: <https://www.tovima.gr/2016/03/25/politics/mitsotakis-aporaititi-perissotero-apo-pote-i-ethniki-omopsychia/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 31 Τα μηνύματα των πολιτικών...
- 32 Με τη στρατιωτική παρέλαση κορυφώθηκαν οι εκδηλώσεις για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 25.03.2011. URL: <https://www.tovima.gr/2011/03/25/society/me-ti-stratiwtiki-parelasi-koryfwthikan-oi-ekdilwseis-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 33 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...
- 34 Βολές εκατέρωθεν στα μηνύματα...
- 35 Ibid.
- 36 Τα μηνύματα των κομμάτων για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 25.03.2017. URL: <https://www.tovima.gr/2017/03/25/politics/ta-minymata-twn-kommatwn-gia-tin-25i-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 37 Μηνύματα για την 25η Μαρτίου...
- 38 Βολές εκατέρωθεν στα μηνύματα...
- 39 Ενότητα και συλλογικότητα...
- 40 Στο ίδιο; Βολές εκατέρωθεν στα μηνύματα...; Τα μηνύματα του πρωθυπουργού και των κομμάτων...; Τα μηνύματα των κομμάτων...
- 41 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...; Τα μηνύματα του πρωθυπουργού και των κομμάτων...
- 42 Βολές εκατέρωθεν στα μηνύματα...
- 43 Παραινέσεις και αιχμές στα μηνύματα των κομμάτων...
- 44 Κουτσούμπας: Επίκαιρα και διδακτικά τα μηνύματα του 1821 // Το Βήμα. 25.03.2019. URL: <https://www.tovima.gr/2019/03/25/politics/koutsoumpas-epikaira-kai-didaktika-ta-minymata-tou-1821/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 45 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...; Κ. Παπούλιας: Η απόφαση για την Κύπρο...
- 46 Μήνυμα του Πρωθυπουργού κ. Αντώνη Σαμαρά για την 25η Μαρτίου // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. 25.03.2013. URL: <https://primeminister.gr/2013/03/25/10143> (дата обращения: 16.03.2022).

- 47 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...
- 48 Στο ίδιο.
- 49 Με μικροεντάσεις ολοκληρώθηκε η στρατιωτική παρέλαση της 25ης Μαρτίου // Το Βήμα. 25.03.2013. URL: <https://www.tovima.gr/2013/03/25/society/me-mikroentaseis-oloklirwthike-i-stratiwtiki-parelasi-tis-25is-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 50 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...
- 51 Μήνυμα του Πρωθυπουργού κ. Αντώνη Σαμαρά...
- 52 Μηνύματα της πολιτειακής και πολιτικής ηγεσίας...
- 53 «Целью революции было приобщение Греции к европейской культуре». К 200-летию греческой национально-освободительной революции 1821 г. Интервью с Д. Стаматопулосом [Беседовала А. Александрова] // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 126. DOI: 10.31754/2409-6105-2021-3-131-139.
- 54 Μαρίνος Γ. Η σημασία της ένταξης // Το Βήμα. 07.06.2009. URL: <https://www.tovima.gr/2009/06/07/opinions/i-simasia-tis-entaksis/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 55 Μαλούχος Γ.Π. Ελλάδα, νέα Πομπηία // Το Βήμα. 28.03.2016. URL: <https://www.tovima.gr/2016/03/28/opinions/ellada-nea-pompiia/> (дата обращения: 16.03.2022); Αυστηρό μήνυμα Προέδρου της Δημοκρατίας...
- 56 Tsoukalas C. On National Anniversaries: Greece, 1821–2021 // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2021. Vol. 23. N2. P. 192. DOI: 10.1080/19448953.2021.1872014; Τα μηνύματα του πρωθυπουργού και των κομμάτων...; Μήνυμα του Πρωθυπουργού για την Επέτειο...
- 57 Tsoukalas C. On National Anniversaries... P. 183–184.
- 58 Ibid. P. 182.
- 59 Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010; Reinhart C.M., Trebesch Ch. The pitfalls of external dependence: Greece, 1829–2015 / NBER Working Paper 21664. 2015. DOI: 10.3386/w21664.
- 60 Σταμπόγλης Δ. Μια σύντομη ιστορία δανείων, χρεών, ελεγχόμενων και ανεξέλεγκτων χρεοκοπιών // Το Βήμα. 19.02.2013. URL: <https://www.tovima.gr/2013/02/19/opinions/mia-syntomi-istoria-daneiwn-xrewn-elegxomenwn-kai-anelegktwn-xreokopiwn/> (дата обращения: 16.03.2022); Φλωρος Χ. Η Ελληνική Οικονομική Επανάσταση το 2021 // Η Καθημερινή. 05.01.2021. URL: <https://www.kathimerini.gr/economy/561216781/i-elliniki-oikonomiki-epanastasi-to-2021/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 61 Με τη στρατιωτική παρέλαση...
- 62 Κονιδάρης Ι.Μ. 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 24.03.2011. URL: <https://www.tovima.gr/2011/03/24/opinions/25i-martioy-3/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 63 Jankowski H. Brief an einen griechischen Freund // Europa 2010 — Das Ende der Solidarität? / H. Jankowski und K. Bohr-Jankowski (Hrsg.). München: Herbert Utz Verlag, 2010. S. 95.
- 64 «Целью революции было приобщение Греции к европейской культуре»... С. 126.
- 65 Heraclides A. The Essence of the Greek-Turkish Rivalry: National Narrative and Identity / GreeSE Paper N 51. October 2011. URL: https://www.lse.ac.uk/Hellenic-Observatory/Assets/Documents/Publications/GreeSE-Papers/GreeSE-No51.pdf?from_serp=1 (дата обращения: 16.03.2022).

- 66 Τουρκική άσκηση με πραγματικά πυρά στο Αιγαίο ανήμερα της 25ης Μαρτίου // Το Βήμα. 25.03.2018. URL: <https://www.tovima.gr/2018/03/25/politics/toyrkiki-askisi-me-pragmatika-pyra-sto-aigaiο-animerα-tis-25is-martioy/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 67 Σακελλαροπούλου: Η ατομική ευθύνη...; см. также: Σακελλαροπούλου: Το 2021...
- 68 Τσίπρας: Θα σταθούνε ενωμένοι...
- 69 Τα μηνύματα των πολιτικών αρχηγών για την 25η Μαρτίου // Το Βήμα. 25.03.2020. URL: <https://www.tovima.gr/2020/03/25/politics/ta-minymata-ton-politikon-arxigon-gia-tin-25i-martiou/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 70 Τουρκική άσκηση...
- 71 Μητσοτάκης: Κάνουμε ότι μπορούμε να επιστρέψουν οι δύο στρατιωτικοί // Το Βήμα. 25.03.2018. URL: <https://www.tovima.gr/2018/03/25/politics/mitsotakis-kanouyme-oti-mporoyme-na-epistrepsoun-oi-dyo-stratiwtikoi/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 72 Ibid.
- 73 Χριστόφιας: Σας ευχαριστούμε γιατί παρά τις δοκιμασίες, μένετε στο πλευρό μας // Το Βήμα. 25.03.2012. URL: <https://www.tovima.gr/2012/03/25/politics/xristofias-sas-eycharistoyme-giati-para-tis-dokimasies-menete-sto-pleyro-mas/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 74 Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας για την επέτειο της 25ης Μαρτίου // Το Βήμα. 23.03.2015. URL: <https://www.tovima.gr/2015/03/23/society/minyma-toy-proedroy-tis-dimokratias-gia-tin-epeteio-tis-25is-martioy> (дата обращения: 16.03.2022); См. аналогичные заявления его предшественника на посту президента К. Папульяса: Εθνική ενότητα το μήνυμα Παπούλια...
- 75 Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας...
- 76 Μήνυμα του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη για την εθνική επέτειο της 25ης Μαρτίου // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. 25.03.2020. URL: <https://primeminister.gr/2020/03/25/23628> (дата обращения: 16.03.2022).
- 77 25η Μαρτίου 2020...
- 78 Σακελλαρίδη Χ. Το «μικρό θαύμα» και η ευκαιρία των εξαγωγών // Το Βήμα. 30.12.2020. URL: <https://www.tovima.gr/2020/12/30/afieromata/to-mikro-thayma-kai-i-eykairia-ton-eksagogen/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 79 Τα μηνύματα των πολιτικών αρχηγών...
- 80 25η Μαρτίου 2020: Χωρίς παρελάσεις και εορταστικές εκδηλώσεις // Το Βήμα. 25.03.2020. URL: <https://www.tovima.gr/2020/03/25/inbox/25i-martiou-2020-xoris-parelaseis-kai-eortastikes-ekdiloseis/> (дата обращения: 16.03.2022).
- 81 Κ. Μητσοτάκης: Σημαντική ευκαιρία τολμηρού απολογισμού η 200η επέτειος της ελληνικής επανάστασης // Η Καθημερινή. 31.01.2020. URL: <https://www.kathimerini.gr/politics/1062861/k-mitsotakis-simantiki-eykairia-tolmiroy-apologismoy-i-200i-epeteios-tis-ellinikis-epanastasis/> (дата обращения: 16.03.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двести лет, прошедшие с начала греческой национально-освободительной революции, не умалили значения этого события, открывающего современный период греческой истории. Открывая новые источники и по-новому рассматривая старые, современные исследователи продолжают его изучение.

Первым опытом новогреческой государственности, многому научившим греческих политиков, была Республика Семи соединенных островов. Уникальность этого «испытательного полигона» состояла в том, что в то время ни русская администрация, ни местная элита еще не имели четкого представления ни о греческой нации, ни, тем более, о том, каким должно быть греческое государство. На островах, где переплетались греческая и итальянская культуры, пришли французские революционеры, которых выгнали русские, имевшие свои представления о порядке и стабильности. Но несмотря на то, что в школах преподавание велось по-итальянски, а греческий оставался иностранным языком, несмотря на церковные реформы, Республика вошла в историю как греческое и православное государство.

История собственно революции также хранит в себе еще много интересного. Изучение семьи Ипсиланти, одной из самых ярких среди осевших в России фанариотов, показывает феномен греческой революции как часть значительно более широкого идейного и интеллектуального континуума, выходящего далеко за пределы географической Греции. Его складывание было связано с общностью религии, характером образования, личными связями и мобильностью балканских элит. Он закладывал фундамент восприятия движения греков более широкими слоями общества, который укреплялся набиравшей все большую активность прессой. Скрупулезный анализ материалов о ходе восстания Александра Ипсиланти, которые публиковали несколько итальянских газет, раскрывает механизм формирования этого восприятия и, следовательно, общественно-

го мнения в отношении греческой революции. Сообщения прессы отставали от хода событий, часто были недостоверными, давали неоднозначные оценки происходящему. Но самое главное, газеты приковывали внимание читателей к драматическим перипетиям восстания А. Ипсиланти, что делало его одним из важнейших событий европейской повестки и подпитывало филэллинское движение.

Еще один важный источник формирования общественного мнения — путевые заметки путешественников по Греции. Сочинения русских путешественников пронизаны филэллинскими настроениями, которые передавались русскому читателю. Их по достоинству ценили в иностранцах и греки. Путешественники становились своего рода «культурным мостиком», не только собирая сведения и впечатления для своих соотечественников, но и являя грекам живой пример русской культуры. Важной общественной силой, принимавшей участие в греческом национально-освободительном движении, была Православная церковь. Представители разных школ историографии по-разному оценивали ее вклад в дело освобождения. Но взвесив все «за» и «против», необходимо признать, что этот вклад был положительным. Более того, Церковь и сама подвергалась воздействию со стороны революции, а повстанцы рассматривали свою борьбу как синергию Бога и народа.

После греческой революции национальный, а затем и националистический дискурс все глубже проникает в Церковь. Православие все больше используется не только как одно из идейных оснований национально-государственного строительства, но и как его инструмент. Создание независимой Греции запустило церковный «парад суверенитетов»: каждая нация, претендующая на собственную государственность, ставила вопрос и о церковной независимости. И встречала сопротивление со стороны Константинопольской патриархии. Подливали масла в огонь и реформы Танзимата, нацеленные на лишение Церкви традиционных привилегий и превращение ее в государственное ведомство.

Итогом революции стало образование первого независимого национального государства на Балканах, пусть и небольшого по территории. Оно остро нуждалось в государственной идеологии, вполне логично, что эта идеология стала строиться на национальной идее. Важным ее компонентом стал мифологизированный образ револю-

ции, который начал складываться уже в первые годы после ее начала, превратившись затем в идеологию. Она активно использовалась официальной пропагандой, особенно в переломные исторические моменты — во время войн и кризисов.

Появление независимого греческого государства изменило геополитическую ситуацию на Балканах и в Средиземноморье. Оно свидетельствовало о начинающемся распаде Османской империи, что меняло также векторы политики великих держав в регионе. Восточный вопрос принимал новое измерение. Потенциальный распад империи побуждал державы искать будущие опорные пункты своего влияния в меняющемся мире. Очень активно в этом направлении действовала Великобритания. Малозаметным на первый взгляд признаком этой активности стало пристальное внимание британцев к Афону, который интересовал их, прежде всего, как важный с военной точки зрения плацдарм. Между тем в Греции многие недовольные тем, что большая часть греческих земель осталась под властью султана, считали революцию 1821 г. незавершенной. Их надежды на расширение территории своего государства, казалось, могли осуществиться во время Крымской войны. Воодушевление, охватившее греческое общество, красочно описывает настоятель русской посольской церкви в Афинах архимандрит Антонин (Капустин). Сам отец архимандрит этих восторгов не разделял, его опасения впоследствии во многом оправдались. После Крымской войны влияние России на Балканах ослабло.

Особенно это ощущалось в греческом мире, который весьма ревниво смотрел, как Россия благоволит славянам. Ирония истории состоит в том, что война за свободу славян, которую Россия вела против Османской империи в 1877–1878 гг., принесла крупные территориальные приращения (Фессалию и часть Эпира) Греции. Во время этой военной кампании русские офицеры непосредственно контактировали с христианским населением Балкан. Их отзывы о греках были далеки от прежних восторженных филэллинских настроений. Грекам не нравилась перспектива создания болгарского государства, особенно на тех землях, которые они считали своими. Поэтому и русские военные воспринимались ими не как освободители, а как источник обогащения. Пример греков, обозначивших путь выхода из единой православной общности народов Османской им-

перии, содействовал росту национального самосознания других балканских народов. В тех областях, где население было смешанным, возникали гибридные идентичности, когда люди сознательно выбирали или даже меняли национальную идентичность на более престижную или комфортную. Истории некоторых болгарских семей из Салоник позволяют проследить эту тенденцию, отчетливо проявившуюся в одном из самых значительных городов Империи, где традиционно проживали представители разных этносов и этноконфессиональных общин. К началу XX в. национальное размежевание среди балканских христиан достигло фазы вооруженной борьбы, что особенно остро проявилось в Македонии. Все более настойчивым становилось стремление греков Крита к объединению с Грецией. Свои действия и в Македонии, и на Крите греки считали продолжением дела 1821 г.

Апелляции к революции 1821 г. в греческой общественно-политической истории известны на протяжении всего XX в. Финансово-экономический кризис, начавшийся в стране в 2009 г., актуализировал идеи революции. Но теперь они воспринимались в новом ключе: с высоких трибун зазвучали сопоставления текущей повестки с событиями двухсотлетней давности, появились призывы равняться на героев 1821 г. При этом образ самой революции в последнее время претерпел некоторые изменения, что в значительной мере связано с интеграцией Греции в Евросоюз. В угоду ЕС стала замалчиваться роль Церкви в национально-освободительной борьбе, занижаться роль России в освобождении Греции. Главными союзниками греков представляются Англия и Франция — соседи по современному европейскому дому. Современные европейские ценности не всегда сочетаются с традиционными греческими идеалами и представлениями, которые грекам приходится корректировать в угоду Европе. Тем не менее революция 1821 г. продолжает оставаться одним из ключевых компонентов национальной идентичности, объединяющей греческое общество.

Резюме глав

Часть 1.

«ВОЙНА НАЦИОНАЛЬНАЯ, ВОЙНА СВЯЩЕННАЯ»

глава 1. **Россия, Греция и историческое наследие Республики Семи Соединенных Островов** (*Я.Д. Котцонис*)

Россия создала и оказывала покровительство Республике Семи соединенных островов во время оккупации, которая длилась с 1798 по 1807 г. В греческой историографии Республику восприняли как первое национальное греческое государство и продукт общей православной религии. Во время Республики она понималась иначе: ранний русский опыт конституционализма; аристократический режим, реформировавший старый режим Ионических островов; а также введение стабильного правительства, поддерживаемого военной силой, что положило конец недавним беспорядкам и гражданской войне. Только позже греки увидели в ней другие смыслы: единый народ, единая религия, единый язык.

Ключевые слова: Россия, современная Греция, Ионические острова, Республика Семи соединенных островов, русский конституционализм, наполеоновские войны, Ф.Ф. Ушаков, Иоаннис Каподистрия.

глава 2. **Революционные князья на полях сражений греческой войны за независимость** (*А. Диалла*)

Глава направлена на переосмысление роли фанариотов в греческой революции 1821 г. В частности, случай с русскими фанариотами, такими как семья Ипсиланти, может дать некоторые новые перспективы в нашем понимании многомерного феномена 1821 г. Кроме того, это могло бы привести к пересмотру так называемых географических границ и включить евразийские имперские перспективы в изучение революционных идей и разнообразия концепций и политических планов, распространенных на османских Балканах в эпоху революций.

Ключевые слова: Александр Ипсиланти, Дмитрий Ипсиланти, фанариоты, российско-греческое транснациональное пространство, революция, империя.

глава 3. **Молдаво-валашская эпопея А. Ипсиланти в отражении итальянских новостных изданий Королевства обеих Сицилий и Сардинского королевства (первая половина 1821 г.)** (*Ар.А. Улуян*)

Особенность складывавшихся международных отношений в Европе после Венского конгресса, проведенной после него серии конференций,

заклученных по их результатам договоров, а также внутривполитического развития европейских государств заключалась в сформировавшемся противостоянии двух идейно-политических вызовов постаполеоновской эпохи — либерализма и «охранительного» консерватизма. Именно поэтому, с точки зрения формулирования новостной повестки дня в европейских обществах, греческие события привлекали к себе внимание не только как очередной и потенциально грозивший превратиться в войну с участием империй конфликт в важном для Европы средиземноморско-черноморском регионе, но и как одно из начавшихся в 20-х гг. XIX в. проявлений усилившейся борьбы за национальную независимость на основах либерализма. В данной главе рассматриваются особенности новостного освещения полуофициозом Королевства обеих Сицилий «Джорнале дель Реньо делле Дуэ Сичилие» и двумя изданиями Сицилийского королевства — «Гадзетта ди Дженова» и «Гадзетта пьемонтесе» — восстания под руководством А. Ипсиланти в Молдавии и Валахии в первой половине 1821 г. Обращается внимание на сроки публикации материалов, которые в силу объективных обстоятельств серьезно отставали от времени событий; их тональность, обусловленную во многом сложившейся в постреволюционной Италии ситуацией и доминированием Австрии в политической жизни итальянских земель, а также зависимость от австрийской и германской печати при получении сведений из Валахии и Молдавии. Автор выявляет сложившуюся систему репринта итальянскими газетами этих материалов и использование ими сведений из зарубежной прессы в мозаично-дехронологизированном виде, что трансформировало для итальянских читателей и без того запаздывающие новости в «хронографическую картину мира» происходившего в Дунайских княжествах в момент развития там освободительной борьбы греков региона. Описание действий А. Ипсиланти, при всей детализации в трех вышеназванных изданиях, создавало противоречивую картину возглавлявшегося им движения и результатов его борьбы, чему в немалой степени способствовало использование в виде источника австрийских и германских газет.

Ключевые слова: Валахия, Т. Владимиреску, А. Ипсиланти, Италия, Молдова, Филики Этерия, *Giornale del Regno delle Due Sicilie*, *Gazzetta di Genova*, *Gazzetta piemontese*, *Österreichischer Beobachter*.

Глава 4. Александр Ипсиланти и восстание греков в Дунайских княжествах в 1821 г.: взгляд через 200 лет (В. Каридис)

Почему Александр Ипсиланти выбрал Дунайские княжества для начала греческой революции? Получил ли он согласие видных этеристов на свое решение? Считал ли лидер «Филики Этерии», что его план вызовет масштабное восстание на Балканах? Взялись ли за оружие контролируемые греками наемные гарнизоны в Молдавии и Валахии? Получил ли Ипсиланти ожидаемую помощь от Георгакиса Олимпиоса, бывшего полковника русской армии, а затем одного из лидеров «Филики Этерии»

и ее «апостола» в Сербии? Какую роль в восстании Ипсиланти сыграли греческий капитан Яннис Фармакис, местный румынский полководец Тудор Владимиреску и бывший османский военачальник Савва Каминарис? Почему попытка сербского князя Милоша Обреновича поддержать план Ипсиланти не удалась? Насколько благосклонно относились крестьянские общины княжеств к проявлениям революционного движения греков, учитывая, что часть местного населения считала фанариотских господарей угнетателями? И наконец, почему Россия дала согласие на ввод османских войск в княжество для разгрома Ипсиланти и его армии?

Вот некоторые из вопросов, на которые мы пытаемся ответить.

Ключевые слова: греческая революция 1821 г., «Филики Этерия», Дунайские княжества, Александр Ипсиланти, Тудор Владимиреску, Прут, Бессарабия, Молдавия, Валахия.

ГЛАВА 5. Церковь и греческое национально-освободительное движение (А.Г. Зоитакис)

Греческое национально-освободительное движение до сих пор осмысливается по-разному, особенно острые споры вызывает роль в революционных событиях Православной церкви. В главе представлены основные историографические школы и концепции, рассматривающие участие Церкви в революции и ее подготовке.

Все антиправительственные восстания на протяжении османского периода проходили при участии представителей духовенства и (или) монахов, однако ни одно из них не было провозглашено и возглавлено Православной церковью.

В рядах клира имелись как представители, настроенные на сотрудничество с властями, так и те, кто с оружием в руках или пламенным словом бросал вызов завоевателям. Многие ученые справедливо отмечают наличие в Церкви двух взаимодополняющих тенденций: «сосуществования» и «сопротивления».

После провозглашения восстания в 1821 г. некоторые представители духовенства и монахи с оружием в руках участвовали в борьбе за независимость Эллады. Другие благословили восставших на борьбу за свободу или создали предпосылки для духовного пробуждения греческих земель накануне революции.

Несмотря на массовое участие духовенства в революционных событиях, среди церковных людей было немало тех, кто считал революцию преждевременной или впоследствии разочаровался в ее итогах.

Наиболее важным являлось не участие духовенства в боевых действиях, а моральная поддержка восставших. Религиозный фактор вдохновлял на борьбу и помогал стойко переносить испытания, без преодоления которых революция 1821 г. могла захлебнуться вскоре после своего начала.

Церковь не только была авторитетом для восставших, но и сама испытывала их влияние. Греческая революция стала точкой встречи, взаимо-

проникновения и смешения традиционного мировоззрения и идеологии европейского Просвещения. Этот процесс также рассматривается в настоящей публикации.

Ключевые слова: православный традиционализм, европейское Просвещение, история Церкви, новомученики.

ГЛАВА 6. Национально-освободительная борьба греческого народа глазами русских путешественников и в зеркале русской поэзии. До, во время и после 1821 г. (Т. Янини)

В данной главе рассматривается восприятие национально-освободительной борьбы греческого народа российскими путешественниками, военными, паломниками, дипломатами, светскими лицами, а также сложившиеся межличностные отношения между греками и русскими в период до, во время и после революции 1821 г., т.е. в ходе формирования независимого греческого государства. Параллельно ставится акцент на филэллинские настроения, пронизывавшие российское общество, симпатизировавшее благородной борьбе греков за избавление от иноземного ига, что прослеживается в произведениях целой плеяды русских поэтов первой половины XIX столетия.

Ключевые слова: путешественники, экспедиция, филэллинские настроения, историко-духовно-культурно-цивилизационная общность.

Часть 2.

«ПАМЯТНИК С ЛИЦОМ, ОБРАЩЕННЫМ В БУДУЩЕЕ»

ГЛАВА 7. Идеологема революции 1821 года в общественно-политической жизни Греции (О.Е. Петрунина)

В главе прослеживается процесс превращения греческой национально-освободительной революции 1821 г. в идеологему и рассматривается использование этой идеологемы различными политическими силами и государственно-политическими режимами на протяжении двух столетий истории новогреческой государственности. Превращение революции 1821 г. в идеологему началось уже в период самой революции. В дальнейшем происходила ее героизация и мифологизация. Впоследствии она прочно вошла в число представлений о греческой национальной идентичности. На разных исторических этапах различные политические силы использовали эту идеологему как символ борьбы не только за национальную, но и за политическую свободу.

Ключевые слова: новогреческие исследования, новогреческая история, греческая революция 1821 г., национальная идентичность, политическая мифология.

ГЛАВА 8. **Афонский вопрос в контексте европейской дипломатии (вторая четверть XIX в.)** *(И.Ю. Смирнова)*

В главе затронута проблематика, относящаяся к истории Афона и положению православного монашества во второй четверти XIX в., когда после греческой войны за независимость от Османской империи Афон начинает восприниматься великими державами как важный православный форпост на Христианском Востоке. Особое внимание обращено на такие малоизученные вопросы, как роль европейской дипломатии в нормализации ситуации на Святой Горе после греческой революции 1821 г., русско-турецкой войны 1828–1829 гг., признания независимости Греции (1830 г.); реакция европейских дипломатов на рост русского монашества на Афоне; британский фактор в развитии русско-греческих отношений.

Прослежены меры британского правительства и общественных организаций по изучению Афона, свидетельствующие о том, что начиная с 30-х гг. XIX в. Святая Гора воспринималась в британских политических кругах как важный стратегический плацдарм, что было связано с включением Афона в общую военно-морскую стратегию Великобритании в Восточном Средиземноморье.

Российско-британское внешнеполитическое соперничество, приведшее к противостоянию и в церковной сфере, характеризует политику Британии в отношении Константинопольских патриархов, что показано на примере деятельности патриархов Константия I (1830–1834) и Григория VI (1835–1840), а также участия последнего в «деле Ионических островов», когда протекторат Британии над Ионическими островами был использован в качестве предлога для вмешательства британских дипломатов в дела Православного Афона.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что церковный вектор внешней политики великих держав в Восточном Средиземноморье приводит к необходимости рассматривать Афонский вопрос на повседневной жизни Восточного как важную и органичную его составляющую.

Ключевые слова: греческая революция 1821 г., Афон, Константинопольский Патриархат, Константин I, Григорий VI, российско-британские отношения, Восточный вопрос.

ГЛАВА 9. **Крымская война: русский взгляд из Афин** *(Р.Б. Бутова)*

В главе речь идет о жизни русской колонии в Афинах во время Крымской войны (1853–1856 гг.). На основе дневника и донесений настоятеля русской посольской церкви архимандрита Антонина (Капустина) показано, как военные действия переживались русскими подданными; успехи и неудачи на фронтах военных действий отражались на повседневной жизни, а жители Греции реагировали на любые изменения, связанные с получением новостей из России.

Ключевые слова: Греция, Афины, Крымская война, Севастополь, архимандрит Антонин (Капустин), русская посольская церковь, Николай I, Оттон I, греческая монархия.

ГЛАВА 10. **Греческое население Балкан в воспоминаниях русских офицеров и священников — участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (М.М. Фролова)**

В главе на основе воспоминаний, записок, дневников русских офицеров и военных священников — участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. рассматриваются восприятие русскими греческого населения Балканского полуострова и взаимоотношения русских и греков, а также делается вывод об их неоднозначности. Офицеры, преодолевшие зимние Балканы и перенесшие невероятные лишения ради освобождения христианских народов Турции от власти мусульман, предполагали встретить сочувственное к себе отношение местного угнетенного населения. Но греки, отделившие себя от славян, отнюдь не приветствовали цель и результаты войны — создание болгарского государства на землях, на которые сами претендовали. А в русских они увидели прекрасный источник обогащения и возможность пожить за счет присвоения турецкого имущества. Принадлежность большинства русских офицеров к православной вере не стала объединяющим фактором во взаимоотношениях с греками, поскольку и здесь обнаружились серьезные различия в обычаях и формах почитания церковных святынь.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., Балканский полуостров, русские офицеры, военные священники, греки.

ГЛАВА 11. **Греки или болгары? Переплетение идентичностей в Салониках (60–70-е гг. XIX в.) (Ю.Т. Константинова)**

Основываясь преимущественно на архивных материалах и источниках XIX в., данный текст прослеживает формирование болгарского национального сообщества в османских Салониках. Там это произошло с некоторым опозданием, но вписалось в общие процессы и тенденции, характерные для развития болгарских общин в Османской империи. В столице османской провинции Македонии процесс национальной эмансипации болгар осложнялся рядом факторов. Тем не менее, несмотря на сильное греческое влияние среди болгар в Салониках в 1860-х и 1870-х гг., они эмансипировались на национальном уровне и создали свои первые институты, что стало важным шагом в начавшемся ранее процессе постепенного формирования независимой болгарской национальной общности. До начала Восточного кризиса (1875–1878 гг.) болгары стали заметной частью населения портового города. Они создали свою собственную общину, которая после учреждения Болгарского экзархата была признана властями и содержала в городе две начальные школы с тремя учителями.

Несмотря на успешные шаги, предпринятые для национальной эмансипации болгар в городе, многие болгарские купцы предпочитали оставаться частью греческого общества. Это является примером так называемых гибридных идентичностей, встречающихся среди некоторых представителей болгарской городской элиты в XIX в. Речь идет о трансформациях в пределах одного поколения, когда предпочтение отдается «более престиж-

ной» идентичности, обычно греческой. Помимо опасений политических преследований, это объясняется и экономическими причинами. Ситуация изменилась с усилением процессов миграции и урбанизации в последней четверти XIX в., когда многие болгары из близлежащих деревень и более дальних мест поселились в портовом городе.

Ключевые слова: Османская империя, Болгарский экзархат, Константинопольский патриархат, Македония, национальная эмансипация, гибридные идентичности.

ГЛАВА 12. **Отношения Румынской православной церкви с Константинопольским патриархатом в 1860–1880-е гг. (М. Антон)**

25 апреля 1885 г. Румынская православная церковь добилась канонического признания своей автокефалии Константинопольским патриархатом. Проблема отношений Румынской церкви со Вселенским патриархатом была поднята духовенством и депутатами-мирянами в ходе дискуссий на чрезвычайном собрании Молдавии осенью 1857 г. В политической программе, направленной на создание румынского государства, и в меморандумах, адресованных представителям держав-гарантов, были представлены исторические и канонические аргументы в пользу исконной независимости Румынской Церкви, а также указано на неоднократное нарушение ее прав Константинопольским патриархатом. Согласно требованиям румынских церковных и политических элит, иерархические отношения между Румынией и Константинополем следовало построить на основе модели отношений Патриархата с новой Церковью греческого государства. Объединение Румынских княжеств в 1859 г. и создание в 1862 г. единой политико-административной системы сделали также необходимым церковное объединение Румынии. Таким образом, 3 декабря 1864 г. был обнародован Органический указ об учреждении центрального синодального органа, дополненный Положением о выборах членов Генерального синода Румынской православной церкви и внутренним Регламентом этого Генерального синода. Принятие синодального закона означало не только церковное объединение, но по сути и само утверждение церковной независимости или автокефалии. В своем исследовании я сосредотачиваюсь на вопросе реформирования института церкви в период формирования и консолидации современного румынского государства. Своего рода межведомственный спор между Церковью и государством привел к подчинению Церкви национальной политической власти и в то же время к ее автономии в отношениях с любой иностранной церковной властью. В главе показаны усилия румынских иерархов и политиков, направленные на установление правильных канонических отношений с Константинопольским патриархатом, избежав при этом изоляции Румынской Церкви от других автокефальных Православных Церквей.

Ключевые слова: объединение Румынских княжеств, церковь и государство, Румынская церковь и Константинопольский патриархат, автокефалия.

ГЛАВА 13. **На пути к церковной независимости: «мирные революции» на Балканах и Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. (Л.А. Герд)**

XIX столетие — время постепенного распада европейских территорий Османской империи и создания независимых государств на Балканах и, позднее, на Ближнем Востоке. Важнейшим фактором национально-освободительных движений была борьба за церковную самостоятельность. В главе анализируются и сопоставляются различные формы и методы церковно-политической борьбы у православных народов Османской империи. В одних случаях государственная независимость предшествовала церковной автокефалии, в других — наоборот, церковная самостоятельность шла впереди политической. Отдельно рассматривается опыт арабизации Антиохийского патриархата в рамках традиционных церковных форм. Особое внимание уделяется роли великих держав в этом процессе, в первую очередь России, в контексте ее ближневосточной политики и политической идеологии.

Ключевые слова: Православный Восток, история Балкан, церковная политика, внешняя политика, Ближний Восток, Османская империя, национализм.

ГЛАВА 14. **Греческая революция 1821 г. и ее значение для национально-освободительного движения греков в османских землях в начале XX в. (Т.В. Никитина)**

В главе изучено влияние греческой революции 1821 г. на национально-освободительное движение греков в османских землях в начале XX в. Формирование государственности у греков заняло длительный период; начало было положено в 1830 г., а последние земли, населенные ими, были присоединены лишь после Второй мировой войны (Додеканезские острова — 1947 г.). На протяжении более 100 лет не прекращалась борьба греков, проживавших на территории Османской империи, за воссоединение с Грецией. Это движения в Фессалии, Эпире, на Крите, в Македонии. Особого размаха национально-освободительное движение достигло в начале XX в. в Македонии и на Крите. В Македонии с ее пестрым этническим составом столкнулись национальные интересы балканских стран с незавершенным государственным строительством, которые рассматривали значительную часть Македонии как свою исконную территорию. В конфликт в Македонии были вовлечены и великие державы, для которых этот регион имел стратегическое значение. Исходя из политики status quo на Балканах, европейские державы выдвинули проект реформ в Македонии на основе сохранения верховной власти Османской империи. Во время проведения реформ Греция, с одной стороны, поддерживала их, а с другой — неофициально помогала вооруженным отрядам, отправлявшимся в Македонию, чтобы оказать поддержку своим соплеменникам. Созданная Грецией «Салоникская организация» являла собой тайное общество, построенное

по принципу «Филики Этерии» периода революции 1821 г. В начале XX в. мощное национально-освободительное движение развернулось на Крите. В 1905 г. восстание привело к смене губернатора острова, а в 1908 г. критяне провозгласили воссоединение острова с Грецией. Однако великие державы не допустили этого. Окончательное воссоединение Крита с Грецией произошло уже в ходе Балканских войн, после которых большая часть османских земель была присоединена к Греции.

Ключевые слова: Греция, революция 1821 г., национально-освободительное движение, Македония, Крит, великие державы, реформы, Балканские страны, вооруженные отряды, Павлос Мелас, «Салоникская организация».

ГЛАВА 15. 200 лет спустя: греческая революция глазами потомков (А.С. Лубоцкая)

200 лет отделяют нас от греческой революции. Это великое событие в истории современной Греции не утратило своей актуальности и сейчас, сохранив для потомков живое свидетельство силы в условиях национального единения. К идеалам освободительной борьбы эллинов обращается взрослое поколение греков, преподаватели, исследователи и, конечно же, политики. Однако насколько хорошо потомки помнят деяния своих великих предков? На этот вопрос отвечают масштабные социологические исследования, проведенные в 2007-м и 2019-м г. Сквозь цифры — показатели уровня знания греками того или иного события — просвечиваются проблемы, а также насущные вопросы школьного преподавания в стране, раскрывается эволюция идеологических представлений и даже видения внешнеполитических сил глазами разных поколений греков. Революция 1821 г. глазами потомков — это картина меняющейся с веками Греции, ее представлений и чаяний.

Ключевые слова: Греция, греческая революция, общественное мнение, международные отношения, история.

ГЛАВА 16. Апелляции к революции 1821 г. в период финансово-экономического кризиса в Греции (А.К. Александрова)

Греческая революция 1821 г. является точкой отсчета, ключевым событием, от которого ведет свою историю современное греческое государство, важнейшей вехой в национальном самосознании греков. Идея борьбы за независимость, память о революции 1821 г. по сей день остается важнейшим элементом греческой национальной идентичности. Особенно ярко это проявилось в последнее десятилетие, в годы финансово-экономического кризиса. Неслучайно в период кризиса участились апелляции к революции 1821 г. Основной мотив, объединяющий трактовки этих столь различных по своей природе и хронологически удаленных друг от друга почти на 200 лет событий, — необходимость борьбы за освобождение Греции, от османского владычества тогда и от последствий финансово-экономического кризиса сегодня.

В годы кризиса риторику освобождения охотно подхватили многие греческие политики — от ультраправых до крайне левых, от правящих партий до оппозиции. Радикальные политики часто делали отсылки к войне за независимость, призывая к разрыву либо пересмотру отношений с Евросоюзом и «тройкой» кредиторов (Еврокомиссия, Европейский центральный банк и Международный валютный фонд) как с силами, угрожающими национальному суверенитету Греции. Представители правящих кругов с умеренными взглядами занимали более сдержанную позицию, упоминая революцию как переломный момент, который греки с честью и достоинством преодолели. Финансово-экономический кризис, а в начале 2020-х гг. пандемия COVID-19 представлялись столь же непростым, столь же важным, и также преодолимым в перспективе испытанием. Поскольку война за независимость по-прежнему занимает значительное место в греческой коллективной памяти, такие исторические аналогии легко воспринимались гражданами страны и находили живой отклик среди широких масс населения. Они стали, таким образом, удобным популистским инструментом сдерживания общественного недовольства в годы кризиса.

В данной главе рассматриваются апелляции греческих политиков к революции 1821 г. в период финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: Греческая революция 1821 г., финансово-экономический кризис в Греции, Европа, Турция, Кипрский конфликт, пандемия COVID-19.

Chapter abstracts

Part 1.

«NATIONAL WAR, SACRED WAR»

CHAPTER 1. **Russia, Greece, and the Historical Legacy of the Septinsular Republic** (*Y. Kotsonis*)

Russia established and protected the Septinsular Republic during an occupation that lasted from 1798 to 1807. It has been remembered in Greek historiography as the first national Greek state and a product of a shared Orthodox religion. At the time it was understood differently: an early Russian experiment in constitutionalism; an aristocratic regime that reformed the old regime of the Ionian Islands; and the introduction of a stable government backed by military force that put an end to recent unrest and civil war. Only later did Greeks extract from it different meanings: a united nation, a single religion, and a single language.

Keywords: Russia, modern Greece, Ionian Islands, Septinsular Republic, Russian constitutionalism, Napoleonic Wars, F.F. Ushakov, Ioannis Kapodistrias.

CHAPTER 2. **Revolutionary Princes in the Battlefields of the Greek Independence War: Demetrios Ypsilantis** (*A. Diallya*)

This chapter aims to re-examine the role of Phanariots in the Greek Revolution of 1821. the case of the Russian-Phanariots in particular, such as the Ypsilanti family, could give some new perspectives to our understanding of the multidimensional phenomenon of 1821. Furthermore, it could lead to revisiting the so-called geographical margins and include the Eurasian imperial perspectives in the study of revolutionary ideas and the variety of options and political plans circulating in the Ottoman Balkans during the Age of Revolutions.

Keywords: Alexandros Ypsilantis, Demetrios Ypsilantis, Phanariots, Russian-Greek transnational space, Revolution, Empire.

CHAPTER 3. **A. Ipsilanti's Moldavo-Wallachian Saga in Newspapers of the Kingdom of the Two Sicilies and the Sardinian Kingdom (First Half of 1821)** (*Ar.A. Ulunyan*)

International relations in Europe after the Vienna congress, the conferences following it and the treaties signed as a result, were shaped by a confrontation of two main ideological principles that emerged after the Napoleonic war — liberalism and conservatism, amplified by the internal political developments in most European states. From the point of view of the public news agenda, events in Greece have attracted widespread attention not just as another conflict potentially capable of turning into a full-scale war involving European empires,

but also as one of the manifestations of the struggle for national independence based on liberal ideas. This chapter examines the way the uprising led by A. Ipsilanti in Moldavia and Wallachia was portrayed by the semi-official “Giornale del Regno delle Due Sicilie” and by two Sardinian publications, “Gazzetta di Genova” and “Gazetta piemontese”. Particular attention is given to the time-frame of publications, which usually came much later than the actual events, as well as the general tone of those publications, determined largely by situation in post-Revolutionary Italy, Austrian influence on Italian political life and the fact that Italian publications depended on Austrian sources for information about the events in Moldavia and Wallachia. The author deconstructs the reprinting system used by Italian publications and the usage of material in a de-chronologised, mosaic fashion which further transformed the image of the events for the Italian public, creating a “chorographic image” of the events in the Danube principalities as the Greek struggle for independence unfolded. The description of A. Ipsilanti’s actions, for all the details provide by the aforementioned publications, was inconsistent, as was the description of the results of his struggle, primarily due to the reliance on Austrian and German newspapers as a source of information.

Keywords: Wallachia, T. Wladimiresku, A. Ipsilanti, Italy, Moldova, Filiki Eteria, Giornale del Regno delle Due Sicilie, Gazzetta di Genova, Gazzetta piemontese, Österreichischer Beobachter.

CHAPTER 4. **Alexandros Ypsilantis and the Greek Insurrection in the Danubian Principalities in 1821: A Bicentenary Reappraisal (V. Karidis)**

Why did Alexandros Ypsilantis choose the Danubian Principalities as a geographical area to declare the Greek Revolution? Did he get the consent of the dominant Eterists’ group for his decision? Did the leader of Filiki Eteria believe that his plan could trigger an extensive uprising in the Balkans? Did the Greek-controlled mercenary garrisons in Moldavia and Wallachia take up arms? Did Ypsilantis receive the help he expected from Giorgakis Olympios, the chieftain and “apostle” of the Filiki Eteria in Serbia and a former colonel of the Russian army? What role did the Greek chieftain Yiannis Pharmakis, the local Romanian commander Tudor Vladimirescu, and the former Ottoman warlord Savvas Kaminaris play in the Ypsilantis’ revolt? Why did the attempt of Serbian Prince Milos Obrenovic to support the Ypsilantis’ plan fail? How supportive were the peasant communities in the Principalities towards Greeks’ manifestations of the revolutionary movement, given that part of the local population considered the Phanariots’ rulers to be oppressors? And finally, why did Russia give the Ottoman Porte its consent to send powerful troops from Constantinople to crush Ypsilantis and his army?

These are some of the questions which we try to answer.

Keywords: Greek Revolution, Filiki Eteria, Danubian Principalities, Alexandros Ypsilantis, Tudor Vladimirescu, Pruth, Bessarabia, Moldavia, Wallachia.

CHAPTER 5. **Church and the Greek National Liberation Movement** (*A.G. Zoitakis*)

The Greek national liberation movement is still interpreted in different ways, especially the role of the Orthodox Church in the revolutionary events. This chapter presents the main historiographic schools and concepts that consider the participation of the Church in the revolution and its preparation.

All anti-government uprisings during the Ottoman period took place with the participation of clergy and/or monks, but none of them were proclaimed and led by the Orthodox Church.

In the ranks of the clergy there were those who were inclined to cooperate with the authorities, and those who, with weapons in their hands or a fiery word, challenged the conquerors. Many scholars rightly point out the existence in the Church of two tendencies: “coexistence” and “resistance”.

After the proclamation of the 1821 uprising, some members of the clergy and monks took part in the struggle for the freedom of Hellas. Others blessed the rebels to fight the invaders or created the preconditions for the spiritual awakening of the Greek lands on the eve of the revolution.

Despite the massive participation of the clergy in revolutionary events, there were many church people who considered the Revolution premature or were later disappointed in its outcome.

The most important thing was not the participation of the clergy in the hostilities, but the moral support of the rebels. The religious factor inspired the struggle and helped them endure the trials.

Not only did the Church have an influence on the rebels, but it was also influenced itself. The Greek revolution became a meeting point, interpenetration and mixing of the traditional worldview and the ideology of the European Enlightenment. This process is also discussed in this publication.

Keywords: Orthodox traditionalism, European Enlightenment, Church history, New Martyrs.

CHAPTER 6. **Greek Struggle for National Liberation in the Perception of Russian Travelers and in Russian Poetry. Before, During and After 1821** (*Th. Giannitsi*)

This chapter examines the perception of the Greek struggle for national independence by Russian travelers, military personnel, pilgrims, diplomats and officials, as well as the personal ties between Greeks and Russians established before, during and after the Revolution of 1821, during the formation of an independent Greek state. The author emphasizes the pro-Greek sentiment prevalent in the Russian society at the time that can be clearly seen in a number of works by Russian poets of the first half of the XIX century.

Keywords: travelers, expeditions, pro-Greek sentiment, historical spiritual and cultural connections.

Part 2.

«A MONUMENT FACING THE FUTURE»

CHAPTER 7. **The Ideologeme of the Revolution of 1821 in the Social and Political Life of Greece** (*O.E. Petrunina*)

The chapter traces the process of transformation of the Greek Revolution of 1821 (Greek War of Independence) into an ideologeme and examines its use by various political forces and state-political regimes over the course of two centuries of the history of modern Greek statehood. The transformation of the Revolution of 1821 into an ideologeme began already during the period of the revolution itself. In the future, it was heroized and mythologized. Subsequently, it was included into the complex of ideas about Greek national identity. At different historical stages, various political forces used this ideologeme as a symbol of the struggle not only for national, but also for political freedom.

Keywords: Modern Greek history, Modern Greek studies, Greek Revolution of 1821, national identity, political mythology.

CHAPTER 8. **The Athos Question in the Context of European Diplomacy in the Second Quarter of the 19th Century** (*I.Yu. Smirnova*)

The chapter touches upon issues related to the history of Athos and the position of Orthodox monasticism in the second quarter of the 19th century, when, after the Greek war for independence from the Ottoman Empire, Athos begins to be perceived by the great powers as an important Orthodox outpost in the Christian East. Particular attention is paid to such little-studied issues as the role of European diplomacy in the normalization of the situation on the Holy Mountain after the Greek Revolution of 1821, the Russian-Turkish war of 1828/1829, the recognition of the independence of Greece (1830); the reaction of European diplomats to the growth of Russian monasticism on Athos; “British” factor in the development of Russian-Greek relations.

The author traces the measures of the British government and the public organizations for the study of Athos, indicating that starting from the 1830s the Holy Mountain was perceived in British political circles as an important strategic foothold, which was associated with the inclusion of Mount Athos in the general naval strategy of Great Britain in the Eastern Mediterranean. Russian-British foreign policy rivalry, which led to confrontation in the ecclesiastical sphere, characterizes the policy of Britain in relation to the Ecumenical Patriarchs, which is shown by the example of the activities of Constantinople Patriarchs Constanty I (1830–1834) and Gregory VI (1835–1840) and the participation of the latter in the “case Ionian Islands”, when British patronage over the Ionian Islands was used as a pretext for the intervention of British diplomats in the affairs of Orthodox Athos. These facts indicate that the “ecclesiastical” vector of the foreign policy of the great powers in the Eastern Mediterranean

leads to the need to consider the “Athos question” in the context of the Eastern question as an important and organic component of it.

Keywords: Greek Revolution of 1821, Athos, Patriarchate of Constantinople, Constantius I, Gregory VI, Russian-British relations, Eastern question.

CHAPTER 9. **The Crimean War: A Russian View from Athens** (*R.B. Butova*)

The chapter deals with the life of the Russian colony in Athens during the Crimean War (1853–1856). Military actions, successes, and failures on the fronts of military operations were reflected in everyday life, and the inhabitants of Greece reacted to any changes related to receiving news from Russia, based on the diary and reports of the rector of the Russian embassy Church, Archimandrite Antonin (Kapustin).

Keywords: Greece, Athens, Crimean War, Sevastopol, Archimandrite Antonin (Kapustin), Russian Embassy Church, Nicholas I, Otto I, Greek Monarchy.

CHAPTER 10. **The Greek Population of the Balkans in the Memoirs of Russian Officers and Priests, Participants of the Russo-Turkish War of 1877–1878** (*M.M. Frolova*)

Based on memoirs, notes, diaries of Russian officers and military priests, participants of the Russo-Turkish War of 1877–1878, the chapter examines the perception by Russians of the Greek population of the Balkan Peninsula and the relationship between Russians and Greeks, and concludes that they are ambiguous. The officers who overcame the winter Balkans and endured incredible hardships for the liberation of the Christian peoples of Turkey from the Muslim rule, expected to meet the sympathetic attitude of the local oppressed population. But the Greeks, who separated themselves from the Slavs, did not at all welcome the goal and results of the war — the creation of a Bulgarian state on the lands they themselves claimed. And in the Russians, they saw an excellent source of enrichment and an opportunity to profit from the appropriation of Turkish property. The fact that most Russian officers belonged to the Orthodox faith did not become a unifying factor in their relations with the Greeks, since serious differences in customs and forms of veneration were also revealed here.

Keywords: Russo-Turkish War of 1877–1878, the Balkan Peninsula, Russian officers, military priests, Greeks.

CHAPTER 11. **Greeks or Bulgarians? Intertwined Identities in Salonica (1860s — 1870s)** (*Yu.T. Konstantinova*)

Based mainly on archival materials and sources from the 19th century, this chapter traces the formation of the Bulgarian national community in Salonica, where it happened with some delay. However, it fit into the general processes of development of the Bulgarian communities in the Ottoman Empire. In the capi-

tal of the Ottoman province of Macedonia, the process of national emancipation of Bulgarians was complicated by a number of factors. Nevertheless, despite the strong Greek influence among the Bulgarians in Salonica, in the 1860s and 1870s, they emancipated themselves and created their first institutions, which was an important step in process of formation of independent Bulgarian national community. Before the beginning of the Eastern crisis (1875–1878) Bulgarians became a visible part of the population of the port city. They created their own Church community, which after the establishment of the Bulgarian Exarchate was recognized by the authorities and maintained two primary schools with three teachers.

Despite successful steps taken for national emancipation of the Bulgarians in the city, many Bulgarian merchants preferred to remain part of the Greek society. This is an example of so-called hybrid identities encountered among some members of Bulgarian urban elite in the 19th century. We are talking about transformations within one generation, when preference is given to a “more prestigious” identity, usually Greek. Apart from fears of political persecution, this is also due to economic reasons. The situation changed with the intensification of migration and urbanization processes in the last quarter of the 19th century, when many Bulgarians from nearby villages and more distant places settled in the port city.

Keywords: Ottoman Empire, Bulgarian Exarchate, Ecumenical Patriarchate, Macedonia, national emancipation, hybrid identities.

CHAPTER 12. **Relations between Romanian Orthodox Church and Patriarchate of Constantinople in 1860–1880** (*M. Anton*)

The autocephaly of the Romanian Orthodox Church was recognized by the Patriarchate of Constantinople on April 25, 1885. The issue of the relations between Romanian Church and Ecumenical Patriarchate was raised by the clergy and lay deputies at the legislative and consultative assembly (ad-hoc divan) of the Principality of Moldavia in the autumn of 1857. In the state-building programme and memoranda addressed to the representatives of the Great Powers, there were presented historical and canonical arguments in favour of the inherent independence of the Romanian Church, and the repeated violations of its rights by the Patriarchate of Constantinople. According to the demands of the Romanian ecclesiastical and political elites, the hierarchical relations between Romania and Constantinople should have been built on the basis of the model of relations established between the Patriarchate and the new church of the Greek state. The unification of the Romanian Principalities in 1859 and the creation in 1862 of a unified political and administrative system also made the ecclesiastical unification of Romania necessary. Thus, on December 3, 1864, an Organic Decree was promulgated on the establishment of a central synodal body, supplemented by the Regulation on the election of members of the General Synod of the Romanian Orthodox Church and the internal regulations of this General Synod. The adoption of the Synodal law meant not only church unifica-

tion, but in essence an affirmation of church independence or autocephaly. This chapter focuses on the issue of the church reform introduced during the formation and consolidation of the modern Romanian state. The dispute between the institution of the Church and the state led to the subordination of the former to national political power and at the same time to its autonomy in relation to foreign ecclesiastical authority. We show the efforts of the Romanian Orthodox hierarchs and politicians aimed at establishing correct canonical relations with the Patriarchate of Constantinople, while avoiding the isolation of the Romanian Church from other autocephalous Orthodox Churches.

Keywords: unification of the Romanian Principalities, Church and State, Romanian Church and Patriarchate of Constantinople, autocephaly.

CHAPTER 13. **On the Way to Church Independence: “Peaceful Revolutions” in the Balkans and Middle East in the 19th and Beginning of the 20th Century (L.A. Gerd)**

The 19th century is a period of gradual disintegration of the European territories of the Ottoman Empire and creation of independent states first in the Balkans, and later in the Middle East. The most important factor in the national and political liberation movements was the struggle for church independence. The chapter focuses on the analysis and comparison of different methods and forms of ecclesiastical and political struggle among the Orthodox peoples of the Ottoman Empire. Sometimes the political independence preceded the church autocephaly, sometimes, on the contrary, the church independence was ahead of the political one. A special case was the arabization of the Patriarchate of Antioch in terms of the traditional church structure. Special attention is paid to the role played by the Great Powers, and first of all by Russia in the context of its Middle East policy and political ideology.

Keywords: Orthodox East, Balkan history, church policy, Foreign policy, Middle East, Ottoman Empire, nationalism.

CHAPTER 14. **The Greek Revolution of 1821 and Its Significance for the National Liberation Movement of the Greeks in the Ottoman Lands at the Beginning of the 20th Century (T.V. Nikitina)**

The chapter examines the influence of the Greek revolution of 1821 on the national liberation movement of the Greeks in the Ottoman lands at the beginning of the twentieth century. The nation building among the Greeks was a long process; the beginning was laid in 1830, and the last lands inhabited by them were annexed only after the Second World War (the Dodecanese Islands in 1947). For more than 100 years, the struggle of the Greeks living on the territory of the Ottoman Empire for reunification with Greece endured. There were movements in Thessaly, Epirus, Crete, and Macedonia. The national liberation movement was especially active in the early twentieth century in Macedonia

and Crete. In Macedonia, with its diverse ethnic composition, the national interests of the Balkan countries, many of which considered a significant part of Macedonia as their ancestral territory, collided. The great powers, for which this region was of strategic importance, were also involved in the conflict in Macedonia. Based on the status quo policy in the Balkans, the European powers put forward a project of reforms in Macedonia on the basis of preserving the supreme power of the Ottoman Empire. During the reforms, Greece supported them on the one hand, and on the other, unofficially supported armed detachments that went to Macedonia to support their fellow tribesmen. The “Thessaloniki Organization” created by Greece was a secret society built on the principle of “Filiki Eteria” of the period of the revolution of 1821. At the beginning of the twentieth century, a powerful national liberation movement unfolded in Crete. In 1905, an insurrection led to a change of the island’s governor, and in 1908, the Cretans proclaimed the reunification of the island with Greece. However, the great powers did not allow this. The final reunification of Crete with Greece took place only during the Balkan Wars, after which most of the Ottoman lands were annexed to Greece.

Keywords: Greece, Revolution of 1821, national liberation movement, Macedonia, Crete, great powers, reforms, Balkan countries, armed detachments, Pavlos Melas, “Thessaloniki organization”.

CHAPTER 15. **200 Years Ago: Greek Revolution Today. Descendants’ views (A.S. Lubotskaya)**

200 years ago one of the greatest event in the history of modern Greece took place — the Greek revolution for Independence. Its ideals are still the focus of today’s politics, and draw the attention of researchers, universities, church and ordinary Greeks. But how well modern Greek people know their history, especially the history of the Revolution of 1821? We can find answers in the data collected during the extensive social research from 2007 and 2019. The results reflect the modern knowledge of the events as well as problems of school education and the evolution of perception of the main events and participants of the Revolution. Greek revolution in descendants’ view reflects the changing image of Greece, its ideology and public consciousness.

Keywords: Greece, Greek revolution, history, public opinion, foreign relations.

CHAPTER 16. **Appeals to the Revolution of 1821 During the Financial and Economic Crisis in Greece (A.K. Aleksandrova)**

The Greek revolution of 1821 is generally seen as the starting point of the history of contemporary Greek state, and is one of the foundations of Greek national consciousness. The idea of a struggle for independence, the memory of the 1821 Revolution, remains a crucial part of Greek identity to this day. It took special prominence in the last decade, during the financial and economic crisis.

It is not surprising that appeals to the events of 1821 have grown more frequent during the crisis. The key theme which unites these drastically different and chronologically distant periods is the struggle for liberation of Greece, be it from the Ottoman reign or from the burden of the financial crisis.

During the crisis years, the liberation rhetoric was eagerly used by many politicians, from the far right to the far left ends of the political spectrum, from the government officials to opposition leaders. Radical politicians often appealed to the struggle for independence while calling for reevaluation of Greek relations with the EU or the Troika of creditors, presented in those cases as foreign powers seeking to undermine Greek sovereignty. Moderates were more restrained, using the Revolution as a difficult, but formative experience that the Greek nation had lived through with honor and dignity. The financial and economic crisis, and later the COVID pandemic were presented as similar challenges — equally difficult, equally transformative, and equally surmountable. Since the Revolution still occupies such a prominent place in Greek public consciousness, such historic analogies were readily accepted by the general public. They became a convenient populist tool for curtailing public dissatisfaction with the political elites.

This chapter examines the appeals of Greek politicians to the 1821 Revolution during the financial and economic crisis period.

Keywords: Greek revolution of 1821, financial and economic crisis in Greece, Europe, Turkey, Cyprus problem, COVID-19 pandemic.

Сведения об авторах

Александрова Анна Константиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь, Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8772-6688

Антон Мануэла — Ph.D., исследователь, Институт истории и теории литературы «Дж. Кэлинеску», Румынская Академия, 050711, Casa Academiei, Calea 13 Septembrie nr. 13, sector 5, Бухарест, Румыния

E-mail: manuelaanton@hotmail.com

Бутова Ритта Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр истории религии и Церкви, Институт российской истории РАН, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация

E-mail: rittabutova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3868-591X

Герд Лора Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Петрозаводская ул., д. 7, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: loragerd@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6842-5871

Диалла Ада — историк, профессор, кафедра истории и теории искусств, Афинская школа изящных искусств, 18233, Agios Ioannis Rentis, Афины, Греция

E-mail: adialla@asfa.gr

ORCID: 0000-0003-2728-9783

Зонтакис Афанасий Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Церкви, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, Российская Федерация

E-mail: zoaf@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7198-644X>

Каридис Вирон — магистр истории (Университет Бирмингема), член-учредитель Центра греко-российских исторических исследований (КЕРИЕ), 166 72, V. Konstadinou 84, Varkiza, Афины, Греция

E-mail: karviron@gmail.com

Константинова Юра Тотева — доктор исторических наук, доцент, Институт балканистики & Центр Фракологии, Болгарская академия наук, 45 Moskovska Str., 1000, София, Болгария

E-mail: yura.konstantinova@abv.bg

Котсонис Яннис Дионисиевич — доктор исторических наук, профессор истории, Нью-Йоркский университет, NY 10012, 53 Washington Square South, Нью-Йорк, США

E-mail: yanni.kotsonis@nyu.edu

ORCID: 0000-0001-5132-3027

Лубоцкая Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, сотрудник РАНХиГС, 119571, проспект Вернадского, 82, стр. 1, Москва, Российская Федерация

E-mail: lia-ann@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4114-9886

Никитина Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, Российская Федерация

E-mail: agdaik@mail.ru

Петрунина Ольга Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект 27/4, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: petrulina@narod.ru

ORCID: 0000-0002-6956-6745

Смирнова Ирина Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории религии и Церкви, Институт российской истории РАН, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4450-6885

Улуния Артём Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, 119334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: draugab345@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1861-4823

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Янницы Теодора — кандидат исторических наук, директор Греческого культурного центра (www.hescucenter.ru), 127566, Алтуфьевское шоссе, 44, Москва, Российская Федерация

E-mail: hcc@mail.ru

About the Authors

Anna K. Aleksandrova — Ph.D. (History), Researcher, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, Leninsky Prospect, 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8772-6688

Manuela Anton — Ph.D., Researcher, Institutul de Istorie și Teorie Literară “G. Călinescu”, Academia Română, 050711, Casa Academiei, Calea 13 Septembrie nr. 13, sector 5, Bucharest, Romania

E-mail: manuelaanton@hotmail.com

Ritta B. Butova — Ph.D. (History), Senior researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 117292, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, Russian Federation

E-mail: rittabutova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3868-591X

Lora A. Gerd — D.Sc. (History), Chief researcher at the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Institute of History), 197110, Petrozavodskaya st., 7, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: loragerd@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6842-5871

Ada Dialla — Historian, Professor, Department of Art Theory and History, Athens School of Fine Arts, 18233, Agios Ioannis Rentis, Athens, Greece

E-mail: adialla@asfa.gr

ORCID: 0000-0003-2728-9783

Afanasy G. Zoitakis — Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Church History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskiy Prospect, 27/4, Moscow, Russian Federation

E-mail: zoaf@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7198-644X>

Viron Karidis — MA History (University of Birmingham), Founding Member of the Centre for Greek-Russian Historical Research (KEPIE), 166 72, V. Konstadinou 84, Varkiza, Athens, Greece

E-mail: karviron@gmail.com

Yura Toteva Konstantinova — D.Sc. (History), Associate Professor, Institute of Balkan Studies & Center of Thracology, Bulgarian Academy of Sciences, 45 Moskovska Str., 1000 Sofia, Bulgaria

E-mail: yura.konstantinova@abv.bg

Yanni Kotsonis — Ph.D. (History), Professor of History, New York University, 53 Washington Square South, New York, NY 10012, USA

E-mail: yanni.kotsonis@nyu.edu

ORCID: 0000-0001-5132-3027

Anna S. Lubotskaya — Ph.D. (History), RANEPa officer, 119571, Prospect Vernadskogo, 82, blog 1, Moscow, Russian Federation

E-mail: lia-ann@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4114-9886

Tatiana V. Nikitina — Ph.D. (History), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskiy Prospect, 27/4, Moscow, Russian Federation

E-mail: agdaik@mail.ru

Olga E. Petrunina — D.Sc. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskiy Prospekt 27/4, Moscow, Russian Federation; Leading researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, Leninsky Prospekt, 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: petrunina@narod.ru

ORCID: 0000-0002-6956-6745

Irina Yu. Smirnova — D.Sc. (History), Leading researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 117292, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, Russian Federation

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4450-6885

Artyom A. Ulunyan — D.Sc. (History), Chief Research Associate, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 119334, Leninsky Prospekt, 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: draugab345@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1861-4823

Marina M. Frolova — Ph.D. (History), Senior researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, Leninsky Prospekt, 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Theodora Giannitsi — Ph.D. (History), Director of the Hellenic Cultural Center (www.hecucenter.ru), 127566, Altufyevskoe shosse, 44, Moscow, Russian Federation

E-mail: hcc@mail.ru

1821 IN THE HISTORY OF BALKAN PEOPLES

(On the 200th anniversary of the Greek Revolution)

Summary

The two hundred years that have passed since the beginning of the Greek Revolution of 1821 have not belittled the significance of this event, which opens the modern period of Greek history. Modern researchers continue to study it, using new sources and revisiting the old ones.

The first experience of modern Greek statehood, which taught Greek politicians a lot, was the Septinsular Republic. The uniqueness of this “testing ground” was that at that time neither the Russian administration nor the local elite had a clear idea of the Greek nation, and, moreover, of what the Greek state should be like. The islands, where Greek and Italian cultures intertwined, were occupied by the French revolutionaries, who were expelled by the Russians. The latter had their own ideas about order and stability. But despite the fact that schools taught in Italian, and Greek remained a foreign language, despite church reforms, the Republic went down in history as a Greek and Orthodox state.

The history of the revolution itself is also remarkable. The study of the Ypsilanti family, one of the brightest among the Phanariotes settled in Russia, shows the phenomenon of the Greek revolution as part of a much broader ideological and intellectual continuum that goes far beyond the geographical boundaries of Greece. Its formation was connected with the commonality of religion, the nature of education, personal connections and mobility of the Balkan elites. It laid the basis for the perception of the Greek War of Independence by wider social strata. The basis was strengthened by the press, which was becoming more and more active at that time. A scrupulous analysis of materials on the course of the Alexander Ypsilanti uprising, which were published by several Italian newspapers, reveals the mechanism for the formation of this perception and, consequently, public opinion regarding the Greek revolution. Press reports lagged behind the course of events, were often unreliable, and gave ambiguous assessments of what was happening. But most importantly, the newspapers riveted readers' attention to the dramatic upheavals of the Ypsilanti uprising, the fact that made it one of the most important events on the European agenda and fueled the Philhellenic movement.

Another important factor that determined the public opinion formation at the time was travel literature. The writings of Russian travelers are permeated with philhellenic sentiments, which were transmitted to the Russian reader. The Greeks appreciated these feelings in foreigners. Travelers became a kind of “cultural bridge”, not only collecting information and impressions for their compatriots, but also showing the Greeks living examples of Russian culture. An important social force that took part in the Greek national liberation movement was the Orthodox Church. Representatives of different schools of historiography assessed its contribution to the cause of liberation in different ways. But, having weighed all the pros and cons, it must be recognized that this contribution was positive. Moreover, the Church itself was affected by the revolution, and the rebels saw their struggle as a synergy between God and the people.

After the Greek Revolution, national and then nationalist discourse penetrated ever deeper into the Church. Orthodoxy is increasingly being used not only as one of the ideological foundations of nation-building, but also as its tool. The creation of an independent Greece launched an ecclesiastical “parade of sovereignties”: each nation claiming its own statehood also raised the question of ecclesiastical independence. And met with resistance from the Patriarchate of Constantinople. The Tanzimat reforms, aimed at depriving the Church of traditional privileges and turning it into a state department, also added fuel to the fire.

The result of the revolution was the formation of the first independent national state in the Balkans, albeit a small one in territory. It was in dire need of a state ideology, so it is quite logical that this ideology began to be built on the national idea. An important component of it was the mythologized image of the revolution, which began to take shape already in the first years after it began, then turning into an ideologeme. It was actively used by official propaganda, especially at turning points in history, such as during wars and crises.

The emergence of an independent Greek state changed the geopolitical situation in the Balkans and the Mediterranean. It testified to the beginning disintegration of the Ottoman Empire, which also changed the vectors of the policy of the great powers in the region. The Eastern Question took on a new dimension. The potential collapse of the Empire prompted the powers to look for future strongholds of their influence in a changing world. Great Britain has been very active in this direction. A sign of this activity was the close attention of the British to Athos, which interested them prima-

rily as an important bridgehead from a military point of view. Meanwhile, the Greek society, dissatisfied with the fact that most of the Greek lands remained under the rule of the Sultan, considered the revolution of 1821 unfinished. The hopes for expanding the territory of the Kingdom of Greece, it seemed, could come true during the Crimean War. The inspiration that gripped Greeks is vividly described by the chief of the Russian embassy church in Athens, Archimandrite Antonin (Kapustin). Father Archimandrite himself did not share these enthusiasms, his fears were later largely justified. After the Crimean War, Russia's influence in the Balkans weakened.

This was especially felt in the Greek world, which was watching Russia favoring the Slavs very jealously. The irony of history is that the war of liberation of the Slavs, which Russia waged against the Ottoman Empire in 1877–1878, brought large territorial gains (Thessaly and part of Epirus) to Greece. During this military campaign, Russian officers had direct contact with the Christian population in the Balkans. Their comments about the Greeks were far from the former enthusiastic philhellenic sentiments. The Greeks did not like the prospect of creating a large Bulgarian state, especially on those lands that they considered their own. Therefore, the Russian military was perceived by them not as liberators, but as a source of enrichment. The example of the Greeks, who marked the way out of a single Orthodox community of the Ottoman period, contributed to the growth of national self-consciousness of other Balkan peoples. In areas where the population was mixed, hybrid identities arose when people consciously chose or even changed their national identity to a more prestigious or comfortable one. The stories of some Bulgarian families from Thessaloniki allow us to trace this trend, which was clearly manifested in one of the most significant cities of the Empire, where representatives of different ethnic groups and ethno-confessional communities traditionally lived. By the beginning of the 20th century national disengagement among the Balkan Christians reached the stage of an armed struggle, which was especially acute in Macedonia. The desire of the Greeks of Crete to unite with Greece became more and more pronounced. The Greeks considered their actions both in Macedonia and Crete a continuation of the cause of 1821.

Appeals to the revolution of 1821 in Greek social and political history have been known throughout all of the 20th century. The financial and economic crisis that began in the country in 2009 updated the ideas of the revolution. Now they were perceived in a new way: comparisons of the current situation with the events of two hundred years ago sounded from high

tribunes, there were calls to look up to the heroes of 1821. At the same time, the image of the revolution itself has recently undergone some changes, which is largely due to the integration of Greece into the European Union. To please the EU, the role of the Church in the national liberation struggle began to be hushed up, the role of Russia in the liberation of Greece is underestimated. The main allies of the Greeks seem to be Great Britain and France – neighbors in the modern European home. Modern European values are not always combined with traditional Greek ideals and ideas, which the Greeks have to correct in order to please Europe. Nevertheless, the revolution of 1821 continues to be one of the key components of the national identity that unites Greek society.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ГРЕЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ

1821 ГОД В ИСТОРИИ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

(К 200-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ГРЕЧЕСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 31.05.2022)*

Ответственный редактор

О.Е. Петрунина

Редакторы-корректоры

Е.В. Дейкина, Т.К. Дейкина

Компьютерная верстка

П.Н. Морозов

Дизайн обложки

П.К. Донской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 29.09.2022. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,90.
Объем 19,25 печ. л.

Заказ № 71.

Тираж 500 экз.